

ЛЕСНАЯ ЗОНА ЕВРОПЫ В МЕЗОЛИТЕ И НЕОЛИТЕ

ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЛЕСНАЯ ЗОНА ЕВРОПЫ В МЕЗОЛИТЕ И НЕОЛИТЕ:
ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ,
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Москва, 2024

УДК 902/903
ББК 63.4
Л50

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Издание подготовлено в рамках госзадания Института археологии РАН "Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления" (№ НИОКТР 122011200271-7)

Ответственный редактор
кандидат исторических наук Е. В. Леонова

Редакционная коллегия:
Д. К. Еськова, Е. В. Леонова, Н. В. Лопатин

Рецензенты:
доктор исторических наук М. Г. Жилин
кандидат исторических наук О. И. Успенская

Лесная зона Европы в мезолите и неолите: факты, проблемы, перспективы исследований. – М.: ИА РАН, 2024. – 302 с.: ил.

ISBN 978-5-94375-469-2

Предлагаемый сборник вообрал в себя статьи, подготовленные по материалам междисциплинарной конференции «Лесная зона Европы в мезолите и неолите: факты, проблемы, перспективы исследований», проходившей 21–23 ноября 2023 г. в Институте археологии РАН в Москве, посвященной 90-летию доктора исторических наук Светланы Викторовны Ошибкиной.

Тематика статей сборника тесно связана с научными интересами и направлениями исследований, которые проводила С.В. Ошибкина: миграции первобытных сообществ и заселение северных территорий Европы на фоне динамики природно-климатических изменений на рубеже плейстоцена-голоцена; реконструкции способов адаптации и стратегии жизнеобеспечения в мезолите и неолите лесной зоны Европы; материальная культура, погребальные практики и искусство охотников и собирателей; проблемы хронологии и периодизации заключительных этапов каменного века. Авторами статей стали как известные ученые старшего поколения, так и молодые археологи – исследователи мезолита и неолита лесной и лесостепной зон Восточной Европы и Урала. Многие результаты исследований, представленных в настоящем сборнике, получены с привлечением данных естественно-научных дисциплин.

Сборник предназначен для археологов, историков, сотрудников музеев и краеведов.

ISBN 978-5-94375-469-2
DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-469-2

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2024
© Авторы статей, 2024

Светлана Викторовна Ошибкина

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	9
Фотоальбом	12
 <i>Д. В. Герасимов, Р. И. Муравьев, М. А. Холкина, К. Маннермаа, М. Н. Мелютин</i>	
Между Восточным Прионежьем и Онегой: мезолит Беломорско- Балтийского водораздела	23
<i>D. V. Gerasimov, R. I. Muravyov, M. A. Kholkina, K. Mannermaa, M. N. Melyutina</i>	
Between Vostochnoye Prionezhye and the Onega Lake: mesolithic of the watershed of the White Sea and the Baltic Sea	
 <i>В. А. Аверин, А. В. Аверина</i>	
Стоянка Долгое 11 и некоторые вопросы освоения человеком восточной части Волго-Клязьминского междуречья.....	43
<i>V. A. Averin, A. V. Averina</i>	
Dolgoe 11 site and some issues of human exploration of the eastern part of the Volga-Klyazma interfluvium	
 <i>Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин</i>	
«Перевернутые во времени»: о радиоуглеродной хронологии захоронений неолита – энеолита Сахтышских могильников (центр европейской части России).....	64
<i>E. L. Kostyleva, A. V. Utkin</i>	
“Inverted in Time”: On the radiocarbon chronology of the neo-eneolithic graves of the Sakhtysh burial grounds (center of the European part of Russia)	
 <i>В. А. Чаукина, Д. К. Еськова, С. Н. Чаукин, К. Н. Гаверилов, А. В. Панин</i>	
Пространственная структура мезолитических стоянок Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19 в Нижнем Поочье.....	73
<i>V. A. Chaukina, D. K. Eskova, S. N. Chaukin, K. N. Gavrilov, A. V. Panin</i>	
Spatial organization of the mesolithic sites Malookulovskaya 3 and Maloye Okulovo 19 in the lower Oka region	
 <i>А. С. Кудашов</i>	
Особенности неолитизации Марийского Поволжья в контексте лесной зоны	89
<i>A. S. Kudashov</i>	
Features of neolitization of the Mari Volga region in the context of the forest zone	

Е. В. Леонова

**Синхронизация основных этапов развития материальной культуры
раннего голоцена лесной зоны Восточной Европы, Кавказа
и Ближнего Востока (к проблеме археологической периодизации) 101**

E. V. Leonova

Synchronization of the main stages in the development of early Holocene material
culture in the forest zone of Eastern Europe, the Caucasus and the Near East
(to the problem of archaeological periodization)

А. Н. Сорокин, А. В. Панин

**Краткие результаты новейших геоархеологических исследований
на территории Заболотского торфяника в Подмосковье 111**

A. N. Sorokin, A. V. Panin

Brief results of the latest geoarchaeological research on the territory of the
Zabolotsky peat bog in the Moscow region

Т. М. Гусенцова

**Природная среда и культурные особенности населения
торфяниковых стоянок Подолье 1 и 3 в Южном Приладожье 132**

T. M. Gusentsova

The environment and cultural characteristics of the population of the peat sites of
Podolie 1 and 3 in the Southern Ladoga region

Н. Г. Недомолкина

**Неолитические комплексы поселения Вёкса 3 и развитие
растительности на Верхней Сухоне в неолите 155**

N. G. Nedomolkina

Neolithic complexes of the Veksa 3 settlement and vegetation development on the
upper Sukhona in the Neolithic

Ю. Б. Сериков

**Реконструкция жизнедеятельности мезолитического населения
Среднего Зауралья (по материалам разных типов археологических
памятников) 174**

Yu. B. Serikov

Reconstruction of the life activity of the mesolithic population of the middle Urals
(based on materials from various types of archaeological sites)

В. Я. Шумкин

**Монументальное и мобильное творчество древнего населения
русской Лапландии 195**

V. Ya. Shumkin

Monumental and mobile art of the ancient population of Russian Lapland

А. М. Жульников	
О плоскостных изображениях на керамической посуде рубежа энеолита – эпохи бронзы лесной полосы Восточной Европы	213
<i>A. M. Zhulnikov</i>	
About the planar images on ceramic dishes of the turn of the eneolithic – the bronze age of the forest strip of Eastern Europe	
В. В. Никитин	
Археология в мифах, культах и обрядах народов лесного Поволжья и сопредельных лесотаяжных территорий (каменный и бронзовый века)	237
<i>V. V. Nikitin</i>	
Archaeology in the myths, cults and rituals of the peoples of the Volga forest region and adjacent forest-taiga territories (Stone and Bronze Ages)	
С. Н. Панина	
Использование «белой глины» и изделий из нее в обряде раннеэнеолитического комплекса Усть-Вагильского холма в среднем Зауралье	252
<i>S. N. Panina</i>	
Use of “white clay” and its products in the ritual of the early Neolithic complex of the Ust'-Vagilsky hill in the middle Trans-Ural	
М. В. Иванищева	
Раннеэнеолитическая керамика поселения Андозеро 2 в Восточном Прионежье в коллекциях Череповецкого музейного объединения.....	270
<i>M. V. Ivanishcheva</i>	
Early Neolithic ceramics of the settlement Andozero 2 in the Eastern Onega coastal region in the collections of the Cherepovets Museum Association	
Е. С. Юркина, А. В. Кокоткина	
Новый памятник эпохи неолита на Верхнем Дону – Доброе 31, поселение	285
<i>E. S. Yurkina, A. V. Kokotkina</i>	
A new Neolithic site on the Upper Don - Dobroye 31, settlement	
Е. Г. Шалахов	
Культура носителей ямочно-гребенчатой керамики в Марийском Заволжье. Стоянка Удельный Шумец V: материалы к анализу вещевого комплекса	294
<i>E. G. Shalakhov</i>	
The pit-comb ceramic culture in the Mari Volga region. Udelny Shumets V site: materials for the analysis of the artifact complex	
Список сокращений	300

Уважаемые читатели!

Настоящий сборник подготовлен по материалам междисциплинарной конференции, посвященной 90-летию доктора исторических наук Светланы Викторовны Ошибкиной, «Лесная зона Европы в мезолите и неолите: факты, проблемы, перспективы исследований», проходившей 21–23 ноября 2023 г. в Институте археологии РАН в Москве.

Обширная тематика статей сборника тесно связана с научными интересами и направлениями исследований Светланы Викторовны: миграции первобытных сообществ и заселение северных территорий Европы на фоне динамики природно-климатических изменений на рубеже плейстоцена и голоцена; реконструкции способов адаптации и стратегии жизнеобеспечения в мезолите и неолите лесной зоны Европы; материальная культура, погребальные практики и искусство охотников и собирателей; проблемы хронологии и периодизации заключительных этапов каменного века. Авторами статей стали как известные ученые старшего поколения, так и молодые археологи – исследователи мезолита и неолита лесной и лесостепной зон Восточной Европы и Урала. Для решения конкретных вопросов интерпретации археологических источников применялись различные методы анализа, в том числе пространственный, технологический, сравнительно-типологический.

Многие результаты исследований, представленных в настоящем сборнике, получены с привлечением данных естественно-научных дисциплин, в том числе при непосредственном участии в полевых археологических работах специалистов из других областей науки. Такое сотрудничество ведет к более глубокому пониманию процессов, происходивших в древности, взаимосвязи природно-климатических событий и культурного отклика, отражающегося в археологических материалах.

В любом научном сообществе существуют разные мнения как в определении некоторых понятий, так и терминологии. Эти разногласия получили отражение и в некоторых статьях, собранных в предлагаемый вниманию читателя сборник. Несмотря на то, что отдельные предложения, сделанные редактором сборника, были отклонены, мы сочли возможным опубликовать данные работы в авторском варианте.

Ответственный редактор Е. В. Леонова

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

6 августа 2023 г. Светлане Викторовне Ошибкиной исполнилось 90 лет. Столь знаменательная дата предполагает не первое чествование, а соответственно, и поздравительные статьи с биографическими данными исследователя-юбилера уже написаны и даже не однажды (*Зими́на, Сорокин, 2008; Зими́на, Сорокин, Студзицкая, 2013; Сорокин и др., 2023*). Поэтому ограничимся здесь лишь самыми основными вехами пути в науку и научной деятельности.

Нам – благодаря прежде всего самой Светлане Викторовне – удалось собрать некоторое количество фотографий, на многих из которых запечатлены друзья и коллеги Светланы Викторовны, с которыми связан ее научный путь – начиная от первых этапов обучения специальности до настоящего времени. Кроме фотографий, мы включили несколько набросков портретов коллег, сделанных рукой Светланы Викторовны во время заседаний и конференций.

Без сомнения, главным поворотным событием в жизни Светланы Викторовны было поступление в 1951 г. на исторический факультет МГУ, хотя золотая медаль, полученная по окончании знаменитой московской школы, позволяла ей выбирать любой ВУЗ без прохождения вступительных испытаний. Первая же летняя студенческая археологическая практика проходила в далеком от Москвы Прибайкалье – Дальневосточная экспедиция под руководством А. П. Окладникова. За время учебы в университете и летних полевых археологических практик С. В. Ошибкина училась и работала вместе с ныне известными учеными: В. А. Рановым, Н. Н. Диковым, Н. Н. Мамоновой, В. Е. Ларичевым, М. Х. Алешковским, В. В. Волковым, Б. Я. Маршаком, И. К. Голуновой-Лабутиной, Д. В. Деопиком, В. Б. Ковалевской, Э. А. Новгородовой, Г. Ф. Никитиной, М. А. Романовской, В. И. Козенковой и др.

Поражает территориальный размах мест работ экспедиций, где удалось побывать С.В. Ошибкиной, соответственно, приобрести бесценный опыт и познакомиться с разными типами памятников в разных ландшафтах: Ангара, Байкал, Приморье, Кама, степные районы Бурятии... Дипломная работа С. В. Ошибкиной была посвящена открытому при ее участии памятнику в бухте Тетюхе на Тихоокеанском побережье. После окончания МГУ в 1956 г. ее работа не была связана с археологией, но Светлана Викторовна продолжала участвовать в полевых археологических исследованиях, в том числе в 1957 г. возглавила отряд Ангарской экспедиции.

В 1962 г. С. В. Ошибкина поступает в аспирантуру ИА АН СССР вместе с С. А. Астаховым, Н. О. Бадером, В. А. Башиловым, В. В. Бжанием, Г. П. Григорьевым, В. И. Гуляевым и М. А. Дзвлет. Руководителем будущей кандидатской диссертации по теме «Племена Восточного Прионежья в эпоху раннего металла» становится А. Я. Брюсов, материалы из раскопок которого легли в основу диссертации. На заключительном этапе подготовки диссертации в связи с болезнью А. Я. Брюсова и затем его кончины научным руководителем стал О. Н. Бадер. После окончания аспирантуры в 1966 г. С. В. Ошибкину зачисляют в штат ИА АН СССР на должность младшего научного сотрудника Сектора неолита и бронзы. В 1967 г. ею была успешно защищена кандидатская диссертация. В 1992 г. в Институте археологии РАН организуется новый отдел,

который должен был объединить исследователей каменного века, названный сначала «Сектор палеолита и мезолита», а несколько позднее преобразованный в Отдел археологии каменного века. Одним из опытных сотрудников этого подразделения становится Светлана Викторовна – сначала в должности старшего, а затем и ведущего научного сотрудника.

Во время работы в Секторе неолита и бронзы полевые исследования С. В. Ошибкиной сосредоточены в европейской части России: в 1969 г. она возглавляет Окский отряд Чебоксарской экспедиции (начальник Ю. А. Краснов) – крупного проекта, связанного со строительством Чебоксарской ГЭС, а затем Светлана Викторовна становится начальником Вятской экспедиции (1970–1983 гг.), в ходе которой проводятся масштабные исследования Тюм-Тюмского могильника раннего железного века (пьяноборская культура) и средневековья (Ошибкина, 2010). Но основные научные интересы С. В. Ошибкиной связаны с результатами работ на севере – в Вологодской и Архангельской областях, где она более 20 лет (1968–1991 гг.), будучи начальником Северной экспедиции ИА АН СССР, проводила полевые исследования памятников каменного века, материалы которых легли в основу будущей докторской диссертации «Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья» (1986), нескольких монографий (Искусство... 1992; Ошибкина, 1978; 1983; 1997; 2006; Сорокин и др., 2009) и нашли отражение во множестве статей в отечественных и зарубежных журналах и сборниках.

Безусловной заслугой Светланы Викторовны является открытие целого ряда интереснейших памятников в удаленных от благ цивилизации районах. Такие разведки требуют от исследователя не только организационных способностей, выносливости и изобретательности, но и неординарных знаний и навыков, позволяющих отыскать археологические памятники по едва различимым приметам. Подтверждением этого таланта археологического разведчика является открытие целого ряда поселений и могильников, среди которых Веретье 1, Попово, Песчаница, Сухое и т. д.

Раскопки памятников, культурные слои которых залегают в торфе, весьма и весьма трудоемки, а на севере сложность этих раскопок в связи с неблагоприятными погодными условиями усугубляется в несколько раз. Но эти усилия не были напрасны. В результате раскопок памятников мезолита и неолита, проведенных под руководством С. В. Ошибкиной, получены богатейшие материалы для реконструкции жизни первобытных сообществ, заселивших после отступления ледника территории Северо-Восточной Европы. Систематизация данных изученных поселенческих и погребальных комплексов, тесное сотрудничество с учеными из других областей науки, тщательная проработка этнографических источников, а также собственный опыт и наблюдения, сделанные в течение жизни в различных уголках страны, и способность к нестандартному мышлению позволили Светлане Викторовне доказательно интерпретировать археологические материалы, решая проблемы заселения Европейского Севера, способов адаптации первобытных сообществ, процессов формирования и специфики древних культур.

На основании масштабных раскопок стоянки Веретье 1 ею была выделена одноименная мезолитическая культура. Полученные богатейшие материалы, которые включают в себя изделия из камня, рога, кости, дерева и бересты,

позволили реконструировать не только хозяйственно-бытовой уклад древнего населения, но и получить представления о сакральной деятельности первобытных людей. Коллекции, собранные в ходе полевых исследований С. В. Ошибкиной, хранятся во многих музеях страны, включая как Эрмитаж и Государственный исторический музей, так и относительно небольшие областные и краеведческие музеи.

Светлана Викторовна – автор разделов в трех томах знаменитого многотомника «Археология СССР» (тома «Эпоха бронзы лесной полосы СССР» (1987), «Мезолит» (1989), «Неолит Северной Евразии» (1996)), а также ответственный редактор неолитического тома, который до сих пор не утратил своей научной ценности.

В библиографическом списке Светланы Викторовны около двух сотен публикаций, среди которых есть как строгие научные статьи, так работы, позволяющие более широкому кругу читателей приобщиться к знаниям о жизни людей в далеком прошлом. Не последнюю роль в деятельности Светланы Викторовны занимает подготовка специалистов, включающая не только редактирование, рецензирование научных трудов коллег, консультации музейных сотрудников и оппонирование диссертационным работам, но и непосредственное общение с молодыми исследователями, с которыми она охотно делится собственным опытом и знаниями, подборками литературы, а также показывает редкие издания, которые не всегда можно найти и в ведущих библиотеках страны.

Научные интересы Светланы Викторовны очень широки, она всегда следит за основными событиями, происходящими в археологической науке, в курсе новых изданий, научной полемики и открытий. Независимость суждений, порой неожиданные комментарии и ход мысли неизменно делают беседу со Светланой Викторовной интересной и не оставляют равнодушным ни одного собеседника.

Редколлегия

Список литературы

- Зимина М. П., Сорокин А. Н. Слово о юбиляре // Человек, адаптация, культура. М.: ИА РАН. 2008. С. 6–14.
- Зимина М. П., Сорокин А. Н., Студзицкая С. В. К 80-летию Светланы Викторовны Ошибкиной // РА. 2013. № 4. С. 184–186.
- Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М.: Наука. 1992. 136 с.
- Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука. 1978. 230 с.
- Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М. 1983. 295 с.
- Ошибкина С. В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М. 1997. 205 с.
- Ошибкина С. В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. 2006. 322 с.
- Сорокин А. Н., Ошибкина С. В., Трусов А. В. На переломе эпох. М. 2009. 388 с.
- Ошибкина С. В. Вятские древности. Могильник Тюм-Тюм / Матер. охр. раскопок. Т. 13. М.: ИА РАН. 2010. 212 с.
- Сорокин А. Н., Макаров Н. А., Гаврилов К. Н., Леонова Е. В. К 90-летию Светланы Викторовны Ошибкиной // РА. 2023. № 3. С. 209–211.

На крыше
старого здания
исторического
факультета МГУ
(ул. Герцена, д. 7).
Студентки 2-го
курса, слева
направо:
Марина Бухтеева,
Луиза Куликова,
Светлана
Ошибкина,
Марина
Романовская,
Наталья
Сергиевская,
Зоя Ксургашева.
Весна 1953 г.

Студенты кафедры
археологии
МГУ, 5 курс.
На переднем плане
слева направо:
Э. А. Новгородова,
С. В. Ошибкина,
Г. Ф. Никитина,
М. А. Романовская,
Н. Б. Сергиевская;
второй ряд:
Б. И. Маршак,
В. В. Волков.
1956 г.

Ангарская
экспедиция ЛО ИА
АН СССР, 1952 г.
Остров Сосновый.
Студентки
исторического
факультета МГУ
(слева направо):
В. И. Козенкова,
С. В. Ошибкина,
Э. А. Новгородова

Дальневосточная
экспедиция ЛО ИА
АН СССР, 1955 г.
Бухта Тетюхе.
Внизу в центре
А. П. Окладников,
стоят:
В. Е. Ларичев,
С. В. Ошибкина,
Ю. Кузнецов

Дальневосточная
экспедиция ЛО ИА
АН СССР, 1955 г.
Раскопки стоянки
Тетюхе (Японское
море, бухта Тетюхе
(Рудная пристань)).
На краю раскопа
стоит
А. П. Окладников,
в раскопе слева
направо:
Э. В. Шавкунов,
Ю. А. Сем,
В. Е. Ларичев,
С. В. Ошибкина

Москва, Манежная
площадь.
Первомайская
демонстрация 1954 г.
Слева направо:
С. В. Ошибкина,
И. К. Голунова, ?,
М. А. Романовская,
М. Н. Кислов,
Д. А. Авдусин
и Т. Д. Авдусина

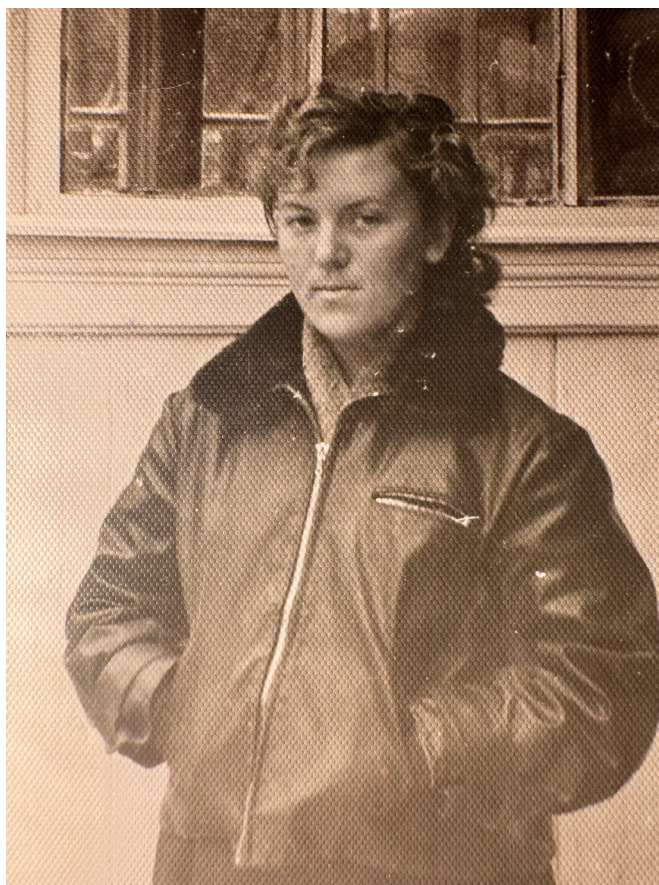
Слева:
Между Европой и Азией.
Южноуральская
экспедиция ИА АН
СССР, 1968 г. Слева
направо: В. С. Стоколос,
Г. Н. Матюшин,
В. Л. Державин,
Э. А. Федорова-Давыдова,
С. В. Ошибкина,
Л. Матюшина.

Снизу:
Светлана Викторовна
Ошибкина на реке
Модлоне (раскопки
свайного неолитического
поселения) 1968–1970 гг.

Сверху:
С. В. Ошибкина в музее
в Хельсинки, 1975 г.

Справа:
С. В. Ошибкина,
Северная экспедиция
ИА АН СССР, 1975 г.

**С. В. Ошибкина
и Н. А. Макаров.
Северная
экспедиция ИА АН
СССР, разведки
на озере Лача
1980 г.**

**Северная
экспедиция
ИА АН СССР.
Стойнка Веретье 1
(Архангельская
область, озеро
Лача). Начало
работ, 1978 г.**

**Раскопки стоянки
Веретье 1.
Рабочий момент
1982 г.
С. В. Ошибкина
на бровке раскопа**

**База Северной
экспедиции
ИА АН СССР,
Архангельская
область, поселок
Нокола. 1985 г.**

**С. В. Ошибкина.
Северная
экспедиция
ИА АН СССР,
1989 г. Стоянка
Сухое,
Архангельская
область,
Каргопольский
район.
© Музейный фонд
«Национального
парка
«Кенозерский».
КНП КП-4339**

**С. В. Ошибкина
около
экспедиционной
машины ГАЗ-66.
Архангельская
область, Северная
экспедиция ИА АН
СССР, сер. 1980-х гг.**

**Кафедра археологии
исторического
факультета МГУ,
защита докторской
диссертации
В. И. Дьякова.
Рядом
с С. В. Ошибкиной
Н. О. Бадер, за ними –
М. Г. Мошкова.
1999 г.**

**На 4-ой
международной
конференции
«Янтарь
в археологии».
Талси, Латвия,
2001 г. Слева
направо:
А. Будримас,
М. М. Чернявский,
С. В. Ошибкина,
Р. Римантиене**

**С. В. Ошибкина
на Заболотском
торфянике, 2002 г.**

**С. В. Ошибкина
и Н. А. Кренке
на Северном
конгрессе. Ханты-
Мансийск, 2002 г.**

**С. В. Ошибкина
и К. Е. Агеева
в Отделе
археологии
каменного века
ИА РАН, 2007 г.**

**М. П. Зимина
и С. В. Ошибкина
на конференции
в ИА РАН, 2011 г.**

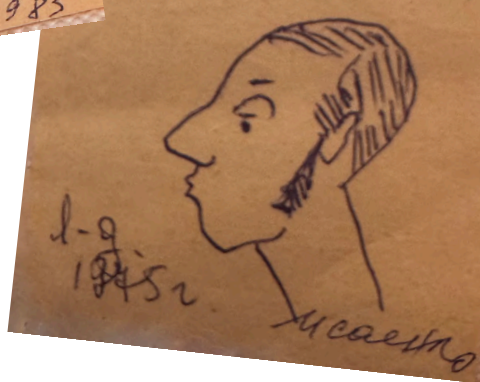
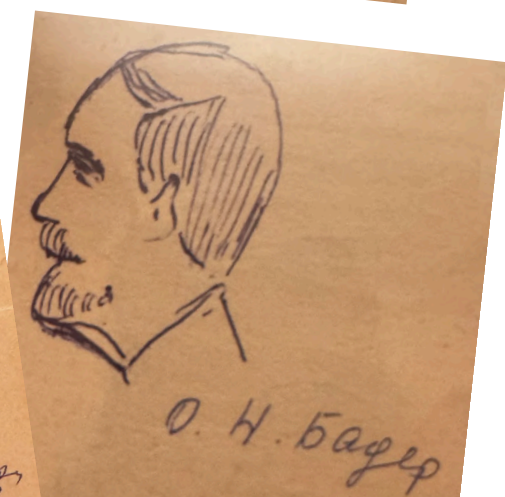
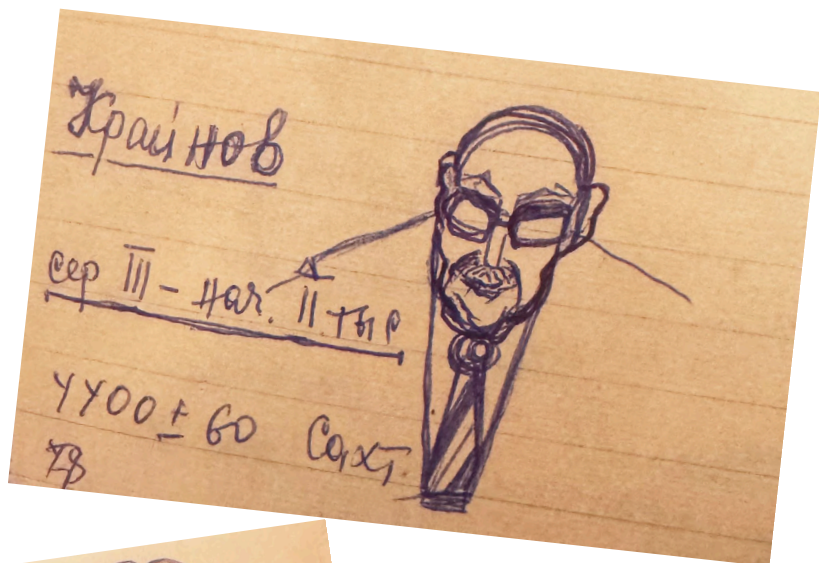
**С. В. Ошибкина
на заседании
Отдела археологии
каменного века
ИА РАН, 2012 г.**

**После заседания Отдела
археологии каменного
века ИА РАН, 2012 г.
Задний ряд, слева
направо: М. Г. Жилин,
Д. В. Ожерельев,
А. Б. Селезнев,
А. А. Симоненко,
Д. К. Еськова,
М. Н. Мешерин;
средний ряд:
В. Я. Сергин,
О. И. Александрова
(Успенская),
Х. А. Амирханов,
К. Н. Гаврилов,
А. В. Трусов; сидят:
Е. В. Леонова,
С. В. Ошибкина,
М. П. Зиминая,
Л. В. Грехова**

**М. Н. Мелютин
в гостях
у С. В. Ошибкиной.
2024 г.**

Зарисовки С. В. Ошибкиной:
Д. А. Крайнов, О. Н. Бадер, В. Ф. Исаенко, А. М. Микляев

МЕЖДУ ВОСТОЧНЫМ ПРИОНЕЖЬЕМ И ОНЕГОЙ: МЕЗОЛИТ БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА

Резюме. Эпоха мезолита на территории Архангельской области известна в первую очередь по материалам памятников культуры Веретье, приуроченных к озерным котловинам Восточного Прионежья. Мезолит водораздела между Балтийским, Беломорским и Каспийским бассейнами до последнего времени был мало изучен. В ходе археологических работ последних лет на побережьях озер Кенозеро и Лёкшмозеро обследованы известные ранее и выявлены новые памятники каменного века. Получены новые археологические материалы, в том числе в результате археологических раскопок, радиоуглеродные даты из археологических контекстов. Результаты исследований позволяют с уверенностью говорить об освоённости водораздельных территорий уже с раннего мезолита (с рубежа IX/VIII тыс. до н. э.), о распространённости микропластинчатой техники как в раннем, так и в позднем мезолите и предположить достаточно резкое изменение гидрографической ситуации в регионе на рубеже бореального и атлантического периодов.

Ключевые слова: мезолит, Архангельская область, Кенозеро, Лёкшмозеро, культура Веретье.

Эпоха мезолита на территории Архангельской области известна в первую очередь благодаря исследованиям С. В. Ошибкиной (Ошибкина, 1983; 1997). В 1978–1991 гг. были проведены раскопки памятника Веретье 1 на берегу оз. Лача, в конце XX – начале XXI в. по берегам озер Лаче и Воже были исследованы еще несколько комплексов с материалами, относящимися к той же культурной традиции, включая погребения на памятниках Песчаница и Попово (Она же, 1982; 1994; Oshibkina, 2017). Мезолитические комплексы изучались на этой территории и ранее. В 1920–1950-х гг. М. Е. Фосс на многослойном памятнике Веретье (так называемое Нижнее Веретье), расположенном в 80 м от памятника Веретье 1, был изучен культурный слой каменного века без керамики, залегающий ниже неолитического слоя (Фосс, 1941). Находки мезолитического времени, в том числе в составе смешанных комплексов, документировались Р. В. Козыревой, В. В. Шевелёвым, С. З. Черновым (Шевелёв, 1999; Едовин, 2009; Козырева, 1967; 1968; Чернов, 1980).

Анализ полученных раскопками материалов позволил С. В. Ошибкиной выделить мезолитическую культуру Веретье (Ошибкина, 2006). Изученные памятники этой культуры расположены на сравнительно небольшой территории вблизи береговых линий древних озер Воже и Лача, уровень которых в раннем голоцене был выше современного, а конфигурация берегов – иной (Квасов, 1975; Косорукова и др., 2017). В историографии за этой территорией закрепилось название Восточное Прионежье – историко-географический регион, включающий унаследованный от краевых приледниковых озер пояс озерных котловин, протянувшихся от г. Вологды до верховьев р. Онеги при ширине с запада на восток около 200 км, ограниченный рядом возвышенностей (Ошибкина, 2009. С. 280). Следует, однако, иметь в виду, что основная часть этой территории, включая бассейны озер Воже и Лача, относится к водосбору Белого моря.

В южной части пояса озерных котловин на территории Вологодской области изучен ряд мезолитических памятников, имеющих параллели в культуре Веретье, а также, в первую очередь, на раннем этапе – с памятниками раннего мезолита верховьев р. Волги, водосбор которой вплотную подходит здесь к Беломорскому (*Косорукова, 2000*).

Мезолит водораздела между Балтийским, Беломорским и Каспийским бассейнами до последнего времени был мало изучен, в первую очередь в силу затрудненной доступности. Наиболее исследованной в археологическом отношении здесь – в силу, опять же, доступности – является территория вокруг крупных озер – Кенозеро и Лёкшмозеро (рис. 1), обозначенная А. Г. Едовиным как Приозерье (*Едовин, 2009*). В настоящее время эта территория находится в пределах Национального парка «Кенозерский», расположенного в юго-западной части Архангельской области, на границе Плесецкого и Каргопольского административных районов. Западная граница парка проходит по границе с Республикой Карелия. Максимальная протяженность парка с юга на север – 72 км, с запада на восток – 27 км. Территория парка расположена на границе двух крупных морфоструктур – Балтийского щита, сложенного кристаллическими породами, и Русской платформы с глубоким залеганием кристаллического основания. Здесь проходит водораздел между бассейнами Белого и Балтийского моря. Четвертичные отложения представлены преимущественно ледниковыми отложениями. На территории парка преобладают холмисто-западные и возвышенные моренные ландшафты.

Холмисто-грядовый рельеф сформировался в ходе последнего оледенения в результате экзарационно-аккумулятивной деятельности ледника. Котловины озер Кенозеро и Лёкшмозеро окружены моренными холмами. Оба озера являются крупными олиготрофными водоемами, однако в остальном достаточно сильно различаются.

Озеро Кенозеро крупнее и глубже, его средняя глубина – 30 м, максимальная по разным оценкам – от 63 до 90 м, площадь зеркала – 99,4 кв. км (*Лукин, Шарова, 2004; Природное... 2002*). Площадь водосбора составляет 5450 кв. км. Берега сильно изрезаны узкими заливами. Коэффициент извилистости – 10,0. В акватории насчитывается не менее 70 островов, сложенных флювиогляциальными отложениями. Берега активно перемываются волнами, в результате чего образуются пляжи, косы, береговые валы. К песчаным береговым образованиям приурочены многочисленные памятники каменного века – в настоящее время на берегах и островах Кенозера насчитывается около 50 таких объектов (*Герасимов и др., 2019*).

Средняя глубина оз. Лёкшмозеро – 8 м, максимальная – 28 м, площадь зеркала – 55,3 кв. км (*Лукин, Шарова, 2004; Природное... 2002*). Площадь его водосбора составляет 158,5 кв. км. Форма котловины близка к овальной, береговая линия озера изрезана слабо (коэффициент извилистости – 1,6). Берега заболочены, лишь на нескольких участках высокий минеральный берег примыкает непосредственно к воде. На всех этих участках обнаружены памятники каменного века, и на всех этих участках, кроме стоянки Лёкшмозеро 1 (Пески), сейчас находятся деревни (рис. 1). В настоящее время (и, вероятно, на протяжении не одного десятка лет) уровень оз. Лёкшмозеро искусственно поднят примерно на 1 м плотиной в истоке р. Чёлмы. Это также могло

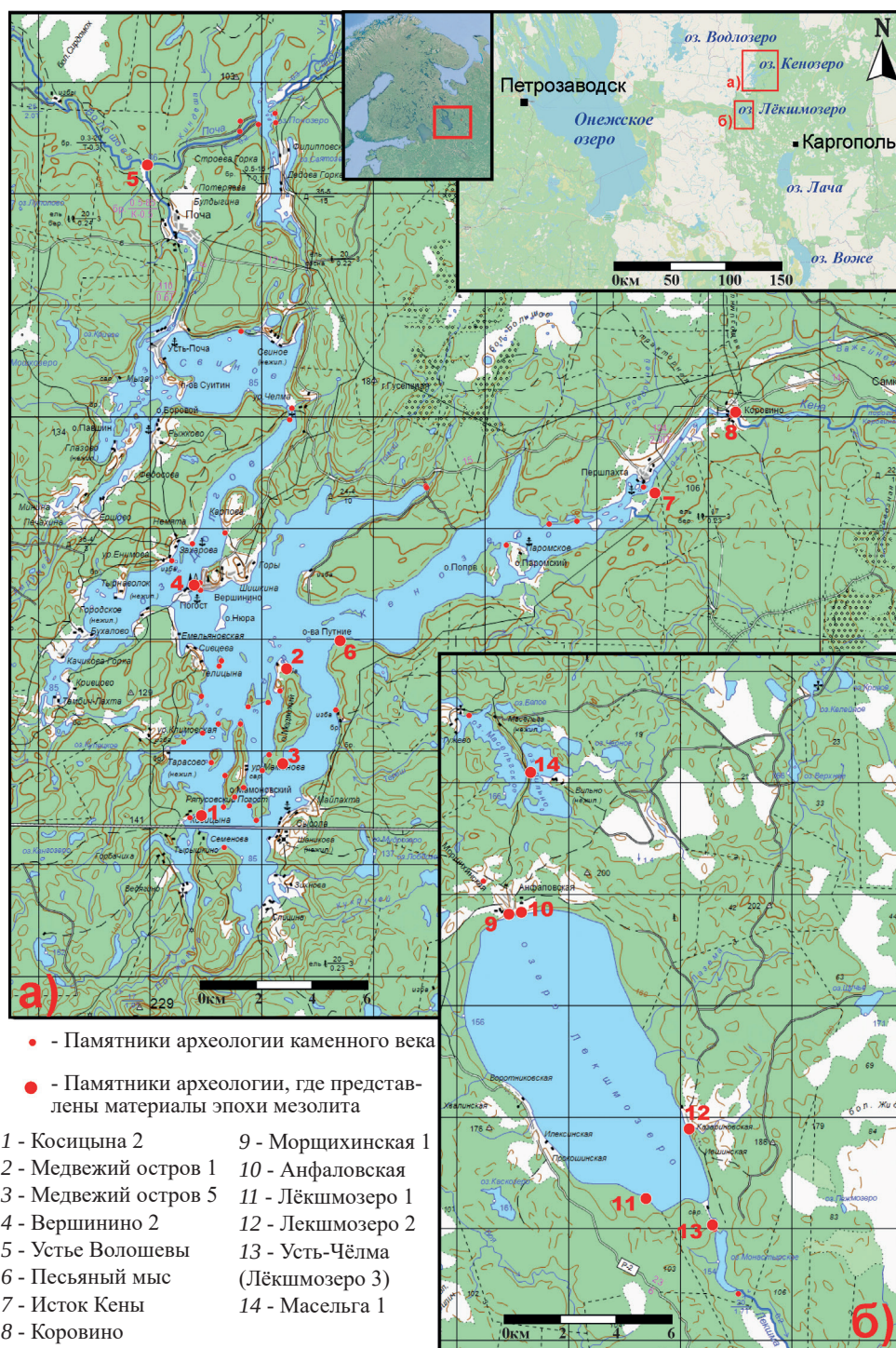

Рис. 1. Карта мезолитических памятников на озёрах Кенозеро (а) и Лёкшмозеро (б)

способствовать разрушению стоянок каменного века, расположенных вблизи береговой линии.

Уже в 60-х гг. XIX вв. ряд находок с размываемых на берегах Кенозера памятников каменного века был передан в Императорский Московский исторический музей (в настоящее время ГИМ). Эти находки были частично опубликованы И. С. Поляковым, археологическими разведками которого на Кенозере было выявлено несколько памятников археологии (Поляков, 1881. С. 49–50). На протяжении XX в. археологические работы на Кенозере и Лёкшмозере проводили М. Е. Фосс, Р. В. Козырева, С. З. Чернов, А. Я. Мартынов, И. С. Манюхин, С. В. Ошибкина, В. С. Бузин, Е. Н. Рябцева, В. В. Швелёв (Чернов, 1979; Мартынов, 1982; Едовин, 2004; 2009).

С конца 1990-х гг. археологические и другие научные исследования на водоразделе активизируются благодаря организации в 1991 г. Национального парка «Кенозерский». В 2002–2011 гг. разведочные работы, а позднее – работы по паспортизации объектов археологии на территории Национального парка проводились А. Г. Едовиним. В ходе этих работ было выявлено и задокументировано значительное количество памятников каменного века по берегам озер Кенозеро и Лёкшмозеро (Едовин, 2004; 2009). С 2016 г. археологические исследования на территории Национального парка проводятся экспедициями МАЭ РАН (Герасимов и др., 2019; 2022; 2024).

Обобщение накопленных к концу первого десятилетия XXI в. материалов по мезолиту водораздела позволило А. Г. Едовину прийти к заключению о том, что все они относятся к периоду позднего мезолита (Едовин, 2009. С. 106). В качестве основных диагностических типов артефактов указаны листовидные наконечники на пластинах, конусовидные нуклеусы, концевые скребки на пластинах, широкие сечения пластин. При этом отмечалось отсутствие в известных комплексах Приозерья раннемезолитических материалов – черешковых наконечников на пластинах, карандашевидных нуклеусов, выраженных признаков развитой микропластинчатой индустрии.

Следует, однако, отметить, что вплоть до последних лет археологические материалы, использовавшиеся для культурно-хронологической атрибуции, происходили из сборов подъемного материала, в редких случаях – из шурфов. Берега больших озер достаточно активно размываются, что приводит к разрушению памятников каменного века. Часть материалов, атрибутированных как мезолитические, происходит с пляжей, артефакты часто окатаны. Поскольку практически все памятники, где были выявлены мезолитические материалы, содержат также артефакты более поздних периодов – от неолита до средневековья, основанием для выделения мезолитических контекстов являлось наличие признаков пластинчатой индустрии, иногда – присутствие лишь одного фрагмента ножевидной пластины в подъемном материале.

В ходе археологических работ последних лет на побережьях озер Кенозеро и Лёкшмозеро были обследованы известные ранее и выявлены новые памятники каменного века. Получены новые археологические материалы, в том числе в результате археологических раскопок, радиоуглеродные даты из археологических контекстов. Это дает возможность вновь обратиться к вопросу об освоении человеком Беломорско-Балтийского водораздела после завершения последнего оледенения.

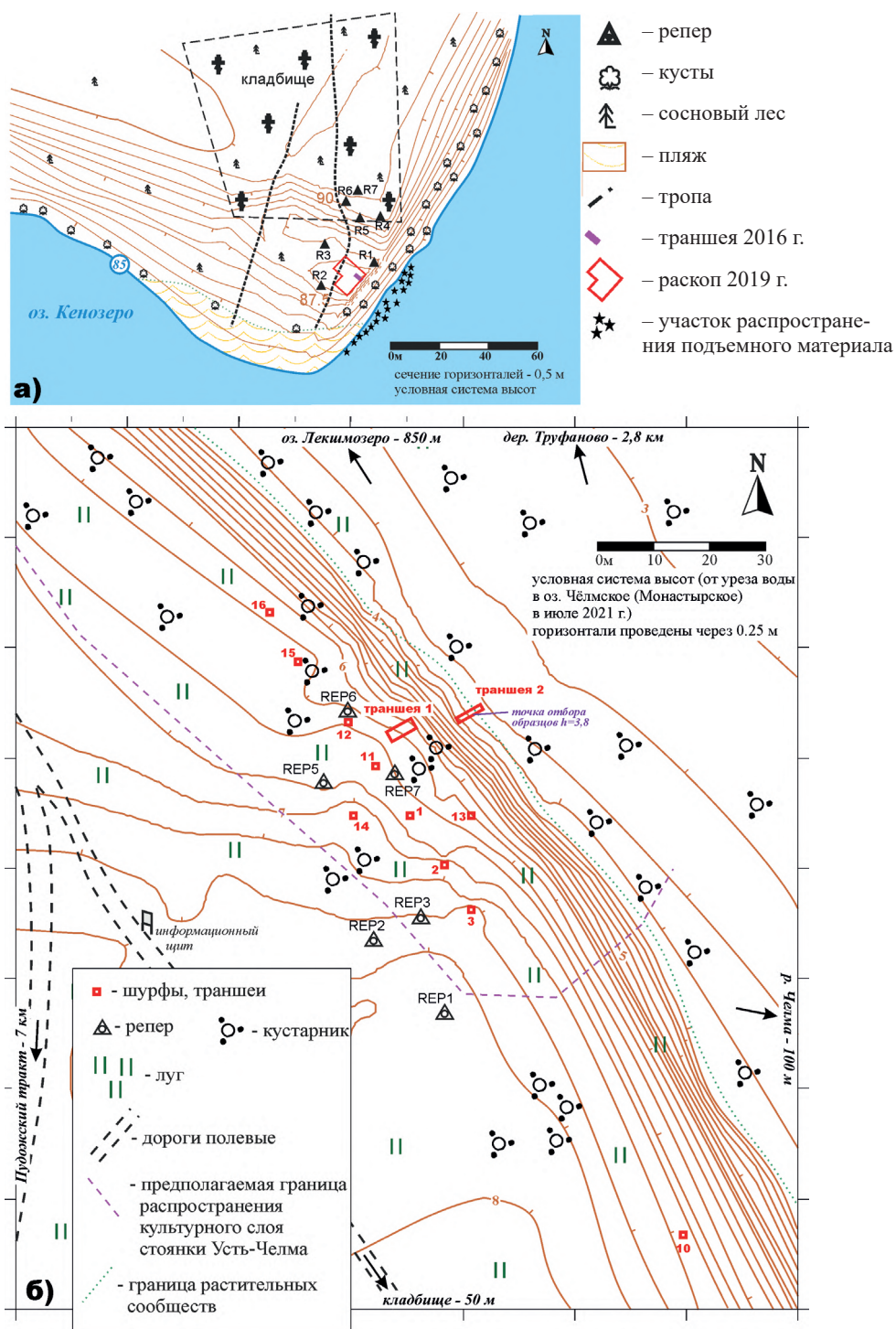

Рис. 2. Топографические планы стоянок Косицына 2 (а) и Усть-Чёлма (б)

Пожалуй, наиболее значимые результаты за последние годы получены при исследовании поселения Косицына 2. Памятник расположен на западном берегу оз. Кенозеро, на мысе, выдающемся в озеро в южном направлении (рис. 1: 1; 2: а). Выявлен А. Я. Мартыновым в 1982 г., обследовался А. Г. Едовиным в 2004 г.

В тыловой части мыса проходит край предположительно позднеледниковой террасы высотой около 5,5 м над уровнем озера (урез воды 85 м над ур. м. по картографическим данным). Терраса занята кладбищем. Ниже сформировался береговой вал высотой около 4 м над современным уровнем озера. Из осыпи на разрушающемся волноприбойной деятельностью обрыве в разные годы собирался многочисленный подъемный материал – изделия и отходы производства из кремня, фрагменты лепных глиняных сосудов с орнаментом. В зачистках на краю обрыва был зафиксирован выраженный непереотложенный культурный слой, насыщенный артефактами.

В ходе обследования памятника экспедицией МАЭ РАН 2016–2017 гг. на краю обрыва была заложена траншея. Археологический материал залегал в слоях дерна, подзола и в слое сортированного среднезернистого песка рыжеватого цвета мощностью от 20 до 30 см, преимущественно в верхней его части. Общая мощность культурного слоя составила около 50 см, в основании залегал светло-серый песок с пятнами ожелезнения. На памятнике была выявлена керамика эпох неолита и бронзы, а также представительная коллекция артефактов из кремня, в том числе пластины, пластинки и отжимные микропластины, что указывало на наличие здесь мезолитического контекста.

В 2019 г. под руководством А. Я. Мартынова на поселении Косицына 2 были проведены раскопки площадью 100 кв. м. Получены археологические материалы разных периодов каменного века от мезолита до энеолита, а также эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья и нового времени. Среди находок – антропоморфная фигурка из кремня, вероятно, относящаяся к энеолитическому контексту (Мартынов и др., 2022).

В полученной раскопками коллекции хорошо представлен мезолитический контекст – микропластины, пластины и изделия на них (концевые скребки, ножи). Важным результатом раскопок 2019 г. является изучение нескольких кострищ в основании культурного слоя, которые могут рассматриваться как замкнутые комплексы раннего мезолита. По углю из одного из кострищ были получены радиоуглеродные даты 8272–7821 лет до н. э. (8908±70 л. н., SPb-3133) и 7731–7488 лет до н. э. (8550±70 л. н., SPb-3134) (Мартынов и др., 2022. С. 225).

Помимо Косицына 2, мезолитические контексты выделены еще на нескольких памятниках побережья и островов Кенозера.

Стоянка Медвежий остров 1 (рис. 1: 2) расположена в северной части о. Медвежий, на восточном берегу, на террасе высотой 5 м над уровнем озера. Памятник исследовался М. Е. Фосс (1931 г.), обследования проводились А. Я. Мартыновым (1982 г.), А. Г. Едовиным (2002, 2005 гг.), Д. В. Герасимовым (2016 г.). В коллекции представлены материалы от каменного века до средневековья, в том числе фрагменты ножевидных пластин.

Медвежий остров 5. Стоянка расположена на восточном берегу о. Медвежий в южной его части, на мысу (рис. 1: 3). Выявлена экспедицией МАЭ РАН в 2016 г. На пляже у уреза воды были найдены кремневые артефакты: окатанный

торцовый нуклеус для микропластин (рис. 3: 1), а также фрагмент бифасиального наконечника, сколы и отщепы кремня. Пляж примыкает к береговому валу высотой около 1,5 м над уровнем озера.

Рис. 3. Археологические находки со стоянок Медвежий остров 5 (1) и Морсихинская (2–16)

1 – торцовый нуклеус; 2 – отщеп со следами утилизации; 3 – нуклеус одноплощадочный; 4, 5 – нуклеидные обломки; 6 – фрагмент заготовки бифаса; 7, 8 – медиальные фрагменты микропластин; 9–12 – медиальные фрагменты микропластин; отщеп с нуклеуса для микропластин; 14 – скол с лезвия шлифованного орудия; 15, 16 – отщепы. 1–13 – кремень, 14–16 – сланец

Вершинино 2. Памятник расположен в черте д. Вершинино и обследовался, вероятно, всеми археологами, побывавшими на Кенозере. Расположен в северо-западной части д. Вершинино, на мысе, образованном оврагом, выходящем устьем на берег залива оз. Кенозеро, на террасе высотой около 3,5 м над уровнем озера (рис. 1: 4). Здесь туристами и местными жителями регулярно собираются каменные артефакты, среди которых встречаются пластины и изделия на них. Следует отметить информацию о черешковом наконечнике на ножевидной пластине мелового кремня, найденном туристами в 2016 г. и переданном в фонды Национального парка.

Устье Волошевы (рис. 1: 5). Стоянка открыта в 1979 г. С. З. Черновым, обследовалась в 2003–2005 гг. А. Г. Едовиным. Расположена на правом берегу впадающей в Кенозеро р. Почы в устье р. Волошевы на террасе высотой 6 м над уровнем реки. На памятнике представлены пластины и фрагменты пластин и микропластин, лыжевидный скол с нуклеуса (Едовин, 2009. С. 102. Рис. 3). Также присутствуют материалы позднего неолита – энеолита (позднекаргопольская керамика, заготовки и законченные сланцевые рубящие орудия).

Песьяный мыс (рис. 1: 6). Стоянка выявлена в 2002 г. работами А. Г. Едовина в северной части акватории оз. Кенозеро на острове в устье залива. Находки, в том числе конусовидные нуклеусы кругового скалывания, происходят с пляжа у подножья размываемой террасы высотой 3–3,5 м над уровнем озера.

Также в ходе работ А. Г. Едовина один фрагмент пластины выявлен на местонахождении Исток Кены – на террасе высотой 3 м над рекой; один фрагмент пластины найден на стоянке Коровино на террасе высотой 5 м над уровнем р. Кены (рис. 1: 7–8).

Эти материалы, однако, происходят из сборов с поверхности, в том числе на пляжах у размываемых памятников, в отдельных случаях – из шурфов и зачисток. Косицына 2 на настоящее время является единственным памятником в Приозерье, где были проведены археологические раскопки значительной площадью. Возможно, работы позволят выявить мезолитические контексты и на других, уже известных на берегах Кенозера археологических памятниках.

Памятники каменного века по берегам оз. Лёкшмозеро, как было указано, немногочисленны, но на всех этих памятниках были зафиксированы материалы, позволяющие выделить мезолитический контекст.

Морщихинская 1 (рис. 1: 9). Памятник зафиксирован в 1998 г. В. В. Шевелёвым, в 2003 г. обследовался А. Г. Едовиным (Едовин, 2004; 2009), в 2016–2023 г. – экспедицией МАЭ РАН (Герасимов и др., 2019). Памятник расположен на северном берегу оз. Лёкшмозеро, в западной части д. Морщихинская, на террасе высотой около 7 м над уровнем озера (урез воды по картографическим данным – 156 м над ур. м.) вблизи устья ручья на правом (западном) его берегу. Площадь распространения подъемного материала – 60×80 м. Зачистка 2016 г. на краю подрезанной дорогой террасы показала наличие выраженного культурного слоя, насыщенного артефактами.

В коллекции подъемного материала 2016 и 2021 гг. преобладают кремневые отщепы и сколы, в том числе с галечной коркой. Присутствуют отщепы со следами утилизации (рис. 3: 2). Также в коллекции представлен одноплощадочный остаточный нуклеус с негативами снятий отщепов (рис. 3: 3), два нуклеовидных обломка (рис. 3: 4–5) и медиальный фрагмент заготовки бифаса

(рис. 3: 6). Микропластинчатый комплекс представлен двумя проксимальными (рис. 3: 7–8) и четырьмя медиальными (рис. 3: 9–12) фрагментами микропластин и пластин, в том числе один фрагмент с ретушью (рис. 3: 9) и один фрагмент высокой микропластины (рис. 3: 12), а также крупным отщепом, снятым ударом с двухплощадочного нуклеуса для микропластин (о чем свидетельствуют негативы снятий на спинке), с вентральной стороны которого впоследствии было произведено еще одно снятие с ныряющим окончанием (рис. 3: 13). Последний артефакт, имея выраженный «носик», по морфологии близок к орудиям типа узколезвийного круммеиселя и мог быть использован в качестве резца.

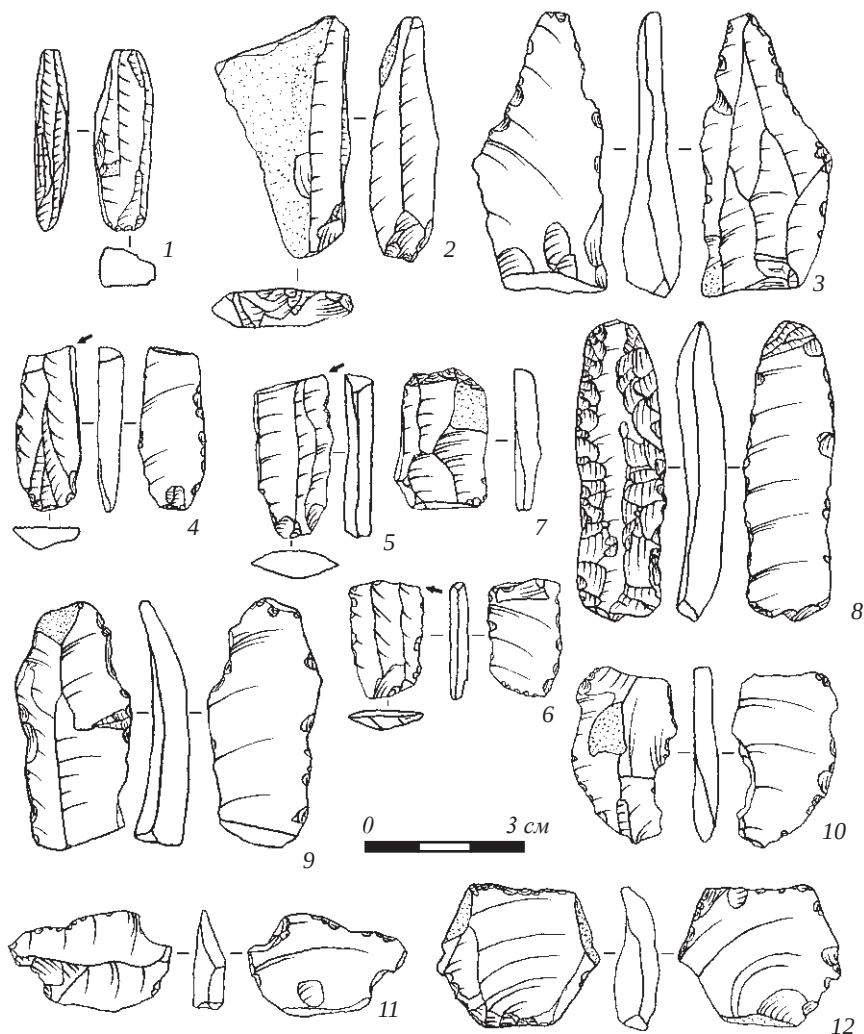

Рис. 4. Кремневые артефакты со стоянки Лёшмозеро 1 (Пески)

1, 2 – нуклеусы для микропластин; 3 – проколка; 4–6 – микропластины; 7 – концевой скребок; 8 – ножевидное орудие; 9, 10 – пластинчатые отщепы с ретушью; 11, 12 – отщепы с ретушью

В двух случаях (на отщепе и на сколе) зафиксированы следы применения тепловой обработки кремня, еще восемь отщепов и сколов, вероятнее всего, также побывали в огне. Помимо кремня, на стоянке зафиксировано использование серого и зеленого сланца. Об этом свидетельствует отщеп с лезвия шлифованного тесла (рис. 3: 14), а также еще 2 отщепа без следов шлифовки, один из которых – с ретушью (рис. 3: 15–16). Коллекция находок, исходя из технологических особенностей, вероятнее всего, смешанная и включает мезолитический и неолитический компоненты. Помимо каменного инвентаря, в сборах 2016 г. присутствуют один крупный и два мелких фрагмента стенок сосудов с минеральной примесью без орнамента, которые, предположительно, можно отнести к неолиту.

В опубликованных А. Г. Едовиним материалах сборов со стоянки Морщихинская (Едовин, 2009. С. 103. Рис. 4) есть микропластины, а также характерный скол подправки площадки конусовидного (карандашевидного) микропластинчатого нуклеуса – «таблетка». Следует отметить и предмет, опубликованный как проколка (Там же. Рис. 4: 1), который, возможно, является проксимальным фрагментом черешкового наконечника (или заготовки) на ножевидной пластине.

Стоянка Анфаловская зафиксирована в 2003 г. А. Г. Едовиним (Едовин, 2004), нашедшим здесь ножевидную пластину и кремневый скол, однако отметившим отсутствие признаков культурного слоя в зачистках. Стоянка расположена на северном берегу оз. Лёкшмозеро, в пределах д. Морщихинская, в восточной ее части (бывш. д. Анфаловская), на террасе высотой около 7 м над уровнем озера (рис. 1: 10). В 2016 г. при обследовании экспедицией МАЭ РАН участка, соответствующего плану и описанию А. Г. Едовина, артефактов не было обнаружено. Участок расположен близ крутого обрыва, возможно, стоянка размыта.

Памятники каменного века в южной части оз. Лёкшмозеро были выявлены разведками И. С. Манюхина в 1989 г. (Манюхин, 1989). В 2000-х и 2010–20 х гг. на памятниках был проведен мониторинг работами под руководством А. Г. Едовина (Едовин, 2004; 2009) и Д. В. Герасимова (Герасимов и др., 2024).

Стоянка Лёкшмозеро 1 расположена в 1 км к западу от протоки к оз. Чёлмское, в урочище Пески (рис. 1: 11). Находки происходят с пляжа, ограниченного береговым валом высотой 1–1,5 м. В отчете И. С. Манюхина (Манюхин, 1989) отмечено, что на протяжении 200 м береговой линии у уреза воды найдены окатанные кремневые отщепы и орудия, в том числе два скребка на отщепах и концевой скребок на пластине, четыре ножевидные пластины с ретушью. В заложенных в 1989 и 2016 гг. на береговом валу шурфах не было выявлено признаков культурного слоя. В ходе разведок МАЭ РАН в 2021 г. на памятнике собрано 125 единиц подъемного материала из кремня. Находки происходят с поверхности пляжа и имеют следы выкрошенности и окатанности от галтовки в волноприбойной линии озера, а также светло-коричневую патину из-за долгого экспонирования. Все обнаруженные артефакты – из местного галечного карбонового кремня серых и коричневых оттенков, мелкие отдельности которого также встречаются на пляже и в его окрестностях.

Четверть от всех находок (33 ед., 26,4% от общего числа) являются продуктами индустрии пластинчатого расщепления. На местонахождении найдены два нуклеуса для снятия микропластин (рис. 4: 1–2): двухплощадочный торцовый на обломке кремня с галечной коркой и двухплощадочный остаточный

(уплощенно-карандашевидный), оба с негативами встречного скалывания. Также среди находок есть три микропластины с обломанными дистальными частями, ретушированные по одному или двум краям (рис. 4: 4–6), со встречно-параллельной огранкой, что соответствует прослеженной на нуклеусах технологии снятия. Их можно определить как резцы. Такие резцы на пластинах имеют многочисленные аналогии в мезолитических памятниках региона, например, на Нижнем Веретье 1 (*Ошибкина*, 1983. С. 96. Рис. 18). Орудия также представлены концевым скребком на пластине (рис. 4: 7), аналогичным найденному на стоянке Усть-Чёлма (Лёкшмозеро 3), а также проколкой на крупном пластинчатом отщепе (рис. 4: 3) и ножевидным орудием (возможно, атипичным наконечником стрелы) на пластине с продольно-параллельной огранкой и несколькими рядами дорсальной ретуши по периметру (рис. 4: 8). Острие ножа (дистальный конец заготовки) подправлено тремя субпараллельными вентральными сколами от острия по диагонали от оси орудия, сходными по технике с резцовыми, в продолжение линии ретуши одного из краев орудия, что позволяет рассматривать противоположную дорсальную грань этого орудия как обухок. Также в коллекции подъемного материала есть 25 пластинчатых отщепов и их фрагментов, в том числе с ретушью (рис. 4: 9–10).

Оставшаяся большая часть находок (92 ед., 73,6%) – это отщепы и отщепы с ретушью (рис. 4: 11–12). Поскольку на артефактах имеются многочисленные повреждения (сколы и псевдоретушь) от галтовки в волноприбойной линии, в том числе частично перекрывающие следы обработки человеком, в качестве последних учитывались лишь отщепы с регулярной ретушью.

С уверенностью определить, были ли отщепы получены намеренно как часть отдельного технологического контекста или являлись отходами при подготовке нуклеусов для получения пластин, для имеющегося материала затруднительно. Однако существенная часть коллекции уверенно относится к контексту получения пластин, в коллекции отсутствуют нуклеусы для получения отщепов и морфологически выразительные орудия на отщепах (в частности, скребки, обычно многочисленные на памятниках мезолита и особенно неолита региона). Это позволяет предположить, что на памятнике представлены лишь технологические контексты получения пластин и микропластинок.

Какие-либо явно выбивающиеся из типологического контекста артефакты в коллекции отсутствуют, что может говорить об относительной гомогенности данного комплекса. Следует, однако, учитывать возможную сортированность коллекции. В ходе галтовки в прибое фрагменты керамики и предметы из мягких пород камня – например, некоторых видов сланца – могли быть полностью уничтожены. В целом технико-типологический анализ сохранившегося комплекса находок позволяет охарактеризовать его как (поздне-?) мезолитический. Следовательно, местонахождение Лёкшмозеро 1 (Пески) можно рассматривать как один из наиболее низко – относительно береговой линии – расположенных мезолитических памятников микрорегиона. В настоящее время памятник практически полностью размыт водами оз. Лёкшмозеро.

Стоянка Лёкшмозеро 2 расположена на юго-восточном берегу озера, на террасе высотой 3–3,5 м у ручья в д. Труфаново (рис. 1: 12). И. С. Манюхиным в 1989 г. были зафиксированы находки с участка осыпи – два скребка, два скобеля, пластина, карандашевидный нуклеус, четыре отщепа (*Манюхин*, 1989).

Также археологические памятники с мезолитическими материалами были выявлены на некотором удалении от берегов Лёкшмозера, на небольших озерах и протоках.

Стоянка Усть-Чёлма (Чёлма 1, Лёкшмозеро 3) расположена на правом возвышенном берегу р. Чёлмы, в 150 м от впадения ее в оз. Чёлмское (Монастырское), на сформированной позднеледниковым водоемом террасе высотой 6 м над современным урезом воды оз. Чёлмское (рис. 16: 13; 26). У подошвы террасы «шлейф» культурного слоя залегает в основании пачки озерно-болотных отложений. Памятник выявлен в 1989 г. экспедицией И. С. Манюхина. В шурфе площадью 4 кв. м был зафиксирован культурный слой мощностью более 1 м. Среди находок присутствовали кремневый наконечник с прямым основанием, несколько фрагментов каргопольской (?), ямочно-гребенчатой и ромбоямочной, асбестовой, позднекаргопольской, сетчатой керамики, а также фрагмент лепной средневековой посуды и несколько фрагментов позднесредневековой (в т. ч. чернолощеной) керамики, фрагменты двух пряслиц. Был зафиксирован очаг предположительно неолитического времени размером 0,8×0,5 м и мощностью до 25 см.

В 2021 г. работами экспедиции МАЭ РАН под руководством М. А. Холкиной на памятнике были заложены шурфы и траншеи общей площадью 20 кв. м (*Герасимов и др.*, 2024). Получена представительная коллекция археологического материала, включавшая неолитическую и средневековую керамику. Каменный инвентарь представлен 1736 единицами находок. Большая часть обнаруженных артефактов (1699 ед., 97,8%) представляет собой продукты расщепления галечного карбонового кремня преимущественно серых, серо-розовых, светло-коричневых и красноватых оттенков. Это сырье местного происхождения (кремнь в виде некрупных галек, галечек и окатанных плиток встречается в моренных отложениях и в пахоте) имеет многочисленные внутренние полости и включения-окаменелости, что затрудняет расщепление. Помимо кремня, представлены артефакты из кварца (22 ед., в т. ч. два биполярных нуклеуса и два скребка) и сланца (14 ед.), в том числе сланцевый отбойник на некрупной (59 г) удлинённо-овальной гальке с забитостями и сколами на обоих концах. Найдена одна плитка из песчаника.

Кремневые нуклеусы (рис. 5) призматические, одно- и двухплощадочные, истощенные либо остаточные – всего 27 ед. Некоторые из них имеют забитость в нижней части: можно предполагать, что по мере истощения нуклеусы подвергались несистемному раскалыванию на наковальне. Расщепление производилось на месте, микродебитаж составляет 51% от общего числа находок из камня. В слое выявлено множество мелких сколов, обломков проксимальных и дистальных частей пластин и микропластин.

Кремневые отщепы и орудия на них насчитывают 283 ед. Основная категория орудий на отщепах – скребки с высокой краевой ретушью (рис. 6: 1–4, 6), формирующей подокруглое либо подпрямоугольное скребковое лезвие (14 ед.). Также найдены два ножевидных орудия (рис. 6: 5), три скобеля либо орудия с ретушированной выемкой (рис. 6: 7), сверло, резец, фрагмент тесла с крупной дорсальной ретушью, отщепы с ретушью (9 ед.) (рис. 6: 8). В коллекции присутствуют немодифицированные орудия – отщепы с выкошенностью и другими следами утилизации. Один

из примеров такого использования – орудие на полупервичном (со вторичной «коркой» после тепловой обработки) отщепе естественной формы с носиком и выемкой, использовавшееся древним мастером в качестве скобеля без дополнительных модификаций. Пластинчатые отщепы и орудия на них насчитывают 22 единицы (рис. 6: 5–6).

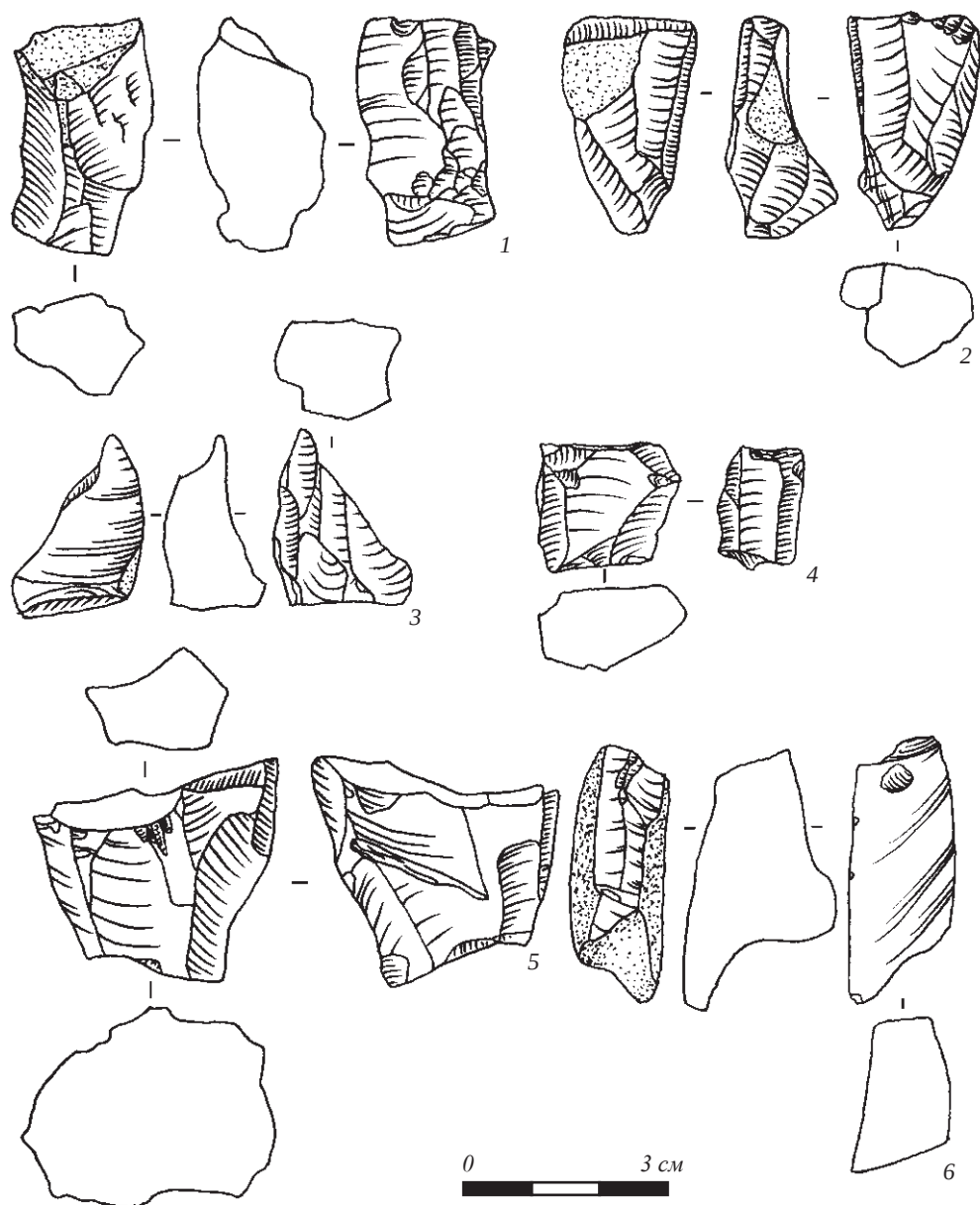

Рис. 5. Нуклеусы стоянки Лёкшмозеро 3 (Усть-Чёлма)

Второй по встречаемости заготовкой на стоянке являлись микропластины (рис. 6: 9, 12–31), а также единичные крупные пластины (140 ед., подавляющее большинство – в виде мелких фрагментов). Наиболее крупная сохранившаяся целиком реберчатая пластина из серо-розового кремня имеет размеры 90×21×10,6 мм, а самая мелкая целая микропластина из прозрачного серого кремня – 16×5,2×1,8 мм. Сохранность обеих, вероятно, можно объяснять попаданием на дно водоема в древности. Вероятно, некоторые микропластины можно считать полученными с использованием технологии удара через посредник либо отжима. Об этом свидетельствует регулярность их огранки, прямой профиль, морфология высокого ударного бугорка, тонкость сечения и угол скалывания под 90 градусов. Однако большая часть микропластин и их проксимальных частей в коллекции Усть-Чёлмы не удовлетворяют этим критериям, демонстрируя вариативность признаков. Три скребка выполнены на фрагментах крупных пластин из высококачественного серого кремня с продольно-параллельной (ПП) и встречно-параллельной (ВП) огранкой (рис. 6: 11, 13) (типы огранки приведены по Гиря, 1997. С. 165). Также в коллекции присутствуют два концевых скребка на микропластинах с дополнительной мелкой двусторонней ретушью по краям заготовки (один на микропластине с ВП огранкой и дорсальной ретушью (рис. 6: 10), второй с ПП огранкой и вентральной ретушью (рис. 6: 9)) и медиальное сечение микропластины с ВП огранкой и двусторонней дорсальной ретушью.

В коллекции представлены два типологически выразительных наконечника стрел. Первый – унифасиальный иволистный наконечник стрелы из светло-коричневого (медового) кремня со слабо выделенным черешком и дорсальной краевой ретушью по всему периметру (рис. 7: 1). Размеры наконечника – всего 23,2×6,9×2,8 мм. Морфология исходной заготовки точно не определима. Вероятнее всего, это фрагмент пластины с ПП огранкой либо отщеп подходящей формы. Наиболее близкими аналогиями наконечнику являются наконечники мезолитической стоянки Андозеро-М (Ошибкина, 1983. С. 249) и других стоянок типа Нижнего Веретья в Восточном Прионежье. Второе орудие представлено медиальным фрагментом бифасиального наконечника с мелкозубчатой ретушью из серо-розового кремня с признаками тепловой обработки (рис. 7: 2). Сечение фрагмента – уплощенно-ромбовидное, сформированное встречной ретушью на сторонах наконечника. Фрагментированность затрудняет типологическое определение, однако наконечники схожей морфологии характерны для позднего неолита – энеолита (III тыс. до н. э.) как на памятниках типа Модлона в Восточном Прионежье, так и в соседних регионах – в Карелии и на Верхней Волге. Географически и хронологически ближайшими аналогиями ему можно считать наконечник стрелы со стоянки Селище на р. Модлоне, наконечник из неолитического слоя стоянки Веретье на оз. Лача и из могильника Каргулино на Белом озере (Там же. С. 196, 203, 223).

Комплекс артефактов из камня со стоянки Усть-Чёлма носит смешанный характер и включает в себя находки, датирующиеся с VIII по III тыс. до н. э. Комплекс с микропластинчатой техникой и унифасиальный наконечник стрелы уверенно указывают на присутствие на памятнике мезолитического компонента.

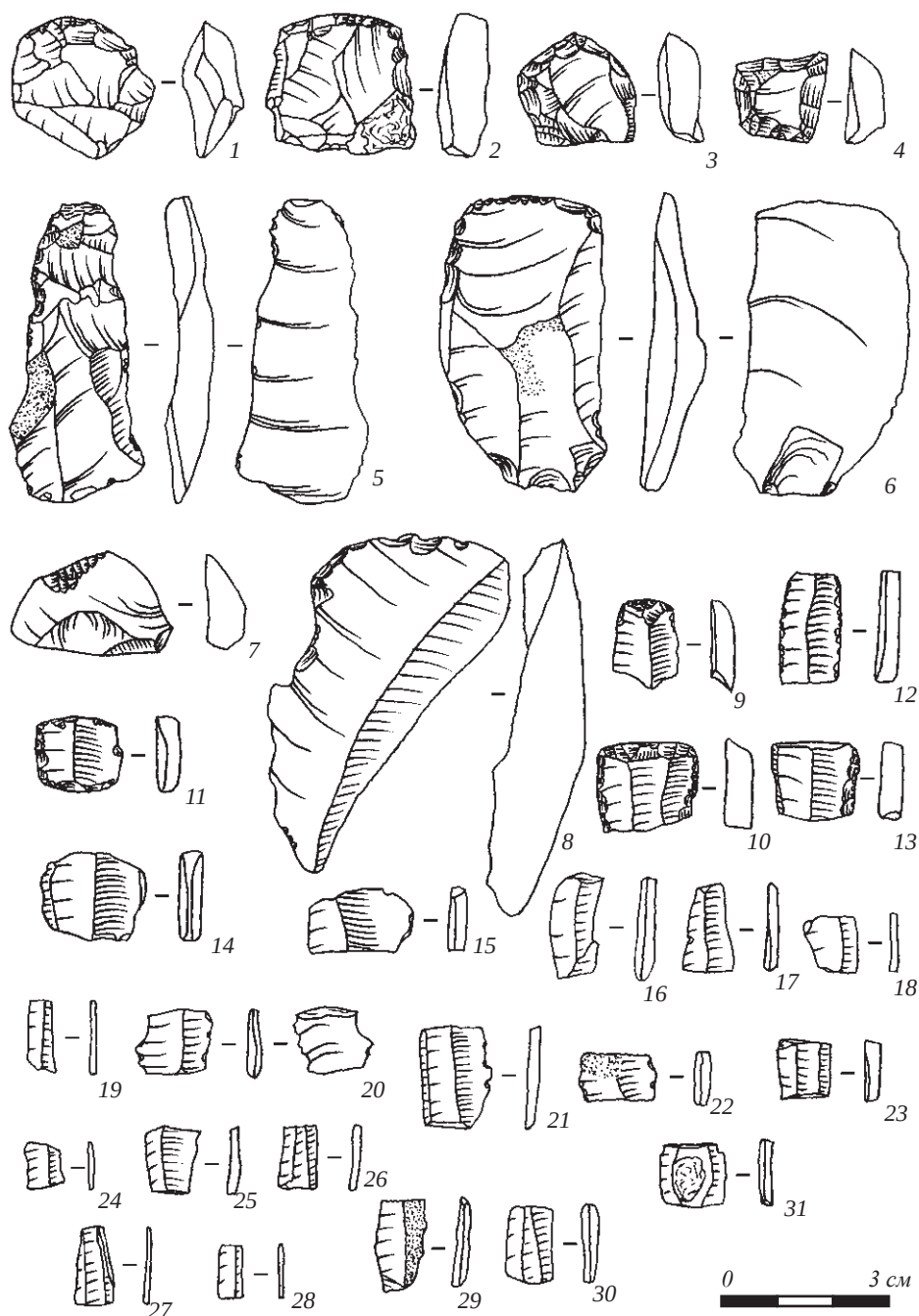

Рис. 6. Орудия и микропластинки со стоянки Лёкшмозеро 3 (Усть-Чёлма)

1-4, 6 – скребки; 5 – ножевидное орудие; 7 – скобель; 8 – отщеп с ретушью;
9-31 – микропластины

До 5% от общего числа артефактов из кремня имеют признаки тепловой обработки (как удачно проведенной, так и неудачной) либо нахождения в огне продолжительное время. На одной из микропластин с ВП огранкой отмечены следы тепловой обработки и как минимум трех успешных пластинчатых снятий после тепловой обработки, включая саму микропластину, что может ставить вопрос о наличии данного технологического приема у населения региона уже как минимум в позднем мезолите.

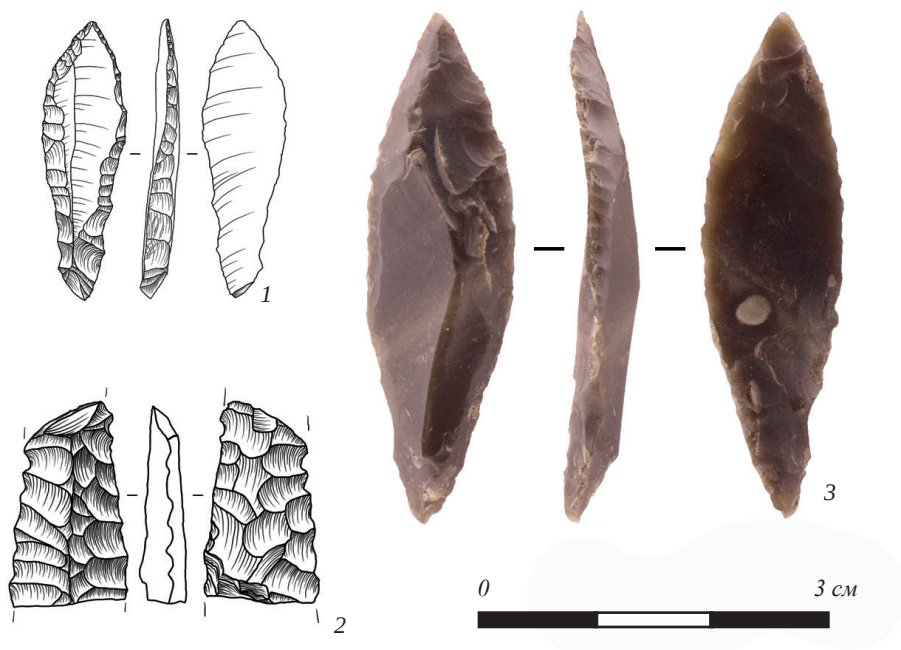

Рис. 7. Кремневые наконечники стрел

1, 2 – Лёкшмозеро 3 (Усть-Чёлма); 3 – Масельга 1

В основании культурного слоя в траншее на краю террасы была изучена древняя яма, заполнение которой, по-видимому, содержало гомогенный комплекс эпохи мезолита. Морфологически выразительные фрагменты кальцинированных костей из структуры были изучены профессором Хельсинского Университета (Финляндия) К. Маннермаа. Все определенные фрагменты (5 шт.) являлись костями бобра (*Castor fiber*).

По фрагменту кальцинированной кости бобра в лаборатории Университета Хельсинки была получена радиоуглеродная AMS-дата 7575–7375 лет до н. э. (8412±19, Hela-4989).

Материалы эпохи мезолита были выявлены на водоразделе между оз. Вильно и оз. Масельгское. Берега озер сильно террасированы и поросли смешанным лесом.

Местонахождение Масельга 1 расположено в 2,1 км юго-восточнее южной окраины д. Масельга, на второй террасе оз. Вильно, на узкой слабо наклонной площадке длиной до 50 м и шириной 10–13 м (рис. 1: 14). Коллекция подъемного материала состоит из кремневых артефактов. Представлены два скребка

на отщепе, унифасиальный наконечник стрелы на пластине или пластинчатом отщепе с дорсальной ретушью по периметру и вентральной ретушью в области острия и насада. Этот наконечник (рис. 7: 3) по морфологии и технологии изготовления находит аналогии в материалах мезолитической культуры Веретье Восточного Прионежья (Ошибкина, 1983), а также в более южных материалах бутовской культуры Верхней Волги. Также найдены одноплощадочный остаточный нуклеус для снятия отщепов со следами расщепления на наковальне, отщепы и сколы.

Приведенный обзор показывает, что накопленные к настоящему времени археологические материалы позволяют расширить хронологию и уточнить характеристику мезолита Беломорско-Балтийского водораздела. Технологический контекст получения микропластин присутствует практически на всех указанных памятниках. Помимо микропластин и их фрагментов, выявлено несколько характерных карандашевидных и торцовых нуклеусов, сколы подправки фронта и площадки. Следует отметить сведения о находках на памятниках Вершинино 2 и Морщининская 1 черешкового наконечника на ножевидной пластине и, возможно, фрагмента такого наконечника. Эти сведения, однако, нуждаются в проверке.

Убедительными свидетельствами освоения водораздела человеческими коллективами уже в раннем мезолите – не позднее рубежа IX/VIII тыс. до н. э. – являются полученные из надежных археологических контекстов радиоуглеродные AMS-датировки. Показательны результаты анализа фаунистических материалов из раскопок на памятнике Усть-Чёлма (Лёкшмозеро 3). Все определимые кости оказались костями бобра – при полном отсутствии костей рыбы. Такая композиция фаунистических останков характерна именно для раннемезолитических комплексов лесной полосы Восточной Европы (Герасимов и др., 2010), хотя малочисленность коллекции костей со стоянки Усть-Чёлма, происходящей с небольшой исследованной площади, не позволяет уверенно апеллировать к этим данным.

Облик кремневой индустрии, как и немногочисленные типологически выразительные находки (прежде всего, наконечники стрел на пластинах), позволяют говорить о близости мезолитических комплексов Беломорско-Балтийского водораздела мезолитическим комплексам культуры Веретье Восточного Прионежья в узком (классическом) смысле этого термина. При этом прослеживаются и аналогии мезолитическим комплексам Верхней Волги, что соответствует представлениям о едином раннемезолитическом круге культур типа Пулли – Бутово – Веретье.

Анализ геоморфологической приуроченности археологических памятников, на которых представлены материалы периода мезолита, позволяет предварительно выделить два уровня над урезом воды в озерах, на которых они расположены. Это наблюдение, по-видимому, касается памятников как Кенозера, так и Лёкшмозера. Верхний уровень – террасы высотой 5–6 м над урезом воды, нижний – 2–3 м над урезом воды.

Предварительные результаты анализа геоморфологии, стратиграфии и образцов из отложений на памятнике Усть-Чёлма (Герасимов и др., 2024) показывают, что на рубеже раннего и среднего голоцена уровень оз. Лёкшмозеро, вероятно, понизился на 2–3 м. Результаты изучения отложений оз. Среднее, расположенного в 300 м от юго-западного побережья Кенозера и ранее являвшегося его заливом, также дают основание предположить понижение уровня озера

в конце бореального периода (Сапелко, 2006). Падение уровня озер на рубеже бореального и атлантического периода фиксируется в разных частях лесной полосы Восточной Европы (Квасов, 1975).

Находки типологически выразительных артефактов, характерных для раннего мезолита, происходят с памятников, расположенных на «верхнем» уровне (Моршихинская 1, Вершинино 2). Радиоуглеродные датировки, относящиеся к концу IX–VIII тыс. до н. э. получены для археологических контекстов, расположенных на «верхнем» уровне (Косицына 2, Усть-Чёлма). Конечно, участки обитания, относящиеся к позднему мезолиту (конец VIII – VI тыс. до н. э.), могут располагаться как на «верхнем», так и на «нижнем» уровне. Но, если предположение о понижении уровня крупных озер на рубеже раннего и среднего голоцена верно, материалы раннего мезолита не могут происходить с «нижнего» уровня. Тогда, судя по материалам памятников Лёкшмозеро 2, Медвежий остров 5 и других, микропластинчатая техника была распространена на территории Беломорско-Балтийского водораздела как в раннем, так и в позднем мезолите.

Очевидно, для получения полноценного представления о мезолите рассматриваемого региона требуются дальнейшие исследования, прежде всего стационарные археологические раскопки наиболее перспективных комплексов. Тем не менее, результаты исследований последних лет позволяют с уверенностью говорить об освоённости водораздельных территорий уже с раннего мезолита и предположить достаточно резкое изменение гидрографической ситуации в регионе на рубеже бореального и атлантического периодов.

Статья подготовлена в рамках тем НИР «Археологическое наследие Кенозерья: вопросы сохранения и перспективы использования» (НИП «Кенозерский»), «Центры этно- и культурогенеза и контактные зоны в Евразии и Америке в конце плейстоцена и голоцене (по данным физической антропологии, археологии и этнологии)» (МАЭ РАН).

Список литературы

- Герасимов Д. В., Крийска А., Лисицын С. Н. Освоение побережья Финского залива Балтийского моря в каменном веке // Материалы III Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: "ИздатНаукаСервис", 2010. С. 28–53.
- Герасимов Д. В., Стрельцов М. А., Фёдоров И. В., Хартанович В. И. Археологическое наследие Кенозерья: вопросы сохранения и перспективы использования // Материалы международной конференции «Кенозерские чтения – 2019». Архангельск: ФГБУ Национальный парк «Кенозерский», 2019. С. 116–124.
- Герасимов Д. В., Хартанович В. И., Холкина М. А., Муравьев Р. И., Ткач Е. С. Кенозерье как часть феномена сверхустойчивой доисторической культурной общности // Материалы международной конференции «Кенозерские чтения – 2021». Архангельск: изд. ФГБУ Национальный парк «Кенозерский», 2022. С. 156–163.
- Герасимов Д. В., Кузнецов Д. Д., Лудикова А. В., Муравьев Р. И., Сапелко Т. В., Хартанович В. И., Холкина М. А. Об истории озера Чёлмское и древнейших обитателях Кенозерья // Материалы международной конференции «Кенозерские чтения – 2023». Архангельск: изд. ФГБУ Национальный парк «Кенозерский», 2024. С. 88–99.
- Гиля Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий (Методика микро-макроанализа древних орудий труда) // Археологические изыскания. Вып. 44, ч. 2. СПб.: Академ Принт, 1997. 198 с.

- Едовин А. Г. Археологическое наследие Кенозерья // Кенозерские чтения: материалы 1-й Всероссийской научной конференции / отв. ред. Е. Ф. Шатковская; сост. А. А. Куратов. Архангельск, ФГУ «Нац. парк «Кенозерский»: Правда Севера, 2004. С. 65–82.
- Едовин А. Г. Новая группа мезолитических памятников Архангельского Севера. Стоянки Приозерья // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь: Триада, 2009. С. 98–107.
- Квасов Д. Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 278 с.
- Козырева Р. В. О работе в Каргопольском и Няндомском районах Архангельской области // Археологические открытия 1966. М.: Наука, 1967. С. 10.
- Козырева Р. В. О работе Каргопольского отряда // Археологические открытия 1967. М.: Наука, 1968. С. 13–14.
- Косорукова Н. В. Мезолитические памятники в бассейне р. Шексны (хронология памятников и характеристика развития каменной индустрии) // Тверской археологический сборник. Вып. 4, том 1. Тверь: Тверской государственный объединённый музей, 2000. С. 91–98.
- Косорукова Н. В., Кулькова М. А., Сапелько Т. В. Торфяниковая стоянка Погостище 15 по данным археологии и междисциплинарных исследований // Археологические вести. 2017. № 23. С. 67–83.
- Лукин А. А., Шарова Ю. Н. Оценка качества вод на основе гистологического анализа организмов рыб (на примере оз. Кенозеро) // Кенозерские чтения: материалы 1-й Всероссийской научной конференции / отв. ред. Е. Ф. Шатковская; сост. А. А. Куратов. Архангельск, 2004. С. 178–194.
- Манюхин И. С. Отчет о работе Илекского археологического отряда Карельской археологической экспедиции в Каргопольском и Онежском районах Архангельской области в 1989 году / Карельский филиал ИЯЛИ. Ф 1. Оп. 6. Дело №145. 1989.
- Мартынов А. Я. Отчет о работе Соловецкого отряда комплексной Кенозерской экспедиции в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9384.
- Мартынов А. Я., Дзенисов Г. А., Ирха П. А., Потуткин Н. С., Шаврин С. А. Древности Кенозера: стационарные исследования стоянки Косицына-2 в 2019 году // Материалы международной конференции «Кенозерские чтения – 2021». Архангельск: изд. ФГБУ Национальный парк «Кенозерский», 2022. С. 220–237.
- Ошибкина С. В. Мезолитический могильник "Попово" на р. Кинеме // Советская археология. 1982. № 3. С. 122–138.
- Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983. 295 с.
- Ошибкина С. В. Мезолитические погребения Восточного Прионежья // Археологические вести. 1994. № 3. С. 48–57.
- Ошибкина С. В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 201 с.
- Ошибкина С. В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М.: ИА РАН, 2006. 322 с.
- Ошибкина С. В. Эпоха мезолита на Севере Европы // На переломе эпох. М.: ИА РАН, 2009. С. 280–295.
- Поляков И. С. Исследования по каменному веку в Олонецкой губ., в долине реки Оки и на верховьях Волги. Отд. отт. из журн.: Записки Императорского Русского географического общества, т. IX. СПб., 1881.
- Природное и культурное наследие Кенозерского национального парка. Петрозаводск: ПетроПресс, 2002. 176 с.
- Чернов С. З. Изучение Кенского волокa // Археологические открытия 1979. М.: Наука, 1980. С. 37.

- Шевелёв В. В. Исследования 1998 года в Каргополье // Исторический город и сохранение традиционной культуры. М.: Московский государственный университет культуры и искусств, 1999. С. 117–120.
- Фосс М. Е. Стоянка Веретье (Отчет Северной экспедиции Государственного исторического музея о раскопках 1929–1934 гг. торфяника в бассейне оз. Лача) // Труды Государственного исторического музея. Т. XII, М.: ГИМ, 1941. С. 21–70.
- Oshibkina S. V. Funeral rituals of the population of the Eastern Lake Onega region (based on materials from Popovo and Peschanitsa cemeteries) // Mesolithic burials – Rites, Symbols and social organisation of early postglacial communities: conference proceedings. Halle: Beier-Beran, 2016. P. 793–808.

Сведения об авторах

Герасимов Дмитрий Владимирович, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, РФ
E-mail: dger@kunstkamera.ru

Муравьёв Роман Иванович, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ
E-mail: alcesalces243@gmail.com

Холкина Маргарита Алексеевна, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ
E-mail: tyttokulta@yandex.ru

Маннермаа Кристиина, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия
E-mail: kristiina.mannermaa@helsinki.fi

Мелютина Марина Николаевна, Национальный парк «Кенозерский», Архангельск, РФ
E-mail: nauka@kenozero.ru

D. V. Gerasimov, R. I. Muravyov, M. A. Kholkina, K. Mannermaa, M. N. Melyutina

BETWEEN VOSTOCHNOYE PRIONEZHYE AND THE ONEGA LAKE: MESOLITHIC OF THE WATERSHED OF THE WHITE SEA AND THE BALTIC SEA

Abstract. The Mesolithic epoch in the Arkhangelsk region is known primarily from the materials of archaeological sites of the Veretye culture, which were studied mainly in the lake lowlands of the Vostochnoye Prionezhye region. Until recently the Mesolithic of the watershed between the Baltic, White Sea and Caspian basins has been little studied. In the recent years archaeological work was conducted at the lakes Kenozero and Lekshmozero. Previously known Stone Age sites have been examined, and new ones have been found. New archaeological materials have been obtained from archaeological surveys and excavations, also first radiocarbon dates on this territory were obtained from archaeological contexts. The results of the research are evidence of inhabiting of the watershed territories since the Early Mesolithic (from the turn of IX/VIII ka BC), of developed microblade industry in both the Early and Late Mesolithic, and to suggest a rather drastic change in the hydrographic situation in the region at the turn of the Boreal and Atlantic periods.

Keywords: Mesolithic, Arkhangelsk region, Kenozero, Lekshmozero, Veretye culture.

СТОЯНКА ДОЛГОЕ 11 И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ВОЛГО-КЛЯЗЬМИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Резюме. Представленная публикация вводит в научный оборот материалы, полученные в результате раскопок двухслойной стоянки Долгое 11, расположенной в восточной части Волго-Клязьминского междуречья, в Савинском районе Ивановской области. По результатам естественнонаучных анализов нижний культурный слой стоянки отнесен к финальному палеолиту, а верхний – к раннему мезолиту. На сегодняшний день это единственный в рассматриваемом регионе датированный памятник этих периодов. Стоянка имеет важное значение для решения вопросов о времени освоения человеком восточной части Волго-Клязьминского междуречья.

Ключевые слова: стоянка Долгое 11, палеолит, мезолит, каменный инвентарь, палинология, ОСЛ-датирование, восточная часть Волго-Клязьминского междуречья

Общие сведения о памятнике. Стоянка Долгое 11 располагается в Савинском районе Ивановской области, на территории Федерального заказника «Клязьминский», в восточной части Волго-Клязьминского междуречья (далее по тексту – ВКМ). Археологическое изучение территории заказника было начато коллективом Ивановской археологической экспедиции в 2005 г. и продолжается в настоящее время. За указанный период здесь открыто более трех десятков археологических памятников, большая часть которых относится к эпохе камня. На некоторых из них проведены стационарные раскопки, давшие выразительные археологические коллекции. Материалы исследований регулярно вводятся в научный оборот (Аверина, Аверин, 2007; Аверин, Аверина, 2020).

С 2013 г. исследования сосредоточены на оз. Долгое (рис. 1). По происхождению оно относится к типу пойменных старичных озер, имеет вытянутую форму. Ранее, соединяясь протоками с оз. Ореховое, Некрасово, Печхало и др., оно входило в состав крупной озерной системы, возникшей на месте древнего русла р. Клязьмы. В настоящее время часть этих проток пересохла, в результате чего замкнувшиеся озера (Некрасово, Печхало и др.) начали быстро заболачиваться. Некоторые протоки сохранились и сейчас, хотя процесс их пересыхания идет быстро. Археологические памятники располагаются на коренном (северном) берегу стариц, к югу от них простирается болотистая пойма Клязьмы.

Одним из наиболее интересных объектов исследования, открытых на оз. Долгое, является стоянка каменного века с порядковым номером 11. Ее изучение было начато в полевом сезоне 2013 г. (Цветков, 2014) и продолжалось в 2014 (Самотовинский, 2015), 2016 (Чечулин, 2017), 2018 и 2022 гг. Стоянка располагается в 3 км к юго-востоку от с. Изотино, приурочена к песчаной возвышенности, хорошо читающейся в рельефе. Высота над современным уровнем озера – 6 м (рис. 2). Площадь памятника совсем невелика: исследования последних лет показывают, что она практически полностью исчерпана раскопом в 51 кв. м (рис. 3). В общей сложности в раскопе найдено 1090 археологических предметов, происходящих из двух культурных слоев. Наибольшая

концентрация находок отмечалась в шурфе 2013 г. и примыкающих к нему квадратах из прирезок 2014 и 2016 гг. Для сравнения: в 2013 г. на площади 4 кв. м было обнаружено 226 предметов; в 2014 г. – 393 предмета на площади 16 кв. м; в 2016 г. – 392 предмета на площади 15 кв. м и в 2022 г. – 79 предметов на площади 14 кв. м. В прирезке 2018 г., сделанной для отбора дополнительных образцов на датирование, археологический материал вовсе отсутствовал. Единичные находки распространяются лишь в одном направлении – за пределы северо-восточного угла прирезки 2022 г., под основание вековой сосны, не дающей возможности доследовать этот фрагмент культурного слоя. Северная, западная, южная и большая часть восточной линии квадратов раскопа археологического материала уже не содержали.

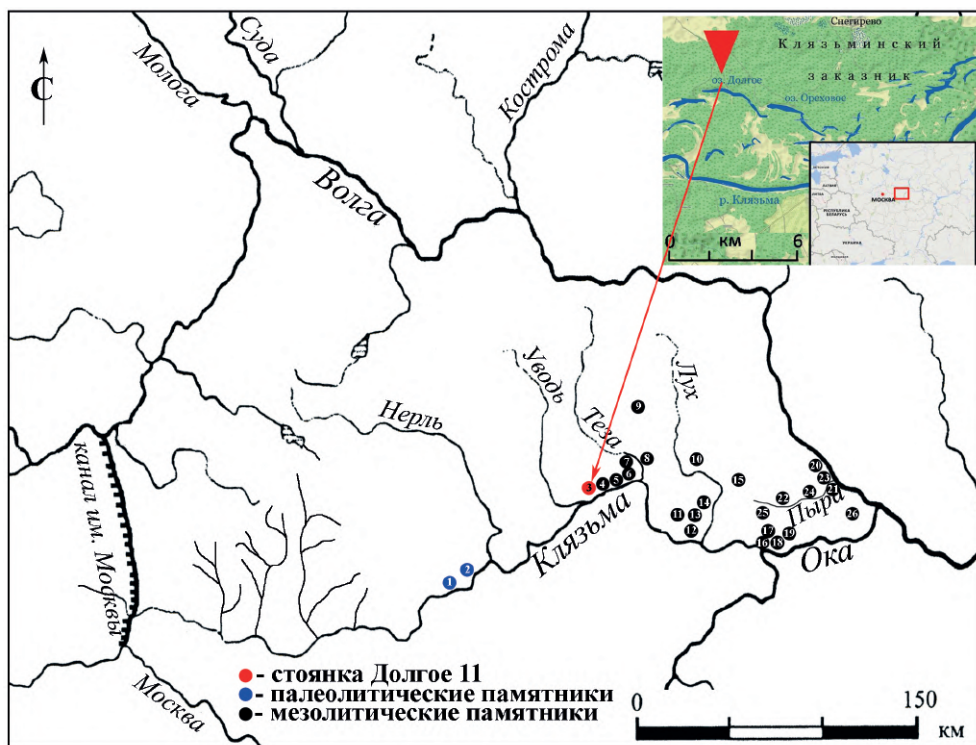

Рис. 1. Археологическая карта восточной части Волго-Клязьминского междуречья

- 1 – Русаниха; 2 – Сунгирь; 3 – Долгое 11; 4 – Долгое 8–10; 5 – Ореховое 6; 6 – Мордовское 4, 6, 7; 7 – Алексеевская 1, 2, 4; 8 – Тарантаево; 9 – Малая Ламна 3; 10 – Горки; 11 – Заборочье 2; 12 – Липовская усадьба; 13 – Ново 1; 14 – Якушиха 1–5; 15 – Утрех 3–5; 16 – Красная Горка 3, 4; 17 – Сейма 5, 6; 18 – Гавриловка 12, 14; 19 – Решетиha 4; 20 – Горшиха; 21 – Большое Козино 1, 2, 6; 22 – Боровское, 3, 18; 23 – Лукино 1; 24 – Первое Мая 3; 25 – Погарново; 26 – Головковское озеро 1, 3

Территория стоянки задернована, поросла мхом, кустарником и соснами. Никаких современных повреждений поверхности не зафиксировано.

Геоморфология, почвы и стратиграфия памятника ранее были довольно подробно опубликованы (Аверин, Аверина, 2018; Аверин и др., 2021), поэтому здесь данные сведения мы приведем в несколько сокращенном виде.

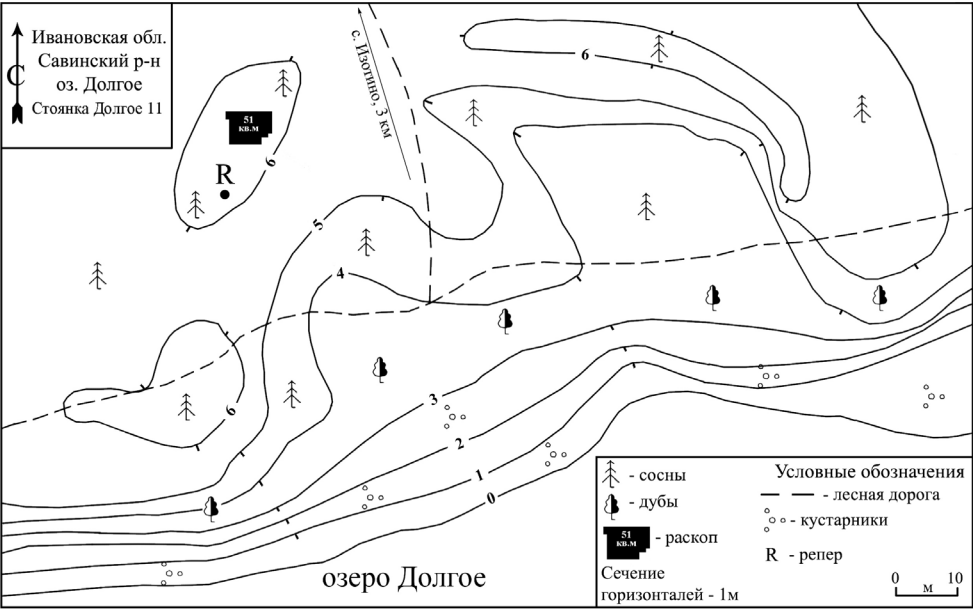

Рис. 2. Топографический план стоянки Долгое 11

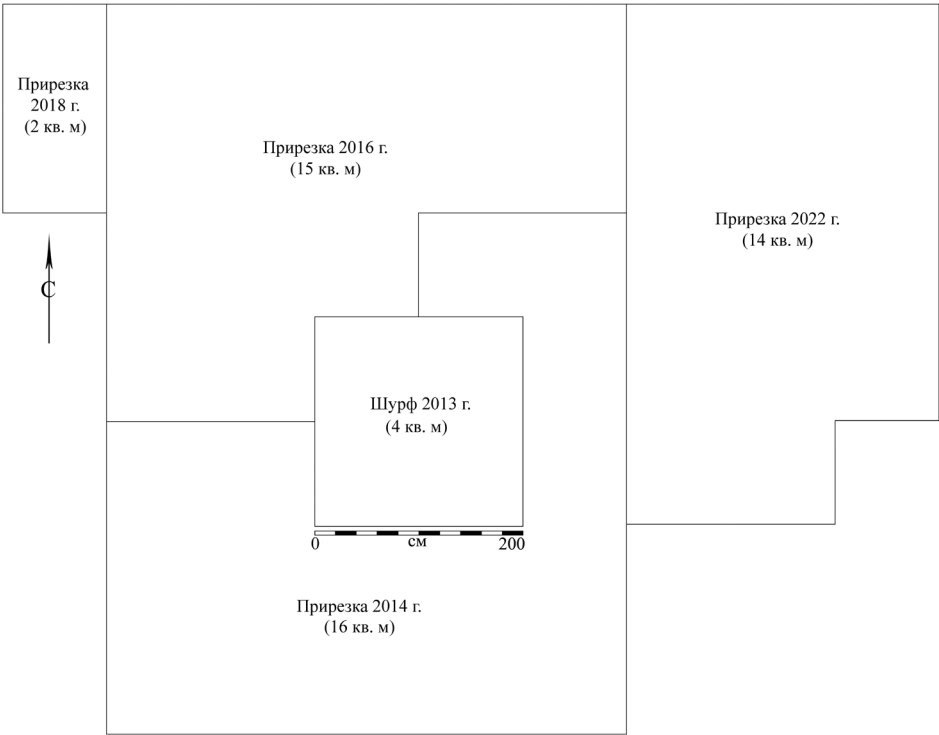

Рис. 3. Сводный план раскопа на стоянке Долгое 11

Савинский и Южский районы Ивановской области входят в состав Волжско-Клязьминской моренно-зандровой равнины. Она залегает на размытых пермских и мезозойских отложениях южной части Московской синеклизы и восточной части Волго-Уральской антекклизы. Там, где находится стоянка, располагается зандровая долина – Балахнинская (Лухская) низина. На водоразделах между реками Клязьмой, Тезой и Лухом располагается ледниковая равнина. Рельеф левобережья Клязьмы в общем представлен пологоволнистой равниной, понижающейся в южном направлении. Флювиогляциальные отложения постепенно сменяются аллювиальными. Уступы террас практически не выражены. Стоянка располагается в краевой, фронтальной части низкой надпойменной террасы, к югу от которой находится пойменное старичное оз. Долгое, а еще далее к югу – пойма р. Клязьмы. Здесь она имеет ширину около 3 км. Отложения низкой террасы Клязьмы, на которой располагается стоянка Долгое 11, представлены песчаным аллювием, слоистым, с прослоями гравия.

В стратиграфии памятника, согласно заключению А. Л. Александровского (рис. 4) выделяются несколько слоев, связанных с развитием рельефа в конце позднего плейстоцена – начале голоцена. Они представлены флювиальными и эоловыми осадками. Во фронтальной части низкой террасы вдоль оз. Долгое протягивается валообразное повышение, невысокое (не более 1 м над поверхностью террасы), которое может иметь эоловое или флювиальное происхождение. Раскоп располагается на вершине этого повышения. В бортах раскопа прослеживается погребенная почва, залегающая на глубине 80–100 см от дневной поверхности. Именно к ней приурочен нижний культурный слой. Перекрывающий слой, вероятно, представляет собой дюну. После накопления 80-сантиметрового слоя отложений в течение голоцена поверхность оставалась стабильной. Под действием процессов почвообразования в течение около 10 тыс. лет происходило преобразование состава и морфологии рассматриваемой толщи. В основном они заключались в формировании подзола в верхней части песчаных отложений. Почвенный профиль представлен серией генетически связанных горизонтов. Верхний, гумусовый горизонт (AY 0–12 см) образован в результате окраски гумусовыми веществами и дисперсным углем верхней части песчаной толщи. Ниже залегает подзолистый горизонт (E 12–25 см) – следствие отмыwania оксидов железа с поверхности кварцевых песчаных зерен. Еще ниже располагается иллювиальный горизонт (BF 25–45 см), образованный в результате осаждения оксидов железа на поверхности песчаных частиц в виде рыжих пленок. В профиле подзола обнаруживаются естественные и антропогенные нарушения: черная углистая яма (1), вывалы деревьев (2), которые нарушают подзол и древнюю погребенную почву (3). На месте подобных нарушений, связанных с вывалами, профиль почвы восстанавливается. Сначала выравнивается поверхность вывала, появляется гумусовый горизонт, вслед за ним – нарушенные горизонты E (белесый элювиальный) и BF (рыжий, иллювиально-железистый). В данном случае поверхность вывала выровнена полностью, но почвенные горизонты внутри него восстановились не целиком, видны белесые, рыжие и сероватые зоны. В основании эоловой толщи, на глубине 65–80 см, располагается еще один осветленный горизонт – BF/E, появление которого связано с застаиванием влаги над поверхностью погребенной почвы, восстановлением железа и его оттоком при промывании почвы атмосферными

осадками. На уровне погребенной почвы и ниже сформировались волнистые железистые прослойки – так называемые псевдофибры. Их образование также связано с передвижением железа вниз по профилю почвы. В представленном разрезе псевдофибры начинаются на глубине 80 см и видны до уровня 120 см. Рассматриваемые горизонты генетически связаны друг с другом (элювиально-иллювиальный процесс). Они составляют классический профиль дерново-подзолистого почвенного профиля, формирующейся на песках под лесной растительностью. Строение погребенной почвы здесь нарушено, она сохранилась только на отдельных участках в виде педоседиментов (4). На этих участках лучше сохраняются и псевдофибры (5), образовавшиеся после погребения почвы. Большую роль в разрушении погребенной почвы играют корни деревьев – на ее месте формируются осветленные («оподзоленные») зоны.

Каменный инвентарь. Стоянка Долгое 11 расположена на минеральных грунтах, поэтому каменный инвентарь – единственное, что сохранилось в культурных напластованиях. Полученные в процессе работ данные позволяют уверенно говорить о наличии на рассматриваемой стоянке двух культурных слоев. Этот вывод подтверждается как планиграфическими и стратиграфическими наблюдениями, так и типологическим анализом коллекции каменного инвентаря. В толще напластований памятника фиксируются два пика концентрации находок, первый из которых приходится на глубину 15–35 см, а второй – 85–105 см от дневной поверхности. Разделяющая их толща песка содержит лишь единичные артефакты, очевидно попавшие туда из верхнего культурного слоя. По крайней мере типологически они идентичны находкам из него и залегают, в отличие от нижнего слоя, в относительно рыхлом песчаном грунте (рис. 5). Материалы верхнего и нижнего культурных слоев существенно отличаются друг от друга как по используемому кремневому сырью, так и по типологическим и технологическим характеристикам. Данные факты уже в первый год работы позволили нам говорить о одновременности этих комплексов.

Каменный инвентарь *верхнего культурного слоя* характеризуется очень высокой степенью пластинчатости. Среди находок преобладают сколы без вторичной обработки: пластины (шириной до 10 мм), микропластинки (шириной до 5 мм) регулярной и нерегулярной огранки (рис. 6: 1–47) и отщепы, изготовленные из высококачественного кремня темно-коричневого, бежевого и черного цветов. Такой кремнь на рассматриваемой территории не встречается, он однозначно является приносным. Соотношение пластин/микропластинок и отщепов в данном слое составляет 70% и 30% соответственно.

В верхнем культурном слое найдено 4 конических нуклеуса с высокой степенью утилизации (в т. ч. обломанных), с которых подобные пластины/микропластинки и снимались (рис. 6: 64–66). Одним экземпляром представлен нуклеидный кусок от отщепов (вероятно, проба пригодности сырья).

Изделий со второй обработкой – 36 шт. Доминирующим типом являются резцы с узкой кромкой (1–2 мм) на углу пластин и микропластинок (рис. 6: 52–58, 60–63, 69). Их в коллекции насчитывается 14 шт. Скребок – 7 экз. Среди них: концевой микроскребок на пластине неправильной огранки, лезвие прямое, обработано мелкой крутой дорсальной ретушью (рис. 6: 50); концевой микроскребок на пластине неправильной огранки, со скошенными

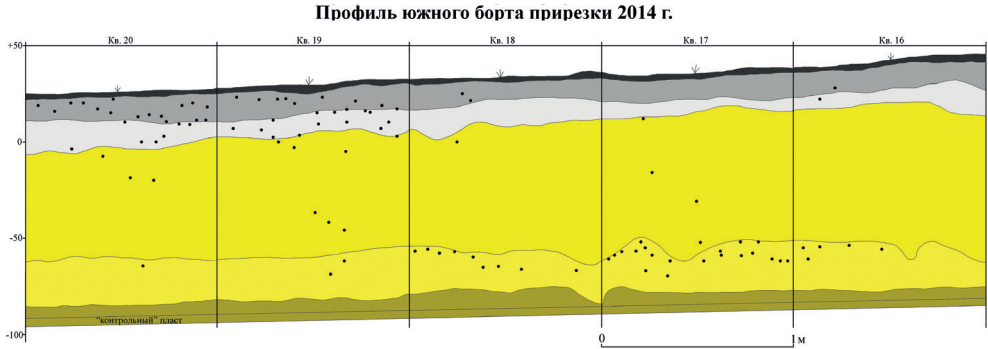
крутой дорсальной ретушью рабочими лезвиями; концевой-боковой скребок на массивном, грубо оббитом отщепе, лезвие дугообразное, обработано крутой дорсальной ретушью (рис. 6: 59); 2 концевых скребка на отщепах, лезвия прямые, обработанные полукрутой дорсальной ретушью (рис. 6: 70, 71); а также 2 аморфных скребка с дугообразным лезвием на отщепах, с обработанными крутой дорсальной ретушью рабочими лезвиями. Коллекцию дополняют: микропластинка с притупленным и слегка скошенным мельчайшей дорсальной ретушью дистальным концом (рис. 6: 48); сечение пластины правильной огранки, один край которой обработан мельчайшей дорсальной ретушью; острое со скошенным крутой дорсальной ретушью концом на микропластинке правильной огранки (рис. 6: 51); ребристая микропластинка подтреугольной формы с мельчайшей вентральной ретушью по одному краю, кончик обломан – вероятно, была проколка (рис. 6: 67); сечение микропластинки правильной огранки, по одному краю которой с вентральной стороны имеется мельчайшая ретушь (рис. 6: 68). Большой интерес представляет обломок черешкового наконечника стрелы на широкой пластине (12 мм) правильной огранки – черешок оформлен мельчайшей вентральной ретушью (рис. 6: 49). Оставшиеся изделия с вторичной обработкой представлены обломками неопределимых орудий, изготовленных преимущественно на пластинах.

Подобный инвентарь характерен для мезолитических памятников ВКМ, в частности, бутовской культуры. При этом в восточной части рассматриваемой территории качественный приносной кремь является большой редкостью.

**Рис. 4. Стоянка Долгое 11, горизонты профиля подзола
(северный борт прирезки 2016 г.)**

AY – гумусовый; E – элювиальный; BF – иллювиальный; BF/E – контактно-осветленный;
A – гумусовый горизонт погребенной почвы. 1 – углистая яма; 2 – верхняя часть вывала;
3 – нижняя часть вывала; 4 – участок погребенной почвы хорошей сохранности;
5 – псевдофибры. Слева на разрезе – результаты ОСЛ-датирования (по Аверин и др., 2021)

Рис. 5. Стоянка Долгое 11

Распределение находок по слоям в профиле южного борта прирезки 2014 г. (культурные слои I – верхний мезолитический и II – нижний палеолитический)

Здесь он встречается в небольшом количестве преимущественно на стоянках раннего мезолита. Ближайшие аналогии вышеописанной коллекции прослеживаются в материалах стоянки Ореховое 6 (Аверин, Аверина, 2013), расположенной в 2,5 км к востоку-юго-востоку, на берегу старичного оз. Ореховое, некогда составлявшего единую с оз. Долгое протоку. Еще ряд подобных коллекций происходит из раскопок 1960–1970-х гг. стоянок у с. Мордовское, находящихся на расстоянии около 10 км к востоку-северо-востоку. Эти памятники расположены на берегах старичных озер в низовьях Клязьмы и ее левых притоков (Уводь, Теза, Лух).

Изделия из *нижнего культурного слоя* изготовлены из серого, желто-коричневого, серовато-желтого и красно-коричневого кремня. Качество этого сырья значительно более низкое по сравнению с сырьевой базой верхнего культурного слоя. Часть кремневого сырья, судя по всему, является приносным, а часть – местный моренный кремень. Соотношение пластин и отщепов в данном слое составляет 20% (пластины) на 80% (отщепы).

Первичное расщепление представлено фрагментом двуплощадочного нуклеуса встречного скалывания от пластин (рис. 7: 13), а также тремя одноплощадочными аморфными нуклеусами (рис. 7: 5, 26). Найдено несколько десятков отщепов без вторичной обработки, в т. ч. массивных, пластины и их сечения без вторичной обработки (рис. 7: 16, 20, 24, 25).

Изделий со вторичной обработкой немного – всего 19 экземпляров. Они изготовлены на отщепах и массивных пластинах (шириной до 2–2,5 см), полученных при помощи жесткого отбойника. Орудийный набор представлен комбинированными орудиями (вариант «скребок-резец») на отщепах (рис. 7: 1, 2); концевыми скребками – с дугообразным лезвием, оформленным полукрутой дорсальной ретушью на отщепе (рис. 7: 3) и со скошенным лезвием, обработанным аналогичной ретушью на пластине (рис. 7: 19); угловыми резцами с кромкой средней (от 5 до 9 мм) ширины на отщепах и осколках (рис. 7: 4, 11, 12, 17); высокими трапециями (рис. 7: 7, 23); пластинами неправильной огранки с мельчайшей ретушью по краям (рис. 7: 9, 21); проколками со сломанными остриями на отщепах (рис. 7: 14, 18); стамеской со слегка вогнутым лезвием, оформленным полукрутой вентральной ретушью, на пластине неправильной

огранки, разломанной на три части (рис. 7: 15); неясного назначения геометрическим микролитом на осколке кремня, обработанном крутой дорсальной ретушью по обоим краям и основанию (рис. 7: 22); а также отщепами с ретушью (рис. 7: 6, 8, 10).

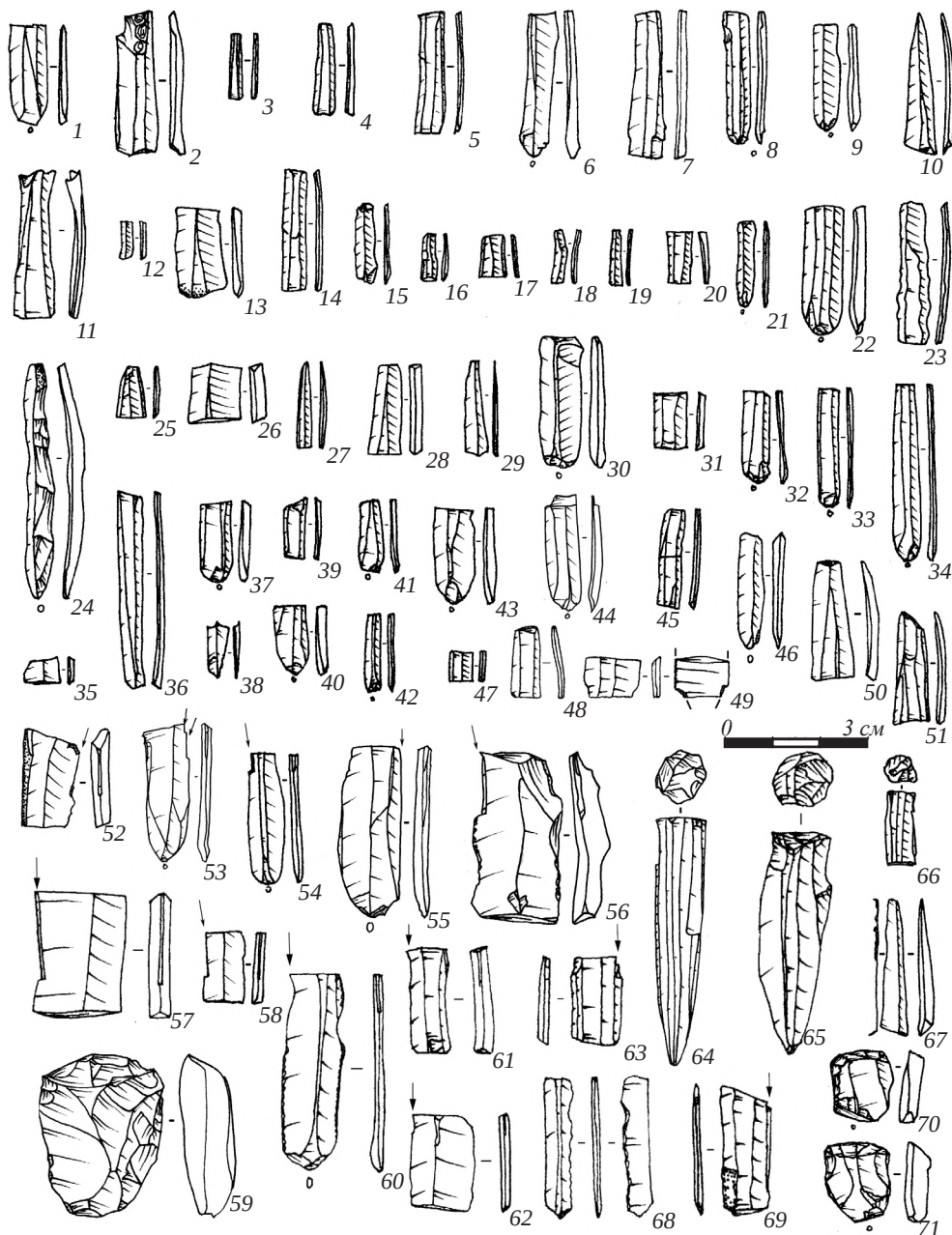

Рис. 6. Каменный инвентарь верхнего (мезолитического) слоя стоянки Долгое 11

Подобные изделия за пределами ВКМ – например, в Волго-Окском междуречье – встречаются на памятниках мезолитической иеневской культуры, существовавшей в финале плейстоцена – начале голоцена. Также прослеживаются некоторые аналогии в палеолитических материалах Окского бассейна (Трусов, 2011).

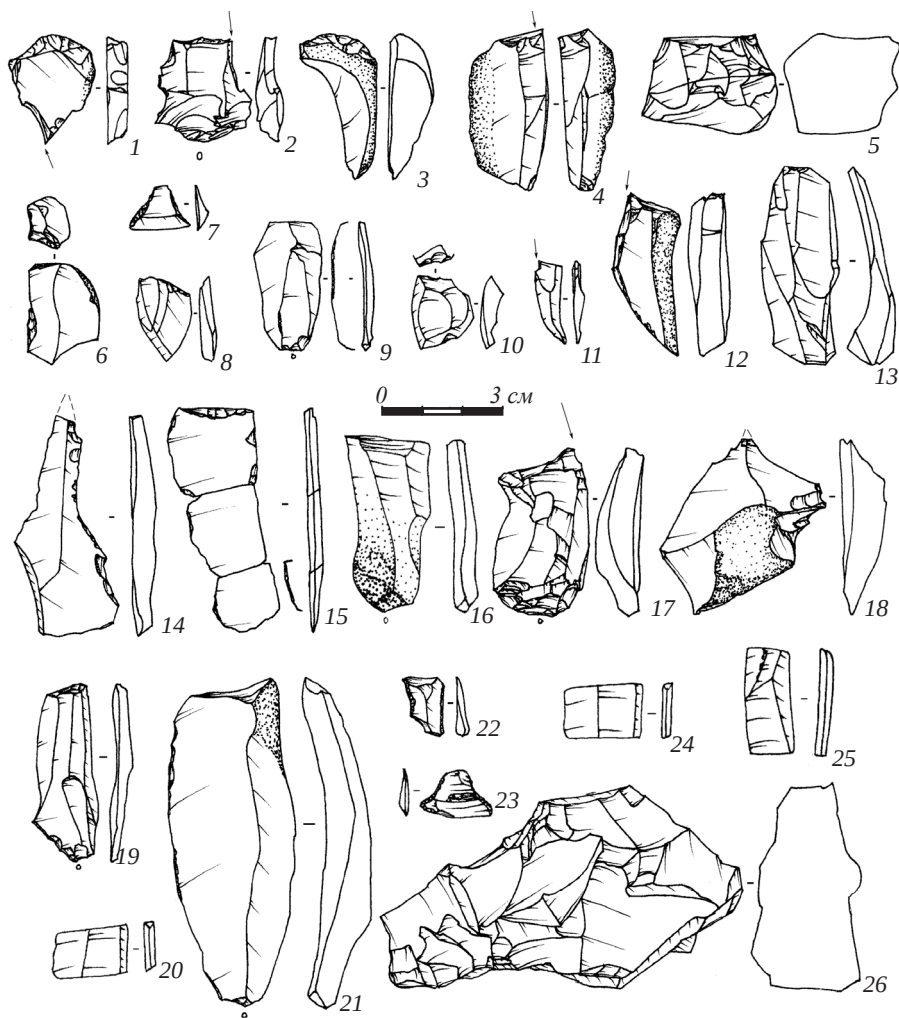

Рис. 7. Каменный инвентарь нижнего (палеолитического) слоя стоянки Долгое 11

Результаты естественнонаучных анализов. Первые образцы на палинологический анализ были отобраны из южного борта прирезки 2014 г. Их обработка выполнена специалистами лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН¹. Ранее полученные данные не публиковались, поэтому здесь мы приведем заключение палинологов.

¹ Авторы выражают благодарность Е. А. Спиридоновой, М. Д. Кочановой и А. С. Алёшинской за проведенное исследование.

Сверху вниз вскрыты следующие слои:

0,00–0,06 м – слой 1, дерн. Образец 1.

0,06–0,16 м – слой 2, темно-серый песок мелкозернистый, сыпучий. Образцы 2, 3.

0,16–0,21 м – слой 3, светло-серый (до белого) песок, мелкозернистый, сыпучий. Образец 4.

0,21–0,29 м – слой 3а, буровато-желтый песок (погребенная почва). Образцы 5, 6.

0,29–0,92 м – слой 4, серовато-желтый песок, мелкозернистый, сыпучий. Образцы 7–18.

0,92–1,01 м – слой 5, темно-серый песок, мелкозернистый, сыпучий. Образцы 19, 20.

1,01–1,26 м – слой 6, темно-желтый (местами коричневый) песок с горизонтальной слоистостью, с вкраплениями ожелезнений (материк). Образцы 21–24.

Всего было проанализировано 24 образца. Не во всех образцах было одинаковое количество пыльцы и спор, в образцах 15–18 было недостаточное для статистической обработки количество микрофоссилий. Вероятно, это были этапы, на которых происходило наиболее значительное перевевание субстрата. По результатам палинологического анализа выделено 11 спорово-пыльцевых комплексов (рис. 8).

Нижняя погребенная почва хорошо фиксируется в разрезе (слои 5 и 6), но верхняя часть ее разрушена. В образцах из слоя 6 отмечено много крупных спикул губок, есть зола, угольки. Сохранность пыльцы чаще хорошая. Слой 5 представляет собой разрушенную верхнюю часть этого почвенного горизонта. Здесь отмечены только очень мелкие фрагменты спикул губок, редко встречается зола и угольки. Содержание спор и пыльцы низкое. Исходя из особенностей состава спектров, горизонт этой почвы вмещает в себя два спорово-пыльцевых комплекса. В спорово-пыльцевой комплекс объединяются образцы, которые имеют в спектрах одинаковый или близкий качественный и количественный состав доминирующих форм.

I спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием березы). Выделен по образцам 19–24 с глубин 0,94; 0,99; 1,04; 1,09; 1,14 и 1,19 м соответственно (нижняя часть погребенной почвы, слой 6). В общем составе преобладает пыльца древесных пород, содержание которой увеличивается от низов к верхам комплекса от 58 до 75%. Содержание пыльцы травянистых растений соответственно несколько сокращается снизу вверх и составляет от 22 до 33%. Спор 6–10%. В группе древесных пород доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (57–78%),

Справа: Рис. 8. Стоянка Долгое 11. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений, вскрытых в прирезке 2014 г.

Условные обозначения: Общий состав: 1 – сумма пыльцы древесных пород; 2 – сумма пыльцы травянистых растений; 3 – сумма спор высших споровых растений. Древесные породы: 4 – ель (*Picea*); 5 – сосна (*Pinus*); 6 – береза (*Betula*); 7 – ольха (*Alnus*); 8 – ива (*Salix*); 9 – сумма пыльцы широколиственных пород. Травянистые растения: 10 – злаки (*Poaceae*); 11 – осоковые (*Cyperaceae*); 12 – маревые (*Chenopodiaceae*); 13 – полыни (*Artemisia*); 14 – сумма пыльцы разнотравья. Споры: 15 – зеленые мхи (*Bryales*); 16 – сфагновые мхи (*Sphagnum*); 17 – папоротники семейства многоножковые (*Polypodiaceae*); 18 – плауны (*Lycopodiaceae*) (по Спиридонова и др., 2016)

значительно содержание пыльцы березы (*Betula*) – от 16 до 32%. Также необходимо отметить присутствие, хоть и единично, пыльцы березы карликовой (*Betulanana*). Помимо этого, встречена пыльца ольхи (*Alnus*) в среднем в количестве 5–8%, а в отдельных случаях (обр. 23) – до 15%. Единично встречена пыльца ели (*Picea*) и липы (*Tilia*). Травянистые растения представлены преимущественно пылью полыней (*Artemisia*) (41–63%), а также злаков (*Poaceae*) (21–36%) и растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (16–18%). Единично отмечена пыльца вересковых (*Ericaceae*). Содержание пыльцы разнотравья значимо только в низах комплекса, и то только за счет пыльцы растений семейства зонтичных (*Apiaceae*) (11%). К верхам комплекса содержание пыльцы разнотравья сходит на нет, и в обр. 19 она вообще не обнаружена. Среди спор отмечены почти только споры зеленых мхов (*Bryales*) (до 100%), только в обр. 20 встречены единичные споры плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*), папоротников семейства многожковых (*Polypodiaceae*) и сфагновых мхов (*Sphagnum*). Споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) также единично присутствуют в обр. 23 и 24.

Судя по данным палинологического анализа, нижняя часть почвы образовалась в период времени, когда происходила постепенная смена ландшафтов полуоткрытого типа на ландшафты с преобладанием сосновых и сосново-березовых лесов. В древостое единично могла присутствовать ель и реже липа. Среди травянистых и кустарничковых растений велика роль полыней, маревых и злаков. Такой характер спектра указывает на преобладание в ландшафте сосновых боров, сосново-березовых сообществ и перигляционных полынно-злаковых степей с участием маревых. Последовательность изменения спектров в комплексе отражает смену условий от близких к межстадиалу и, возможно, до его оптимума. По составу флоры, где нет никаких экзотических элементов, описанный комплекс отражает межстадиальный этап позднего плейстоцена. Таких этапов в позднем плейстоцене много, включая даже первую половину беллинга. В аллереде в спектрах с преобладанием сосны встречается больше пыльцы ели.

II спорово-пыльцевой комплекс. Выделен по образцам 15–18 с глубин 0,74; 0,79; 1,04; 0,84; 0,89 м соответственно (низы слоя 4). Комплекс выделен условно. В указанных образцах были отмечены пыльца и споры, но в количестве недостаточном для статистической обработки. Вероятнее всего, учитывая характер генезиса изучаемых отложений, эти образцы соответствуют этапу наибольшего перевеивания субстрата.

III спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием березы; маревые) выделен по образцам 12–14 с глубин 0,59; 0,64 и 0,69 м соответственно (средняя часть слоя 4). В общем составе сокращается до 30–40% (а в верхнем образце комплекса даже до 16%) содержание пыльцы древесных пород, пыльцы травянистых растений становится больше (44–55%) (в верхнем образце – до 80%), содержание спор уменьшается от низов к верхам комплекса 14–15 до 5%. В группе древесных пород доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (60–66%), на втором месте по содержанию – пыльца березы (*Betula*) (21–40%). В небольших количествах отмечена пыльца ели (*Picea*), ольхи (*Alnus*) и липы (*Tilia*). Среди травянистых растений больше всего пыльцы растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (23–58%), пыльца злаков (*Poaceae*) составляет 6–20%,

полыней (*Artemisia*) – от 7 до 22%. В составе разнотравья встречается преимущественно пыльца растений семейства зонтичных (*Apiaceae*), в небольшом количестве отмечена пыльца семейства лютиковых (*Ranunculaceae*), подсемейства циклориевых (*Cichorioideae*) и рода валерианы (*Valeriana*). Споровые растения представлены преимущественно спорами зеленых мхов (*Bryales*) (70–83%), а также спорами плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (17–29%).

IV спорово-пыльцевой комплекс (береза с участием сосны; полыни) выделен по образцу 11 с глубины 0,54 м. В общем составе господствует пыльца травянистых растений (84%), содержание пыльцы древесных пород составляет около 8%, спор – около 7%. В группе древесных пород на первое место по содержанию выходит пыльца березы (*Betula*) (58%). Содержание пыльцы сосны (*Pinus*) сокращается до 33%. В небольшом количестве отмечена пыльца ели (*Picea*). Среди травянистых растений больше всего пыльцы полыней (*Artemisia*) (46%), пыльца растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) составляет 27%, злаков (*Poaceae*) – 6,5%. В составе разнотравья (20%) по-прежнему больше всего пыльцы растений семейства зонтичных (*Apiaceae*) (17%). Единично и в небольших количествах отмечена пыльца семейства яснотковых (*Lamiaceae*) и подсемейства астровых (*Asteroideae*). В группе споровых по-прежнему доминируют споры зеленых мхов (*Bryales*) (82%), по 9% приходится на споры папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) и плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*).

В спектрах образцов спорово-пыльцевых комплексов III и IV доминирует пыльца травянистых и кустарничковых растений. Если в комплексе III больше пыльцы сосны и вообще заметнее участие в спектре пыльцы древесных пород, то в самых верхах комплекса III (обр. 12) и в спектрах комплекса IV преобладание пыльцы травянистых растений становится безусловным. Комплекс IV более всего отвечает инситу составу спектра, характерного для позднего дриаса. Необходимо помнить, что в это время отмечается активизация эрозийных процессов, в частности, мелкозернистые пески на открытых ландшафтах подвергались процессу перевевания. Однако бесспорно, что эти два СПК формировались во время позднего дриаса. В это время господствовали открытые ландшафты с травянисто-кустарничковыми полынно-маревыми группировками. Не исключено также существование очень небольших участков леса с преобладанием в древостое березы и реже – сосны. Это так называемый ксерофитный перигляциальный комплекс растительности, который существовал в условиях смещения ландшафтных зон или гиперзональности конца валдайского оледенения.

Начиная с комплекса V (обр. 8–10) в частично развеваемом слое 4 прослеживаются отложения голоцена. По образцам 5 и 6 (комплекс VII) в погребенной почве хорошо выражен оптимум пребореала. На палинологической диаграмме отчетливо видны изменения внешней среды, которые проявляются во флористическом разнообразии, в более заметном участии в спектрах пыльцы древесных пород разных видов, в богатом составе споровых растений. Роль зеленых мхов заметно сокращается, становится больше спор папоротников и сфагновых мхов. Необходимо помнить, что начало формирования отложений пребореала приходится на 4 слой, а потому резкие изменения спектров отчасти можно связать с оловыми процессами, которые уже отмечались ранее.

V спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием березы; полыни, маревые) выделен по образцам 8–10 с глубин 0,39; 0,44 и 0,49 м соответственно (средняя часть слоя 4). В образцах отмечено много мелких остатков органики, присутствуют угольки и зола. В общем составе в низах комплекса имеет место небольшое преобладание пыльцы травянистых растений над пыльцой древесных пород 46–56% и 34–37% соответственно, но в верхнем образце пыльцы древесных пород уже больше – 45%, при 35% пыльцы травянистых и кустарничковых растений. Содержание спор тоже возрастает снизу вверх с 10 до 20%. В группе древесных пород, как и во всем разрезе, за исключением СПКIV, доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (52–73%), на втором месте – пыльца березы (*Betula*) (11–24%). Содержание пыльцы ели (*Picea*) составляет от 2–7%, ольхи (*Alnus*) 6–10%, широколиственных пород, представленных пыльцой липы (*Tilia*) 2–9%. Травянистые растения представлены прежде всего пыльцой полыней (*Artemisia*) (33–60%) и растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (27–37%). Помимо этого, встречена пыльца злаков (*Poaceae*), составляющая 8–19%, и разнотравья (4–13%). В составе разнотравья, как и раньше, больше всего пыльцы растений семейства зонтичных (*Apiaceae*) (3–9%), единично отмечена пыльца семейства гвоздичных (*Caryophyllaceae*) и ворсянковых (*Dipsacaceae*). Состав споровых растений стал разнообразнее, на первом месте по содержанию стали папоротники семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (34–44%), чуть меньше встречено спор зеленых мхов (*Bryales*) (23–24%), сфагновых мхов (*Sphagnum*) (16–20%) и спор плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (16–23%).

VI спорово-пыльцевой комплекс (полыни; сосна с участием березы) выделен по образцу 7 с глубины 0,34 м в том же слое 4. В общем составе доминирует пыльца травянистых и кустарничковых растений (70%), на долю пыльцы древесных пород приходится 23%, на споры – около 7%. Среди древесных пород по количеству пыльцы все также лидирует пыльца сосны (*Pinus*) 67%, на долю пыльцы березы (*Betula*) приходится 11%. Необходимо отметить появление в спектре пыльцы ивы (*Salix*) в достаточно больших количествах (около 10%). В небольших количествах отмечена пыльца ели (*Picea*) (6%), ольхи (*Alnus*) (2%) и липы (*Tilia*) (3%). В группе травянистых растений господствует пыльца полыней (*Artemisia*) (60%) и растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (28%), в небольших количествах отмечена пыльца злаков (*Poaceae*) (5%) и разнотравья (около 7%), из которых 4% приходится на пыльцу семейства зонтичных (*Apiaceae*). Споровые растения представлены преимущественно спорами папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (44%), а также зеленых мхов (*Bryales*) (29%) и плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (22%), единично отмечены споры сфагновых мхов (*Sphagnum*).

Наиболее оптимальные условия пребореального периода фиксируются в спектрах VII спорово-пыльцевого комплекса, выделенного из погребенной почвы (слой 3а), которая прослеживается под светлым слоем 3.

VII спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием ели и березы) выделен по образцам 5 и 6 с глубин 0,24 и 0,29 м соответственно из слоя 3а (погребенная почва). В препаратах встречено много органических остатков, корешки, угольки. В общем составе на первое место выходит пыльца древесных пород (60–63%), на пыльцу травянистых и кустарничковых растений приходится от 22 до 26%, на споры – 14–16%. В группе древесных пород, по сравнению

с предыдущими комплексами, существенным изменением является возросшая роль пыльцы ели (*Picea*), содержание которой составляет 10–16%. В спектре по-прежнему много пыльцы сосны (*Pinus*) (48–65%), на пыльцу березы (*Betula*) приходится 12–13%. Кроме этого, присутствует пыльца ольхи (*Alnus*) (около 6%), ивы (*Salix*) (в верхах комплекса до 10%), единично – лещины (*Corylus*). Пыльца широколиственных пород, представленных липой (*Tilia*), составляет от 4 до 6%. Травянистые растения по-прежнему представлены в основном пылью полыней (*Artemisia*) (44–55%) и растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (28–30%), возрастает количество пыльцы злаков (*Poaceae*) (14–19%). На пыльцу разнотравья приходится 5–9%. Среди споровых растений с низов к верхам комплекса возрастает содержание спор плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (22–51%), а зеленых мхов (*Bryales*) – сокращается с 22 до 8%. Больше становится спор сфагновых мхов (*Sphagnum*) (16–17%). Содержание спор папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) составляет от 25 до 39%.

Палинологические комплексы с V по VII отражают последовательное формирование природной среды недалеко от оз. Долгое в течение отдельных этапов пребореального времени голоцена. Границы позднеледниковье – верхний дриас (комплексы III, IV) и верхний дриас – пребореал (комплексы V–VII) являются наиболее значимыми палеогеографическими рубежами, связанными с потеплением климата и его большей увлажненностью. Характерной чертой всех палинологических комплексов пребореала является значительное расширение площадей, занятых сосново-березовыми и сосновыми лесами с участием широколиственных пород (преимущественно липы). Часто – особенно при менее благоприятных условиях среды, как в нашем случае – сохранялись или даже господствовали элементы перигляциального флористического комплекса, включающего полыни и маревые. Климат пребореального времени не оставался постоянным на протяжении всего этого интервала. Более теплый интервал, который фиксируется V комплексом, характеризуется не только увеличением роли леса с господствующей в древостое сосной, но и появлением в более значимых количествах ели и липы. Временные рамки этого потепления в лесной зоне по ряду памятников устанавливается в интервале от 9300 до 9500 л. н.

Палинологические комплексы VIII–X связаны по времени образования с бореальным периодом голоцена (8000–9000 л. н.). Во всех образцах присутствуют органические остатки и угольки. По-видимому, спектры образца 3 включают в себя элементы спектров более древних отложений, что послужило причиной выделения отдельного комплекса IX.

VIII спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием березы и ольхи; злаки) выделен по образцу 4 с глубины 0,19 м. В общем составе, так же как в предыдущем комплексе, преобладает пыльца древесных пород (60%), пыльцы травянистых растений становится меньше (16%), спор больше – 25%. Среди древесных пород больше всего пыльцы сосны (*Pinus*) (53%). Содержание пыльцы березы (*Betula*) составляет 14%. Сильно возрастает количество пыльцы ольхи (*Alnus*) (16%). Содержание пыльцы ели (*Picea*) несколько сокращается и насчитывает около 6%. В небольших количествах и единично отмечена пыльца ивы (*Salix*), лещины (*Corylus*) и широколиственных пород. В группе травянистых растений характер спектра существенно изменился. Явно доминирует пыльца

злаков (*Poaceae*) (62%). Содержание пыльцы полыней (*Artemisia*) сокращается до 20%, растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) – до 2%. Единично отмечена пыльца осоковых (*Cyperaceae*). Пыльцы разнотравья – 13%, в его составе появляется пыльца растений подсемейств астровых (*Asteroideae*) (2%) и цикориевых (*Cichorioideae*) (4%). Споровые растения представлены прежде всего спорами плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (62%), которые в этом комплексе начинают доминировать. Также присутствуют споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (18%), папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (14%) и зеленых мхов (*Bryales*) (около 6%). Высокое участие в составе растительности плаунов чаще всего отмечается на песчаных пустошах в раннем бореальном периоде.

IX спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием ольхи, березы и небольшим участием широколиственных пород; маревые, полыни) выделен по образцу 3 с глубины 0,14 м. В общем составе содержание пыльцы древесных пород и травянистых растений одинаковое – 38,5%. На споры приходится 23%. Характер распределения пыльцы древесных пород близок таковому в предыдущем комплексе. Необходимо отметить небольшое увеличение содержания пыльцы широколиственных пород (до 8%) и появление в их составе пыльцы дуба (*Quercus*). Среди травянистых растений снова начинает преобладать пыльца растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (37%) и полыней (*Artemisia*) (22%). Роль пыльцы злаков (*Poaceae*) сокращается до 20%. Содержание пыльцы разнотравья возрастает до 20%. В его составе преобладает пыльца растений семейства гвоздичных (*Caryophyllaceae*) (8%) и зонтичных (*Apiaceae*) (около 9%). В группе споровых растений количество спор плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) по-прежнему выше других, хотя и сокращается до 48%. Становится еще больше спор сфагновых мхов (*Sphagnum*) (32%). Содержание спор папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) составляет 15%, зеленых мхов (*Bryales*) около 5%.

X спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием березы; злаки; плауны) выделен по образцу 2 с глубины 0,09 м. В общем составе доля пыльцы травянистых растений сокращается до 14%, количество спор возрастает до 37%, пыльцы древесных пород до 49%. Среди древесных пород доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (61%). Содержание пыльцы березы (*Betula*) возрастает до 20%. По-прежнему довольно много пыльцы ольхи (*Alnus*) – 14%. Пыльца ели (*Picea*), лещины (*Corylus*) и широколиственных пород отмечена единично или в небольших количествах. Травянистые растения представлены практически только пылью злаков (*Poaceae*) (88%). В небольших количествах отмечена пыльца разнотравья (7%), в составе которого присутствует только пыльца растений подсемейства цикориевых (*Cichorioideae*) и пыльца растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) и полыней (*Artemisia*) (по 2%). В группе споровых господствуют споры плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (71%), на долю спор сфагновых мхов (*Sphagnum*) приходится 14%, папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) – около 9%, зеленых мхов (*Bryales*) – 6%.

Для бореального периода (8000–9000 л. н.) характерно постепенное потепление климата. В начале бореала в составе растительного покрова преобладали сосновые и реже – сосново-березовые леса. Прослеживается

исчезновение полыней и маревых даже в местах песчаных пустошей. Более оптимальные условия бореального периода характеризовались лесной растительностью с большей сомкнутостью, где роль широколиственных пород была уже значительна.

XI спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием березы; злаки; папоротники) выделен по образцу 1 с глубины 0,04 м. В общем составе абсолютно господствует пыльца древесных пород – 79%. На долю пыльцы травянистых растений приходится всего 11%, на споры – 10%. В целом по характеру распределения пыльцы комплекс близок к предыдущему. Основными отличиями является значительно более высокая роль древесных пород в спектре и сокращение числа и изменение характера распределения спор. В группе споровых растений количество спор плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) сокращается до 9%, роль спор зеленых мхов (*Bryales*) возрастает до 26%, а папоротников семейства многожковых (*Polypodiaceae*) – до 44%. Этот палинологический комплекс отражает современную растительность, где преобладает лес с участием смешанных сосновых или сосново-березовых сообществ с небольшим участием широколиственных пород. В более увлажненных условиях среды возрастает роль ольхи и, возможно, ели.

Таким образом, в результате палинологических исследований удалось проследить изменение растительности на протяжении различных интервалов позднеплейстоценового межстадиала, позднего дриаса, пребореала и бореала (Спиридонова и др., 2016).

Дополнительная серия из 8 образцов для датирования методом оптически стимулированной люминесценции была отобрана из северного борта прирезки 2016 г. Их предварительная обработка выполнена в лаборатории люминесцентного датирования МГУ – ИГРАН, а измерения эквивалентной дозы и мощности дозы выполнены в Скандинавской люминесцентной лаборатории Risø Орхусского университета в Дании. Сопоставление археологического материала (и уровня его залегания) с полученными абсолютными датами позволило определить возраст нижнего культурного горизонта – около 13,5–14 тыс. л. н. Судя по всему, расселение древнего человека в районе стоянки произошло в условиях аллередского потепления. Верхний культурный горизонт сформировался уже в голоцене, около 9 тыс. л. н. Результаты ОСЛ-датирования образцов были опубликованы (Аверин и др., 2021), поэтому в данной статье мы не будем подробнее об этом говорить.

Таким образом, методы естественных наук надежно подтвердили наши предположения о возрасте исследованных культурных отложений, основанные на типологических характеристиках каменного инвентаря, а также стратиграфических и планиграфических наблюдениях.

Стоянка Долгое 11 и вопросы освоения восточной части ВКМ. Стоянка Долгое 11, на наш взгляд, является важным памятником, позволяющим поднять некоторые вопросы, связанные с освоением человеком восточной части ВКМ. Под восточной частью ВКМ мы понимаем территорию междуречья, находящуюся в пределах Балахнинской низины. По современному административному делению это Савинский, Пестяковский и Южский районы Ивановской области, северные части Ковровского, Вязниковского и Гороховецкого

района Владимирской области, Володарский, Балахнинский районы, а также г. о. Дзержинск и заречная часть г. Нижний Новгород Нижегородской области.

На сегодняшний день древнейшими памятниками в восточной части ВКМ являются стоянки Сунгирь и Русаниха. Хотя они и располагаются за пределами Балахнинской низины, но в то же время довольно близко к интересующей нас территории. Исследователи относят их к ранней поре верхнего палеолита (*Трусов*, 2011). Затем в хронологической шкале следует огромный пробел – до бо-реального и начала атлантического периодов. Слабая изученность создавала ошибочное представление о незаселенности данных территорий в финальном палеолите и раннем мезолите. При этом памятники указанных периодов были хорошо известны и на Оке, и в Верхнем Поволжье. На этом основании даже создавались теории, что восток рассматриваемого региона впервые был освоен населением мезолитической бутовской культуры на поздних этапах ее существования в результате ее вытеснения с исконных земель представителями иеневской культуры (*Кольцов*, 1989).

Сейчас мы имеем надежные доказательства того, что и в финальном палеолите, и в раннем мезолите восточная часть ВКМ была освоена человеком. Здесь происходили те же процессы, что и в западной части региона – наиболее ранние памятники приурочены к крупным водным артериям – Волге, Оке, Клязьме. Нижний слой стоянки Долгое 11 свидетельствует, что в позднем плейстоцене человеком было освоено нижнее течение Клязьмы – современное оз. Долгое представляет собой палеоруло этой реки. Несмотря на то, что это пока первый здесь памятник того времени, нельзя полагать, что посещение было единственным. Речь скорее идет об очень слабой изученности близлежащих территорий.

В раннем мезолите рассматриваемая нами территория продолжает осваиваться и свидетельств тому уже больше. Ранним голоценом датируется верхний культурный слой стоянки Долгое 11. Очень схож с ним, как по сырью, так и по топографии расположения и технико-морфологическим характеристикам, мезолитический комплекс стоянки Ореховое 6. Следовательно, мы имеем достаточно оснований экстраполировать на него раннемезолитический возраст. Близкими по возрасту, судя по тем же критериям, являются памятники Долгое 8 и 9, расположенные в нескольких десятках метров к востоку от 11-й стоянки. К сожалению, на сегодняшний день по этим объектам нет естественнонаучных датировок, да и раскопаны они на незначительной площади (по 12 кв. м на каждой). Очень важным в данном вопросе является еще одно местонахождение. Летом 1987 г. в г. Балахна Нижегородской области при копке траншеи на территории асфальтового завода, выстроенного на месте осушенного болота, была обнаружена роговая муфта для крепления топора (*Аверин, Аверина*, 2021). Известно, что подобные артефакты были распространены лишь в раннем мезолите лесной зоны Восточной Европы и бытовали у населения трех культур: Кунда, Веретье и бутовской (*Жилин*, 2001; *Аверин и др.*, 2012). Муфта находится на хранении в Балахнинском музейном историко-художественном комплексе и до 2015 г. о ней практически никому не было известно. Вместе с тем данная находка чрезвычайно важна. Во-первых, это самая восточная точка распространения подобных изделий, известных на сегодняшний день. Во-вторых, она подтверждает факт присутствия здесь населения в раннем мезолите. В-третьих, косвенно может указывать на его культурную принадлежность.

С конца пребореального периода в восточной части ВКМ мы можем наблюдать тенденцию проникновения первобытных коллективов вглубь водораздельных территорий, преимущественно на озерные котловины, связанные с крупными водными артериями реками второго и третьего порядка (Теза, Лух, Исток, Утрех, Пыра и др.). В западной части рассматриваемой территории этот процесс фиксируется со времени свыше 10000 л. н. – например, нижний культурный слой стоянки Становое 4 в Ивановской области (Жилин, Аверин, 2022). Мезолитическое население ориентировалось на освоение мелководных и/или проточных озер, служивших идеальным местом для охоты и рыболовства (Жилин, 2002). При этом следует помнить, что торфяники в восточной части ВКМ практически не исследованы – нельзя исключать, что этот процесс здесь начался намного раньше.

О полном освоении человеком рассматриваемой территории мы можем уверенно говорить с бореального периода голоцена. Радиоуглеродную дату 8800 ± 90 (Le-2610) л. н. имеет культурный слой стоянки Малая Ламна 3 в Южском районе Ивановской области (Уткин, 1990). В Нижегородской области известны стоянки Утрех 3, 5 (Кольцов, Жилин, 1999) в Володарском районе, Боровское 3 (Жилин, Энговатова, 1996) и 18 (Жилин, 1996) в Балахнинском районе, палинологическим методом датированные второй половиной бореала. Открытая в 2015 г. И. В. Гилевичем стоянка Первое Мая 3 в Балахнинском районе имеет радиоуглеродную дату 7270 ± 270 (Ki-19237)².

Есть еще ряд памятников, которые, к сожалению, не имеют датировок и относятся к мезолиту лишь на основании типологического анализа каменного инвентаря. Это стоянки Долгое 8–10 в Савинском районе (Аверин, Аверина, 2018); 4, 6, 7 у с. Мордовское, 1, 2, 4 у оз. Алексеевское (близ с. Холуй), Тарантаево в Южском районе; у д. Горки в Лухском районе Ивановской области (Комаров, 1994); стоянки Заборочье 2, Липовская усадьба, Ново 1 и Якушиха 1–5 в Вязниковском районе Владимирской области (Зимина и др., 1995); хорошо известная и вместе с тем практически утраченная стоянка Горшиха в границах современного г. Балахна, Большое Козино 2, 3 и 6, Лукино 2, Погарново, Головковское озеро 1 и 3 в Балахнинском районе, стоянки Сейма 5, 6, Гавриловка 12, 14, Утрех 4, Красная горка 3, 4 и Решетиха 4 в Володарском районе Нижегородской области (Николаенко, 2013). Данные памятники хоть и являются лишь «точками на карте» (рис. 1), но вместе с тем они обозначают ареал бытования первобытных коллективов.

Заключение. Стоянка Долгое 11, надежно датированная методами естественных наук, заполнила небольшую лауну в огромном временном промежутке – с ранней поры верхнего палеолита до бореального периода голоцена, о котором для рассматриваемой территории до недавнего времени не было никаких сведений. Теперь не вызывает сомнений, что восточная часть ВКМ была освоена человеком точно так же, как западная и центральная его части. Здесь происходили те же самые процессы – первоначально первобытные коллективы расселялись по берегам крупных водных артерий (Волга, Ока, Клязьма), а затем посредством их притоков проникали вглубь водораздельных территорий, осваивая озерные котловины, удобные для охоты и рыболовства.

² Авторы выражают благодарность Ивану Владимировичу Гилевичу за предоставленную возможность использовать в работе его неопубликованные материалы.

Имеющиеся на сегодняшний день данные не позволяют уверенно говорить о культурной принадлежности древнего населения восточной части ВКМ. Если для мезолита мы еще можем предполагать, что это были носители бутовской культуры (роговая муфта из Балахны, типологический набор кремневых изделий), то для финального палеолита таких аналогий нет. Для решения множества открытых вопросов представляется целесообразным продолжение разведочных работ на рассматриваемой территории. Весьма перспективным направлением может стать обследование торфяников, которых здесь достаточно. Факт присутствия человека в восточной части ВКМ в финальном палеолите и раннем мезолите уже зафиксирован, а новые материалы могут помочь в установлении деталей процесса освоения этих территорий.

Список литературы

- Аверин В. А., Аверина А. В.* Мезолитический комплекс стоянки Ореховое 6 в Южном районе Ивановской области // ТАС. Вып. 9. Тверь, 2013. С. 182–189.
- Аверин В. А., Аверина А. В.* Результаты разведочных работ на озере Долгое на территории Федерального Клязьминского заказника в 2013 г. // ТАС. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 228–243.
- Аверин В. А., Аверина А. В.* Федеральный заказник «Клязьминский»: история археологического изучения // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 15. Н. Новгород, 2020. С. 11–19.
- Аверин В. А., Аверина А. В.* Еще раз к вопросу о местонахождениях мезолитических роговых муфт на территории Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 12. Тверь, 2021. С. 180–184.
- Аверин В. А., Аверина А. В., Уткин А. В.* Мезолитические роговые муфты с территории Верхнего Поволжья // РА. № 1. М. 2012. С. 122–128.
- Аверин В. А., Александровский А. Л., Викулова Н. О., Курбанов Р. Н.* Стоянка каменного века Долгое 11 в Савинском районе Ивановской области: первые результаты датирования методом оптически стимулированной люминесценции // КСИА. Вып. 263. 2021. С. 117–128.
- Аверина А. В., Аверин В. А.* Результаты археологической разведки на территории Клязьминского заказника // Материалы областной краеведческой конференции. Т. 2. Владимир, 2007. С. 106–109.
- Жилин М. Г.* Мезолитический слой стоянки Боровское 18 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород, 1996. Вып. 1. С. 53–66.
- Жилин М. Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
- Жилин М. Г.* Заселение Сахтышского торфяника в мезолите и неолите // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 99–105.
- Жилин М. Г., Аверин В. А.* Многослойная торфяниковая стоянка Становое 4 в Верхнем Поволжье. М.- СПб.: Нестор-История. 2022. 328 с.
- Жилин М. Г., Энговатова А. В.* Многослойная стоянка Боровское 3 // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 3. Иваново, 1996. С. 17–26.
- Зими́на М. П., Красно́в Ю. А., Леонтьев А. Е., Михайлова Л. А., Самойлович Н. Г., Седова М. В.* Археологическая карта России: Владимирская область. М., 1995. 384 с.
- Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. 352 с.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: памятники бутовской культуры. М.: Наука, 1999. 155 с.
- Комаров К. И.* Археологическая карта России: Ивановская область. М., 1994. 224 с.

- Николаенко Т. Д. Археологическая карта России: Нижегородская область. Ч. 3. М., 2013. 405 с.
- Самотовинский Д. В. Отчет о работах на территории Вичугского, Савинского и Фурмановского районов Ивановской области в 2014 г. Иваново // Архив ИА РАН. 2015. Р-1, № 46513.
- Спиридонова Е. А., Кочанова М. Д., Алёшинская А. С. Заключение по результатам палинологического анализа по образцам из разреза на стоянке Долгое 11 (центральная часть южной стенки раскопа квадрат 18) // Архив ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция». 2016.
- Трусов А. В. Палеолит бассейна Оки. М.: Репроцентр-М, 2011. 312 с.
- Уткин А. В. Мезолитическая стоянка Малая Ламна III в бассейне р. Лух // СА. № 4. 1990. С. 158–168.
- Цветков А. А. Отчёт о проведении археологических разведок на территории Ивановского, Приволжского и Савинского районов Ивановской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. 2014. Р-1, № 41616, альбом № 41617, альбом № 41618.
- Чечулин П. Н. Отчёт о раскопках стоянки Долгое 11 в Савинском районе Ивановской области в 2016 г. // Архив ИА РАН. 2017. Р-1, № 51158.

Сведения об авторах

Аверин Вадим Александрович, ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция»
E-mail: iv-ae@yandex.ru

Аверина Анна Викторовна, ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция»
E-mail: kad_ni_ko_ya@mail.ru

V. A. Averin, A. V. Averina

DOLGOE 11 SITE AND SOME ISSUES OF HUMAN EXPLORATION OF THE EASTERN PART OF THE VOLGA-KLYAZMA INTERFLUVE

Abstract. The article deals with the results of the excavation of two-layer site Dolgoe 11, eastern part of Volga- Klyazma interfluve (Savinsky district of Ivanovo Region). According to data of pollen analysis and OSL dating the lower cultural layer of the site is relate to the Final Palaeolithic, but the upper one to the early Mesolithic. Today it's the only one site in this area dated back to this period.

Keywords: site Dolgoe 11, Palaeolithic, Mesolithic, stone tools, palynology, OSL-dating, eastern part of Volga-Klyazma interfluve.

«ПЕРЕВЕРНУТЫЕ ВО ВРЕМЕНИ»: О РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ ЗАХОРОНЕНИЙ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА САХТЫШСКИХ МОГИЛЬНИКОВ (ЦЕНТР ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ)

Резюме. В статье рассматриваются вопросы радиоуглеродного датирования погребений из могильников неолита – энеолита близ озера Сахтыш (центр Русской равнины, Ивановская область). В последнее десятилетие в пяти зарубежных лабораториях (Дания, Германия, Северная Ирландия, Нидерланды, США) было получено 60 AMS-дат по захоронениям, ассоциируемых с льяловской и волосовской культурами. В результате оказалось, что погребение № 11 могильника Сахтыш Па, которое ранее относили к льяловской культуре, было совершено в эпоху бронзы (фатьяновская культура). Погребения волосовской культуры (одни с янтарными украшениями, другие с подвесками из серпентина) в результате применения к AMS-датам поправок на резервуарный эффект по модели, разработанной Джоном Медоузом, оказались «перевернутыми во времени» на 180 градусов. Это обстоятельство изменило наши представления о хронологии волосовской культуры и поставило вопрос о пересмотре ее происхождения и этапов развития.

Ключевые слова: неолит – энеолит, Русская равнина, Сахтыш, льяловская и волосовская культуры, могильники, AMS-даты.

В центре Европейской части России (Ивановская область) около палеоозера Сахтыш находится уникальный комплекс памятников археологии. На пяти из них было исследовано около 150 захоронений, ассоциируемых с льяловской и волосовской культурами. Самое первое из них обнаружили во время работ Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР (РАН) под руководством Д. А. Крайнова в 1962 г. на Сахтыше I. Затем последовали открытия на Сахтыше II, VII, VIII и, наконец, на Сахтыше Па. Последний могильник оказался самым крупным (67 могил) и наиболее изученным. В публикациях материалов могильников представлялся прежде всего археологический контекст захоронений и сопровождавших их ритуальных комплексов (Крайнов, 1973; Крайнов, Уткин, 1991; Крайнов, Костылёва, Уткин, 1990; 1991; 1993; 1994а; 1994б; Костылёва, Уткин, 2000; 2008; 2010а).

Внимание уделялось также и антропологическому изучению погребенных. Начало ему положила Г. В. Лебединская, побывавшая на раскопках Сахтыша II в 1963 г. В 1990-е гг., когда шли работы на Сахтыше Па, в полевых, а затем и лабораторных условиях изучением останков погребенных занимались В. Н. Федосова и М. В. Добровольская (Козловская), работавшие в группе антропологов ИА РАН под руководством Т. И. Алексеевой. Результаты этих исследований нашли отражение в коллективной монографии, посвященной антропологии сахтышских стоянок (Алексеева и др., 1997). Г. В. Лебединская представила 17 реконструкций облика людей, похороненных в могильниках Сахтыш II и Па (Там же. С. 15–17, 164–188. Рис. 7–31). М. В. Добровольская (Козловская) неоднократно обращалась к реконструкции питания охотников-рыболовов

из могильника Сахтыш Па (Козловская, 1996; Алексеева и др., 1997. С. 93–114; Энговатова, Добровольская, Костылева, 2015).

В связи с накоплением материалов – как археологических, так и антропологических – особую актуальность приобрела проблема культурно-хронологической атрибуции захоронений. Сначала единый массив захоронений на основе особенностей погребального обряда, стратиграфии и планиграфии был разделен на льяловский и волосовский. (Крайнов, Костылёва, Уткин, 1990). Позднее в рамках волосовской культуры наметилось выделение ее ранней и поздней фаз развития (Уткин, Костылёва, 2006). Однако тогда еще не было абсолютных дат по костям людей. И лишь в середине 1990-х гг. в Геологическом институте АН СССР (РАН) (Москва)¹ Л. Д. Сулержицким были получены с помощью классической β -распадной методики первые радиоуглеродные даты по останкам погребенных из могильника Сахтыш Па. На датирование В. Н. Федосовой были отобраны образцы от 7 льяловских и 29 волосовских захоронений. В основном это были кости из верхнего отдела посткраниального скелета (обломки ребер, позвонков, ключиц, лопаток). При этом Л. Д. Сулержицкий сетовал на слишком малый объем костного материала для датирования, что, возможно, и обусловило незначительный выход коллагена или даже полное его отсутствие. В результате даты 17 захоронений не получились, а 8 оказались не соответствующими нашим представлениям о хронологии льяловской и волосовской культур, в том числе и три «пятитысячные» даты (unCal BP) волосовских захоронений. Их мы посчитали удревленными. 11 дат – 4 льяловских и 7 волосовских – были признаны валидными. Почти все даты имели большой доверительный интервал (Костылёва, Уткин, 2009. С. 32). К анализу этих дат обратились Е. Н. Черных с соавторами. В своей статье они представили их и в калиброванном виде, при этом отметив, что к датам из «труднообъяснимого археологического комплекса Сахтыш ПА» потребовался «специфический подход». Авторами было указано на необходимость полной публикации всех материалов памятника, чтобы «внести ясность в культурно-хронологическую верификацию комплекса» (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011. С. 30, 34, 55. Таб. 6).

В опубликованной нами в 2010 г. книге по нео- и энеолитическим могильникам Волго-Окского междуречья были обобщены все имеющиеся тогда сведения по сахтышским захоронениям (погребальный обряд, стратиграфия и планиграфия захоронений, половозрастные определения, радиоуглеродные даты) (Костылёва, Уткин, 2010б). Вместе с тем проблема культурной атрибуции захоронений и их хронологии продолжала оставаться весьма актуальной. Это касалось погребений как льяловской, так и волосовской культур. Корректировку в наши представления стали вносить даты, полученные по останкам сахтышских охотников-рыболовов с помощью ускорительной масс-спектрометрии (AMS) в нескольких зарубежных центрах радиоуглеродного датирования.

Первые из них появились благодаря интересу Х. Пиезонки к сахтышским могильникам в Дании в Центре радиоуглеродного датирования университета Орхуса² по погребениям льяловской (№ 40 и 61) и волосовской (№ 54 и 66) культур (Piezonka H. et al., 2013). Даты льяловских захоронений хорошо

¹ Радиоуглеродная группа Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН (лабораторный индекс: ГИН).

² AMS ¹⁴C Dating Centre at Aarhus University, Denmark (лабораторный индекс: AAR).

дополнили предыдущие, полученные в лаборатории ГИН РАН Л. Д. Сулержицким. Они попали в достаточно узкий диапазон 5469–5233 гг. до н. э. (calBC) (табл. 1). А вот даты волосовских захоронений, археологический контекст которых представлялся нам поздневолосовским, соответствовали, по нашему мнению, ранневолосовскому времени (Костылёва, Уткин, 2009. С. 32). Они охватывали диапазон 3946–3666 гг. до н. э. (calBC) (Piezonka H. et al., P. 60).

Таблица 1. Даты льяловских захоронений могильника Сахтыш Па и II
(по Костылёва, Уткин, 2009. С. 32; 2010б. С. 56; Черных, Кузьминых, Орловская, 2011. С. 55; Piezonka H. et al., 2013. P. 60; Meadows et al., 2023; Zeng et al., 2023. Sup., p. 118)³

№№ погребений	Индекс лаборатории и номер образца	Дата BP unCal	Дата CalBC	Индекс лаборатории и номер образца	Дата BP unCal	Дата CalBC
СПа-12	ГИН-7185	6110±200	5500-4550			
СПа-16	ГИН-7492	6130±120	5350-4700			
СПа-29	ГИН-7195	5820±200	5250-4250			
СПа-42	ГИН-6586	6060±150	5350-4600			
СПа-42	KIA-53536	6012±26		UBA-39998	6317±91	
СПа-40	KIA-53539	6432±28		UBA-39997	6339±39	
СПа-40	AAR-15050	6406±24	5469-5325	PSUAMS-9405	6585B±35	5617-5477
СПа-61	AAR-15052	6356±23	5464-5233	PSUAMS-9406	6650B±35	5633-5483
СПа-61	GrM -17642	6730±30				
СПа-43	GrM-17641	6755±35				
СП-19	KIA-53564	6120±29				

Комплекс из 18 AMS-дат по сахтышским захоронениям был получен в Северной Ирландии в лаборатории Белфаста⁴ в ходе работы группы генетиков из Дании под руководством М. Аллентофта и представлен в приложении к статье по геномике населения последнеднепровской западной Евразии (Allentoft et al., 2024. Sup. Tab. II). Из них 4 даты – по Сахтышу II, 13 дат – по Сахтышу Па и 1 дата – по Сахтышу VIII.

Еще больший блок сахтышских образцов подвергся Д. Медоузом анализу в лаборатории AMS-датирования и исследования стабильных изотопов университета г. Киль (Германия)⁵, где было получено 22 даты, и 10 дат были получены в Нидерландах в лаборатории Гронингского университета⁶. Из них по одной дате – по Сахтышу I и VIII, 4 даты – по Сахтышу II, 26 – по Сахтышу Па. Эти данные легли в основу созданной Д. Медоузом новой хронологической модели сахтышских захоронений, основанной на исследовании стабильных изотопов и выявлении влияния резервуарного эффекта на хронологические построения (Meadows et al., 2023)⁷.

³ Не для всех дат нам удалось найти их калиброванные значения в цифровом выражении, поэтому некоторые строки в таблице остались пустыми.

⁴ ¹⁴C HRONO Centre Queen's University, Belfast (лабораторный индекс: UBA).

⁵ Leibniz Labor for AMS Dating and Stable Isotope Research, Christian Albrechts University, Kiel, Germany (лабораторный индекс: KIA).

⁶ The Centre for Isotope Research (CIO) at the University of Groningen, Netherlands (лабораторный индекс: GrM)

⁷ На 15-02-2024 статья находилась в редакции журнала Science Advances (США). Нами приводятся данные, представленные в препринте статьи.

Наконец, датирование сахтышских захоронений было проведено в Радиоуглеродной лаборатории Института энергетики и окружающей среды Пенсильванского государственного университета (США)⁸, в результате чего появилось шесть новых дат (*Zeng et al.*, 2023. P. 118, 123, 125). Две из них – по льяловским захоронениям (№ 40, 61), которые ранее уже были датированы в Орхусе (табл. 1). Четыре даты относились к волосовским погребениям Сахтыша Па (3) и Сахтышу VIII (1)⁹. Два из этих погребений (№ 32 и 58) уже имели даты, полученные в Белфасте (*Allentoft et al.*, 2024. Sup. Tab. II), одно захоронение (№ 54) было ранее датировано в Орхусе (*Piezonka et al.*, 2013. P. 60) и также одно (с Сахтыша VIII) – в Киле (*Meadows et al.*, 2023. P. 11. Tab. 1.).

Кроме вышеупомянутых, еще несколько льяловских и волосовских погребений Сахтыша Па оказались перекрестно датированы в лабораториях Белфаста, Гронингена и Киля. Так, образцы из волосовских захоронений № 9, 13 (ск. 2), 35, 39, 46 и 58 были датированы в Киле и Белфасте, из могил № 32 и 33 – в Белфасте и Гронингене. Больше всего «повезло» льяловцу из захоронения № 40, который был датирован в четырех лабораториях – Орхуса, Белфаста, Киля и Пенсильвании (табл. 1). Однако сравнение всех имеющихся радиоуглеродных дат по сахтышским захоронениям не является целью нашей работы, поэтому мы лишь констатируем этот факт.

В общей сложности по захоронениям, ассоциируемым с льяловской и волосовской культурами неолита – энеолита, могильников Сахтыш II, Па и VIII, в пяти разных лабораториях было получено 60 AMS-дат. Ряд из них заставляет нас пересмотреть прежние представления о хронологии и культурной принадлежности некоторых сахтышских захоронений.

Прежде всего была пересмотрена культурная атрибуция захоронения № 11 могильника Сахтыш Па, которое в свое время было отнесено нами к льяловской культуре (*Костылёва, Уткин*, 2010б. С. 37, 38). Молодая женщина (20–25 лет) была похоронена в сильно скорченном положении на левом боку с ориентацией головой на восток (с небольшим отклонением на восток-северо-восток). В засыпке могилы найден маленький обломок льяловской керамики с ямочным орнаментом. Костяк находился в слое сплошных ортзандов – несколько выше остальных льяловских погребений, но ниже захоронений волосовского времени, расположенных вблизи от него. Погребальный обряд также отличался от обряда «льяловцев», которые хоронили своих соплеменников в положении вытянуто на спине (очень редко – на животе) с ориентацией, близкой к меридиональной. В качестве аналогов сахтышскому захоронению № 11 нами указывались скорченные погребения из раскопок В. В. Сидорова на стоянках Языково I, Ловцы I, Маслово Болото II, которые он на основе их стратиграфии отнес к позднему этапу льяловской культуры (*Сидоров*, 1990. С. 30; 1992. С. 55). Однако в лабораториях Белфаста и Гронингена для этого захоронения были получены две AMS-даты. Они были «четырехтысячными» (unCal BP) и явно не вписывались в имеющиеся датировки «шеститысячных» (unCal BP) дат льяловских захоронений (табл. 1).

⁸ The Radiocarbon Laboratory Institutes of Energy and the Environment. The Pennsylvania State University, USA (лабораторный индекс: PSUAMS)

⁹ Образец с Сахтыша VIII происходил из шурфа, в котором был обнаружен череп неясной культурной принадлежности, скорее всего, от волосовского захоронения.

Дата из Белфаста: BP unCal – 4616±38 (UBA-39999). Калиброванное значение (CalBC) этой даты с учетом резервуарного эффекта помещает время совершения захоронения в диапазон ~3088–2892 (при среднем значении 2990) (*Allentoft et al.*, 2024. Sup. Tab. II). Дата из Гронингена (BP unCal – 4730±25 (GrM-17399)) показывает в калиброванном виде примерно такой же диапазон, как вышеприведенный (*Meadows et al.*, 2023. P. 13. Fig. 4). Судя по всему, эта молодая женщина умерла не в эпоху неолита, а в бронзовом веке – скорее всего, в фатьяновское время. Вышеприведенные даты близки имеющимся в современной литературе AMS-датам фатьяновской культуры, которые определяют время ее существования в пределах ~2880 (2750) и 2500 (2300) CalBC, а предфатьяново относят к ~3000–2550 CalBC (*Кренке*, 2019. С. 115; *Nordqvist, Heyd*, 2020. P. 70; *Saag et al.*, 2021. Tab.).

Погребальный обряд, представленный в рассматриваемом захоронении, характерен для фатьяновской культуры: женщин обычно хоронили в положении скорченно на левом боку, головой в восточном направлении. Причем женские захоронения имели бóльшую скорченность, чем мужские (*Крайнов*, 1972. С. 188, 189). Правда, обращает на себя внимание отсутствие какого-либо погребального инвентаря в могиле, хотя присутствие «фатьяновцев» на Сахтыше Па проявляется в находках прежде всего фрагментов сосудов фатьяновского типа, в том числе и в раскопе 1988 г., где было найдено одиннадцатое захоронение. Заметим также, что на сахтышских стоянках неоднократно встречались обломки сверленных боевых топоров и высверлин от них.

«Перевернутыми во времени» оказались и захоронения волосовской культуры. Новые даты требуют пересмотра нашей схемы происхождения и развития этой культуры. Генезис ее мы связывали с появлением в центре Русской равнины северных европеоидов из Восточной Прибалтики в одеждах, украшенных янтарем, привнесших новую технологию изготовления глиняной посуды – тонкостенной, с примесью раковины – «восточно-прибалтийского типа» (*Костылёва, Уткин*, 1998; 2021; *Уткин, Костылёва*, 2006). Согласно этой схеме, позднее проявляется восточное направление связей, что нашло отражение в появлении в женских захоронениях украшений из серпентина, который был для нас хронологическим маркером принадлежности останков людей к поздне-/финально-волосовскому времени (*Костылёва, Мацане*, 2018; *Костылёва, Уткин, Мацане*, 2018). Наряду с серпентином появляются украшения из резцов сурка – обитателя степной/полустепной зоны. Особенно показательным в этом плане было захоронение № 24 с Сахтыша Па: наряду с украшениями из серпентина там было найдено около четырех десятков резцов сурка. Последние явно не были предметом импорта, а появились в результате прихода женщины из района обитания сурков. Возможно, это было связано с экзогамными браками.

Видимо, с восточным направлением связано и появление меди среди останков погребенных. Так, на Сахтыше II около костей черепа полностью разрушенное захоронение № 7 был найден микроскопический обломок какого-то медного предмета. Автор раскопок О. С. Гадзяцкая была склонна связывать его, как и скорченное захоронение № 9, с эпохой бронзы (*Гадзяцкая*, 1964. С. 9, 12). Однако нами оно было отнесено к финальной фазе развития волосовской культуры, как и прочие волосовские погребения этого могильника. Такая хронология основывалась прежде всего на радиоуглеродных датах по углю из ритуальных кострищ, сопровождавших погребальные

«клады», и дате по костям захоронения № 18 Сахтыша II, полученных в ГИН (Костылёва, Уткин, 2010б. С. 30, 36). Учитывалось также то, что захоронения на кладбище были представлены бессистемно в отличие от рядовой структуры могил на Сахтыше Па и VIII.

Представленная, как нам казалось, стройная схема происхождения и развития волосовской культуры теперь, в связи с получением серии AMS-дат в нескольких независимых лабораториях, требует пересмотра. Большое значение для правильной интерпретации радиоуглеродных дат и времени совершения захоронений имеет созданная Д. Медоузом на основе анализа стабильных изотопов модель влияния пищевых предпочтений на резервуарный эффект.

Всего по останкам погребённых в могильниках Сахтыш II, Па и VIII, которые мы отнесли в свое время к волосовской культуре, было получено 43 AMS-даты: 2 – в Орхусе (Piezonka H. et al., 2013. Р. 60), 11 – в Белфасте (Allentoft et al., 2024. Sup. Tab. II), 19+7 – в Киле и в Гронингене соответственно (Meadows et al., 2023. Р. 11. Tab. 1) и 4 – в Пенсильвании (Zeng et al., 2023. Р. 123, 125). Абсолютное большинство дат получено по останкам погребённых в могильнике Сахтыш Па. Мы отобрали из них те, которые относятся непосредственно к погребениям с янтарными и серпентиновыми украшениями, и дали их в сравнении с датами из Геологического института РАН (табл. 2). Именно на основании последних мы в свое время и сделали заключение о более раннем возрасте «янтарных» захоронений по отношению к захоронениям с серпентиновыми подвесками (Костылева, Уткин, 2009. С. 32).

Таблица 2. Даты волосовских захоронений могильника Сахтыш Па
(по Костылева, Уткин, 2009. С. 32; 2010б. С. 56; Meadows et al., 2023, Р. 11. Tab. 1; Allentoft et al., 2024. Sup. Tab. II)

№ погребения	Индекс лаборатории, номер образца	Дата BP unCal	Индекс лаборатории, номер образца	Дата BP unCal	Индекс лаборатории, номер образца	Дата BP unCal
Даты захоронений с янтарём						
9			UBA-40000	916±35	KIA-56422	4978±28
15					KIA-53562	5293±26
28	ГИН-7190	4740±110				
39			UBA-40001	5157±35	KIA-53538	5218±26
Даты захоронений с серпентином						
7					KIA-53531	5147±25
13	ГИН-7189	4200±240	UBA-39991	4919±30	KIA-56423	4935±28
24/25					KIA-53532	5177±25

В таблице достаточно наглядно представлено, что AMS-даты захоронений с обоими типами украшений колеблются около отметки в 5000 (unCal BP) лет с некоторыми отклонениями (±) в ту или иную сторону. Однако эта близость мнимая. Как показал Д. Медоуз, погребения с янтарными украшениями

(№ 9, 15, 39) из могильника Сахтыш Па в результате применения к их AMS-датам поправок на резервуарный эффект оказались более поздними, чем нам представлялось раньше. Причем резервуарный эффект мог давать удревание на 800–900 лет. А в раздел относительно ранних попали захоронения с украшениями из сланца и серпентина (*Meadows et al.*, 2023).

Таким образом, захоронения с янтарем и захоронения с серпентином оказались по сравнению с нашими прежними хронологическими построениями «перевернутыми во времени» на 180 градусов.

Однако особо следует остановиться на двухъярусном массовом (около 20 человек) захоронении № 15 могильника Сахтыш II. Женщина, «подхороненная» последней у западного края могильной ямы, была датирована поздневолосовским временем: 5114 ± 26 (KIA-53561) (*Meadows et al.*, 2023. Р. 11. Tab. 1). При ней не было никаких украшений, лишь за черепом находилась нижняя челюсть медведя. При этом на других костяках верхнего яруса были обнаружены янтарные украшения поздних типов и подвески из серпентина (*Костылева, Уткин*, 2010б. С. 81. Рис. 16). Наличие последних может указывать на сохранение «восточных» связей и в поздневолосовское время, хотя могут быть и другие трактовки этих данных.

Представленные результаты датирования захоронений сахтышских могильников показывают, что предстоит еще большая работа по сопоставлению археологического и хронологического контекстов с привлечением как «западных», так и «восточных» материалов.

Список литературы

- Алексеева Т. И., Денисова Р. Я., Козловская М. В., Костылева Е. Л., Крайнов Д. А., Лебединская Г. В. Уткин А. В., Федосова В. Н. Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок). М.: Научный мир, 1997. 191 с.
- Гадзяцкая О. С. Раскопки стоянки Сахтыш II (Тейковский район, Ивановской области) // Крайнов Д. А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции за 1964 год / Архив ИА РАН. 1964. Ф-1. Р-1. № 2918. 228 л.
- Козловская М. В. Реконструкция питания и палеоэкологические исследования антропологических материалов могильника Сахтыш ПА // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Материалы Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук 1994 г. М.: Изд-во Международный Научный Фонд, 1996. С. 237–243.
- Костылева Е. Л., Мацане А. Урал и Волго-Окское междуречье в энеолите: связующие нити (по материалам памятников Сахтышского палеозера) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 42–44.
- Костылева Е. Л., Уткин А. В. Керамика восточно-прибалтийского типа на поселении Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 1998. С. 53–57.
- Костылева Е. Л., Уткин А. В. Волосовские погребения с янтарём могильника Сахтыш ПА // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 175–184.
- Костылева Е. Л., Уткин А. В. Погребальные комплексы эпохи первобытности на Сахтышском торфянике // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Иваново, 2008. Вып. 4. С. 3–20.

- Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш-ПА // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Иваново, 2009. Вып. 4. С. 28–37.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Основные принципы построения культурно-хронологической шкалы нео-энеолитических погребений лесной зоны Европейской части России: По материалам могильников Сахтыш II, ПА и VIII // Вопросы археологии и истории каменного века. Тверь: Седьмая буква, 2010а. С. 155–165.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского Междуречья: Планиграфические и хронологические и структуры. М.: ТАУС. 2010б. 300 с.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В. «Восточноприбалтийский след» в оформлении ритуальной маски из «святилища» могильника Сахтыш Па (Центр Русской равнины) // Тверской археологический сборник. Вып. 12. Тверь: ООО «Издательство Триада», 2021. С. 299–308.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В., Мацане А. «Восточный след» в энеолитических захоронениях Сахтышских могильников // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь: ООО «Издательство Триада», 2018. С. 565–577.
- Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э.). М.: Наука, 1972. 275 с.
- Крайнов Д. А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 46 – 55.
- Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Льяловские погребения на стоянке Сахтыш II // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. Иваново, 1990. С. 27–31.
- Крайнов Д. А., Уткин А. В. Погребения на стоянке Сахтыш I // Краткие сообщения Института археологии. 1991. Вып. 203. С. 73–78.
- Крайнов Д. А., Костылева Е. Л., Уткин А. В. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш ПА // Археологические вести. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН, 1993. С. 20–30.
- Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш ПА // РА. 1994а. № 2. С. 118–130.
- Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Исследования стоянки и могильника Сахтыш ПА // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994б. С. 76–79.
- Кренке Н. А. Радиоуглеродная хронология фатьяновской культуры // РА. 2019. № 2. С. 110 –116.
- Сидоров В. В. Погребения льяловской культуры в Подмоскowie // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. Иваново. 1990. С. 28–31.
- Сидоров В. В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна: Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М, 1992. С. 4–113.
- Уткин А. В., Костылёва Е. Л. «Рождение» и «гибель» волосовской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (13–16 ноября 2006 года). Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2006. С. 124–126.
- Энговатова А. В., Добровольская М. В., Костылева Е. Л. Изотопные характеристики индивидов из погребений неолитического могильника Сахтыш-2а: данные к реконструкции питания // Археология Подмоскowie: Материалы научного семинара / отв. ред. А. В. Энговатова. Вып. 11. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 138–146.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н. э. // Аналитические исследования лаборатории естественных методов. Вып. 2. М.: Институт археологии РАН, 2011. С. 24–62.

- Allentoft M. E., Sikora M., Refoyo-Martínez A., Irving-Pease E. K., Fischer A. et al. Population genomics of post-glacial western Eurasia. *Nature* 625, 2024. P. 301–311. <https://doi.org/10.1038/s41586-023-06865-0>
- Lehti S., Vasilyev S. V., Varul L., Kosorukova N. V., Gerasimov D. V., Oshibkina S. V. et al. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain // *Science Advances*. 7, 2021. eabd6535.
- Meadows J., Khramtsova A., Piezonka H., Krause-Kyora B., N. da Silva, Kostyleva E., Dobrovolskaya M., Veselovskaya E., Vasilyev S. Dietary ¹⁴C reservoir effects and the chronology of prehistoric burials at Sakhtysh, central European Russia // *Science Advances* 10 (8): eadk2904. 2024. DOI: 10.1126/sciadv.adk2904
- Nordqvist K., Heyd V. The Forgotten Child of the Wider Corded Ware Family: Russian Fatyanovo Culture in Context // *Proceedings of the Prehistoric Society*. 86, 2020. P. 65–93.
- Piezonka H., Kostyleva E., Zhilin M., Dobrovolskaya M., Terberger T. Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga region, Russia // *Documenta Praehistorica*. XL. 2013. P. 57–73.
- Zeng T. Ch., Vyazov L. A., Kim A., Flegontov P., Sirak K., Maier R. et al. Postglacial genomes from foragers across Northern Eurasia reveal prehistoric mobility associated with the spread of the Uralic and Yeniseian languages // *bioRxiv preprint* doi: <https://doi.org/10.1101/2023.10.01.560332>

Сведения об авторах

Костылёва Елена Леонидовна, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Иваново
E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru

Уткин Александр Витальевич, независимый исследователь, Иваново
E-mail: u_two55@mail.ru

E. L. Kostyleva, A. V. Utkin

“INVERTED IN TIME”: ON THE RADIOCARBON CHRONOLOGY OF THE NEO-ENEOLITHIC GRAVES OF THE SAKHTYSH BURIAL GROUNDS (CENTER OF THE EUROPEAN PART OF RUSSIA)

Abstract. The article deals with the issues of radiocarbon dating of burials from Neolithic-Eneolithic burial grounds near Lake Sakhtysh (center of the Russian Plain, Ivanovo region). In the last decade, 60 AMS dates associated with Lyalovo and Volosovo cultures have been obtained in five foreign laboratories (Denmark, Germany, Northern Ireland, Netherlands, and USA). As a result, it turned out that burial No. 11 of the Sakhtysh IIa, which was previously attributed to the Lyalovo culture, was done in the Bronze Age (Fatyanovo culture). The burials of the Volosovo culture (some with amber ornaments, others with serpentine pendants), as a result of applying corrections for the reservoir effect to AMS dates according to the model developed by John Meadows, turned out to be "inverted in time" by 180 degrees. This circumstance changed our understanding of the chronology of the Volosovo culture and raised the question of revising its origin and stages of development.

Keywords: Neolithic, Eneolithic, Russian plain, Sakhtysh, Lyalovo and Volosovo cultures, burial grounds, AMS dates.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК МАЛООКУЛОВСКАЯ 3 И МАЛОЕ ОКУЛОВО 19 В НИЖНЕМ ПООЧЬЕ

Резюме. В статье обсуждаются особенности пространственной структуры мезолитических стоянок Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19, расположенных в Нижнем Поочье. Стоянки были полностью исследованы раскопками в 2021 г. с использованием единой полевой методики в ходе охранно-спасательных работ. Стоянки Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19 относятся к кругу постсвидерских памятников мезолита Восточно-Европейской равнины. Их каменный инвентарь имеет сходный типологический облик. Использование инструментов ГИС позволило провести сравнительный анализ объектов различной степени сохранности и прийти к выводу о высокой степени сходства пространственной организации стоянок Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19.

Ключевые слова: мезолит, Нижнее Поочье, постсвидерская общность, пространственный анализ, ГИС.

Стоянки Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19 расположены в Навашином городском округе Нижегородской области вблизи д. Малое Окулово – в непосредственной близости друг от друга. Стоянка Малоокуловская 3 была выявлена Л. В. Кольцовым в 1978 г. (Кольцов, 1978; Жилин, 1989; АКР. Нижегородская обл. 2008). При проведении разведочных работ в 2020 г. по трассе М-12 Москва – Казань ее границы были уточнены П. Е. Русаковым. Тогда же в непосредственной близости от Малоокуловской 3 была открыта новая стоянка Малое Окулово 19 (рис. 1). Граница между данными памятниками является условной, так как перерывов в распространении находок не фиксируется. Не разделяют их и какие-либо естественные элементы рельефа, в отличие, например, от стоянок Малое Окулово 11 и Малоокуловская 3, между которыми пролегает полая ложбина.

Раскопки стоянок проводились в 2021 г. в рамках проекта по строительству трассы и носили охранно-спасательный характер. В ходе работ территория стоянок Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19 была изучена раскопками полностью. Кроме того, была исследована площадь между двумя памятниками, на которой и было прослежено отсутствие перерывов в распространении находок, несмотря на значительное снижение плотности их распространения. Общая вскрытая площадь составила 7320 кв. м (4314 кв. м на Малоокуловской 3 и 3006 кв. м на Малом Окулове 19) (рис. 2: а).

Руководителями раскопок стоянок Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19 была использована единая методика разбора культурных отложений и фиксации археологических находок. Она основывалась на разборе культурного слоя стоянки и перекрывающих отложений в соответствии с естественным рельефом литологических горизонтов посредством тонких зачисток мощностью не более 5–7 см при помощи лопат и мелкого шанцевого инструмента в зависимости от степени насыщенности культурного слоя археологическим материалом. После валки леса

на площади памятника сохранились толстые дубовые и сосновые пни с мощной корневой системой. В ходе раскопок корни опиливались, а культурный слой вынимался из-под пней. Мощная корневая система оказала существенное влияние на сохранность слоя.

Рис. 1. Схема расположения стоянок Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19

Каждая выявленная находка фиксировалась в трехмерной системе координат при помощи тахеометров. Мельчайшие находки (микродебитаж, небольшие фрагменты костей) выявлялись в ходе контрольного просеивания грунта по квадратам 1×1 м при помощи сита с диаметром ячейки в 2 мм. Сплошное просеивание грунта осуществлялось на стоянках на участках наибольшей концентрации находок: 400 кв. м на стоянке Малоокуловская 3 и 450 кв. м на стоянке Малое Окулово 19. В периферийных зонах стоянок просеивание применялось ситуационно – при выявлении более 2 находок на 1 кв. м.

Методы. Анализ пространственной структуры памятников и ее взаимосвязи с особенностями рельефа местности был проведен при помощи инструментов ГИС (*Gillings et al.*, 2020). Для анализа и отображения данных применялись программные продукты ArcGIS 10.6.1. и QGIS 3.32.3. При построении рельефа местности в границах объединенной зоны двух раскопок были использованы абсолютные отметки высот дневной поверхности с шагом 1 м, полученные в ходе полевых исследований. В программе QGIS (Contour plugin) были построены изолинии рельефа с интервалом 0,2 м и градуированной шкалой цвета.

Анализ плотности ядер (Kernel density analysis) был применен при создании карты концентрации археологических находок (*Baxter, Beardah*, 1997). Анализ плотности ядер и отображение данных осуществлены при помощи программы

Arcmap 10.6.1., модуль Spatial Analyst. Для каждого пикселя модуль рассчитывает сумму всех весов находок, которые попали в его радиус. Вес находки увеличивается пропорционально сокращению расстояния от центра ее пикселя. Метод классификации естественных границ применен при отображении результатов анализа плотности ядер. Он основывается на поиске оптимальных границ между классами, усиливая различия между различными классами и сглаживая их между близкими значениями.

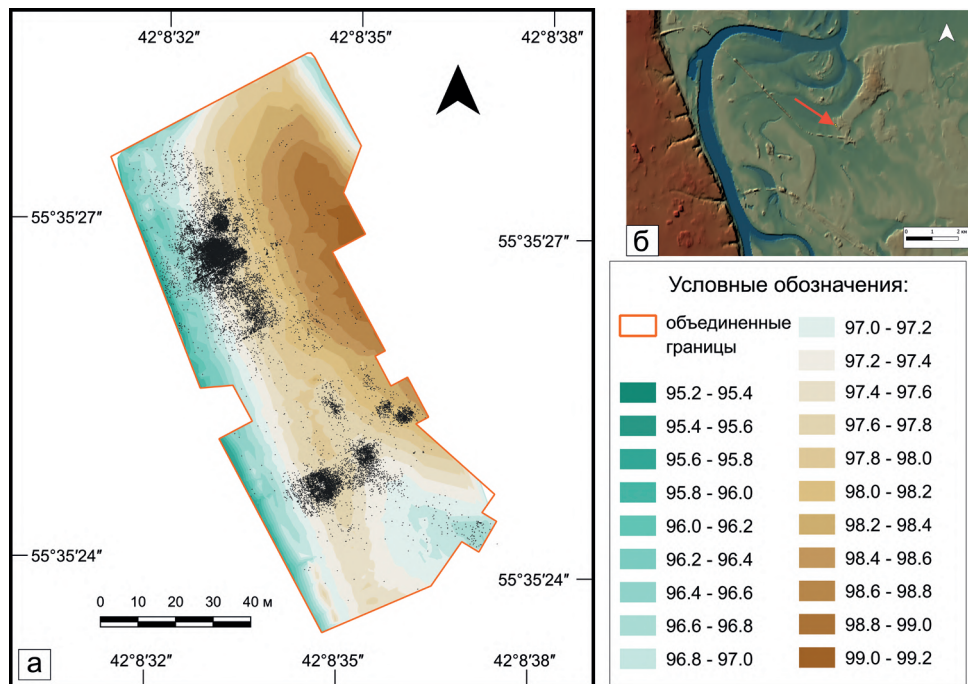

Рис. 2. Стоянки Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19

a – схема распределения археологических находок на стоянках Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19 на рельефе местности в объединенных границах раскопов; *б* – участок полевых исследований на цифровой модели поверхности SRTM

Геоморфология. Стоянки Малое Окулово 19 и Малоокуловская 3 приурочены к эоловой дюне на участке совместной поймы р. Оки и ее малого притока р. Велетьмы. Расстояние от стоянок до русла Оки составляет около 3 км. Вдоль Велетьмы на изученном участке протягиваются три хорошо выраженных в рельефе и ориентированных с северо-запада на юго-восток эоловых дюны, на которых обнаружены памятники каменного века и эпохи бронзы: стоянка Малоокуловская 3 и стоянки Малое Окулово 10, 11, 19, 20 (рис. 1). В районе расположения памятников дюны образуют общую гряду шириной порядка 100 м, к юго-востоку расширяющуюся до 150 м. Эоловые дюны расположены на краю пойменной полосы в «проране» между песчаной террасой, основной массив которой расположен непосредственно к северо-востоку от изученного участка, и останцом террасы, расположенном в 1,2 км к юго-западу (рис. 2: б). «Проран» образован Окой при размыве террасы, вероятно, в позднеледниковье, когда водность рек в бассейне Волги возрастала

в 2–3 раза относительно современной (Sidorchuk et al., 2009; Panin, Matlakhova, 2015; Сидорчук и др., 2021). В настоящее время через него протекает малый приток Оки – Велетьма, использующая бывшее русло Оки (ее малого рукава).

Общая территория двух стоянок без перерывов в распространении археологического материала вытянута с севера-северо-запада на юг-юго-восток на 141 м. С востока-северо-востока стоянка Малоокуловская 3 ограничена резким понижением рельефа, в то время как восточная граница стоянки Малое Окулово 19 приурочена к гребню дюны. С запада границы стоянок связаны с понижением склона дюны в сторону поймы р. Велетьмы. С севера-северо-запада естественной границей Малоокуловской 3 является протока, соединяющаяся с пойменной низменностью. С юго-востока стоянка Малое Окулово 19 ограничена окончанием дюны и ее небольшого отрога и понижением рельефа местности. Перепад высотных отметок в рамках границ памятников составлял 4,5 м.

В результате ручного бурения было установлено, что междюнные понижения выстланы метровым слоем аллювиальных суглинков, накапливавшихся в результате затопления весенними водами р. Оки. В них после весеннего половодья могли оставаться временные озерца, которые могли использоваться как источник воды и, возможно, рыбы. Время, когда междюнные понижения стали заливаться половодьями Оки, определить не удалось ввиду отсутствия органических макроостатков, пригодных для радиоуглеродного датирования, и значительной концентрации корней современных растений, исключающей датирование по общему органическому углероду в аллювии. Поверхности эоловых гряд никогда не затапливались и были доступны для круглогодичного обживания в течение всего голоцена.

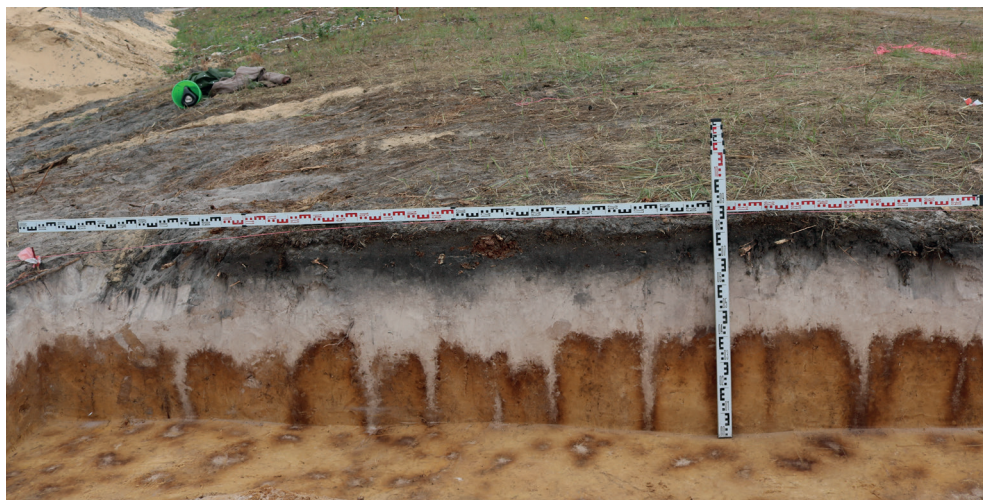

Рис. 3. Стоянка Малоокуловская 3. Участок разреза ССВ–ЮЮЗ

Стратиграфия. Стратиграфия отложений в целом идентична на площади стоянок Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19 (рис. 3). Под слоем дерна и лесной подстилки мощностью 4–6 см залегает гумусированная темно-серая супесь мощностью 10–12 см, в которой встречены единичные находки,

перемещенные вверх из нижележащих горизонтов в результате биогенной и антропогенной активности. Ниже залегает слой оподзоленной белесой песчаной почвы мощностью от 0,5 см до 90 см; граница между гумусированной темно-серой супесью и подзолом нечеткая. Основная часть находок приурочена к слою оподзоленной белесой песчаной почвы. Его мощность коррелирует с современным рельефом местности – для высокой части дюны характерна минимальная мощность слоя подзола, в то время как с резким понижением рельефа в северном, северо-восточном, восточном и юго-восточном направлениях связано резкое увеличение мощности подзола. На большей части площади стоянок мощность слоя оподзоленной белесой песчаной почвы варьирует от 10 до 60 см. Он подстилает на большей части исследованной площади слой бурых песков с ортзандом; в западной части раскопов, на участке понижения рельефа в сторону поймы р. Велетьмы, бурые пески замещаются светло-серым заиленным песком с линзами серого суглинка. Бурый песок с ортзандом и светло-серый заиленный песок представляют собой материковые отложения. Они были прокопаны на глубину до 40 см. На отдельных участках находки встречались и формировали локальные скопления на контакте бурого песка и подзола. Характер заполнения ряда древних углубленных объектов также фактически идентичен по цветности и структуре материковым отложениям.

Результаты и обсуждение. Памятники Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19 являются палимпсестами, их территория неоднократно посещалась людьми в разные археологические эпохи. На территории стоянок встречены единичные находки, относящиеся к различным археологическим эпохам от неолита до Нового времени. В их числе – фрагменты керамических сосудов неолита, раннего железного века и раннего средневековья, наконечники стрел неолита и бронзового века (рис. 4). Часть зафиксированных углубленных объектов является ямами смолокурного производства XVIII–XIX вв.

Однако большая часть каменных артефактов и костей зафиксирована в рамках крупных углубленных объектов (стоянка Малоокуловская 3) и крупных скоплений (стоянка Малое Окулово 19), в которых не выявлено фрагментов керамики. Это позволяет нам предполагать, что основной этап функционирования обеих стоянок связан с эпохой мезолита.

В результате раскопок на стоянке Малоокуловская 3 обнаружено свыше 20 тысяч индивидуальных находок, общая численность коллекции с учетом результатов просеивания грунта – 40996 предметов, из них 36563 предмета – каменные артефакты, 286 – фрагменты керамики, 4052 фрагментов костей животных и рыб, кусочков охры – 24 экз., костных и древесных углей – 71 образец. На стоянке Малое Окулово 19 было найдено 14958 находок, из которых каменных артефактов – 13777, 730 фрагментов костей и зубов животных и рыб, 449 фрагментов керамики, 2 железных предмета.

В качестве основного вида сырья на стоянках Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19 использовался в основном местный карбоновый кремний (М. Г. Жилин, устное сообщение), в единичных случаях – опока, кварц, кварцит, сланец, гранит. На обеих стоянках выявлены предметы, относящиеся ко всем стадиям расщепления камня – от пренуклеусов до готовых орудий и сколов их оживления. Индустрии стоянок Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19

являются пластинчатыми. Между тем, для изготовления орудий на обеих стоянках использовался широкий спектр заготовок: от пластин и микропластинок до отщепов, осколков и технических сколов. Пластинчатые сколы на обеих стоянках варьируют по ширине от 2 до 21 мм. Среди них преобладают микропластинки и пластинки шириной до 10 мм.

Рис. 4. Каменные артефакты эпох неолита и бронзы и разновременные фрагменты керамики, найденные на стоянках Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19

1–4 – стоянка Малоокуловская 3, 5–8 – стоянка Малое Окулово 19;
1–3, 6–8 – фрагменты керамических сосудов, 4, 5 – каменные наконечники эпохи неолита и бронзового века

Рис. 5. Каменные артефакты стоянки Малокуловская 3

1–3 – черешковые наконечники и их фрагменты, 4–10 – острия и микроострия, 11 – пила, 12, 13, 17, 18, 21 – скребки, 14–16, 19, 20 – резцы, 21 – тесло шлифованное, 22 – орудие выемчатое, 23 – тесло шлифованное, 24 – нуклеус

В комплексах Малоокуловской 3 и Малого Окулова 19 более половины каменных артефактов (около 60%) составляют отходы расщепления (отщепы и осколки). Доли орудий в коллекциях относительно высоки и составляют 12–13%. Среди них преобладают отщепы, осколки и пластинчатые сколы с ретушью.

Среди морфологически выраженных орудий на обеих стоянках категория скребков количественно преобладает (рис. 5: 12, 13, 17, 18, 21; 6: 12–16). Скребки представлены различными типами: концевые на отщепах и пластинах, боковые, скребки со скошенным лезвием, скребки с лезвием на $\frac{3}{4}$ периметра заготовки, миниатюрные ногтевидные скребки. Количественно преобладают концевые скребки на отщепах. В орудийных комплексах обеих стоянок фиксируется в отдельных случаях прием оформления скребкового лезвия венечной ретушью.

Среди резцов преобладают резцы на углу слома (рис. 5: 14–16, 19). Широко представлены в орудийных комплексах Малоокуловской 3 и Малое Окулово 19 выемчатые орудия, в ряде случаев – зубчато-выемчатые (рис. 5: 22; 6: 18, 20).

Как для комплекса Малоокуловской 3, так и для комплекса Малого Окулова 19 фиксируется применение техники шлифовки. В коллекциях присутствуют и законченные шлифованные орудия – тесла и долота, и сколы их подправки или переоформления (рис. 5: 23; 6: 17). Предметы со следами шлифовки обнаружены в различных участках стоянок, в том числе – в придонной части углубленных объектов, что позволяет отнести их к находкам эпохи мезолита.

Немногочисленны в орудийных комплексах геометрические микролиты, острия и наконечники. Наконечники представлены в описываемых комплексах единичными черешковыми формами на крупных и мелких нерегулярных пластинчатых сколах (рис. 5: 1–3). Более представительной в количественном отношении является категория острий (рис. 5: 4–10; 6: 1–5, 7–9), среди которых преобладают симметричные небольших размеров. Микролиты в орудийном наборе стоянок представлены единичными находками. На стоянке Малоокуловская 3 зафиксировано несколько пилкок на пластинках (рис. 5: 11) и одна низкая трапеция. Все они выявлены вне рамок крупных углубленных объектов.

Технико-типологическая характеристика инвентаря стоянок Малое Окулово 19 и Малоокуловская 3 позволяет говорить о высокой степени их сходства между собой. Предварительно эти стоянки можно отнести к кругу постсвидерских памятников раннего мезолита.

Планиграфическую структуру стоянок Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19 характеризует наличие множества локальных скоплений разных размеров, из которых выделяется несколько наиболее крупных. На периферии зафиксированы отдельные редкие находки (рис. 2: а).

Структурные характеристики культурного слоя памятников, несмотря на сходство между ними по каменному инвентарю и отсутствию перерывов в распространении находок, различны. На Малоокуловской 3 культурный слой в заполнении крупных углубленных объектов являлся окрашенным и хорошо читался при зачистке материка, что позволяло выбирать объекты, ориентируясь на цвет заполнения. На стоянке Малое Окулово 19 на материке не были зафиксированы объекты с выраженной окрашенностью заполнения, однако археологический материал продолжал локально встречаться в слое бурого песка

до определенного момента. В связи с этим разбор слоя бурого песка с ожелезнениями производился до тех пор, пока слой не становился стерильным. Впоследствии благодаря анализу распространения находок в плане и профиле наиболее крупные скопления стоянки Малое Окулово 19 (№ 1–3) были интерпретированы как углубленные (рис. 7, 8).

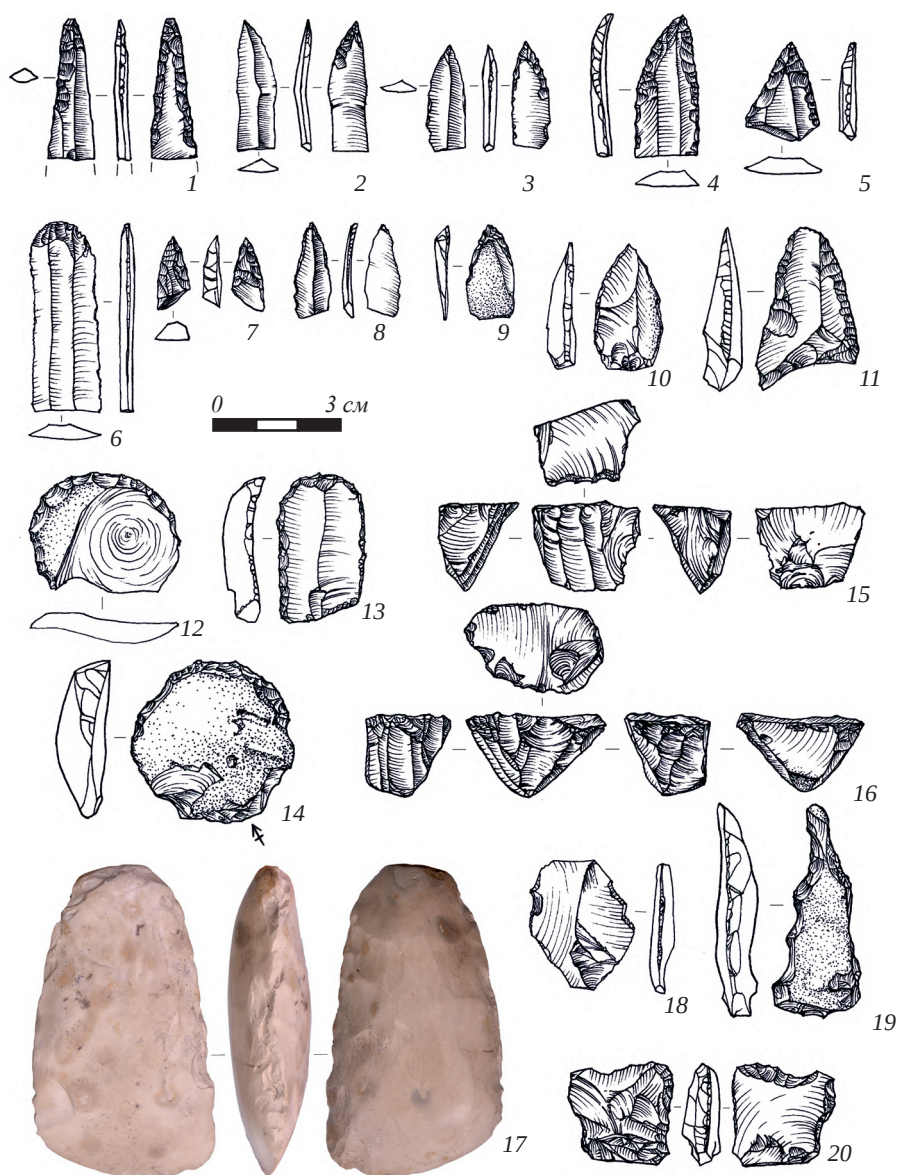
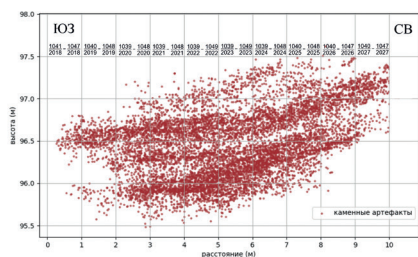
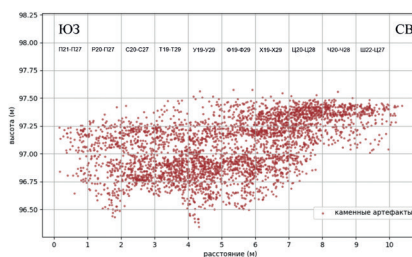

Рис. 6. Каменные артефакты со стоянки Малое Окулово 19

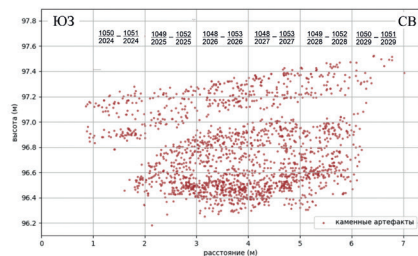
1–5, 7–10 – острия; 6 – пластина с ретушью; 11 – нож двулезвийный; 12–14 – скребки; 15–16 – нуклеусы; 17 – тесло шлифованное; 18–20 – выемчатые орудия (рисунки А. В. Мурашко)

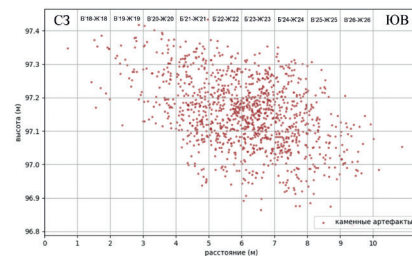
Объект 12

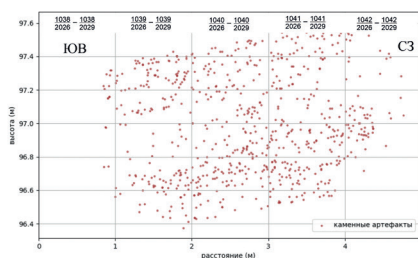
Скопление 1

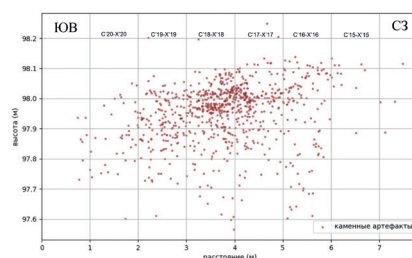
Объект 13

Скопление 2

Объект 5

Скопление 3

Рис. 7. Микростратиграфия участков расположения углубленных объектов на стоянке Малоокуловская 3 (слева) и крупных скоплений на стоянке Малое Окулово 19 (справа)

Наиболее крупные объекты на Малоокуловской 3 (объект № 12) и Малом Окулове 19 (скопление № 1) приурочены к склону дюны в сторону поймы р. Велетмы и расположены гипсометрически ниже остальных объектов (рис. 2). Скопление № 1 на Малом Окулове 19 приурочено к небольшому отрогу гряды. От объектов ниже по склону прослеживаются шлейфы из более редких находок (рис. 2). В объекте № 12 стоянки Малоокуловская 3 было зафиксировано свыше 5 тысяч находок, в скоплении № 1 стоянки Малое Окулово 19 – свыше 3,5 тысяч. Скопление на Малом Окулове 19 было потревожено смолокурной ямой XVIII–XIX вв. и мощной корневой системой. Оба объекта на двух стоянках имеют округлую форму. Их размеры по верху заполнения составляют около 10 м в диаметре, котлованы чуть меньше – в диаметре 7–8 м. Глубина – 50–60 см, форма дна – плоская. Но если форма дна для объекта на Малоокуловской 3 была определена после выборки заполнения, то на Малом Окулове 19 ее удалось проследить только после построения микропрофилей находок (рис. 7).

В распределении находок по высоте в обоих объектах наблюдается некоторая слоистость и выделяются микрогоризонты (рис. 7).

Помимо наиболее крупных объектов на обеих стоянках выделяются меньшие по размерам: две крупные ямы на стоянке Малоокуловская 3 и два скопления геометрических очертаний на стоянке Малое Окулово 19, вероятно – также остатки ям (рис. 8). На Малоокуловской 3 таковыми являются объекты № 5 и 13, из которых объект № 5 примыкает к объекту № 12 с востока. Так же, как и объект № 12, они имели окрашенное заполнение. Скопления № 2 и 3 на Малом Окулове 19 менее крупные, имели округлые очертания. Скопление № 2 расположено на незначительном понижении гряды, на краю небольшой ложбины. От этого объекта по склону ложбины зафиксирован шлейф находок. Возможно, в ложбине могло находиться небольшое озерцо, в сторону которого и был обращен объект № 2. На дне ложбины зафиксирована некоторая аккумуляция находок (рис. 2).

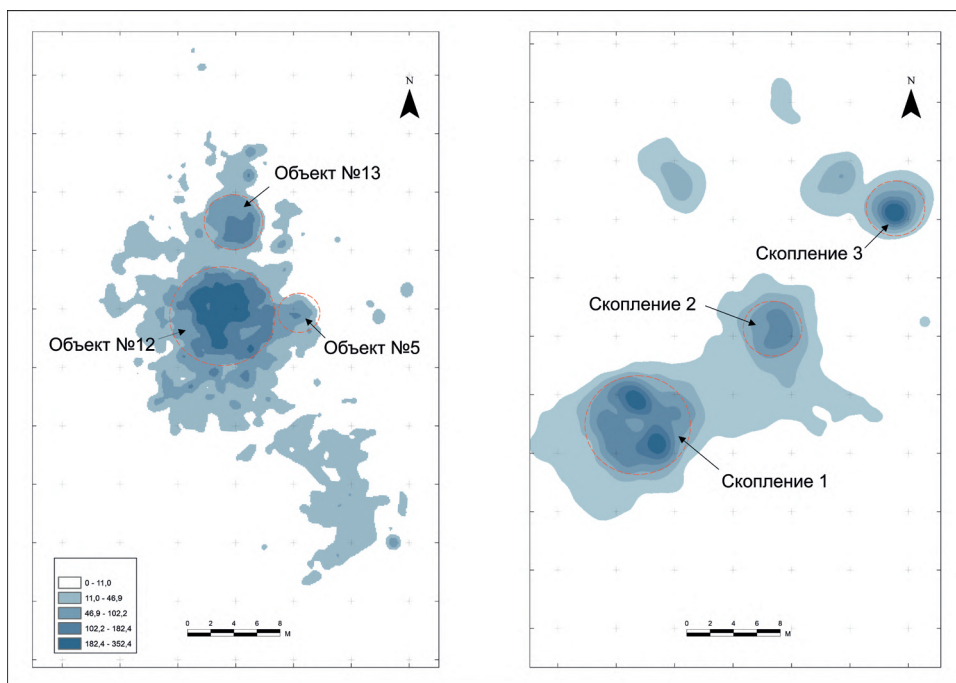

Рис. 8. Карта плотности каменных артефактов на стоянках Малоокуловская 3 (слева) и Малое Окулово 19 (справа)

Примечательно, что на Малом Окулове 19 несколько менее крупных скоплений, в том числе скопление № 3, расположены на участке повышения рельефа в восточной части стоянки. При этом на Малоокуловской 3 на участках, соответствующих таким же высотам, обнаружены только разрозненные редкие находки (рис. 2).

Объекты № 5 и 13 на Малоокуловской 3 имеют размер около 3,5 и 5 м в диаметре соответственно, округлую форму и плоское дно, их глубина с момента выявления на основании цветности заполнения – 45–50 см (рис. 7, 8). В объекте № 5 обнаружено свыше 600 находок, в объекте № 13 – свыше 1800 находок.

Скопления № 2 и 3 на стоянке Малое Окулово 19, как сказано выше, также имеют округлую форму. Их размер – около 5 м в диаметре каждое (рис. 8). В скоплении № 2 обнаружено около 1000 находок, в скоплении № 3 – 800 находок. Характер залегания находок в скоплении № 2 позволяет реконструировать заглубленность его нижней части относительно общего уровня залегания культурного слоя, а мощность скопления составляет 40 см (рис. 8). Мощность достаточно компактного скопления № 3, имеющего четкие округлые очертания в плане, не превышает 30 см.

В целом нужно отметить, что на обеих стоянках являются схожими между собой размеры и форма как наиболее крупных скоплений (диаметром около 10 м), так и меньших скоплений (диаметром от 3,5 до 5 м).

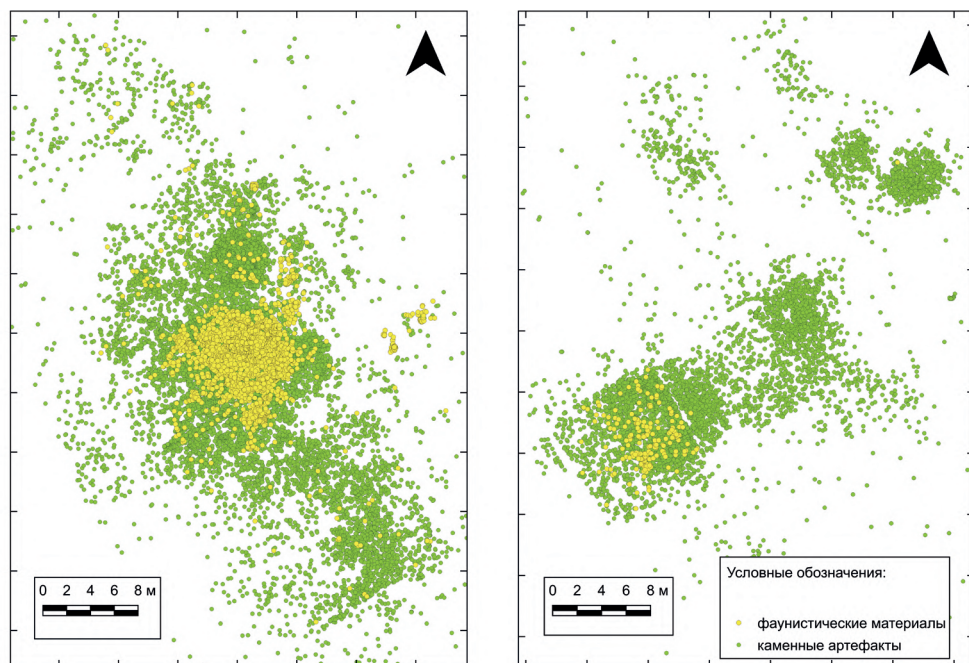

Рис. 9. Схема распределения фаунистических остатков на стоянках Малоокуловская 3 (слева) и Малое Окулово 19 (справа)

Фаунистические остатки на обоих памятниках имеют относительно плохую сохранность и по большей части обожжены. Всего на Малоокуловской 3 обнаружено свыше 4 тысяч фрагментов костей животных и рыб, на Малом Окулово 19 – свыше 700 фрагментов. Пространственное распределение фаунистических остатков неравномерно по площади стоянок (рис. 9). В основном они приурочены к верхней части заполнения наиболее крупных объектов – объекта № 12 стоянки Малоокуловская 3 и скопления № 1 стоянки Малое Окулово 19. В объектах № 5 и 13 на Малоокуловской 3 костей значительно меньше, а в скоплениях № 2 стоянки Малое Окулово 19, расположенном вблизи крупного скопления № 1, они и вовсе единичны. На Малоокуловской 3 также зафиксированы отдельные ямки, заполненные фрагментированными костями,

а также локальные скопления костей. Они расположены в непосредственной близости от более крупных углубленных объектов (рис. 9).

Приблизительно 1/10 часть каменных артефактов является обожженной на обеих стоянках. Примечательно, что наибольшая концентрация каменных артефактов со следами пребывания в огне зафиксирована в наиболее крупных объектах стоянки Малоокуловская 3 (объекты № 5, 12, 13) и скоплениях стоянки Малое Окулово 19 (скопления № 1–3) (рис. 10). В целом обожженные каменные артефакты формируют четкие зоны концентрации. Так, одна из наиболее выразительных зон связана со скоплением № 3 стоянки Малое Окулово 19. Примечательно, что в соседних с ним небольших скоплениях обожженных предметов почти не обнаружено (рис. 10: б). В заполнении объектов № 12 и 13 стоянки Малоокуловская 3 был зафиксирован древесный уголь, что является дополнительным аргументом в пользу функционирования в древности в границах объекта очагов, не сохранившихся в результате воздействия постдепозиционных процессов.

В объекте № 12 стоянки Малоокуловская 3 и скоплении № 1 стоянки Малое Окулово 19 прослеживается высокая концентрация орудий – 13,2% и 12,1% соответственно. Доля орудий в объектах № 5 и 13 Малоокуловской 3 также весьма высока – 12,7% и 8,5% соответственно, тогда как на Малом Окулове 19 в скоплении № 2 она существенно ниже (4,9%), а в скоплении № 3 зафиксированы лишь единичные орудия (1,1%). Несмотря на то, что в крупных объектах стоянки Малоокуловской 3 и части крупных скоплений Малого Окулова 19 фиксируется высокая концентрация орудий, по сравнению с находками

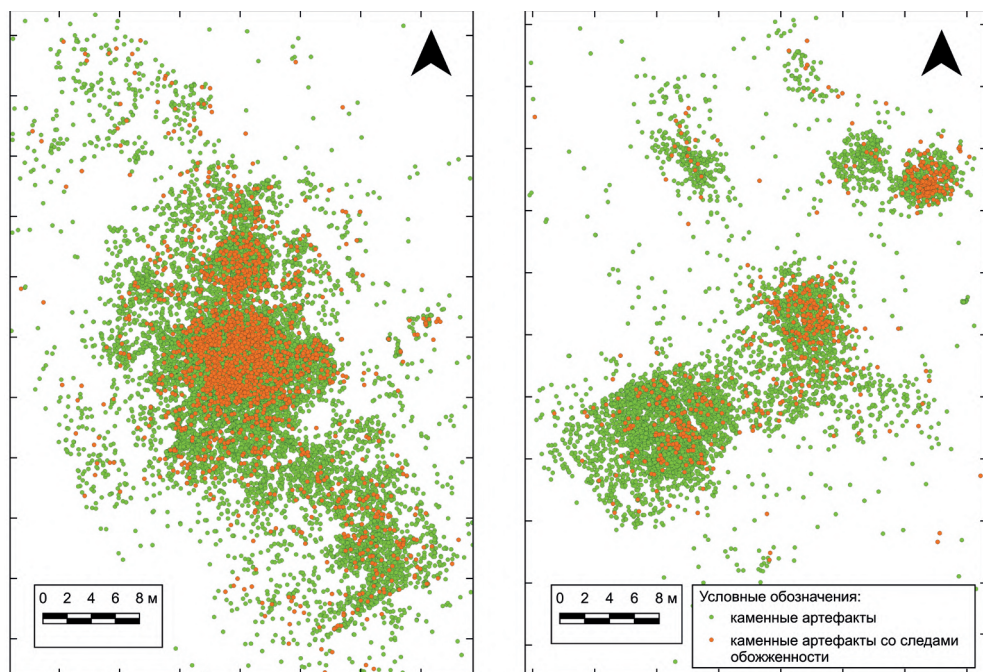

Рис. 10. Схема распределения каменных артефактов со следами обожженности на стоянках Малоокуловская 3 (слева) и Малое Окулово 19 (справа)

со следами обожженности или фаунистическими материалами, распределение каменных орудий по территории стоянок гораздо более равномерно и в меньшей степени связано с крупными углубленными объектами/крупными скоплениями округлых очертаний (рис. 11).

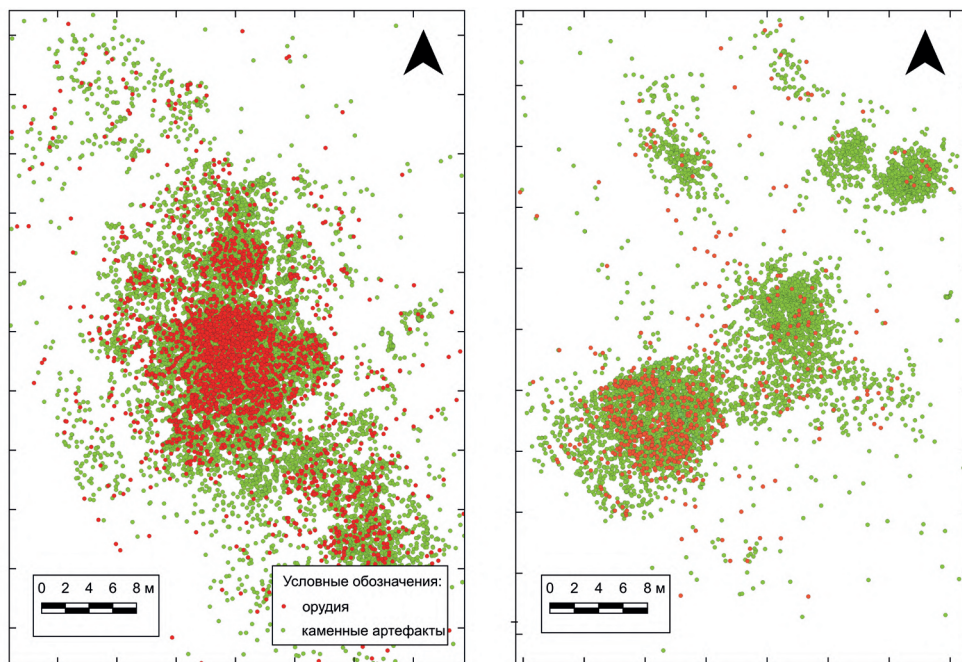

Рис. 11. План распределения каменных орудий на стоянках Малоокуловская 3 (слева) и Малое Окулово 19 (справа)

Пространственная структура как стоянки Малоокуловская 3, так и стоянки и Малое Окулово 19 имеет свои особенности. Однако использование инструментов GIS позволило выявить схожие структуры на двух памятниках, которые в силу разной степени сохранности культурного слоя казались неочевидными в полевых условиях. В расположении объектов и скоплений относительно микрорельефа выявлены общие закономерности. Во-первых, наиболее крупные объекты расположены ниже всего по склону и «врезаны» в него. Во-вторых, ряд объектов и скоплений имеет схожие метрические и морфологические параметры (размеры, глубину, форму в плане и разрезе). Фаунистические материалы неравномерно распределены по площади памятников, концентрируясь преимущественно в верхней части заполнения наиболее крупных объектов – возможно, жилищных западин. Обожженные каменные артефакты сконцентрированы в скоплениях с высокой плотностью находок, в большинстве случаев соответствующих углубленным объектам.

Заключение. Высокая степень сходства каменного инвентаря стоянок Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19 позволила поставить вопрос о сопряженности их пространственной структуры. Единая методика полевых работ

обеспечила возможность сравнительного анализа данных относительно специфики пространственного распределения различных категорий находок и ее связи с особенностями рельефа местности. На стоянке Малое Окулово 19 благодаря инструментам GIS удалось реконструировать крупные углубленные объекты сходных параметров с теми, что были выявлены на стоянке Малоокуловская 3. Наиболее крупные объекты на Малоокуловской 3 (объект № 12) и Малом Окулове 19 (скопление № 1) приурочены к склону дюны в сторону поймы р. Велетьмы и расположены на одном гипсометрическом уровне – ниже остальных объектов. Особенностью характера пространственного распределения фаунистических остатков на стоянках является то, что большая их часть связана с наиболее крупными скоплениями: верхней частью заполнения объекта № 12 (жилищной западины?) и непосредственно перекрывающим его скоплением на стоянке Малоокуловская 3 и верхней частью скопления № 1 стоянки Малое Окулово 19. Наибольшая концентрация каменных артефактов со следами пребывания в огне зафиксирована в наиболее крупных объектах № 5, 12, 13 стоянки Малоокуловская 3 и крупных четко очерченных скоплениях № 1–3 стоянки Малое Окулово 19. При этом процент орудий как в крупных объектах стоянки Малоокуловская 3, так и в крупных скоплениях № 1–3 стоянки Малое Окулово 19 вариабелен, и в целом каменные орудия распределены на территории стоянок гораздо более равномерно, чем фаунистические остатки и предметы со следами обожженности. Пространственный анализ позволил сделать выводы о сходных чертах в пространственной структуре двух стоянок, несмотря на различную степень сохранности слоя на стоянках Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19.

Статья подготовлена в рамках темы № НИОКТР 122011200271-7 (ИА РАН).

Список литературы:

- Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 2. / Отв. ред. А. В. Кашкина. М.: ИА РАН, 2007. 464 с.
- Жилин М. Г. Отчет Горьковского отряда за 1989 г. Разведки в Горьковской области, раскопки стоянок Окаемово 5 и разведки в Загорском и Талдомском р-нах Московской области // Архив ИА РАН. 1989. Р-1, № 13463.
- Кольцов Л. В. Отчет разведочного отряда Верхневолжской экспедиции о разведках в Горьковской области в 1978 г. Отчет Верхневолжской экспедиции 1978 г. // Архив ИА РАН. 1978. Р-1, № 8301.
- Сидорчук А. Ю., Украинцев В. Ю., Панин А. В. Оценка годового стока Волги в позднеледниковье по данным о размерах палеорусел // Водные ресурсы. 2021. Том 48. № 6. С. 643–655.
- Baxter M. G., Beardah C. C., Wright R. V. S. Some Archaeological Applications of Kernel Density Estimates // Journal of Archaeological Science. 1997. № 24. P. 347–354.
- Archaeological Spatial Analysis: A Methodological Guide / Editors: M. Gillings, P. Hacıgüzeller, G. Lock. New York: Routledge. 2020. 475 p.
- Panin A., Matlakhova E. Fluvial chronology in the East European Plain over the last 20 ka and its palaeohydrological implications // Catena. 2015. № 130. P. 46–61.
- Sidorchuk A., Panin, A., Borisova O. Morphology of river channels and surface runoff in the Volga River basin (East European Plain) during the Late Glacial period // Geomorphology. 2009. № 113. P. 137–157.

Сведения об авторах

Чаукина Варвара Анатольевна, Институт археологии РАН, Москва, РФ
E-mail: varyabaskova@yandex.ru

Еськова Дарья Кирилловна, Институт археологии РАН, Москва, РФ
E-mail: eskovaarchaeology@yandex.ru

Чаукин Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, Москва, РФ
E-mail: schaukin@mail.ru

Гаврилов Константин Николаевич, Институт археологии РАН, Москва, РФ
E-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

Панин Андрей Валерьевич, Институт географии РАН, Москва, РФ
E-mail: a.v.panin@igras.ru

V. A. Chaukina, D. K. Eskova, S. N. Chaukin, K. N. Gavrilov, A. V. Panin

**SPATIAL ORGANIZATION OF THE MESOLITHIC SITES
MALOOKULOVSKAYA 3 AND MALOYE OKULOV 19
IN THE LOWER OKA REGION**

Abstract. The paper deals with the spatial structure of the Mesolithic sites Malookulovskaya 3 and Maloye Okulovo 19, Lower Oka. The sites were entirely excavated in 2021 during the rescue archaeology works following the same excavation methodology. The lithic assemblages of Malookulovskaya 3 and Maloye Okulovo 19 sites are similar typologically. Both of them were attributed to the Post-Swiderian of the Eastern European Plain. The usage of GIS instruments allowed us to compare the structures with different preservation state. It lead us to the conclusion about a high level of similarity between the spatial structures of the sites Malookulovskaya 3 and Maloye Okulovo 19.

Keywords: Mesolithic, Lower Oka, Post-Swiderian, spatial analysis, GIS.

ОСОБЕННОСТИ НЕОЛИТИЗАЦИИ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНТЕКСТЕ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ

Резюме. Процесс неолитизации в Марийском регионе, вероятно, происходил при непосредственном участии культурных традиций лесостепной части Среднего Поволжья. Данный аспект отмечается при анализе керамических материалов, а также – в какой-то степени – каменного инвентаря. В тоже время в сопредельной к Марийскому краю территории Верхнего Поволжья заметны явные различия не только в орудиях труда, в рецептуре и орнаментации посуды. Если верхневолжская культура предполагает разделение на этапы (начиная с раннего или волго-окской), то в лесной зоне Среднего Поволжья в раннем неолите выделяются группы неорнаментированной (со сквозными отверстиями под венчиком) и накольчатой керамики. Радиоуглеродные даты дают чуть более древние определения первой из этих групп. Отличия заметны и на восточной территории – в Камско-Вятском междуречье. Чем можно объяснить расхождение по ряду позиций у соседей в раннем неолите – различными источниками неолитизации или особенностями местного развития? На этот вопрос автор попытается ответить в статье.

Ключевые слова: ранний неолит, Марийское Поволжье, неолитизация, керамика, кремневый инвентарь, верхневолжская культура, Прикамье.

Ранний неолит Марийского Поволжья характеризуется появлением керамики, автохтонность которой отрицается (Никитин, 1996). Для лесной зоны она является первостепенным маркером неолитизации (Ошибкина, 1996). Привнесение ее связывалось исследователями с разными территориями Поволжья, Подонья, а также Поднепровья (Халиков, 1969; Третьяков, 1972; Васильев, Выборнов, 1988; Никитин, 1996; Вискалин, 1999; Никитин, 2013; Ставицкий, 2014). Исследователи всегда уделяли внимание вопросу происхождения посуды. По нашим представлениям, корни неолитизации лесного Среднего Поволжья уходят в лесостепную зону – в ареал елшанских традиций. Так или иначе, сам факт прихода носителей неолитической традиции в среду аборигенных позднемезолитических коллективов ведет за собой их контакты. Данное обстоятельство будет первой особенностью неолитизации региона.

Сравнивая каменный инвентарь на мезолитических и ранненеолитических стоянках, нельзя не заметить ряд совпадений (Кудашов, 2020), что может объясняться общими условиями и источниками сырья. Для мезолита характерна высокая доля пластин (до 65%) в качестве заготовок (Никитин, 2018). Это отмечается и на ряде неолитических памятников (до 61%). Изделия – чаще с нерегулярной односторонней ретушью. Скребки (как правило, концевые и стрельчатые) – на отщепах, а также на сколах. Для ножей заготовками являются крупные плоские отщепы и пластины. Резцы угловые на пластинах и отщепах. Наконечники мезолитического населения разнообразные (часто на пластине) – ромбические, черешковые, листовидные с ретушью по всему периметру, трапецевидные. Встречаются ретушированные сечения пластин. Деревообрабатывающие орудия в позднемезолитическое время в Марийском

Поволжье выявлены в большом количестве. Большинство из них сделано на сланце, доломите, песчанике и известняке.

Свой вклад в каменный инвентарь вносят и мигрировавшие из лесостепи коллективы. К нему относится увеличение орудий небольших размеров на продольных и поперечных сколах с нуклеуса (до 46% от орудий памятника на Сокольном VII и т. д.), а также падение процента пластин (до 8% – Сокольный XVII). Стала чаще применяться двусторонняя ретушь. В ранненеолитических комплексах основным видом наконечников становятся треугольно-черешковые, встречаются иволистные. Для неолита региона характерно тесло из кремня с трапезиевидным линзовидным сечением и зауженным и приостренным насадом (Никитин, 1996. С. 106). Таким образом, ранненеолитические племена развивают каменную «индустрию», основы которой переняты у позднемезолитического населения, что является еще одной выделяемой чертой.

Проведенные палинологические анализы образцов с памятников Сокольный VII, XII, XVII позволили уточнить ландшафтную ситуацию в регионе в период существования стоянок. По исследованному разрезу с раскопа Сокольный VII было выделено 6 спорово-пыльцевых комплексов, по раскопу Сокольный XII – 5 комплексов, которые следуют снизу вверх.

По образцам памятника Сокольный XVII недавно было выделено 3 спорово-пыльцевых комплекса. Спорово-пыльцевой комплекс I выделен из слоя бурого песка (большая часть культурного слоя с массой находок). Состав может указывать на сосновые боры, возможно, с примесью липы и березы, которые росли на песчаных дюнах. Травяной покров был очень бедным. Данный комплекс хорошо сопоставляется с комплексами из стоянок Сокольный VII (СПК II) и Сокольный XII (СПК II, но с большим участием березы). Спорово-пыльцевой комплекс II выделен из слоя подзола и верхней части залегания бурого песка.

Ближние по составу комплексы прослеживаются в разрезе на стоянке Сокольный VII (СПК III, IV) и Сокольный XII (СПК III). Большое количество пыльцы широколиственных пород свидетельствует о том, что это был довольно теплый этап. Исходя из состава спектров, можно заключить, что в это время в районе стоянки широкое распространение имели широколиственные леса, приуроченные к пойме реки. В составе травянистых растений отсутствует луговое разнотравье, а встречаются только различные сорные растения, что может свидетельствовать о нарушении естественного травяного покрова на месте стоянки. Спорово-пыльцевой комплекс III – близкий к современному характер растительности.

Отталкиваясь от палинологических данных, можно проследить, что население, мигрировавшее с территории Самарского и Ульяновского Поволжья, заняло иную местность, нежели лесостепь, что само по себе примечательно и является особенностью. Нахождение в лесной зоне вызвало необходимость в адаптации орудий труда. Последнему, по-видимому, и способствовали контакты с местным позднемезолитическим населением. Представления о палеогеографическом фоне Марийского Поволжья, кроме вышесказанного, дают возможность полагать наличие основы для комплексного присваивающего хозяйства с охотой, рыболовством и долей собирательства.

При характеристике освоения, безусловно, необходимо рассмотреть и жилища (табл. 1). Постройки в раннем неолите имеют некоторые отличия от мезолитических (Никитин, 2011; 2018; Кудашов, 2021). Но в целом преобладают совпадения, что объясняется приспособлением под природные условия. Это полуземлянки, в более редких случаях – наземные постройки (чаще в раннем неолите, в мезолите – единично) с одним-двумя входами. Внутри имеются ниши, одной-двумя очажными и хозяйственными ямами. Однако в неолите немного ниже процент жилищ до 30 кв. м и падает процент сооружений свыше 100 кв. м (с 18% до 5%), при этом увеличивается доля жилищ площадью 31–60 кв. м. Отсутствие в раннем неолите в более чем половине строений очажных ям может объясняться функциональной принадлежностью. Важно, что специалисты не прослеживают на мезолитических памятниках Марийского Поволжья ранне-неолитической керамики, также не фиксировались и перекрытия мезолитических слоев ранне-неолитическими (Никитин, 2006. С. 254). На некоторых стоянках проследить остатки конструкций не удалось (Сокольный VII, XII, XVII).

Таблица 1. Сравнение параметров жилищ мезолита и неолита региона

Параметр/Период		Мезолит	Ранний неолит
Тип	полуземлянка	37 (97,4%)	29 (72,5%)
	наземное	1 (2,6%)	11 (27,5%)
Площадь	до 30 м ²	25 (67%)	22 (55%)
	31–60 м ²	4 (10%)	13 (32%)
	61–100 м ²	2 (5%)	3 (8%)
	более 100 м ²	7 (18%)	2 (5%)
Входы	1	31 (82%)	26 (65%)
	2	5 (13%)	3 (7,5%)
	3	2 (5%)	1 (2,5%)
Очаги	1–2	21 (55%)	18 (45%)
	3–5	15 (39%)	4 (10%)
	6 и более	1 (3%)	-
	без очага	1 (3%)	18 (45%)
Хозяйственные ямы	1–2	7 (19%)	20 (50%)
	3–5	8 (21%)	8 (20%)
	6 и более	15 (39%)	10 (25%)
	без ямы	8 (21%)	2 (5%)
Ступеньки	есть/нет	12 (32%) / 26 (68%)	3 (7,5%) / 37 (92,5%)
Ниши	есть/нет	8 (21%) / 31 (79%)	8 (20%) / 32 (80%)

Как говорилось выше, пришельцы принесли традицию изготовления керамики. Самая древняя посуда в Марийском лесу представлена небольшими пряموстенными или округлобкими сосудами баночной формы с плоским, а также плосковогнутым дном. Их внутренняя поверхность заглажена, внешняя залощена. Толщина стенок в основном в пределах 0,4–0,8 см. Много фрагментов размером менее 2×2 см. Сосуды без орнамента с часто встречаемой деталью – сквозными отверстиями на преимущественно прямых с плоским или округлым срезом венчиках. Ямочные вдавления единичны (табл. 2). Подобного рода керамические материалы представлены в лесостепной зоне, на территории Самарского и Ульяновского Поволжья (Выборнов, 2008; Буров, 1980). Так называемый луговой тип является своего рода продолжением елшанской культуры, его вторым этапом. Близки и имеющиеся по ряду образцов датировки (Андреев и др., 2019).

Таблица 2. Элементы орнамента в сравниваемых регионах

Памятник/ элемент	△△	○○	□	»»	Сквозные отв. венчики	ЯЖП на венчиках
Дубовское III	70,4% (96)	10,8% (15)	0,7% (1)	7,3% (10)	75,8% (69)	3,3% (3)
Дубовское VIII	51,7% (31)	21,7% (13)	8,4% (5)	8,4% (5)	50% (14)	17,8% (5)
Дубовское VII	46,6% (14)	33,4% (10)	13,3% (4)	6,7% (2)	73,7% (14)	5,3% (1)
Отарское VI	55,5% (151)	28,3% (77)	5,5% (15)	4% (11)	71,5% (108)	4,6% (7)
Сутырское V	55,9% (47)	26,2% (22)	3,6% (3)	7,1% (6)	68% (32)	-
Нижняя Стрелка IV	79,8% (33)	10% (3)	3,4% (1)	3,4% (1)	90,1% (20)	-
Отарское XVII	61,3% (19)	16,2% (5)	3,2% (1)	16,2% (5)	80% (8)	10% (1)
Сокольный VII	22,2% (2)	66,6% (6)	-	11,2% (1)	-	-
Сокольный XII	65,5% (38)	25,9% (15)	5,2% (3)	1,7% (1)	36,7% (16)	4,5% (2)
Сокольный XVII	65,7% (23)	11,4% (4)	14,2% (5)	2,9% (1)	52,2% (12)	4,3% (1)
<i>В среднем</i>	<i>57,5% (454)</i>	<i>25% (170)</i>	<i>5,7% (38)</i>	<i>6,9% (43)</i>	<i>59,8% (293)</i>	<i>5% (20)</i>
Кыйлуд II	47% (53)	48% (55)	5% (6)	34% (17)	24% (12)	-
Кыйлуд III	27%(11)	54% (22)	19% (8)	53% (9)	47% (8)	-
Кочуровское I	62% (89)	32% (44)	6% (9)	17% (15)	24% (21)	-
Моторки II	24% (5)	57% (12)	19% (4)	55% (6)	45% (5)	-
Чумойгло I	61% (52)	22% (21)	17% (14)	13% (4)	35% (8)	-
<i>В среднем</i>	<i>44% (210)</i>	<i>43% (154)</i>	<i>13% (41)</i>	<i>34% (51)</i>	<i>35% (54)</i>	<i>-</i>
Сахтыш I	45% (9)	35% (7)	-	15% (3)	20% (1)	
Сахтыш II	27% (26)	41% (39)	4,2% (4)	14,6%(14)	22,2% (10)	0,9% (2)
Сахтыш II а	27,6% (26)	42,6%(40)	3,2% (3)	9,6% (9)	37,2% (29)	6,4% (5)
Сахтыш VIII	30,7% (24)	41% (32)	3,8% (3)	14,1%(11)	43,3% (13)	
<i>В среднем</i>	<i>32,5% (85)</i>	<i>40% (118)</i>	<i>2,8%(10)</i>	<i>13,3%(34)</i>	<i>30,7% (53)</i>	<i>3,6% (7)</i>

Стоит отметить, что при раскопках последних лет на памятнике Сокольный XII был обнаружен сосуд елшанского типа: экземпляр с раздутым туловом и стянутой верхней частью, а также с плоским срезом венчика. Дно плоское (диаметр – 3 см). Орнаментация в виде неглубоких прочерченных линий, образующих мотив косой решетки. Внутренняя поверхность заглажена, внешняя подлощена. Сосуд изготовлен из илистой запесоченной глины, взятой во влажном состоянии и содержащей включения, похожие на примесь из обожженной сильно ожелезненной глины (Шо/г), + органический раствор. Данная находка не только подтверждает мысль об истоках неолитизации в Марийском Поволжье на юго-востоке, но и может говорить о проникновении в лесную зону коллективов носителей керамических традиций и ранее луговского типа.

Важным является и то обстоятельство, что немногим позже в регионе появляется посуда, украшенная наколами. Датировки, имеющиеся на сегодняшний день, дают основания полагать проникновение этой традиции приблизительно с 6500 ВР (*Выборнов и др., 2016; Кудашов и др., 2022*), в то время как определения по неорнаментированным сосудам начинаются с 7000 ВР. Вопрос о соотношении неорнаментированного и накольчатого комплексов сложен. В силу особенностей культурного слоя (песок) они могут залегать рядом, в том числе и в пределах одних жилищ (*Никитин, 2011*). Вероятно, данный аспект не всегда является подтверждением одновременности (*Выборнов, 2017*). Накольчатый комплекс по ряду признаков показывает схожие характеристики по форме сосуда и дна, по обработке внутренней и внешней поверхности, по венчику и его срезу. Очевидным отличием является занятие верхней и нижней трети изделия орнаментом из треугольных/подовальных наколов. Полагаем, что в некоторый временной период две ранние традиции сосуществовали. Данное предположение подкрепляется и радиоуглеродными датами, поскольку первая из них доживает до последней четверти VI тыс. до н. э., а накольчатая керамика продолжает существование до середины V тыс. до н. э. (рис. 1).

Предполагая заимствования из лесостепной зоны, обратим внимание на данные технико-технологического анализа керамики. В разное время для марийских материалов он проводился Ю. Б. Цетлиным и И. Н. Васильевой (*Никитин, 2011; Васильева и др., 2016*). В группе неорнаментированной со сквозными отверстиями сосудов (48 обр.) исходным пластичным сырьем (ИПС) является илстая глина (тощие подвиды в естественно увлажненном состоянии). Формовочная масса (ФМ) представлена двумя рецептами – ИПС+Шо/г+ОР (13%) или ИПС+Ш+ОР (87%) с концентрацией 1:4–1:5. Включения раковины в ФМ не отмечено. Что интересно, рецептура елшанского сосуда с Сокольного XII соответствует первому варианту из вышеуказанных в комплексе керамики без орнамента.

Среди накольчатого комплекса (109 обр.) существуют различия. ИПС – тощие илстые глины (98%), единично выявлены илы и глина (дробленные в сухом виде). Как и в первой группе, отсутствует естественная примесь раковины. Отдельно анализировалась керамика с насечками (11 образцов), где также единично использовалась глина – 9% (увлажненная). ФМ – ИПС+Ш+ОР (83%) и ИПС+Шо/г+ОР (16%) с концентрацией от 1:3 до 1:5. В проанализированных недавно накольчатых образцах (22 ед.) с поселения Сокольный XVII (раскопки 2022 г.) ИПС 16 сосудов (73%) – илстая глина, а еще 6 сосудов (27%) – глина.

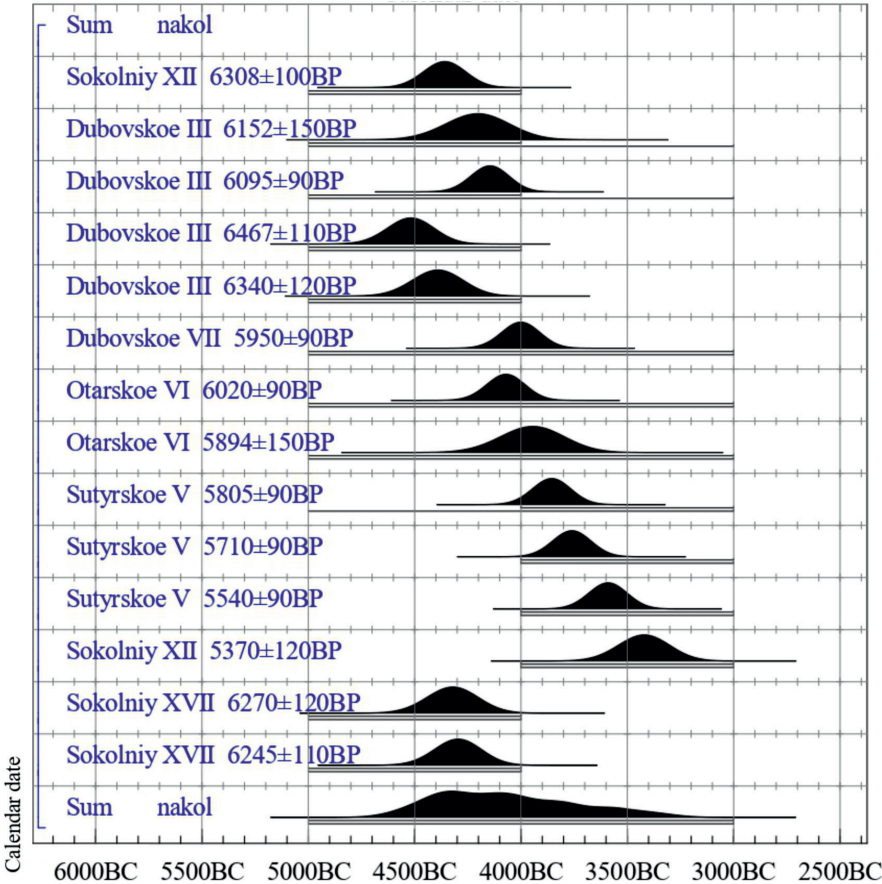
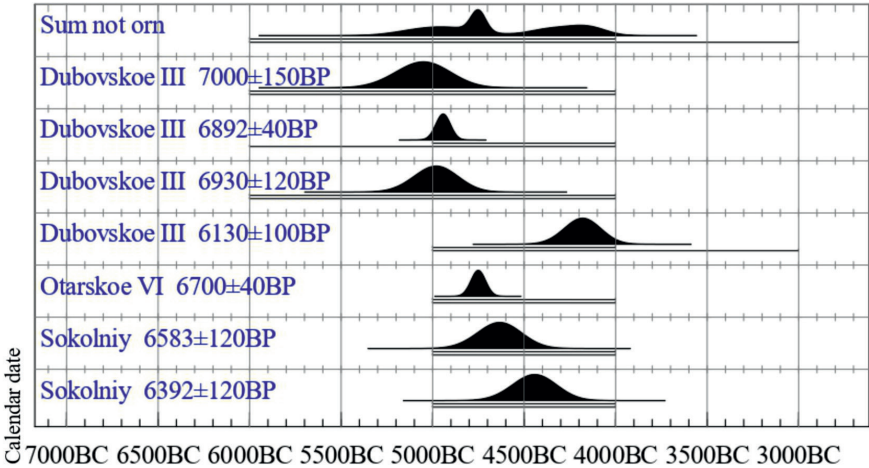

Рис. 1. Радиоуглеродные даты раннего неолита Марийского Поволжья

1 – керамика без орнамента; 2 – накольчатая посуда

Такой высокий показатель использования глины может свидетельствовать о контактах с носителями аналогичных традиций камской культуры (*Васильева и др.*, 2012). При этом во всех образцах на данном памятнике замечен только один рецепт ФМ – ИПС+Ш+ОР. На других исследованных соседних поселениях – Сокольный VII и Сокольный XII – в качестве сырья отмечается только илистая глина.

Важным видятся три обстоятельства. Первое: технология изготовления керамики весьма консервативна, и связь вышеуказанных приемов с лесостепным Поволжьем может свидетельствовать о привнесении традиции именно оттуда (*Васильева*, 2011). Именно в елшанской традиции ИПС в подавляющем большинстве определяется как тощие илистые глины – с превалированием рецепта с органическим раствором и появлением шамота в ФМ. Второе: судя по данным технологии, различия накольчатой посуды с неорнаментированной имеются, но не являются значительными на большинстве памятников. На Сокольном XVII коллекция керамики с наколами имеет отличия не только в технологии, но и в орнаментации. Третье: в накольчатой группе представлено несколько видов ИПС, в том числе характерная для камских традиций глина, а также более крупная концентрация шамота в ФМ.

Поиск корней накольчатой посуды приводит нас к средневожской культуре (*Бадер*, 1981). Расположение памятников приурочено к притокам р. Волги – р. Сок, р. Самара. В данном регионе происходит сложение культуры на основе елшанского населения и мигрирующих с юга коллективов с накольчатой посудой (*Выборнов*, 1992; 2000). Посуда средневожской культуры в своем раннем облике имеет чаще всего прямые венчики с округлым или плоским срезом при наличии (гораздо реже) закрытой или открытой формы. Среди черепков толщиной 0,6–0,9 см преобладают фрагменты без видимой примеси. Поверхность сосудов заглажена с внешней и внутренней стороны, лощение редко. Донца чаще плоские. Большинство венчиков – с поясом ямочно-жемчужных вдавлений. Сосуды орнаментируются в разреженной и отступающей манере наколами треугольной, овальной формы. Орнамент занимает верхнюю и нижнюю часть сосуда, мотивы простые – горизонтальные/диагональные линии, а также короткие линии и горизонтальный зигзаг.

Большое число схожих черт (в элементах и мотивах орнамента, толщина и строение сосуда, отчасти – обработка поверхностей) обоих комплексов наводит на мысль о том, что марийские материалы могут быть включены в ареал средневожской культуры как северной ее части (*Кудашов*, 2018). Стоит заметить, что радиоуглеродные даты, имеющиеся на сегодняшний день, не противоречат этому предположению (*Выборнов*, 2008).

Накольчатая керамика, согласно датировкам, бытует в регионе весьма продолжительное время – 6500–5500 ВР (*Кудашов и др.*, 2022). Рассмотрев коллекции данной группы с памятников, можно увидеть некоторое изменение в орнаментации. Так на Сокольном XVII сосуды преимущественно полно украшены наколами разных форм, в то время как на расположенной неподалеку стоянке Сокольный XII представлена посуда с заполнением верхней и нижней трети изделия. Кроме того, на некоторых памятниках заметно усложнение в мотивах, добавляются и различные элементы (табл. 2). В целом накопившиеся определения позволяют предположить выделение двух групп

дат в границах 6500–6100 ВР и 6000–5500 ВР (*Выборнов и др.*, 2008; 2016). Отражение контактов второй группы с более поздними традициями видно и по изменению рецептуры ФМ. Кроме того, на некоторых памятниках (Дубовское III и Дубовское VIII) удалось обнаружить синкретические ямочно-накольчатые фрагменты сосудов, что подтверждает мысль о доживании до появления в Марийском регионе коллективов с ямочно-ребенчатой керамикой.

Продвижение коллективов с лесостепной зоны Поволжья можно отметить по наличию в материалах таких памятников как Щербетская II и Тетюшская IV схожей группы сосудов (*Габяшев*, 1976; *Халиков*, 1969). Сопоставления с марийскими памятниками проводились специалистами неоднократно, в результате выделялись конкретные схожие черты (*Никитин*, 1996; *Выборнов*, 2007).

В сопоставимых условиях существовали и коллективы Камско-Вятского междуречья. Посуда более восточного относительно Марийского края региона имеет толщину стенок 0,4–0,7 см с заглаженной внутренней и подлощенной внешней поверхностью. Многие черепки – без орнамента и сильно фрагментированы. Сосуды в основном баночной формы. Орнаментация сосудов слабая, занимает верхнюю и нижнюю треть сосуда. Превалирует треугольный разреженный и отступающий, а также овальный разреженный и отступающий накол (в почти одинаковых показателях). Есть сосуды, имеющие лишь ямочные вдавления. Заметно присутствие подпрямоугольного накола и насечек на посуде в гораздо большем количестве, нежели в Марийском Поволжье (табл. 2). Мотивы простые, реже встречаются зигзаги. На многих сосудах орнамент представляет собой лишь пояс ямок-проколов под венчиком (*Кудашов*, 2022). В верхних частях сосудов отмечается отличие в виде частого нанесения на профилированных венчиках в Камско-Вятском междуречье насечек по внутреннему краю (до трети случаев на памятнике). Насечки встречаются и на прямых венчиках на стоянке Моторки II (*Гусенцова*, 1993. С. 82–98).

Отличительной чертой от Марийского Поволжья являются хорошо выраженные поддоны на донцах (закраины). Донца плоские или плосковогнутые. Керамические материалы Камско-Вятского междуречья сходны как непосредственно с Марийской керамикой, так и с посудой того же луговского типа (*Гусенцова*, 2014). Речь идет о коллекциях с памятников (ознакомление происходило преимущественно лично) Кыйлуд II, Кыйлуд III, Кочуровское I, Моторки II, Чумойтло I, Кошкинская (Она же. 1993; 2000). Радиоуглеродные даты по памятникам обоих регионов могут свидетельствовать о хронологической близости (*Выборнов*, 2008. С. 243–244).

Что касается керамики Верхней Волги, то сходства более обнаруживаются на самом раннем (волго-окском) этапе (*Крайнов и др.*, 1977; *Цетлин*, 1996). Появление здесь керамики может быть связано с движением населения с более южных территорий (*Костылева*, 2003. С. 214). Автору посчастливилось лично осмотреть некоторые коллекции (Сахтыш I, Сахтыш II, Сахтыш IIa, Сахтыш VIII). Ранняя керамика верхневолжской культуры представлена сосудами без орнамента, а также посудой с преимущественно подовальными, реже подтреугольными наколами, что отличает ее от марийской посуды (Она же. 1994). Среди мотивов встречаются простые (горизонтальные, диагональные ряды) и более сложные. Также выделим различия в более частом применении на западных территориях такого элемента как насечки. Венчики – прямые

с плоским или округлым срезом. Сквозные отверстия в верхней части сосуда также встречаются (около трети), ямочно-жемчужные пояски представлены единично (табл. 2). Число неорнаментированных венчиков разное, но может достигать до 45%–50% (Сахтыш Па – 40 ед. из 78 ед. просмотренных, Сахтыш II – 22 ед. из 45 ед.). Донца в целом имеют плоскую форму. Во фрагментах видна примесь раковины, чего не наблюдается в более восточном регионе. Толщина стенок – в пределах 0,6–1,1 см. Хронологические рамки по имеющимся датам хорошо сопоставимы с лесным Средним Поволжьем (Цветкова, 2019. С. 687). По мнению исследователей, верхневолжская культура сложилась при участии пришлых юго-восточных коллективов носителей традиции изготовления керамики в результате взаимодействия с местным мезолитическим населением (Она же. 2011. С. 177). Этот аспект тоже роднит ранний неолит Марийского и Верхнего Поволжья.

Подробному сравнению каменного инвентаря марийских, верхневолжских и камских ранненеолитических памятников посвящена отдельная публикация (Кудашов, 2023). Стоит лишь заметить, что для регионов характерно использование местного валунного и желвачного кремня, в материалах Камско-Вятского междуречья еще присутствует галька. Подавляющее большинство коллекции – отходы производства. Нуклеусы в материалах Среднего Поволжья – одно- и двухплощадочные, аморфной и призматической формы, в Верхнем Поволжье – чаще призматические, на Каме есть торцовые, конические, призматические и аморфные. Большое количество пластин характерно для всех (Лычагина, 2020; Цветкова, 2019. С. 704). Ретушь – нерегулярная односторонняя. Есть ретушированные сечения пластин. В коллекциях Марийских и верхневолжских стоянок культур мало резцов на углу сломанной пластины или продольного скола, в то время как на восточной территории есть как угловые, так и срединные. Перфораторы – симметричные и с плечиками, и только в марийской индустрии первый вид есть на всех памятниках, а второй представлен единично. Везде многочисленны концевые скребки, а также стрелчатые на отщепах, реже – на пластинах. Ножи на пластинах – с прямым однолезвийным лезвием. В комплексах Среднего Поволжья отмечаются наконечники треугольно-черешковой и иволистной формы, которые не представлены на Верхней Волге, а на камско-вятских памятниках найдены также листовидные. Деревообрабатывающих орудий относительно много. Утюжки присутствуют только на Марийских памятниках.

Можно заметить некоторые культурные различия в каменной индустрии Марийского Поволжья с индустрией соседних регионов. Сходные показатели в большей степени проявляются в сопоставлении с верхневолжской культурой (на раннем этапе). Категории орудий и способы использования сырья во многом определяются стадийным характером (как, например, высокий показатель пластинчатости на некоторых памятниках) и топографическими условиями.

Таким образом, рассмотрев все аспекты ранненеолитических памятников, можно отметить несколько характеристик. Некоторые являются общими для лесной зоны. К таковым относится вероятное привнесение рецептов керамики, а не автохтонное развитие традиции. Носители керамической традиции в Марийском регионе, вероятнее всего, появляются с юго-востока.

Здесь они контактируют с местным мезолитическим населением. Отличия ландшафта и необходимость адаптации стимулировали освоение навыков работы с орудиями труда. В дальнейшем ранненеолитическое население развивает эти навыки. Исследуемый регион долгое время испытывает на себе лесостепное влияние. Лесное Среднее Поволжье как контактная зона ощутило на себе приход нескольких культурных традиций – начиная от елшанской и луговской, заканчивая накольчатой – и гребенчатой и ямочно-гребенчатой в развитом-позднем неолите. При этом названные образования в ряде случаев на определенном хроноинтервале сосуществовали. Накольчатая керамика, судя по всему, включается в ареал средневолжской культуры с особым вариантом и этапами развития. Имеющаяся на сегодня совокупность данных дает основания говорить о присваивающей форме хозяйства. Напоследок все же отметим, что, несмотря на вышеуказанные активные процессы, в Марийском Поволжье в раннем неолите не сложилось новой особой культуры. Некоторые названные положения требуют дополнительной проработки, что послужит основанием для дальнейших исследований.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект 23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

Список литературы

- Андреев К. М., Выборнов А. А., Кулькова М. А., Храмов Д. Ю. К вопросу об абсолютной хронологии керамики луговского типа. // СНВ. 2019. Т. 8, № 3 (28). Самара, С. 132–135.
- Бадер О. Н. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // Вопросы археологии Урала. 1981. № 15. С. 44–48.
- Буров Г. М. Каменный век Ульяновского Поволжья. Ульяновск: Приволжское книжное изд-во, 1980. 120 с.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья: степь и лесостепь. Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.
- Васильева И. Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (48). С. 70–81.
- Васильева И. Н., Выборнов А. А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2012. Вып. 8. С. 33–50.
- Васильева И. Н., Выборнов А. А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2016. С. 68–98.
- Вискалин А. В. Памятники накольчатой керамики Волго-Камья: автореф. дис. канд. ист. наук. Ижевск, 1999. 15 с.
- Выборнов, А. А. Неолит Прикамья. Самара: Изд-во СГПУ. 1992. 150 с.
- Выборнов А. А. Средневолжская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 177–215.
- Выборнов А. А. О происхождении памятников щербетьского типа // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2007. С. 74–78.
- Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

- Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В.* К радиокарбоновой хронологии неолита Среднего Поволжья: Западный регион // РА. М.: Наука, 2008. № 4. С. 64–71.
- Выборнов А. А., Никитин В. В.* Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. Смоленск: Свиток, 2016. С. 123–128.
- Выборнов А. А.* Спорные вопросы изучения раннего неолита Марийского Поволжья // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 38–47.
- Габяшев Р. С.* Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья. Казань. 1976. С. 35–46.
- Гусенцова Т. М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993. 240 с.
- Гусенцова Т. М.* Комплекс с накольчато-прочерченной керамикой Кошкинской стоянки на правом берегу р. Вятки // ТАС. Вып. 4. Тверь, 2000. С. 306–310.
- Гусенцова Т. М.* Ранненеолитический комплекс Кошкинской стоянки на правом берегу р. Вятка. // СНВ. 2014. №3 (8). С. 90–94.
- Костылева Е. Л.* Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. Вып 1. 1994. С. 53–57.
- Костылева Е. Л.* Основные вопросы неолитизации центра Русской равнины (особенности неолитизации лесной зоны). // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. Новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов. СПб, 2003. С. 213–218.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. 1977. № 3. С. 42–68.
- Кудашов А. С.* К вопросу о северной границе средневолжской культуры // Верхнедонский археологический сборник. Липецк: Изд-во Липецкого гос. пед. ун-та, 2018. С. 91–93.
- Кудашов А. С.* Позднемезолитический и ранненеолитический кремневый инвентарь Марийского Поволжья // Материалы VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Самара, 2020. С. 162–164.
- Кудашов А. С.* Жилища мезолита и раннего неолита Марийского Поволжья // СНВ. 2021. Т. 10, №1. С. 173–176.
- Кудашов А. С., Выборнов А. А., Андреев К. М.* Актуальные проблемы радиоуглеродного датирования неолитических комплексов лесного Среднего Поволжья // Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений». М.: ИГ РАН, 2022. С. 40.
- Кудашов А. С.* К вопросу о сходстве ранненеолитической керамики Марийского Поволжья и Камско-Вятского междуречья // Материалы конференции молодых ученых. СПб, 2022. С. 100–103.
- Кудашов А. С.* О ранненеолитическом каменном инвентаре Марийского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 263–270.
- Лычагина Е. Л.* Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. ПГГПУ. Пермь, 2020. 364 с.
- Никитин В. В.* Каменный век Марийского края. Труды МАЭ. Том IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.
- Никитин В. В.* На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья) // ТАС. Вып. 6. 2006. С. 254–259.
- Никитин В. В.* Ранний неолит Марийского Поволжья. Труды МАЭ. Том IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.
- Никитин В. В.* Неолитизация лесного Волго-Камья // Поволжская археология. 2013. №1 (3). С. 22–31.
- Никитин В. В.* Мезолит Марийского Полесья // Труды МАЭ. Т.10. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. 264 с.
- Ошибкина С. В.* Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 6–9.

- Третьяков В. П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л.: Наука, 1972. 136 с.
- Ставицкий В. В. К вопросу о единстве критериев неолитической эпохи для культур севера и юга // СНВ. 2014. Т. 3. № 3. С. 171–177.
- Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М: Наука, 1969. 396 с.
- Цветкова Н. А. Ранний неолит Верхнего Поволжья: некоторые итоги изучения // Российский археологический ежегодник. № 1. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011. С. 148–182.
- Цветкова Н. А. Начало неолитической эпохи на Верхней Волге // Вестник СПбГУ. История, 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 683–717.
- Цетлин Ю. Б. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // ТАС. Вып. 2. 1996. С. 155–163.

Сведения об авторе

Кудашов Александр Сергеевич, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия
E-mail: aleksandr.kudashov@gmail.com

A. S. Kudashov

FEATURES OF NEOLITIZATION OF THE MARI VOLGA REGION IN THE CONTEXT OF THE FOREST ZONE

Abstract. The process of neolithization in the Mari region probably occurred with the direct participation of the cultural traditions of the Middle Volga forest-steppe region. This aspect is noted when analyzing ceramic materials, as well as, to some extent, stone tools. At the same time, in the territory of the Upper Volga region adjacent to the Mari region, obvious differences are noticeable not only in the example of tools and in the recipe and ornamentation of dishes. If the Upper Volga culture assumes a division into stages (starting from the Early or Volga-Oka culture), then in the Middle Forest Volga region in the Early Neolithic a group of unornamented (with through holes under the rim) and prickly ceramics is distinguished. Radiocarbon dates provide slightly older definitions for the first of these groups. Differences are also noticeable in the eastern territory – in the Kama-Vyatka interfluvium. How can we explain the discrepancy in a number of positions among neighbors in the Early Neolithic – different sources of neolithization, or features of local development? The author will try to answer this question in the article.

Keywords: early Neolithic, Mari Volga region, neolithization, ceramics, flint implements, Upper Volga culture, Kama region.

СИНХРОНИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, КАВКАЗА И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (К ПРОБЛЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ)

Резюме. В статье рассматриваются проблемы периодизации каменного века, затрагивается проблема критериев выделения эпох «мезолит» и «неолит». Предпринята попытка выявить характерные черты, присущие развитию материальной культуры на примерах культур конца позднего плейстоцена и начала голоцена Ближнего Востока, Северного Кавказа и лесной зоны Восточной Европы. Рассматривается время возникновения и последовательность инноваций в вышеуказанных регионах.

Ключевые слова: периодизация, каменный век, эппалеолит, мезолит, неолит, синхронизация этапов развития материальной культуры, Ближний Восток, Кавказ, лесная зона Восточной Европы.

В основе современной археологической периодизации до сих пор лежит «система трех веков», созданная К. Томпсоном еще в позапрошлом веке, почти 200 лет назад. За это время она превратилась в четырехступенчатую (прибавился энеолит), или, по другому мнению, шестиступенчатую, если принять равный эпохальный статус подразделений каменного века – палеолит, мезолит и неолит (Бочкарев, 2009. С. 92) и даже девятиступенчатую, прибавляя к последней еще четырехчленное деление палеолита (олдувей (олдован), ашель, мустье (средний палеолит) и верхний палеолит) (Аникович, 1992. С. 85). Несмотря на неуниверсальность периодизации Томпсона, пока никто не предложил ничего иного, что могло бы стать общепризнанной системой для упорядочивания крупных блоков археологического материала в глобальном масштабе. При этом нет единства мнений о том, какой критерий лежит в основе разделения на эпохи: материал и техника ведущих категорий орудий или технологический принцип (Бочкарев, 2009. С. 92). Принимая шестиступенчатую (или минимум шестиступенчатую) периодизацию и отказываясь от критерия материала, мы смешиваем разные уровни классификации. Причем технологический критерий, возводимый как основной (Бочкарев, 2009. С. 93; Клейн, 2014. С. 58), соответствует иному – подчиненному – уровню, так как невозможно сопоставлять технологии, применимые к обработке каменного сырья, медных сплавов или железа. Таким образом, первичный основной критерий – это материал для ведущих орудий, а точнее, как определил Л. С. Клейн, «орудий с острым режущим краем» (Там же). И уже в пределах каменного, бронзового и железного веков технологический критерий становится ведущим для их подразделения. В этой связи «двуединный» характер термина «энеолит», довольно точно отражающий переходный характер, на мой взгляд, по своему археологическому содержанию является заключительным периодом эпохи камня, из которого по-прежнему изготавливались ведущие формы орудий, включая вооружение. Эпохальная принадлежность – это не хронологический, а технико-культурный показатель уровня развития сообществ, позволяющий сравнивать или обобщать удаленные в пространстве и/или во времени археологические комплексы.

Целью настоящего исследования не является критика старой или, тем более, создание какой-либо новой периодизации. Но для сопоставления разнессенных в пространстве и отчасти во времени совокупностей археологических источников, объединенных по принципу их эпохальной принадлежности, необходимо понимание возможности применения существующих периодизаций. Сравнительный анализ предполагает единый понятийный аппарат для определения их места в общей периодизационной схеме. Однако даже в пределах каменного века пока не выработаны не только единые критерии для подразделения на эпохи/периоды, но и названия этих эпох, характеризующих последовательность, различны применительно к материалам, происходящих из разных регионов.

Для палеолитических индустрий основным критерием является определенный набор ведущих (руководящих) форм орудий и технология расщепления. Но даже для древнейших периодов «классической» археологической периодизации нет единства мнений о содержании этой совокупности черт, характерной для конкретной эпохи (см., например, монографию Е. В. Беляевой (Беляева, 2022. С. 15–16), в которой подробно отражен спектр современных взглядов на критерии выделения ашельской эпохи).

Для верхнего палеолита терминологическая мозаика еще более усложняется. И проблема состоит даже не в дробности периодизации, разросшейся от трехчленного деления (ранняя, средняя и поздняя поры) до пятичленного (прибавились такие понятия как «начальный верхний палеолит» и «финальный палеолит»), а в появлении региональных схем. Количество и названия этапов/периодов может сильно варьироваться (например, «от... археологических горизонтов... начального верхнего палеолита, через ранний верхний палеолит... до финального раннего верхнего палеолита.... Полученные даты позволяют сдвинуть хронологические рамки терминального верхнего палеолита...» (выделено мною – Е. Л.) (Рыбин и др., 2022. С. 203). Но где проходят территориальные границы пространств, где работают подобные схемы, насколько эти пространства удалены друг от друга – эти и многие другие вопросы остаются открытыми. Даже в пределах Северной Евразии, и еще уже – российской части – среди исследователей нет единства в понимании периодизации внутри верхнего палеолита, использовании термина «мезолит» и критериях выделения мезолита и неолита (см., например: Вишняцкий, Колтаков, 1991; Клейн, 2014; Лбова, 2000; Лыниша, 1978; Медведев и др., 2000 и т. д.). Очень показательным в этом отношении издание, которое скоро должно увидеть свет – «История России», где фактически на соседних страницах можно найти совершенно противоположные взгляды на периодизацию (История России. В печати. С. 10).

Для позднелепестконовых (после ледникового максимума) и раннеголоценовых индустрий вариативность названий эпох и критериев их выделения возрастает. Отчасти это связано с географическим фактором – степенью удаленности ареала соответствующих культур от ледника, а отчасти – от расхождения взглядов исследователей, принадлежащих к разным научным школам. Понятие «мезолит», которое, с одной стороны, объединяет целое направление исследований и даже служит названием для крупной международной конференции «Месо», раз в 5 лет собирающей европейских ученых, с другой – не применяется вовсе для обозначения совокупностей археологических материалов

на значительных территориях ойкумены. Где-то категория переходности от палеолита передается через понятие «эпипалеолит» или «голоценовый палеолит», подчеркивая связь с палеолитической эпохой. Например, на Ближнем Востоке, где периодизация верхнего палеолита в целом соответствует европейской, но заключительный период, именуемый эпипалеолитом, соответствует в своей последовательности и отчасти хронологически поздней поре верхнего палеолита, финальному палеолиту и мезолиту. Или, наоборот, рассматривают переходный период уже в рамках последующей неолитической эпохи, называя протокерамическим или докерамическим неолитом.

Основания выделения мезолита и неолита разнообразны и зачастую далеки от тех инструментов анализа, которыми располагает археолог без обращения к данным из других областей науки. Непригодность хозяйственного или экономического уклада в качестве критерия выделения неолита, на мой взгляд, очевидна. Во-первых, экономический уклад – это не археологическая данность, если он как-то и отражается в материальной культуре, то весьма опосредованно. Определение уровня экономического развития – это всегда реконструкция, основанная на целом ряде данных, требующих привлечения широкого круга специалистов из разных областей науки. Во-вторых, у земледельцев и скотоводов могли быть (и были) поселения (стоянки), на которых не велась деятельность, связанная с производящим хозяйством и/или использованием керамической посуды. Соответственно, материалы этих поселений должны трактоваться как мезолитические/эпипалеолитические. Критерии эпохи мезолита также не едины: в большинстве случаев главным аргументом отнесения материала к мезолиту выступает геолого-хронологический фактор – начало голоцена, а маркером завершения эпохи служит появление керамики. Определение мезолита (археологического содержания) достаточно расплывчато и зачастую противоречит фактическому материалу. Например, такая «обобщающая» черта мезолитических индустрий как «высочайшее развитие техники отделения ножевидных пластин... изготовление орудий на ножевидных пластинах...» (Кольцов, 1989. С. 5) абсолютно противоречит характеристике материалов, опубликованных в том же томе (см., например, «мезолит» Кольского полуострова» (Гурина, 1989. С. 20–26)).

Однако – отчасти интуитивно, т. е. без четких дефиниций – каменные индустрии определенных довольно обширных территорий мы распределяем по периодам, порой не имея данных о наличии керамики, конкретных дат, заключений палинологов, карпологов, остеологов и т. д. Это значит, что есть набор признаков, который позволяет без обращения к естественнонаучным данным определять эпохальную принадлежность ряда категорий каменных артефактов.

Маловероятно сейчас предложить единые исчерпывающие критерии для всей ойкумены, но наметить некоторые из них для достаточно обширных пространств, включая Европу, Урал, Западную Азию и Средиземноморскую часть Африки, наверное, возможно. В таблице 1 приведены несколько как общепринятых (керамика, шлифованные орудия), так и, вероятно, диагностических, хотя не всегда равноценных по значимости (территориальному охвату) признаков, которые в совокупности могли бы стать эпохальными маркерами развития материальной культуры заключительного – или заключительных – этапов каменного века. Для большей наглядности выбраны два достаточно

удаленных друг от друга в широтном отношении региона: Ближний Восток и лесная зона Восточной Европы, а также приведены данные о «промежуточном» в географическом отношении регионе – Северном Кавказе.

Нельзя не согласиться с мнением, что могут и должны быть разные периодизации, построенные на разных принципах согласно заданной цели (Клейн, 2014; Колпаков, 2014 и т. д.), и вряд ли возможна глобальная общая периодизация с единой хронологией (пусть даже широкими временными рамками). Но безусловно одно – в основе единой классификации должен лежать единый принцип ее построения. В современной периодизации каменного века, которая используется для обобщающих трудов типа серии «Археология СССР», «История России», а также учебных пособий для ВУЗов, этот принцип не выдерживается. Если для начальных периодов каменного века критерием выступает смена руководящих форм каменных орудий и технологии расщепления камня, то основания выделения мезолита (который не всеми исследователями признается и/или не для всех территорий ойкумены выделяется) и неолита разнообразны и зачастую далеки от тех инструментов анализа, которыми располагает археолог без обращения к данным из других областей науки.

В подавляющем большинстве случаев за нижнюю границу мезолита предлагается понимать начало голоцена, за верхнюю – появление керамики, или, как было написано во вступительной статье к тому «Мезолит» серии «Археология СССР», – переход к производящему хозяйству на юге, а в лесной зоне – к более высокой ступени развития присваивающего хозяйства «с уклоном в сторону рыболовства» (Кольцов, 1989. С. 6). То есть одна и та же археологическая эпоха выделяется на основании разных критериев: данных геологии и палеогеографии с одной стороны, с другой – на археологических (или, в другом случае, экономических) данных. Более того, нижняя граница мезолита фактически выделяется по одному временному признаку (рубеж плейстоцена/голоцена) (см., например: Зализняк, 1991. С. 3), следовательно, это уже не археологическая, а хронологическая периодизация (Вишняцкий, Колпаков, 1991. С. 6). И такой «мезолит», конечно, не может быть ничем, кроме как условным рабочим термином среди достаточно узкого профессионального сообщества, занимающегося исследованием определенных ограниченных территорий, где действительно время заметного изменения каменных индустрий (или появление каких-либо индустрий на незаселенных ранее территориях) совпадает с таянием Балтийского ледникового щита. Для более южных территорий (граница не определена и зависит от взглядов на проблему конкретного исследователя), а также, как правило, но не без исключений, к востоку от Урала термин «мезолит» для совокупности раннеголоценовых индустрий не применяется. Часть индустрий относят к эпипалеолиту, часть – к неолиту (докерамический неолит), для сибирских материалов пока нет устоявшегося термина (голоценовый палеолит, переходные индустрии и т. д.).

Система модов (англ. mode), предложенная Грэхомом Кларком и затем развитая (преобразованная) Джоном Ши (Clarke, 1969. Р. 33–42; Shea, 2013), в основе которой – выявление ведущих форм каменных артефактов как маркеров определенного этапа развития, несколько упрощенно и сконцентрировано отражает самые яркие черты основных крупных этапов (эпох) изменений каменных индустрий. При этом систему модов нельзя назвать периодизацией в полном смысле этого слова – в ней

не заложен временной аспект. Порядок модов, выражающийся или в порядковых числах (Кларк), или в алфавитной последовательности (Ши), предполагает развитие или смену, но не имеет временной привязки, что позволяет проводить первичный сравнительный анализ индустрий исключительно на данных археологии, и относительная хронология, выраженная в стратиграфической последовательности многослойных памятников, не обязательна. Но именно отсутствие привязки к хронологии позволяет сопоставить удаленные во времени и пространстве индустрии и уже затем выяснять степень их синхронности или асинхронности. Подобная система модов разработана также и для определенных технологических новаций в каменных индустриях (*Pelegrin, 2006*). Отчасти именно анализ распространения техники отжима пластинчатых заготовок, проведенный с целью поиска вероятного влияния на развитие каменной индустрии Северо-Западного Кавказа (пещера Двойная) в раннем голоцене (*Еськова, Леонова, 2023*), послужил толчком к написанию этой работы.

Интересно было бы проследить, когда появляются инновации в материальной культуре – некоторые из которых признаны как эпохально значимые, а некоторые включены в этот анализ, так как прослеживается общая тенденция изменений – но различная эпохальная принадлежность и географическая удаленность не всегда позволяет рассматривать эти материалы в едином контексте развития.

Поскольку археологических критериев, присущих мезолиту как таковых нет (см. выше), для сравнительного анализа и синхронизации событий была отобрана совокупность признаков – как общепризнанных для определенных территорий маркеров неолита, так и предположительно диагностичных инноваций материальной культуры, происходивших в конце плейстоцена – начале голоцена.

Основным эпохальным признаком т. н. «лесного неолита» является наличие керамических сосудов, а также распространение шлифованных орудий из твердых пород камня. Кроме этого, было отобрано еще несколько черт, которые иногда учитываются при определении как эпохальной, так и культурно-хронологической принадлежности материалов. Сами по себе они могут иметь гораздо более широкое бытование во времени, зависеть от сырьевой базы и т. д., но, тем не менее, являются диагностичными для определенных регионов. К ним относится переход к бифасиальным формам предметов охотничьего вооружения; распространение высоких трапеций, точнее поперечнолезвийных наконечников в виде трапеций¹. И последнее – это технологическая инновация: появление техники отжима для получения пластин на уровне 1–3 модов.

Для большей наглядности данные, собранные для Ближнего Востока, лесной зоны Восточной Европы и Северного Кавказа были сведены в таблицу (табл. 1).

Такой подбор регионов неслучаен; в анализ включены материалы, разнесенные в пространстве в меридиональном направлении, не имеющие общих границ, что позволяет просмотреть, есть ли общая закономерность развития материальной культуры вне зависимости от природно-климатических условий

¹ Часто путают с трапециями такое понятие как «трапезонд», применяющееся к пластинкам с притупленным краем и скошенными непараллельными концами, которые формально подходят под форму низкой трапеции, но характерны для верхнепалеолитических индустрий средней и поздней поры, а на Ближнем Востоке – для эппалеолита (геометрический кебарьен).

и/или непосредственных взаимовлияний. Регион Ближнего Востока часто упоминается как один из источников культурных импульсов и технических инноваций, в том числе, вероятно, повлиявших на формирование культур Кавказа в целом и Северо-Западного Кавказа в частности, а материалы культур лесной зоны Восточной Европы должны отражать своеобразие адаптаций сообществ, обитавших в совершенно ином природном окружении, где таяние ледникового Балтийского щита приводило к значительным изменениям ландшафтов на протяжении мезолитической и неолитической эпох. На наш взгляд, именно такой «разброс» может быть наиболее показательным для выявления общих и локальных тенденций развития материальной культуры рассматриваемых периодов.

Таким образом, по имеющимся в нашем распоряжении к настоящему моменту данным, единственная из рассмотренных инноваций, которая относительно синхронно появляется во всех трех регионах – это техника отжима пластин (мод 1–3). Распространение этой техники фиксируется не сплошной областью, а чересполосно, и выявить источник (центр) этой инновации (если это изобретение было оригинальным и присущим одному какому-то центру) пока не представляется возможным (*Еськова, Леонова, 2023*).

Появление рубящих орудий, изготовленных с применением шлифовки, в лесной зоне относится к эпохе мезолита. Например, в материалах бутовской культуры встречаются топоры и тесла из кремня и кремнистого известняка с частичной шлифовкой (см., например: *Кравцов, Лозовский, 1989*). На Ближнем Востоке эта техника распространяется примерно на тысячу лет раньше².

Вооружение, включающее в себя наконечники стрел, дротиков, копий, а также ножи и кинжалы, изготовленное при помощи двусторонней ретуши, конечно, не является изобретением позднейших периодов каменного века. Но, как для неолита Ближнего Востока, так и для «лесного» – Восточной Европы, прослеживается общая тенденция перехода от изготовления целого ряда орудий на пластинах с минимальной – как правило, односторонней – ретушью к бифасиальным изделиям из отщепов и/или пластин, оформленных отжимной ретушью.

Бифасиальные формы и шлифованные орудия, происходящие из северокавказских памятников, пока не имеют достаточно обоснованных данных об их возрасте.

Поперечнолезвийные наконечники в виде высоких трапеций встречаются как на Северо-Западном, так и на Северо-Восточном Кавказе, среди них есть серии весьма специфических трапеций типа «fishtail» (*Леонова, Успенская, 2022*). Единично подобные формы встречаются и в материалах памятников Горного Крыма. Их возраст совпадает с появлением техники отжима на Северо-Западном Кавказе, но технология изготовления не связана с отжимными заготовками (*Eskova, Fedorova, 2020*). Крупные поперечнолезвийные наконечники также довольно рано распространяются в Волго-Окском междуречье – это одна из форм, характерных для иеневской культуры, материалы которой пока почти не обеспечены радиоуглеродными датами. По одним предположениям, она относится к финальнопалеолитическому времени, по другим – к мезолиту. На основании единичных

² Но нельзя не упомянуть, что эпизодическое применение шлифовки мягких пород камня фиксируется в верхнем палеолите Русской равнины (*Желтова, Лисицын, 2023*).

датировок время появления трапеций в Волго-Окском междуречье можно ориентировочно определить как «не позднее рубежа IX–VIII до н. э.». При этом каменные поперечнолезвийные наконечники в виде трапеций отсутствуют в неолите этого региона. Отметим также, что формы и размеры трапеций, происходящих из кавказских и иеневских памятников, значительно отличаются: основной заготовкой для трапеций южного региона служила пластинка или узкая пластина, для северного – широкая пластина или пластинчатый отщеп. И только в материалах поздних иеневских памятников (вопрос об иеневской принадлежности которых пока открыт) появляются серии мелких высоких трапеций, сопоставимых по пропорциям с кавказскими.

Начало изготовления керамических сосудов в лесной зоне Восточной Европы отстает примерно на три тысячи лет от зарождения гончарства на Ближнем Востоке (табл. 1). По последним данным, первые свидетельства относятся к концу X тыс. до н. э., для периода IX–VIII тыс. до н. э. известно около десятка памятников с керамикой, а начало VII тыс. знаменуется уже массовым распространением керамической посуды в Западной Азии (*Petrova et al.*, 2025). Это означает, что в докерамическом неолите была керамика, что противоречит принципам принятой периодизации позднего каменного века Ближнего Востока. Но необходимо учитывать, что сохранность ранней слабообожженной керамики в сухих и жарких условиях Передней Азии должна быть лучше, чем в условиях умеренного климата лесной полосы. Найденные на Ближнем Востоке остатки сосудов конца IX – VIII тыс. до н. э. сделаны из необожженной глины (*Цетлин, Петрова*, 2020. С. 33). Подобные находки на памятниках в зоне умеренно-континентального климата и со значительной степенью обводненности грунтов вряд ли могут быть обнаружены. Все это делает критерий «появление керамической посуды» крайне шатким, зависящим от целого ряда обстоятельств, включая природные факторы.

Появление и распространение традиции изготовления керамической посуды на Северном Кавказе фиксируется достаточно поздно. И здесь надо отметить, что и количество памятников ничтожно мало: Каменноостская пещера, Цми и Чох (*Леонова*, 2019). Возможно, это связано с особенностями развития культур кавказского региона, но не исключено, что это отражает лишь степень изученности и особенность типа исследованных памятников (в подавляющем большинстве это гrotы и скальные навесы).

Итак, синхронность (насколько это позволяет разрешение современных методов датирования) появления техники отжима, а также удаленность регионов, где эта техника была распространена, не позволяет выявить какой-либо путь передачи навыков – по крайней мере, в рассматриваемом меридиональном направлении. В современных периодизационных системах это совпадает с эпипалеолитом и мезолитом.

На материалах северокавказских памятников рубежа плейстоцена и голоцена можно проследить, что появление техники отжима (мод 3) и поперечнолезвийных наконечников в виде высоких трапеций происходит синхронно (хотя отжимные пластины не служили заготовкой для трапеций). Выявленная синхронность появления техники отжима и поперечнолезвийных наконечников характерна только для материалов Северо-Западного Кавказа. В других регионах эта взаимосвязь неочевидна или отсутствует (Волго-Окское междуречье).

Другие «инновации-маркеры» (появление шлифованных рубящих орудий, переход к бифасиальной обработке для изготовления предметов вооружения и появление керамической посуды) показывают отставание лесной зоны Восточной Европы примерно на 500 и даже 1000 и более лет по сравнению Переднеазиатским регионом. Но последовательность появления этих новшеств совпадает

Таблица 1. Синхронизация некоторых изменений каменного инвентаря в культурах конца плейстоцена – начала голоцена и время появления керамической посуды на Ближнем Востоке, Северном Кавказе и лесной зоне Восточной Европы.

Регион	Появление техники отжима пластин (мод 1–3)	Появление шлифованных каменных орудий, в т.ч. рубящих	Переход к бифасиальным формам предметов охотничьего вооружения	Появление поперечнолезвийных наконечников в виде высоких трапеций	Появление керамики
Эпоха/период					
Лесная зона Восточной Европы	1-я пол. X тыс. до н.э.	рубеж IX–VIII тыс. до н.э.	2-я пол. VI тыс. до н.э.	не позднее рубежа IX–VIII до н.э.	рубеж VII–VI тыс. до н.э.
период	мезолит	мезолит	конец раннего неолита	мезолит (финальный палеолит ?)	начало неолита
Северный Кавказ	1-я пол. X тыс. до н.э.	? *	?	X тыс. до н.э.	нач. VI тыс. до н.э.
период	«поздний мезолит» **	неолит?	?	«поздний мезолит»	неолит
Ближний Восток	1-я пол. X тыс. до н.э.	Кон. XI тыс. до н.э.	не позднее 1-ой пол. VII тыс. до н.э.	сер VII тыс. до н.э.	сер VII тыс. до н.э.
период	докерам. неолит	эпипалеолит	конец докерам/поздний (керамический) неолит	поздний (керамический) неолит	докерам. неолит

Что касается появления и распространения поперечнолезвийных наконечников стрел, то, наверное, с учетом вероятного конвергентного возникновения подобных форм и достаточно ограниченного территориального распространения этот признак может работать для разработки региональных схем.

Относительно раннему появлению на Северном Кавказе ряда инноваций в каменном инвентаре (техника отжима и поперечнолезвийные наконечники) «противопоставляется» относительно позднее распространение керамического производства. Последнее может быть как региональной особенностью, так и недостаточной изученностью региона и функциональной спецификой типа памятников, исследованных к настоящему моменту.

Статья подготовлена в рамках темы № НИОКТР 122011200271-7 (ИА РАН).

* Вопросительный знак не означает отсутствие шлифованных орудий в северокавказских материалах рассматриваемого периода. Но мне неизвестны надежно датированные памятники, в материалах которых были найдены шлифованные орудия.

** Используемый мной здесь и в более ранних публикациях термин «поздний мезолит» – это, безусловно, дань традиционной периодизации и означает, что эта индустрия отличается от более ранней (как по данным стратиграфии, так и на основании серии радиоуглеродных дат), но пока изделия из керамики найдены не были. Хотя на основании совокупности данных – наличия техники отжима, поперечнолезвийных наконечников в виде трапеций, – на мой взгляд, индустрия может быть отнесена к ранне-неолитическим.

Список литературы

- Аникович М. В. К определению понятия «археологическая эпоха» // СА. 1992. № 1. С. 85–94.
- Беляева Е. В. Ашельские памятники Закавказского нагорья. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2022. 276 с.
- Бочкарев В. С. «Система трех веков» // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: Сб. статей к 80-летию В. М. Массона // СПб.: Инфо Ол., 2009. С. 87–101.
- Вишняцкий Л. Б., Колпаков Е. М. Периодизация в археологии // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л. 1991. С. 6–11.
- Гурина Н. Н. Мезолит Кольского полуострова // Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. С. 20–26.
- Еськова Д. К., Леонова Е. В. Время появления техники отжима пластинчатых заготовок на Северо-Западном Кавказе и хронология ее распространения на сопредельных территориях // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2023. № 1 С. 138–149.
- Зализняк Л. Л. Население Полесья в мезолите. Киев: Наукова Думка. 1991. 160 с.
- История России. Т. 1: Древние культуры на территории современной России (до середины I тыс. н. э.). Кн. 1: Каменный век и эпоха раннего металла. М.: Наука. В печати.
- Желтова М. Н., Лисицын С. Н. Шлифованные каменные изделия Костенок 4 из собрания Кунсткамеры (МАЭ РАН) // Camera praehistorica. 2023. № 2 (11). С. 66–95.
- Клейн Л. С. Археологическая периодизация в новом тысячелетии // РАЕ. 2014. № 4. С. 57–60.
- Колпаков Е. М. Периодизация и понятие «неолит» // РАЕ. 2014. № 4. С. 61–64.
- Кольцов Л. В. Введение // Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. С. 5–10.
- Кравцов А. Е., Лозовский В. М. Мезолитическая стоянка Черная-I в Мещере // РА. 1989. С. 143–162.
- Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2000. 240 с.
- Леонова Е. В. Еще раз о неолите Северного Кавказа // РА. 2019. № 4. С. 43–53.
- Леонова Е. В., Успенская О. И. Вариабельность геометрических микролитов в виде трапеций в культурах Северо-Западного Кавказа на рубеже плейстоцена и голоцена // Микролиты. М.: ИА РАН. 2022. С. 23–43.
- Лынина В. А. Мезолит – понятие археологической периодизации // Археология и этнография Восточной Сибири. Иркутск: ИГУ. 1978. С. 93–96.
- Медведев Г. И., Липнина Е. А., Новосельцева В. М., Шмыгун П. Е. О мезолите. – В который раз?! // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. Междунар. науч. семинар. Мат-лы докладов. Иркутск. 2000. С. 69–81.
- Мерперт Н. Я. К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж: изд-во Воронежского университета. 1981. С. 4–21.
- Рыбин Е. П., Гунчинсүрэн Б., Хаценович А. М., Марченко Д. В., Болорбат Ц. Финальная стадия раннего верхнего палеолита Северной Монголии: каменная технология и региональные аналогии: Толбор-4, слои 4а и 4б // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, № 2. С. 186–206. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(2\)-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(2)-11).
- Цетлин Ю. Б., Петрова Н. Ю. Ближний и Дальний Восток: общее и особенное двух центров происхождения гончарства // РА. 2020. № 1. С. 32–43.
- Clark G. World Prehistory: A New Synthesis. Cambridge: Cambridge University Press. 1969. 320 p.

- Eskova D., Fedorova A.* Filling the gap: Evidence from Dvoynaya Cave on the Pleistocene-Holocene boundary in the North Caucasus // *Meso - 2020 — Tenth International Conference on the Mesolithic in Europe*. 7–11 Sep. 2020. Toulouse (France). 2020. P. 75–76.
- Pelegriñ J.* Long Blade Technology in the Old World: An Experimental Approach and Some Archaeological Results // *Skilled Production and Social Reproduction*. Uppsala, Societas Archaeologica Upsaliensis. 2006. P. 37–68.
- Petrova N., Babenko A., Darabi H., Richter T.* The origins of pottery technology and its connection with house-building technology in the Zagros Mountains (Western Asia) // *Archaeological Research in Asia*. 2025. № 41. Pp. 1–14.
- Shea J. J.* *Stone Tools in The Palaeolithic and Neolithic Near East: a Guide*. Cambridge University Press. 2013. 393 p.

Сведения об авторе

Леонова Елена Викторовна, Институт археологии РАН
E-mail: lenischa@yandex.ru

E. V. Leonova

SYNCHRONIZATION OF THE MAIN STAGES IN THE DEVELOPMENT OF EARLY HOLOCENE MATERIAL CULTURE IN THE FOREST ZONE OF EASTERN EUROPE, THE CAUCASUS AND THE NEAR EAST (TO THE PROBLEM OF ARCHAEOLOGICAL PERIODIZATION)

Abstract. The article deals with the problems of the Stone Age periodization and touches upon the problem of criteria for distinguishing the Mesolithic and Neolithic archaeological periods. An attempt is made to identify the characteristic features inherent in the development of material culture on the examples of the Late Pleistocene and Early Holocene cultures of the Near East, as well as the North Caucasus and the forest zone of Eastern Europe. The time of appearance and sequence of innovations (emergence of pottery, pressure blade making, manufacture of groundstone axes and adzes, etc.) in the above-mentioned regions are considered.

Keywords: periodization, Stone Age, Epipalaeolithic, Mesolithic, Neolithic, synchronization of stages in the development of material culture, Near East, Caucasus, the forest zone of Eastern Europe.

КРАТКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЕЙШИХ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБОЛОТСКОГО ТОРФЯНИКА В ПОДМОСКОВЬЕ

Резюме. Статья посвящена пересмотру представлений об освоении центра Русской равнины. В 2018–2021 гг. совместной экспедицией ИА РАН и ИГ РАН под руководством авторов на территории Заболотского торфяника в Подмосковье были проведены геоархеологические, а после – лабораторные работы, которые позволили установить, что в позднеледниковое время (LGT) на территории Дубнинской низменности господствовали флювиальные, а не озерные условия рельефообразования, в результате чего потенциальная возможность освоения территории существовала уже в это время. Первопроходцами стали популяции эпиграветтской рессетинской культуры, которые появились здесь около 15500 cal BP. Рессетинские традиции в раннем голоцене были унаследованы носителями заднепилевской культуры. Сезонные миграции рессетинского и заднепилевского населения фиксируются не только материалами Русской равнины, но и Скандинавского полуострова, где представлены индустрией «восточного импульса». Детализация картины археологического развития Восточной и Северной Европы требует существенного расширения полевых изысканий.

Ключевые слова: Русская равнина, валдайское оледенение, позднеледниковье (LGT), голоцен ранний (Pb, Bo) геоархеология, палеогидрология, аллювиальная аккумуляция, рессетинская культура, заднепилевская культура.

Вступление. Вплоть до новейшего времени исследование процесса освоения первобытным населением центральной части Русской равнины на протяжении позднеледниковья (LGT) было осложнено множеством объективных причин и обстоятельств субъективного характера. Среди первых следует назвать общепланетарные климатические изменения, финалом которых стало наступление теплого межстадиала – голоцена, прервавшего или радикально сократившего развитие ледниковых процессов и ознаменовавшегося формированием широтной зональности растительного покрова, вымиранием представителей мамонтового фаунистического комплекса и, напротив, расцветом популяций теплолюбивых видов животных (Величко, 2012; Голоцен. 1969; Хотинский, 1977; Палеогеография Европы... 1982; Борзенкова, 1992; История озер Восточно-Европейской равнины. 1992; История плейстоценовых озер... 1998; Изменение климата и ландшафтов... 1999; Динамика ландшафтных компонентов... 2002; Пути эволюционной географии... 2002; Борисова, 2008; Эволюция экосистем Европы... 2008; Палеоклиматы и палеоландшафты... 2009; Климаты и ландшафты... 2010).

Закономерным следствием изменения экологической обстановки на протяжении позднеледниковья – раннего голоцена (LGT – Bo) стала активизация и трансформация сезонных кочевий животных, что должно было неумолимо привести и к радикальным изменениям в образе жизни человека. Все это должно было проявиться в большей подвижности популяций, все прогрессирующем расширении ойкумены, смене традиционных мест обитания людей, видоизменении их характера и форм, расширении спектра поведенческих

мотиваций и форм адаптации. Неизбежными, по-видимому, были и усложнение этнического состава, а также активизация процессов генетических трансформаций. Не вызывает сомнения и то, что все эти общепланетарные биосферные изменения в свою очередь имели в перспективе и сугубо археологические последствия. Среди них следует назвать прежде всего парцелляцию поселенческой структуры, фрагментацию и минимизацию площадей местообитаний, практическое отсутствие визуально значимых признаков культурных слоев, малочисленность и специфичность артефактного состава и т. д.

Рис. 1. Местоположение района исследований на карте Европы

К обстоятельствам субъективного плана в сфере изучения природных и антропогенных процессов позднеледникового на территории нашей страны относятся: малочисленность научных кадров; недостаточная источниковедческая изученность территории; единичность естественнонаучных данных; противоречивость значений радиоуглеродных дат и палинологических спектров; слабое развитие теоретических представлений, как в области естественных, так – в особенности – гуманитарных наук. К этому целесообразно добавить обстоятельства методического характера, а также недостаточное взаимодействие друг с другом археологов и специалистов естественнонаучных дисциплин. В качестве наиболее продуктивного направления разрешения этих и других противоречий стало возникновение во второй половине XX в. на Западе геоархеологии (*Butzer*, 1982; *Geoarchaeology: Earth Science...* 1976; *Geoarchaeology: Using earth sciences...* 2007), которая на отечественной почве делает пока первые, но вполне уверенные шаги (*Зайков*, 2010; *Медведев*, 2008; *Зайков и др.*,

2012; Геоархеология и археологическая минералогия. 2015; 2021; Кузьмин, 2017; Сорокин, 2017; 2018; 2022; Сорокин и др., 2018).

Отражением специфики всех этих процессов на фоне нынешнего развития геоархеологии служит, без сомнения, и то, что в археологическом сообществе по-прежнему преобладают многие недостаточно проработанные, а во многом и устаревшие представления. В этом ряду необходимо отметить гипотезу известного советского палеогидролога Д. Д. Квасова, которая была высказана им еще в середине 1970-х гг., о том, что в поздневалдайское время (LGT) вдоль южной оконечности великого Скандинавского ледника простиралась система приледниковых озер, покрывавших своими водами значительную часть Русской равнины (Квасов, 1975). Он полагал, что значительные участки Центральной России, например, были затоплены водами Тверского перигляциального озера, которое покрывало всю Верхне-Волжскую низменность и ее составную часть – Дубнинскую низину (рис. 2). Данное обстоятельство, таким образом, исключало саму возможность их освоения вплоть до рубежа плейстоцена – голоцена, когда в процессе дегляциации они наконец обсохли. Это положение нашло неизбежное отражение и в археологической литературе (Сидоров, 1996; 2009; 2020; Николаев и др., 2002; Замостье 2. Озерное поселение... 2013; Лозовский и др., 2014; Gracheva et al., 2015; Сорокин, 2016; Лозовская, 2018; 2019; Стоянка Замостье 2... 2018).

Разумеется, на территории Центра европейской части России имелись и обширные возвышенные пространства, не покрытые Валдайским ледником и не затронутые формами ледниковой аккумуляции, как, например, Клинско-Дмитровская гряда или Смоленско-Московская возвышенность, где было возможно появление населения в эпоху позднеледниковья. Однако геоморфологическая специфика этих территорий практически исключает присутствие на них источниковедчески значимых пунктов археологического наследия, как, впрочем, и полноценных биосферных объектов, поэтому и остается в ряду прочих причин субъективного характера вне сферы активных поисковых работ.

Немаловажно, однако, то, что уже с начала нового столетия стали все более активно накапливаться археологические наблюдения, которые указывают на потенциальную возможность освоения изучаемой территории Центральной России ранее плейстоцен-голоценового пограничья (Сорокин, 2006; Сорокин, Ошибкина, Тусов, 2009; Сорокин, Хамакава, 2014). Об этом же косвенно свидетельствуют данные новейших геоморфологических исследований, результаты которых ставят под сомнение существование в бассейне верхней Волги в поздневалдайское время обширных подпрудных озер (Сидорчук и др., 2014; Уткина, 2017; Сидорчук, Панин, 2018; Уткина, Панин, 2017; Баранов и др., 2019; Panin et al., 2020; Panin, Sorokin, Uspenskaja, 2020; Baranov et al., 2022). В результате назрела насущная необходимость разрешения противоречий между появляющимися свидетельствами раннего освоения территории и доминирующей вплоть до последнего времени палеогеографической концепцией. Проведение в 2018–2021 гг. на территории Заболотского торфяника совместной экспедицией ИА РАН и ИГ РАН под руководством авторов геоархеологических изысканий позволило получить достоверные сведения о развитии гидрографии и рельефа Дубнинской низменности, добыть факты, указывающие на возможность освоения региона людьми ранее рубежа плейстоцена – голоцена, а также существенно удревнить возраст формирования самой Верхневолжской низменности.

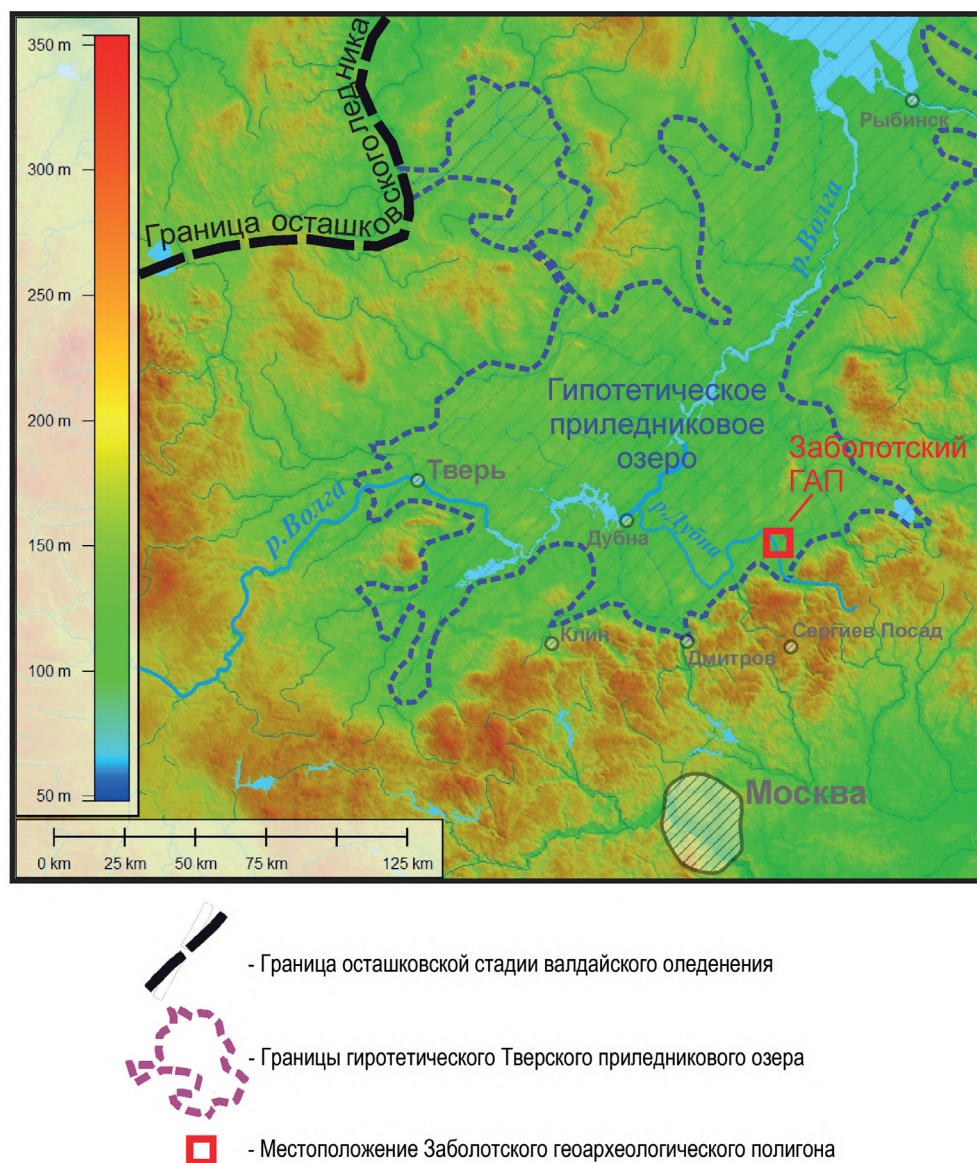

Рис. 2. Местоположение Заболотского геоархеологического полигона в пределах Верхневолжской низменности с границами гипотетического Тверского приледникового озера, реконструированного Д. Д. Квасовым (1975)

Заболотский край (рис. 1, 2), участок которого избран в качестве контрольного полигона (Сорокин, 2009; Сорокин, Хамакава, 2014), до настоящего времени обладает, несмотря на мелиорацию земель, мощными торфяными напластованиями, в которых заключен богатейший биосферный архив. Немаловажно и то, что он также выделяется повышенной концентрацией памятников археологии высочайшей научной значимости. Изучаемый полигон располагается на севере Московской области, на границе Сергиево-Посадского и Талдом-

ского районов и приурочен к южной оконечности Дубнинской низменности. Геоархеологические исследования 2018–2021 гг. включали широкий спектр изысканий в области четвертичной геологии, геоморфологии, палеогеографии, палеопочвоведения и тафономии. Они были нацелены на изучение природных и культурно-исторических процессов. Восприятие памятников археологии в качестве объектов биосферы, генезис, функционирование и тафономия которых подчиняется естественным законам, служит главным качественным отличием геоархеологии (*Butzer*, 1982; *Geoarchaeology: Earth Science...* 1976; *Geoarchaeology: Using earth sciences...* 2007; *Медведев*, 2008; *Сорокин*, 2017, 2018; 2022; *Сорокин и др.*, 2018) от традиционной археологии, использующей методы естественных наук (Аналитические исследования лаборатории... 2009; 2011; 2013; 2017; Естественнаучные методы исследований... 2015; Междисциплинарная интеграция... 2016).

Методика изысканий. Натурные исследования 2018–2021 гг. были направлены на изучение развития палеосреды и первобытных обществ. Они состояли из двух сопряженных блоков – естественнонаучного и археологического. Важно отметить, что изыскания были нацелены на полноценное изучение археологических памятников в качестве биосферных объектов, т. е. не столько в качестве антропогенных, сколько природных образований. Это означает, что генезис, развитие и тафономия ГАО подчиняются естественным законам. Объективность и неоспоримость данного утверждения состоит в том, что по сравнению с длительностью нахождения и переработки всех антропогенных включений природной средой заселение любого места Земли, зарождение, функционирование и трансформация в памятники археологии по своей протяженности ничтожно малы. Говоря другими словами, антропогенная составляющая ГАО по сути своей – не более чем микрочастица в космосе биосферы, что и служит весомым основанием для переоценки приоритетов научных изысканий.

Первый блок включал изыскания в области четвертичной геологии, геоморфологии, палеопочвоведения, палеогеографии, тафономии, фотограмметрии, георадиолокации и многих других дисциплин и методов, составляющих основу геоархеологии (*Butzer*, 1982; *Geoarchaeology: Earth Science...* 1976; *Geoarchaeology: Using earth sciences...* 2007; *Медведев*, 2008; Геоархеология и археологическая минералогия. 2015; 2021; *Кузьмин*, 2017; *Сорокин*, 2017; 2018; *Сорокин и др.*, 2018). Во второй входил стандартный набор методов первобытной археологии, включая разведки на территории полигона, раскопки ГАО Минино 2 с изучением генезиса культурных и культуросодержащих напластований, инструментальной фиксации стратиграфии и процесса изысканий, планиграфии сооружений и артефактов, планиметрии и типологии артефактов, компьютерного 3D-моделирования и т. д. (*Bannig*, 2002; *A Companion to Archaeology*. 2006; *Artioli*, 2010; *Sustainable Documentation...* 2014; *Digital Methods...* 2016; *Mobilizing the Past...* 2016; *Сорокин и др.*, 2018). Важно подчеркнуть, что симбиоз археологов и естествоиспытателей был нацелен на исчерпывающее изучение палеогеографии среды обитания и процессов, влияющих на формирование, функционирование и трансформацию антропогенных образований, традиционно именуемых «памятниками археологии», а также

неизбежных постдепозиционных изменений, которые происходили и происходят со всеми элементами ГАО. К сожалению, объем статьи вынуждает обратиться лишь к наиболее значимым результатам натурных и лабораторных исследований.

В процессе исследований пунктуально из сезона в сезон проводились: площадная тахеометрическая съемка контрольного полигона; ортофотосъемка территории с беспилотного летательного аппарата (БПЛА) («DJI Mavic 2 Pro»); георадиолокационное зондирование отложений георадарами «ОКО-2» и «Питон» (до глубины 6,5 м); механическое бурение напластований с помощью мобильной установки («Pride Mount 80» на шасси «УАЗ 3310») усовершенствованным шнековым способом (до глубины 18,5 м); осуществлялся почвенный зондаж ручным буром «стаканного» типа (до глубины в 7,5 м), а также производился забор образцов из кернов, скважин и раскопов. Помимо этого, были выполнены разнообразные почвенно-генетические и палинологические исследования; проведено изучение морфологии и тафономии культурных слоев и материалов, радиоуглеродное (AMS и OSL) датирование отложений и артефактов, а также выполнен обширный комплекс лабораторных анализов образцов, добытых из разрезов, скважин и артефактов.

Археологические изыскания включали пешие разведки и стационарные раскопки. Рекогносцировки производились путем тщательного обследования аномалий, выявленных в ходе геофизического зондирования местности и в процессе съемки БПЛА. Главными целями раскопок служило изучение воздействия почвенных процессов на культурные слои и артефакты, вопросы генезиса и тафономии напластований и объектов. Одновременно, разумеется, осуществлялось пополнение коллекции изделий из костяного, рогового и каменного сырья, а также сбор фаунистических остатков.

На основе комплексного анализа полученных данных производилась реконструкция среды обитания, погребенных ландшафтов и динамики поселенческой стратегии древнего населения.

Краткие результаты изысканий. Бурение мобильной буровой установкой (рис. 3–5) подтвердило основные особенности геологического строения Заболотского края, отмеченные всеми предыдущими исследователями (*Николаев и др.*, 2002; *Vandenbergh et al.*, 2010; *Gracheva et al.*, 2015). Помимо прочего, это позволило уточнить характер и время формирования погребенной почвы, в прослойках которой залегают культурные и культуросодержащие слои памятников археологии, а также уточнить начало и особенности процесса заболачивания территории.

Фациальный анализ напластований 24 буровых скважин и AMS-даты, полученные по 40 образцам из них, позволили выявить три генерации древних речных русел. Возраст самого глубокого из них, дно которого располагается на 11–12 м ниже современного уровня реки, составляет 30–40 тыс. л. н., второго (дно на 6 м ниже реки) – примерно 16 тыс. л. н. Третий уровень включает в себя два неглубоких широких палеоканала с ложем на высоте 2–3 м от межеви, их возраст составляет порядка 14,5–15,5 тыс. л. н.

Анализ биологических макроэлементов, проведенный О. Н. Успенской по образцам скважины 19520, неопровержимо указывает на субэзральное происхождение

верхней пачки напластований (наличие капсул яиц червей), их пойменно-русловой, а не озерно-осадочный характер. Озерные отложения были распознаны на глубине 16–18,5 м по обилию остатков типичных водных растений (разнообразие водорослей, *Scirpus*, *Potamogeton*) и животных (*Spongia*, *Cladocera*). Из этих отложений были получены радиоуглеродные даты 43000–45000 cal BP.

Таким образом, новые данные позволяют отказаться от оценки пачки рыхлых напластований Дубнинской низины выше 16,0 м в качестве озерных и считать их аллювием пойменной фации.

Рис. 3. В процессе буровых работ в октябре 2021 г.

Слева направо: сотрудники ИГ РАН А. Ю. Качалов, А. В. Панин, Д. В. Баранов и сотрудник ИА РАН А. Н. Сорокин

В ходе геофизических изысканий на разных глубинах были выявлены и локальные объекты, характер которых был дополнительно изучен шурфами. Однако натурная проверка аномалий, выявленных с помощью георадаров, положительных результатов, как и в 1997 г., не дала, что обязывает к совершенствованию данной методики в условиях болотного седиментоза.

Реальным итогом **археологических разведок** стало увеличение почти в 1,5 раза числа памятников Заболотского торфяника (с 25 до 35). Немаловажно и обнаружение в низовьях р. Сулаты двух новых «кустов» памятников, приуроченных к ныне погребенным островам и пойменным гривам. А выявление в процессе бурения в скважинах в трех местах мощных прослоев с явными признаками антропогенного обитания свидетельствует о высокой плотности памятников на торфянике. Не менее важна и локализация дроном только в границах контрольного полигона 50 погребенных структур, где высока вероятность обнаружения новых ГАО.

Рис. 4. Космический снимок Заболотского торфяника с местоположением буровых скважин

В процессе стационарных раскопок ГАО Монино 2 изучались вопросы педогенеза, педотурбации, криотурбации, оруденения, аэрации и тафономии, которые в совокупности привели к радикальной трансформации культурных слоев и культуросодержащих прослоев и образованию разнообразных палимпсестов, требующих значительных усилий по их фиксации, локализации и интерпретации. Подтвержден и факт негативного воздействия на сохранность всех памятников археологии результатов мелиорации Заболотского торфяника 1920-х и 1970-х гг.

В 2018–2019 гг. было вскрыто два разных по морфологии участка стоянки-могильника Монино 2 общей площадью 65 кв. м, один из них приурочен к суходольной части ГАО, другой расположен в его прирусловой обожженной зоне. В пределах второго были получены наиболее интересные материалы позднеплейстоценовой рессетинской (рис. 7) и раннеголоценовой заднепилевской (рис. 8) культур, а также разнообразные фаунистические остатки. Обращает на себя внимание почти целая миниатюрная костяная игла с просверленным ушком, встреченная впервые на Заболотском торфянике (рис. 6: 1). Выразительны и другие изделия – роговой топор-клевец со сверлиной (рис. 6: 6), игло-

видные и веретенообразные наконечники стрел (рис. 6: 3, 4, 8), мотыги из рога лося, тесла, выполненные из крупных трубчатых костей (рис. 6: 7). К массовым находкам относятся косые и симметричные острия, использовавшиеся в качестве наконечников копий и рогатин, вставки рубящих орудий, ножи из лопаток лося и скребки из челюстей бобра. Но особенно интересно уникальное роговое композитное изделие (рис. 6: 9, 10), которое состоит из двух деталей, скрепленных штифтами, вставленных в отверстия, в которых сохранилась смола. Образцы этой смолы в 2019 г. переданы в лабораторию ИГ РАН для AMS-датирования, однако результат пока не получен. Аналогий, несмотря на все усилия, найти, к сожалению, не удалось. Не исключено, однако, что это своеобразное навершие копьеметалки.

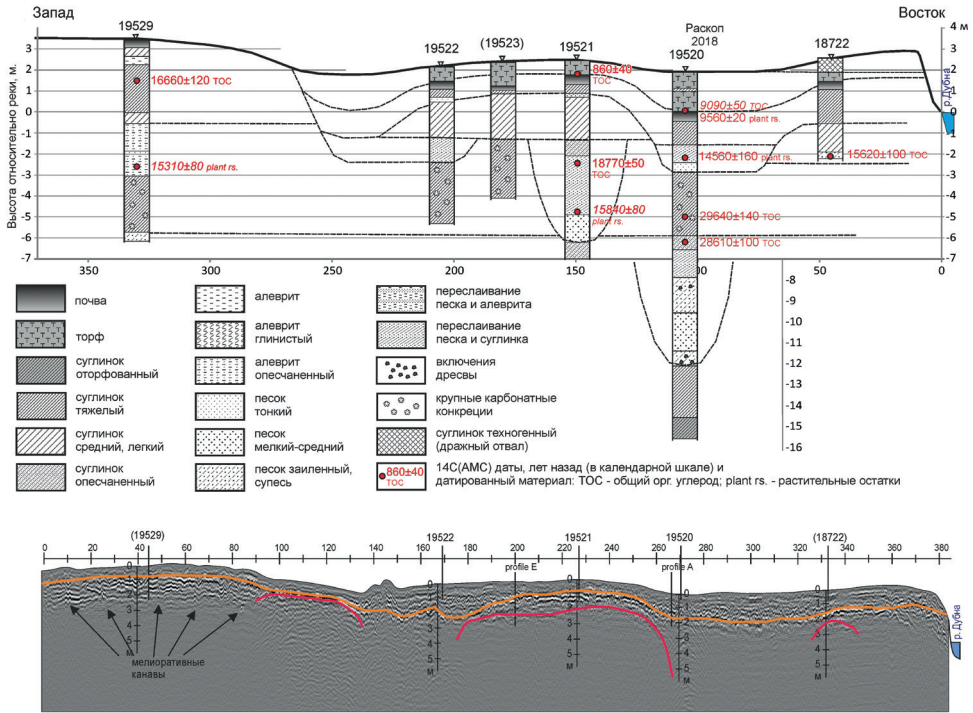

Рис. 5. Геологическое строение поймы р. Дубны

А – буровые профили скважин, AMS-даты образцов; Б – георадарный профиль напластований

В радиоуглеродной лаборатории Орхусского университета (Дания) (Aarhus University (Denmark)) было получено семь AMS-дат по смоле, сохранившейся в пазах вкладышевых наконечников ГАО Минино 2. Три из них – позднелепесточеновые – для артефактов рессетинской культуры, четыре – раннеголоценовые – для изделий заднепилевской культуры (Manninen et al., 2021). Следует отметить совпадение дат, полученных по смоле из паза и остаткам древесины с черешка одного и того же крупного наконечника копья (рис. 8: 16), что крайне важно для проверки эффективности радиоуглеродного метода и в источниковедческом отношении.

Рис. 6. ГАО Минино 2: костяные и роговые артефакты из раскопок 2018 г.

Рис. 7. ГАО Минино 2: охотничье вооружение рессетинской финальнопалеолитической культуры

Таким образом, благодаря прямому AMS-датированию артефактов впервые в практике удалось надежно обосновать позднеплейстоценовый возраст рессетинских древностей, а также подтвердить раннеголоценовую хронологию изделий заднепильевской культуры. Необходимо подчеркнуть, что эти результаты принципиально важны для разработки объективной хроностратиграфии культур каменного века Европейской России.

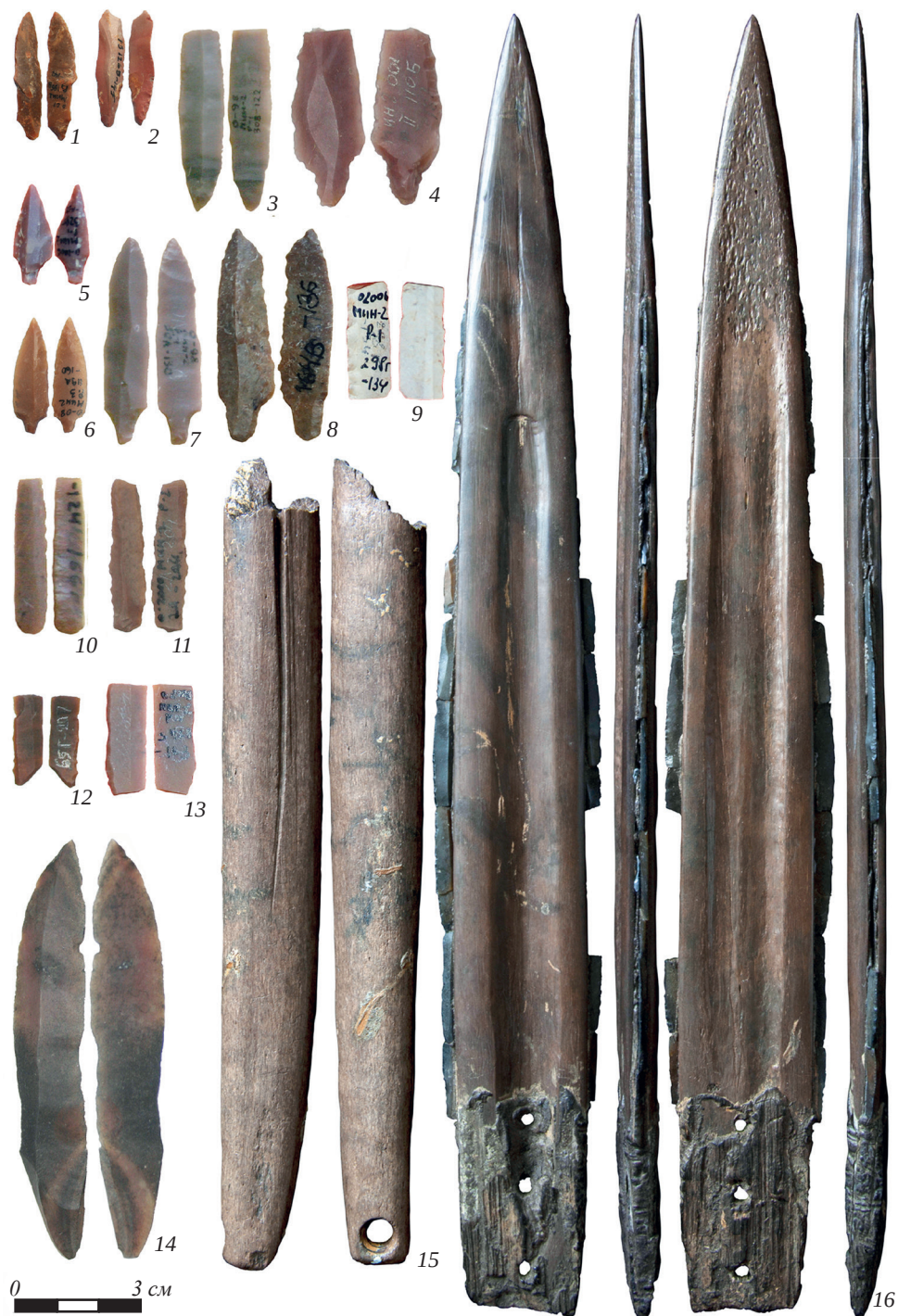

Рис. 8. ГАО Минино 2: охотничье вооружение заднепильевской мезолитической культуры

Обсуждение и интерпретация данных. Результаты изысканий дают основание по-новому взглянуть на природную обстановку «эпохи трансформаций» (LGT – Bo) и начало освоения Дубнинской низменности. В ходе бурения и георадиолокационного профилирования установлено, что дно Заболотской палеокотловины дренировалось р. Дубной не позднее 30 тыс. л. н.

На отрезке 14–15 тыс. л. н. рельеф Дубнинской поймы был более пересеченным, чем нынешний, при этом перепады высот составляли порядка 3–4 м, а в дальнейшем он неумолимо сглаживался за счет пойменной аккумуляции. Во время половодий в позднеледниковье вода разливалась тонким слоем по широкой пойме, в результате чего возникали многочисленные застойные зоны, в которых из мутной воды отстаивался наилок. Эти тонкодисперсные тяжелые суглинки пойменной фации ранее ошибочно принимались за озерные отложения, что в конечном итоге приводило и к неверным археологическим интерпретациям, когда хозяйственная деятельность палеонаселения воспринималась как исключительно озерная (Сидоров, 1996; 2009; 2020; Замостье 2. Озерное поселение... 2013; Лозовский и др., 2014; Лозовская, 2018; 2019; Стоянка Замостье 2... 2018).

Цифровая модель контакта покровных торфов и подстилающих суглинков, построенная по данным георадиолокации, дает представление о топографии поверхности, которая осваивалась людьми в мезолите и неолите. В это время перепады высот уже не превышали 2,0–2,5 м. Установлено также, что это было наиболее «сухое» за весь голоцен время, максимально благоприятное для освоения обширных пойменных пространств человеком. В среднем и позднем голоцене накопление аллювия и торфяной залежи привело к сглаживанию поверхности, в результате чего сейчас перепады высот составляют лишь 1–1,5 м.

Полученные в 2018–2021 гг. результаты вполне определенно указывают на ошибочность представлений о существовании в позднеледниковье время Тверского ледникового озера, которое занимало всю Верхневолжскую низменность и ее составную часть – Дубнинскую низину. Судя по новейшим данным, формирование русла р. Дубны и Дубнинского озерного каскада связано с деградацией московского оледенения в конце среднего плейстоцена (190–130 тыс. л. н. – MIS 6). Единого крупного озера, занимавшего в позднем валдае и/или раннем голоцене всю Заболотскую палеокотловину, не существовало.

В последние 30 тыс. лет в Дубнинской низине господствовали флювиальные (русловые) обстановки рельефообразования, что способствовало первоначальному освоению территории Заболотского края населением рессетинской эпиграветтской культуры уже во второй половине позднеледниковья эпохи (LGT), а не рубежу плейстоцена и голоцена, как считалось ранее. Этот вывод подтверждается полученной серией радиоуглеродных (AMS) дат по смоле из пазов костяных и роговых изделий Минино 2, относящихся к позднеледниковью (*Manninen et al.*, 2021). Наиболее древняя дата образца смолы, взятого из паза вкладышевого рессетинского наконечника, составила 15720–15250 cal BP (AAR 27604).

Следует подчеркнуть, что результаты датирования смолы подтверждены и датами органических образцов из скважины 19520, где этот же возраст получили напластования, в которые заключен шлейф с находками рессетинской культуры. Наследником рессетинских традиций в раннем голоцене стало заднепилевское население.

Достоверных сведений, указывающих на возможность интерпретации памятников каменного века Заболотского торфяника в качестве «озерных поселений» (Сидоров, 1996; Замостье 2. Озерное поселение... 2013; Стоянка Замостье 2... 2018; Лозовская, 2019), получено не было, что говорит об ошибочности подобного представления.

Не вызывает сомнения, что результаты изысканий 2018–2021 гг. принципиально важны для разработки объективной хронологии событий и реальной динамики поселенческой стратегии населения в четвертичном периоде.

Несмотря на то, что сам позднеплейстоценовый возраст инициального заселения Дубнинской низины и Заболотского края населением рессетинской культуры (Сорокин и др., 2018) сомнения больше не вызывает, вопрос о точной дате этого события еще рано снимать с повестки, и ответить на него без новых исследований невозможно.

Немаловажно и переосмысление генезиса слагающего пойму суглинка, его речной и пойменный, а не озерный и донный характер. Это означает, что в перспективе возможно обнаружение артефактов на глубинах свыше 2,5–3 м от дневной поверхности, но для этого необходим не только пересмотр всей стратегии полевых изысканий, но и техническое перевооружение экспедиции. В качестве оперативного способа выявления погребенных геологических структур (Панин и др., 2022) уместно более широкое применение геофизических методов зондирования, использование дронов и других современных аппаратных средств исследования.

В настоящее время в центре Русской равнины зафиксированы материалы четырех финально-палеолитических (бромме, аренсбург, рессетинская, култинская) и трех мезолитических (култинская, заднепилевская, пургасовская) культур (Сорокин, 2006; 2022; Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009; Сорокин и др., 2018). Озвученная «культурная мозаика» отражает современное состояние исследований и будет, без сомнения, уточнена и дополнена в дальнейшем.

К сожалению, комплексы, изученные на территории Заболотского торфяника, представлены пока исключительно рессетинскими и заднепилевскими древностями, поэтому обсуждать материалы культур, отсутствующих в границах полигона, представляется нецелесообразным. Что, впрочем, не исключает возможности обнаружения инокультурных ГАО в последующем.

Вместо заключения. Результаты натурных исследований 2018–2021 гг., последующих лабораторных и аналитических изысканий позволяют прийти к следующим принципиальным выводам:

1. Генезис Верхневолжской и Дубнинской низменностей связан с московским оледенением (190–130 тыс. л. н. – MIS 6).
2. Освоение этих территорий людьми, разумеется, при наличии соответствующих ресурсов, было возможным на протяжении всего этого срока.
3. Для территории Дубнинской низменности характерен флювиальный, а не озерный характер рельефообразования. Река Дубна с ее многочисленными притоками в этом процессе имели решающее значение.
4. Наличие означенного тренда не исключает формирования отдельных старичных озер, однако реальную роль их в жизни первобытного населения еще предстоит установить.

5. Оторфование поймы р. Дубны и других низинных участков сопрягается с голоценовым временем. Несмотря на эпизод инициального освоения региона в позднем плейстоцене, именно голоцен стал наиболее комфортным для проживания первобытных популяций отрезком.

6. Наиболее раннее время освоения территории Заболотского края относится ко второй половине поздневалдайской эпохи (LGT), а не к рубежу плейстоцена и голоцена, как считалось ранее. Самая древняя на настоящее время AMS-дата образца смолы, взятого из паза вкладышевого наконечника рессетинской культуры, относит это событие к 15500 cal BP (AAR 27604).

7. В ходе изысканий установлен флювиальный характер верхней 16-метровой пачки напластований Заболотского торфяника. Традиционный археологический вывод об «озерной поселенческой стратегии» населения каменного века Заболотского края лишен основания.

8. Популяции рессетинского и заднепиловского населения Русской равнины, судя по инвентарю, имеющимся AMS-датам и результатам ДНК-анализа, участвовали в заселении Скандинавского полуострова.

К сказанному необходимо добавить, что, несмотря на значительное число памятников, выявленных на территории Заболотского торфяника, стационарным раскопкам подверглись всего пять пунктов. Установлено, что первопроходцами, осваивавшими в позднеледниковье (LGT) центральную часть Восточно-Европейской (Русской) равнины, были популяции рессетинской культуры, унаследовавшие традиции населения восточного граветта, хорошо известные по материалам, предшествовавшим максимуму валдайского оледенения (LGM). Важно отметить, что эпиграветтское население занимало эти территории задолго до появления эпимадленских групп, представленных материалами культур Бромме и Аренсбург.

В позднем плейстоцене и раннем голоцене не существовало современных государственных границ, и человеческая жизнь подчинялась экологии и естественным законам выживания видов. Экологические условия обязывали людей чутко реагировать на все изменения в биосфере, приспосабливаться к колебаниям среды обитания и вести подвижный (сезонно-кочевой) образ жизни. Неизбежным следствием особенностей этологии основных промысловых видов Северного полушария стало то, что небольшие популяции охотников-собирателей перемещались вслед за стадами сезонно-мигрирующих животных, в силу чего расширяли ойкумену по мере того, как Европа очищалась от Скандинавского ледникового щита. Этот процесс, начавшийся в позднем плейстоцене, продолжался в раннем голоцене. На это указывает присутствие материалов «восточного импульса» не только на Восточно-Европейской равнине, но и на пространствах Фенноскандии. Детальное изучение «восточного» маршрута в освоении Скандинавского полуострова выходит за рамки конкретного исследования, однако полученные плейстоценовые даты со всей очевидностью указывают на то, что рессетинское и заднепиловское население участвовало в его колонизации (Larsson, 1990; 1996; Carpelan, 1999; Blackholm, 2004; Brinch Petersen, 2009; Hertel, Tallavaara, 2011; Manninen, Hertell, 2011; Knutsson, Knutsson, 2012; Kleppe, 2018; Damlien, Solheim, 2018; Kashuba et al., 2019; Manninen et al., 2020).

Новейшие данные, полученные в ходе изучения Заболотского края, гармонично вписываются в более широкий контекст археологических проблем позднеледникового и раннеголоценового периодов Северной и Северо-Восточной

Европы. Однако детализация картины требует существенного расширения изысканий, причем не только на территории рассматриваемого полигона, но и всей северной половине Русской равнины и Фенноскандии.

После исследований 2018–2021 гг. не вызывает сомнения, что генезис Заболотского озера не связан напрямую с деградацией гипотетического приледникового водоема и возникновением так называемого Дубнинского озерного каскада (Абатуров, 1957; Сидоров, 1996; 2009). Заболотский водоем сформировался либо как плес, либо – скорее всего – как обычная старица, которая отшнуровалась от русла равнинной реки – возможно, Дубны. Нельзя, впрочем, исключать и того, что своим происхождением он обязан р. Сулати, русло которой до сих пор его дренирует. Не вызывает, однако, сомнения тот факт, что генезис и реальная его история могут быть определены исключительно в результате планомерных специальных исследований.

Заболотский край получил широкую известность в результате публикации повести М. М. Пришвина «Журавлиная родина» (Пришвин, 1932), в которой, помимо прочего, им была воспета водоросль кладóфора (*Cladophora*; *Aegagropila linnaei*), которую он воспринимал в качестве ледникового реликта. Насколько прав был известный русский писатель относительно ее плейстоценового возраста, предстоит еще на самом деле узнать. Как и установить точный возраст и механизмы генезиса самого Заболотского озера – его главной жемчужины. Разумеется, обе этих частных научных задачи можно решить исключительно путем кропотливых геоархеологических исследований.

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность док. ист. наук, проф. В. В. Ставицкому и студентам-практикантам историко-филологического факультета Пензенского государственного университета, археологам – канд. ист. наук В. Н. Карманову (Коми НЦ УрО РАН) и А. Л. Смирнову (ИА РАН) за активный вклад в полевые изыскания; почвоведом – канд. геогр. наук Р. Г. Грачёвой (ИГАН) и канд. геогр. наук Н. Н. Солодкову за консультации по вопросам почвоведения; геофизику, канд. геол.-мин. наук С. С. Бричёвой (МГУ им. М. В. Ломоносова) и ландшафтоведи, канд. геогр. наук В. М. Матасову (РУДН) за проведение натурных геофизических и ландшафтных исследований; канд. биол. наук О. Н. Успенской (Всероссийский НИИ овощеводства – филиал ФГБНУ ФНЦО, пос. Верея Московская обл.) за проведение биоморфного анализа; проф. F. Riede (Department of Archaeology and Heritage Studies, Aarhus University, Denmark), проф. P. Persson (Museum of Cultural History, University of Oslo, Norway) и PhD Mikael A. Manninen (Faculty of Biological and Environmental Sciences, University of Helsinki, Finland) за AMS-датирование образцов смолы пазовых артефактов стоянки-могильника Милино 2.

Геоархеологические исследования и аналитические изыскания проводились в рамках государственного задания НИОКТР № 122011200264-9 Института археологии Российской академии наук; лабораторные анализы выполнены в составе государственного задания FMWS-2024-0005 Института географии Российской академии наук.

Список литературы

- Абатуров А. М. К изучению и освоению Дубнинской низины // Труды Института географии АН СССР. Серия географ. Вып. 71. М., 1957. С. 136–173.
- Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1 / Отв. ред. Е. Н. Черных. М.: ИА РАН, 2009. 320 с.
- Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3 / Отв. ред. Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2011. 341 с.
- Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3 / Отв. ред. Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2013. 352 с.
- Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4 / Отв. ред. В. И. Завьялов, С. В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2017. 400 с.
- Баранов Д. В., Панин А. В., Антонов С. И., Беляев В. Р., Болысов С. И., Еременко Е. А., Зарецкая Н. Е. Влияние движений проклинальной коры на развитие верховьев Волги, Вестник Московского университета, Серия 5, География, Вып. 6. Москва: Изд-во Московского университета. 2019. С. 90–101.
- Борзенкова И. И. Изменение климата в кайнозой / Под ред. М. И. Будыко. СПб.: Гидрометеиздат, 1992. 247 с.
- Борисова О. К. Ландшафтно-климатические изменения в умеренных широтах Северного и Южного полушарий за последние 130 000 лет. М.: ГЕОС, 2008. 264 с.
- Величко А. А. Эволюционная география: проблемы и решения. М.: ГЕОС, 2012. 563 с.
- Геoarхеология и археологическая минералогия – 2015. Миасс: Институт минералогии УрО РАН, 2015. 203 с.
- Геoarхеология и археологическая минералогия – 2021. Научное издание. Миасс–Челябинск: ЮУрГГПУ, 2021. 187 с.
- Голоцен. К VIII конгрессу INQUA. Париж, 1669 / Ред. М. И. Нейштадт. М.: Наука, 1969. 232 с.
- Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. Атлас-монография «Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен – голоцен – элементы прогноза. Вып. 2. Общая палеогеография. М.: ГЕОС, 2002. 232 с.
- Естественнонаучные методы исследований и парадигма современной археологии: Материалы Всероссийской научной конференции, Москва, ИА РАН, 8–11 декабря 2015 / Ред. и сост. М. В. Добровольская, Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2015. 161 с.
- Зайков В. В. Юность геoarхеологии. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 174 с.
- Зайков В. В., Юминов А. М., Зайкова Е. В., Таиров А. Д. Основы геoarхеологии. Миасс, 2012. 263 с.
- Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги / Ред. В. М. Лозовский, О. В. Лозовская, И. Клемента-Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 240 с.
- Изменение климата и ландшафтов за последние 65 миллионов лет (кайнозой: от палеолита до голоцена). / Ред. А. А. Величко. М.: ГЕОС, 1999. 260 с.
- История озер Восточно-Европейской равнины / Ред. А. Ф. Трешников. СПб.: Наука, 1992. 262 с.
- История плейстоценовых озер Восточно-Европейской равнины / Ред. В. А. Румянцев. СПб.: Наука, 1998. 406 с.
- Квасов Д. Д. Позднечетвичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука, 1975. 278 с.
- Климаты и ландшафты Северной Евразии в условиях глобального потепления. Ретроспективный анализ и сценарии. Атлас-монография «Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен – голоцен – элементы прогноза / Ред. А. А. Величко. М.: ГЕОС, 2010. 220 с.

- Кузьмин Я. В. Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск: Томский гос. ун-т, 2017. 396 с.
- Лозовская О. В. Стоянка Замостье 2 – место охоты или рыбной ловли? Стратегия жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию В. М. Лозовского / Ред. О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, Е. В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 24–27.
- Лозовская О. В. Торфяниковая стоянка Замостье 2, некоторые итоги и перспективы исследований // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии) / Ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 139–156.
- Медведев Г. И. Геоархеология, Сюжеты истории формирования, Антропоген, Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. Иркутск: Оттиск, 2008. С. 133–155.
- Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред. Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. 384 с.
- Николаев В. И., Якумин П., Александровский А. Л., Белинский А. Б., Демкин В. А., Женони Л., Грачева Р. Г., Лонжинелли А., Малышев А. А., Рамини М., Рысков Я. Г., Сорокин А. Н., Стрижов В. П., Яблонский Л. Т. Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России). М.: ИГ РАН, 2002. 190 с.
- Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет (Атлас-монография) / Ред. И. П. Герасимов, А. А. Величко. М.: Наука, 1982. 178 с.
- Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен – голоцен. Атлас-монография / Ред. А. А. Величко. М.: ГЕОС, 2009. 120 с.
- Панин А. В., Сорокин А. Н., Бричёва С. С., Матасов В. М., Морозов В. В., Смирнов А. Л., Солодков Н. Н., Успенская О. Н. История формирования ландшафтов Заболотского торфяника в контексте инициального заселения Дубнинской низины (бассейн верхней Волги) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2 (57). 2022. С. 85–100. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-7>.
- Пришивин М. М. Журавлиная родина // Новый мир. 1929, № 4–9. <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/zhuravlinaya-rodina/index.htm>
- Пути эволюционной географии (итоги и перспективы). К семидесятилетию Андрея Алексеевича Величко. М.: ИГ РАН, 2002. 350 с.
- Сидоров В. В. Озерные системы бассейна р. Дубны в неолите // ТАС. Вып. 2 / Ред. И. Н. Черных. Тверь, 1996. С. 249–258.
- Сидоров В. В. Реконструкции в первобытной археологии. М.: Таус, 2009. 216 с.
- Сидоров В. В. Торфяниковые стоянки (торфяные археологические памятники) // Археология Подмоскowie, Т. 16. М.: ИА РАН, 2020. С. 68–75.
- Сидорчук А. Ю., Борисова О. К., Панин А. В., Чернов А. В. Эволюция эрозионно-русловых систем на Восточно-Европейской равнине за последние 150 тысяч лет // Маккавеевские чтения – 2013. Сборник материалов. М.: Географический факультет МГУ, 2014. С. 117–138.
- Сидорчук А. Ю., Панин А. В. Геоморфологические подходы к оценке величины речного стока в геологическом прошлом (Анализ крупности руслового аллювия для определения скоростей палеопотоков) // Геоморфология. № 3. 2018. С. 40–51.
- Сорокин А. Н. Проблемы мезолитоведения (The Mesolithologic Problems). М.: Гриф и К, 2006. 214 с.
- Сорокин А. Н. Заболотский торфяник, находки и проблемы // АО 1991–2004 гг. Европейская Россия / Ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2009. С. 82–94.

- Сорокин А. Н. Некоторые результаты изучения геоархеологических объектов Заболотского торфяника (Московская область, Россия) // Пути эволюционной географии, Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора А. А. Величко (Москва, 23–25 ноября 2016 г.). М.: ИГ РАН, 2016. С. 716–721.
- Сорокин А. Н. Шагара 4 как геоархеологический источник, Материалы охранных археологических исследований. Т. 20. М.: ИА РАН, 2017. 216 с.
- Сорокин А. Н. «Слоны» и «черепахи» геоархеологии, Известия ИГУ, Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология, Т. 25, 2018. С. 3–18. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.25.3>
- Сорокин А. Н. Стоянка Суконцево 8 – геоархеологический источник. М.: Аквариус, 2022. 384 с.
- Сорокин А. Н., Грачёва Р. Г., Добровольская Е. В., Добровольская М. В. Геоархеология Заболотского края (13 500–7500 cal BC). М.: ИА РАН, 2018. 416 с.
- Сорокин А. Н., Ошибкина С. В., Трусев А. В. На переломе эпох. М.: Гриф и К, 2009. 388 с.
- Сорокин А. Н., Хамакава М. Геоархеологические объекты Заболотского торфяника на территории Европейской России, Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск, Т. 10. 2014 50–93.
- Стоянка Замостье 2 и развитие природной среды Волго-Окского междуречья в голоцене / Ред. О. В. Лозовская. СПб.: ИИМК РАН, 2018. 214 с.
- Уткина А. О. К вопросу об эволюции поздневалдайских приледниковых озёр в бассейне Верхней Волги // Геология, геоэкология и ресурсный потенциал Урала и сопредельных территорий. Вып. 5. 2017. С. 435–440.
- Уткина А. О., Панин А. В. Проблема реструктуризации дренажа в верховьях Поволжья под влиянием последнего оледенения // Рациональное использование и охрана водных ресурсов. Материалы Всеросс. научно-практ. конф. / Отв. ред. Г. Я. Барышников. Барнаул: АГУ, 2017. С. 186–191.
- Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 198 с.
- Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.) / Ред. А. К. Маркова, Т. ван Кольфсхотен (ред.). М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2008. 556 с.
- Artioli G. Scientific Methods and Cultural Heritage. An introduction to the application of materials science to archaeometry and conservation science. Oxford University Press, 2010. 536 p.
- Bannig E. B. The Archaeologist's Laboratory. The Analysis of Archaeological Data. New York: Kluwer Academic Publisher, 2002. 337 p.
- Baranov D. V., Utkina A. O., Panin A. V. Tver proglacial lake (Tver region, Russia) - myth or reality, Limnology and Freshwater Biology, 4, 2022. P. 1383–1384.
- Blackholm H. P. Earliest Mesolithic Site in northern Norway? A reassessment of Sarnes B4, Arctic Anthropology. 41, 2004. С. 41–57, <https://doi.org/10.1353/arc.2011.0093>.
- Brinch Petersen E. The human Settlement of southern Scandinavia 12500-8700 cal BC // Humans, environment and chronology of the late glacial of the North European Plain. Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums / Eds. M. Street, R. N. E. Barton, T. Terberger. Mainz, 2009. 89–129.
- Butzer K. W. Archaeology as Human Ecology. Cambridge, Cambridge University Press, 1982. 362 p.
- A Companion to Archaeology / Ed. J. Bintliff. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2006. 544 p.
- Carpelan C. On the Postglacial Colonisation of Eastern Fennoscandia // M. Huurre (ed.), Dig it all, papers dedicated to Ari Siiriäinen, Helsinki, The Finnish Antiquarian Society & the Archaeological Society of Finland, 1999. 17–45.

- Damlien H., Solheim S.* The pioneer Settlement of eastern Norway // Early Economy and Settlement in Northern Europe. Pioneering, resource use, coping with change / Ed. H. P. Blankholm., Sheffield, Equinox, Vol. 3, 2018. 335–367.
- Digital Methods and Remote Sensing in Archaeology. Archaeology in the Age of Sensing / Ed-s M. Forte, S. Campana. Cambridge: Springer, 2016. 499 p.
- Geoarchaeology, Earth Science and the Past / Davidson D. A., Shackley M. L. (eds.), London, Duckworth, 1976. 408 p.
- Geoarchaeology: Using earth sciences to understand the archaeological record / Ayala G., Canti M., Heathcote J., Sidell J., Usai R. (eds.). Hawthornes, Nottingham, English Heritage Publishing, 2007. 32 p.
- Gracheva R., Vandenbergh J., Sorokin A., Malyasova E., Uspenskaya O.* Mesolithic-Neolithic settlements Minino 2 and Zamostye 5 in their geo-environmental setting (Upper Volga Lowland, Central Russia), Quaternary International, V. 370. 2015. P. 29–39, <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.02.001>.
- Hertel, E., Tallavaara M.* Hunter-gatherer mobility and the organization of core technology in Mesolithic North-Eastern Europe // Mesolithic Interfaces, Variability in Lithic Technologies in Eastern Fennoscandia / T. Rankama (ed.). (Monographs of the Archaeological Society of Finland (1), Helsinki, Archaeological Society of Finland, 2011. P. 95–110.
- Kashuba N., Kirdök E., Damlien H., Manninen M. A., Nordqvist B., Persson P., Götherström A.* Ancient DNA from chewing gums solidifies connection between material culture and genetics of Mesolithic hunter-gatherers in Scandinavia // Communications Biology. 2019. 2 (1). P. 185–199. <https://doi.org/10.1038/s42003-019-0399-1>.
- Kleppe J. I.* The pioneer Colonization of northern Norway // Early economy and settlement in Northern Europe. Pioneering, resource use, coping with change / H. P. Blankholm (ed.). Sheffield, Equinox, Vol. 3. 2018. P. 13–57.
- Knutsson H., Knutsson K.* The Postglacial colonization of humans, fauna and plants in northern Sweden // Arkeologi i Norr. № 13, 2012. P. 1–28.
- Larsson L.* The Mesolithic of Southern Scandinavia // Journal of World Prehistory/ № 4 (3), 1990. P. 257–309. <https://doi.org/10.1007/BF00974882>.
- Larsson L.* The Colonization of South Sweden during the Deglaciation // The Earliest Settlement of Scandinavia and its Relationship with Neighbouring Areas / Ed. By L. Larsson (Acta Archaeologica Lundensia Series altera in 8? 24. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1996. P. 140–155.
- Lozovski V., Iga Lozovskaya O., Mazurkevich A., Hookk D., Kolosova M.* Late Mesolithic–Early Neolithic human adaptation to environmental changes at an ancient lake shore: The multi-layer Zamostje 2 site, Dubna River floodplain, Central Russia // Quaternary International 324. 2014. P. 146–161.
- Mobilizing the Past for a Digital Future. The Potential of Digital Archaeology / Ed. by E. W. Averett, J. M. Gordon, D. B. Counts. The Digital Press – The University of North Dakota, Grand Forks. 2016. 556 p.
- Manninen M. A., Asheichyk V., Jonuks T., Kriiska A., Osipowicz G., Sorokin A. N., Vashanau A., Riede F., Persson P.* Using Radiocarbon Dates and Tool Design Principles to Assess the Role of Composite Slotted Bone Tool Technology at the Intersection of Adaptation and Culture-History // Journal of Archaeological Method and Theory, 2021. Open access. Vol. 28, P. 845–870. <https://doi.org/10.1007/s10816-021-09517-7>.
- Manninen M. A., Damlien H., Kleppe J. I., Knutsson K., Murashkin A., Niemi A. R., Rosenvinge C. S., Persson P.* First encounters in the north. Cultural diversity and gene flow in Early Mesolithic Scandinavia // Antiquity, Vol. 95, Issue 380. 2021. P. 310–328. <https://doi.org/10.15184/aqy.2020.252>

- Manninen M. A., Hertell E.* Few and far between, an archive survey of Finnish blade finds // Ed. T. Rankama. Mesolithic interfaces, variability in lithic technologies in eastern Fennoscandia (Monographs of the Archaeological Society of Finland 1), Helsinki: Archaeological Society of Finland, 2011. P. 112–141.
- Panin A., Astakhov V., Komatsu G., Lotsari E., Lang J., Winsemann J.* Middle and Late Quaternary glacial lake-outburst floods, drainage diversions and reorganization of fluvial systems in northwestern Eurasia // *Earth Science Reviews*. Vol. 201, 103069. 2020. <https://doi.org/10.1016/j.earscirev.2019.103069>
- Panin A., Sorokin A., Uspenskaja O.* Revision of the concept of the Tver glacial lake in the Upper Volga Lowland in MIS 2 // *Limnology and Freshwater Biology*, № 4. 2020. P. 448–450.
- Sustainable Documentation in Archaeology. Technological Perspectives in Excavations and Processing 2013, May 6th–8th, Xi'an, China / Ed-s F. Ströbele, G. Heinz. Lu Zhiyong. Mainz 2014. 50 p.
- Vandenbergh J., Gracheva R., Sorokin A.* Postglacial floodplain development and Mesolithic-Neolithic occupation in the Russian forest zone // *Proceedings of the Geologists' Association*. Vol. 121 (2), 2010. P. 229–237. <https://doi.org/10.1016/j.pgeola.2010.01.00>

Сведения об авторах

Сорокин Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, Москва
E-mail: ansorokin52@gmail.com

Панин Андрей Валерьевич, Институт географии РАН, Москва
E-mail: a.v.panin@igras.ru

A. N. Sorokin, A. V. Panin

BRIEF RESULTS OF THE LATEST GEOARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON THE TERRITORY OF THE ZABOLOTSKY PEAT BOG IN THE MOSCOW REGION

Abstract. The article is devoted to the revision of ideas about the expansion of the center of the Russian Plain. In 2018–2021, a joint expedition of IA RAS and IG RAS conducted research of the territory of the Zabolotsky peat bog in the Moscow region. The pioneers were the populations of the epigravettian Resseta culture, which appeared here around 15500 cal BP. The Ressetian traditions was replaces by the Zadnepilevskaya culture in the Early Holocene. Seasonal migrations of the Ressetian and Zadnepilyevsky populations are recorded not only by materials from the Russian Plain, but also from the Scandinavian Peninsula, where they are represented by the "eastern impulse" industry.

Keywords: Russian plain, Valdai glaciation, Last Glacial Termination (LGT), Early Holocene (Pb, Bo) geoarchaeology, paleohydrology, alluvial accumulation, Ressetian culture, Zadnepilevskaya culture.

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТОРФЯНИКОВЫХ СТОЯНОК ПОДОЛЬЕ 1 И 3 В ЮЖНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

Резюме. В статье рассматриваются результаты археологических и естественнонаучных исследований торфяниковых стоянок Подолье 1 и 3, расположенных в Южном Приладожье. Реконструирована природная обстановка существования стоянок на протяжении атлантического – субатлантического периодов. Население охотилось на ладожскую кольчатую нерпу, куницу, лося, кабана и других млекопитающих; на птиц – крякв, гусей, беркутов и других видов. В слое торфа исследованы остатки деревянных рыболовных конструкций. Ловили судака, окуня, плотву и щуку. Коллекции артефактов содержат разнообразные группы глиняной посуды, каменный инвентарь, включая серию импортных сланцевых рубящих орудий из Карелии, изделия из дерева и кости, украшения из зубов животных и прибалтийские янтарные украшения. Стоянки оставлены населением культур поздней гребенчато-ямочной и ромбоямочной, пористой и асбестовой керамики финального этапа каменного века – начала эпохи раннего металла. Хронология комплексов подтверждена более 20 радиоуглеродными датами (IV – середина III тыс. до н. э.).

Ключевые слова: торф, рыболовные деревянные конструкции, культуры гребенчато-ямочной и ромбоямочной, пористой и асбестовой керамики, поздний неолит и ранний металл.

К истории изучения. Регион южного Приладожья в первобытную эпоху остается одним из малоизученных в силу специфических ландшафтно-климатических условий и их влияния на древние сообщества. В настоящее время известно чуть больше десятка памятников эпох неолита и раннего металла (*Иностранцев*, 1882; *Гурина*, 1961; *Тимофеев*, 1994; 1997; *Гусенцова и др.*, 2014; *Мурашкин*, 2018. С. 181–187). В результате неравномерных изостатических поднятий суши в районе восточного побережья Балтики и Ладожского озера происходят изменения положения береговой линии водоемов, что в свою очередь влияет на расположение стоянок древних людей. Доступные для раскопок памятники открыты под мощными отложениями (до 1,5 м) ладожской трансгрессии на юго-востоке в низовьях и среднем течении рек Сяси, Волхова, Паши. В 1986–2004 гг. более 20 памятников исследовано на озерах в бассейне р. Ояти, левого притока р. Свири, соединяющегося с ней вблизи от места впадения в Ладожское озеро (*Гусенцова*, 1996). В 2009–2014 гг. были открыты памятники на юго-западе региона в бассейне р. Лавы.

Впервые территория южного Приладожья была заселена людьми в эпоху мезолита после освобождения территории от последнего валдайского ледника в начале голоцена. Мезолитические костяные орудия обнаружены в коллекции широко известных Приладожских стоянок (*Тимофеев*, 1994). В бассейне р. Ояти исследованы 4 мезолитические стоянки. Из разреза стоянки Падань 4 получены результаты спорово-пыльцевого анализа, позволяющие отнести ее к началу атлантического периода (АТ-1) (*Сапелко и др.*, 2012). Радиоуглеродная дата стоянки: 7774±80 BP (SPb-2077), 6829–6445 cal BC (*Гусенцова и др.*, 2020. С. 222–223). Неолитические материалы принадлежат к разным культурным

традициям. Ранний неолит (6–5 тыс. лет до н. э.) представлен нарвской, сперрингс и ямочно-гребенчатой культурами. Носители типичной гребенчатой посуды и ямочно-гребенчатых (карельских) культурных традиций среднего неолита появились в конце 5 – первой половине IV тыс. лет до н. э. Затем их сменило население поздненеолитической гребенчато-ямочной и раннеэнеолитической ромбоямочной культур, а в начале эпохи раннего металла – культуры пористой и асбестовой керамики в IV – начале III тыс. до н. э.

В 2011 г. автором начаты исследования первых на территории торфяниковых стоянок у д. Подолье Кировского района Ленинградской области. Памятники Подолье 1 и 3 расположены в бассейне р. Лавы, в 4 км от границ южного берега Ладожского озера (рис. 1; 2: А; 7: А). Расстояние между памятниками, разделенными двумя мелиоративными каналами, около 250 м.

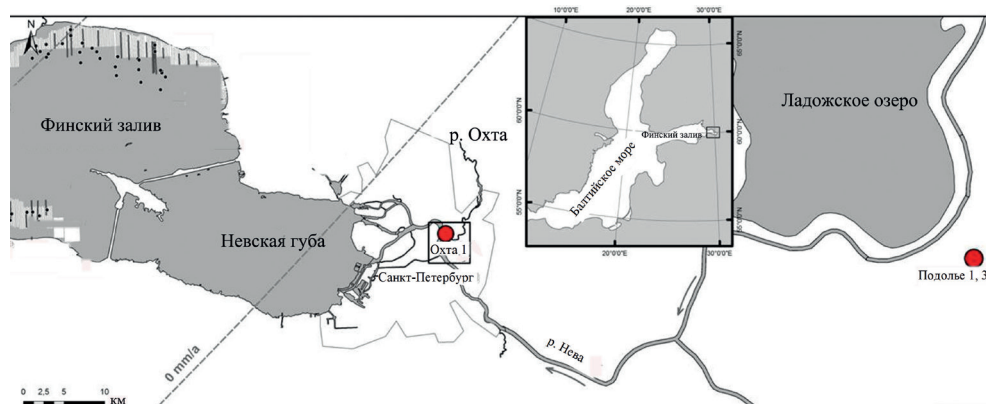

Рис. 1. Карта расположения памятников Подолье 1, 3 в бассейне Ладожского озера

На памятниках проведены комплексные археологические и естественнонаучные исследования, позволившие реконструировать в этом микрорегионе палеоландшафт и климатические условия. Взаимодействие между изменениями климата, трансгрессиями/регрессиями в бассейне озера и поведением человека было определено в результате применения различных методов анализа: археологии (Т. М. Гусенцова), геологии и геофизики (Д. В. Рябчук, А. Ю. Сергеев, ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского), геохимии (М. А. Кулькова РГПУ им. А. И. Герцена), данных о пыльце и диатомовых водорослях (Т. В. Сапелко и А. В. Лудикова, ИНОЗ РАН), палеоботанике (В. П. Деннисенков, СПбГУ), палеозоологии (Д. Н. Галимова, И. В. Аськеев и др., ИПЭН АН РТ) радиоуглеродных данных (М. А. Кулькова), а также 3D моделировании палеоландшафтов (А. Ю. Сергеев) (Гусенцова и др., 2014; Сапелко и др., 2019; Gusentsova, Kulkova, 2020).

Геоморфологическая характеристика микрорегиона. Район стоянок у д. Подолье располагается в пределах предглинтовой низменности – относительно пониженной равнины, полого падающей к северу (к берегу Ладожского озера) и сложенную кембрийскими глинами, перекрытыми четвертичными отложениями. Дочетвертичная поверхность предглинтовой низменности почти полностью согласуется с современной, ее абсолютные отметки изменяются

от 10 м (у глинта) до 37 м (у берега Ладожского озера). От вышележащего структурного яруса рельефа – плато, сложенного ордовикскими известняками, предглинтовая низменность отделяется глинтом – уступом, протягивающимся в направлении, близком к широтному. Вдоль побережья Ладожского озера на абсолютных отметках 4–14 м развита озерная равнина, имеющая плоскую, слабо наклоненную в сторону озера поверхность. Долины рек Назии, Сарьи и Лавы сложены аллювиальными отложениями.

Территория памятников расположена на границе озерно-ледниковой и озерной равнины. В рельефе здесь четко выделяется один из реликтовых береговых валов, маркирующий, по существующим представлениям, максимальную фазу Ладожской трансгрессии. В то же время стоянки находятся в пределах локального понижения рельефа (абсолютная высота непосредственно в районе раскопок стоянки Подолье 1 – 11,8–12,1 м, в пределах древнего берегового вала – до 14 м; стоянки Подолье 3 – 10,8 м), вытянутого вдоль направления глинта и наследующего простираение впадины в поверхности дочетвертичного рельефа.

В процессе раскопок стоянок найдены границы палеоводоема, возле которого они находились (рис. 2: А). Это подтверждено результатами исследований стоянки Подолье 1, где проведены георадиолокационное профилирование, интерпретация данных дистанционного зондирования, изучение картографического материала и анализа цифровой модели рельефа с использованием инструментов геообработки ArcGIS. Выполнено моделирование палеоводоема, существовавшего к юго-востоку от современной береговой линии Ладожского озера. Предложены 3D модели реконструкции уровня Ладоги в районе стоянки в период 6900–3100 cal BP. Сложный микрорельеф района памятника позволяет предполагать существование здесь как разветвленной речной сети, так и – на определенных этапах – непроточных водоемов (отшнуровавшихся от озера узких озер или речных стариц). При спаде воды (около 3100 cal BP) в районе Подолья 1 можно предполагать формирование берегового вала (косы) и кратковременное существование узкой озерной лагуны (Амантов и др., 2016).

Культурные слои и природные условия существования памятников. На стоянках выявлено три слоя отложений: верхний, сложенный желто-серым песком, мощностью 0,2–1 м, в котором находится прослой торфа мощностью до 0,2 м; нижний, состоящий из торфа с прослоями светло-серого песка и обработанной человеком древесины, мощностью 0,4–0,9 м. Слои разделены прослойкой ожелезненного серого суглинка с редкими находками артефактов мощностью 0,14–0,4 м (рис. 2: Б). Общая толщина слоев составляет 1,7–2,2 м.

Структура культурных слоев памятников связана с изменением гидродинамических условий его существования. По результатам комплексного анализа разрезов из стоянок Подолье 1, а также геохимического исследования разреза стоянки Подолье 3 прослежены изменения их существования и природной среды (Санелко и др., 2019; Gusentzova, Kulkova, 2020). Нижний культурный слой приурочен к горизонту торфа, который формировался в условиях мелководного заболачивающегося водоема в период с атлантического и до начала суббореального периода. На продолжительность формирования торфяника указывают полученные радиоуглеродные датировки: 5453±120 BP (SPb-1479) (4531–3996 cal BC);

4730±70 (SPb-1480) (3641–3370 cal BC); 4175±80 (SPb-1481) (2917–2566 cal BC). Исходя из характера растительного покрова, на месте сохранившейся торфяной залежи было сосновое низинное дренированное болото. По данным ботанического анализа слоя торфа в древесном ярусе, наряду с сосной встречались береза и ель, черная и серая ольха; из кустарников произрастали ивы. В травяном ярусе – осоки, хвощ, тростник, болотное разнотравье. Был также выражен не сомкнутый моховой ярус из сфагновых и гипновых мхов. Относительно благоприятные природные особенности данного участка болота (хороший дренаж, маломощная плотная торфяная залежь, хвойный осветленный лес и др.) послужили предпосылкой для выбора места стоянок древнего человека. Климат в целом был теплым и влажным (Сапелко и др., 2019). В начале суббореального периода климатические условия изменились, и в растительности водоема преобладали хвойные леса с березой и ольхой. По данным геохимического анализа на протяжении суббореального периода фиксируются периодические повышения и понижения уровня воды. Из-за периодического обводнения немного изменились условия торфонакопления. Низинное болото становится переходным. Развитие водных и прибрежно-водных растений также свидетельствует об этапах обводнения. В суббореальный период формируется слой алевроитовых отложений. По результатам геохимического и диатомового анализов осадконакопление в это время происходит в условиях открытого водоема, который характеризуется окислительными условиями. Появляются диатомовые водоросли, типичные для Ладожского озера. Все это свидетельствует о распространении в это время на территории памятника Ладожской трансгрессии. Многочисленные радиоуглеродные датировки, полученные в результате исследования, позволили уточнить, что максимальный уровень Ладожской трансгрессии был достигнут около 3500 cal BP, когда люди покинули эту местность. В конце суббореального периода происходит смена условий осадконакопления, связанная с началом формирования плотных серых суглинков. По данным геохимии, формирование суглинка проходило в слабовосстановительной среде. Спад воды в водоеме около 3100 cal BP может быть связан с образованием закрытого бассейна (лагуны) между ранее сформированным песчаным береговым валом и Ладожским озером. Наступление субатлантического периода четко фиксируется по данным палинологического и диатомового анализов. При сокращении еловых и широколиственных пород увеличивается роль сосны в составе лесов. Геохимические данные указывают на резкое уменьшение уровня воды и завершение Ладожской трансгрессии. В субатлантический период накопление суглинка продолжалось в условиях, близких к субэвральным. Лежащий выше прослой мелкозернистого песка связан с появлением слабопроточного водоема. По данным спорово-пыльцевого анализа со второй половины субатлантического периода резко увеличивается количество рудеральных видов. Со временем завершения трансгрессии и с установлением обстановок, близких к субэвральным, связано формирование верхнего культурного слоя (Там же).

Водоем в районе стоянки существовал, очевидно, вплоть до XIX в. В суглинке, отделяющем слой песка от торфа, обнаружена конструкция от рыболовной конструкции. Кольшек из конструкции датирован XV–XVII вв. (SPb-1082: 308 ± 35 BP (1481–1653 AD)). Обломок дерева из слоя песка датирован XVIII–XIX вв. (SPb-980: 180 ± 30 BP (1810–1926 AD)). Близкие даты получены по обработанному дереву

на стоянке Подолье 3 (SPb-3012: 304±25 AD (1493–1602 BC); SPb-3013: 146±25 AD (1719–1781 BC)). В XX в. часть поймы р. Лавы была покрыта заболоченным лесом, затем местность была осушена мелиоративными каналами.

А)

Б)

Рис. 2. Стоянка Подолье 1

А – вид памятника в пойме р. Лавы; Б – стратиграфия

Структура культурных слоев и археологические материалы. Подолье 1 (площадь – 5000 кв. м, изучено около 200 кв. м (2011–2014 гг.)). Археологические находки и деревянные сооружения относятся к разным литологическим горизонтам: песчано-торфяным и суглинистым отложениям и торфяным залежам (рис. 2: Б). В верхнем культурном слое по краю минерального берега обнаружены три крупных песчаных пятна, включающие линзы органики

и древесного угля. Внутри пятен найдены фрагменты и развалы сосудов, грузила, обернутые берестой (рис. 3: *A*, 1–4), каменные орудия, абразивы из песчаника, янтарные украшения, сырые и обожженные кости, редко – обожженные рыбы позвонки, кусочки охры. Остатки каменных очагов были расположены вблизи пятен. Возле одного из них найден почти полностью сохранившийся венчик от сосуда диаметром 58 см, украшенный гребенчатым штампом.

Рис. 3. Стоянка Подолье 1

A – граница минерального берега и торфяника со скоплением грузил в бересте; 1–4 – грузила в бересте

В слое с выявленными структурами были отобраны образцы для площадного картирования и геохимического исследования методом «многоэлементного» анализа с обработкой данных методами математической статистики (Кулькова и др., 2015). Исследование археологических участков методом геохимической индикации дает возможность более точно понять функциональные зоны на памятнике – особенно в том случае, когда не сохраняются жилые и хозяйственные строения. Это позволяет получить важную дополнительную информацию для интерпретации различных участков памятников (например, зон скопления органических материалов – останков животных, рыб, раковин и т. д.), для выявления назначения ям и построек, функциональных зон в различных сооружениях, около очажных пространств. На Подолье 1 распределение антропогенного $\text{CaO}_{\text{антр}}$ (%), который был рассчитан из соотношения $\text{CaO}/(\text{CaO}+\text{Na}_2\text{O})$ (%) и изменение концентрации антропогенного стронция ($\text{Sr}_{\text{антр}}$) маркируют несколько зон, приуроченных к краю водоема. В этих зонах фиксируется скопление различных находок. Возможно, эти зоны связаны с зонами разделки животных или участками ловли и разделки рыбы. Выделяются участки, связанные с очажными зонами, которые можно определить по аномальным значениям антропогенных $\text{K}_2\text{O}_{\text{антр}}$ и $\text{Rb}_{\text{антр}}$. Они совпадают по распределению с зонами разделки животных ($\text{CaO}_{\text{антр}}$, $\text{Sr}_{\text{антр}}$). Большое содержание этих компонентов также фиксируется в углублении на месте водоема (Kulkova et al., 2019).

В верхах слоя суглинка на границе с серым песком встречались единичные находки изделий из камня и фрагменты керамики, наконечник из нешлифованного сланца.

В нижнем культурном слое – торфе с прослоями песка – исследованы вертикальные и поваленные сваи, жерди и колья, остатки деревянных рыболовных заграждений, грузила, обернутые берестой, изделия из камня, развалы и фрагменты керамики и костей животных, позвонки рыб; рубящие орудия и янтарные украшения.

Остатки обработанной древесины. В слое торфа сохранились фрагменты свай, конец одной из которых был преднамеренно обожжен (рис. 4: Г), отдельные колья, вбитые по краю минерального берега, крупные куски коры ели, обломки бревен, жерди, которые указывают на существование каких-то построек над влажными или обводненными «болотными» участками стоянки.

В торфе сохранились остатки рыболовных загородок, состоящие из 4–5 кольев диаметром 4–5 см и длиной 90–140 см, вбитых в ряд по прямой или диагонали в дно водоема (рис. 4: А). Колья располагались попарно на расстоянии 20–40 см. Расстояние между парами кольев составляет около 2 м. Концы кольев были подтесаны по кругу или подрублены по диагонали с одной стороны. Возле нескольких кольев были вплотную вбиты лучины длиной 60–80 см, шириной 2,5–3 см, толщиной 1,5–2 см (рис. 4: Б). Две деревянные конструкции состояли из четырех или пяти поваленных либо забитых небольших заостренных кольев, сохранившихся на высоту 20–25 см, диаметром 2–3 см, расстояние между которыми по кругу составляло 30–40 см (рис. 4: В). Согласно определению пород древесины, выполненному М. И. Колосовой (Гос. Эрмитаж), колья изготовлены из ели, сосны, ольхи, присутствует черемуха. В слое торфа найдены многочисленные обломки лучин от разрушенных загородок, изготовленных

в основном из сосны. Исследован фрагмент загородки из 20 лучин, перекрывающих друг друга (рис. 4: Д). Максимальная длина лучин – 150–167 см, большинство длиной 90–100 см. Ширина лучин – 2,5–3 см, толщина – 0,7–1,0 см. Концы лучин прямые. Вблизи загородки находились несколько вбитых кольев и жерди, под которыми прослеживался влажный слой отложений с органикой мощностью 8–12 см с многочисленными позвонками, косточками и чешуи рыбы, в основном окуня. Радиоуглеродные датировки деревянных обработанных остатков – 3350–3135 cal BC (*Gusentzova, Kulkova, 2020*). Рыболовные сооружения аналогичны памятнику Охта 1, располагавшемуся в рассматриваемое время в прибрежной зоне лагуны древнего Балтийского моря (*Gusenova, Sorokin, 2017*).

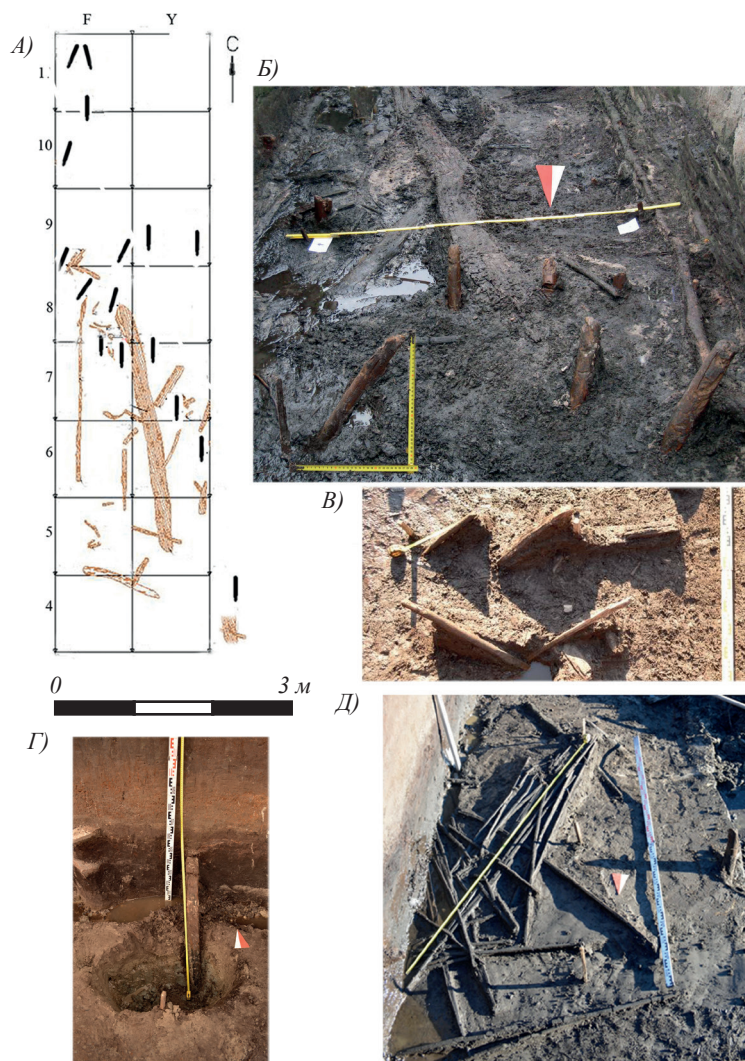

Рис. 4. Стоянка Подолье 1

А – реконструкция расположения рыболовных конструкций; Б – скопление вертикальных кольев и лучин; В – скопление мелких колышек от верши; Г – свая в стенке раскопа; Д – скопление лучин

Наряду с деревянными конструкциями для рыболовства было найдено около 30 грузил. Грузила представляют собой небольшие камешки, обернутые тонкими полосками бересты. Длина грузил – 6–8 см, ширина – 3–4 см (рис. 3: 1–4). На двух грузилах присутствовали намотанные «нити» – следы крепления к рыболовной сети (рис. 3: 1–2). Вместе с небольшим скоплением грузил на минеральном берегу найдено два фрагмента сетки. Первый – длиной 3,8 см, изготовлен из тонкого скрученного растительного волокна. Второй – длиной 6 см, состоит из тонких волокон, на которых прослеживаются узелки (?). Грузила аналогичны находкам памятника Охта 1 и стоянкам Восточной Балтики (Gusenova, Sorokin, 2017; Ванкина, 1970; Римантене, 2005).

На Карельском перешейке (Комсомольское 3) грузило в бересте датировано 3340–3000 гг. до н. э. (Seitsonen et al., 2012). Только одно грузило изготовлено из сланцевой породы с двумя выделенными головками на концах для крепления размером 4,8×1,8 см, толщиной 3 мм (рис. 6: 12). Оно также сходно с изделиями Охты 1 и памятников региона Ладоги (Гусенцова, Сорокин, 2012).

Глиняная посуда. Коллекция керамики насчитывает около 2000 ед., 104 – условные сосуды (Гусенцова, Холкина, 2015. С. 218–220; Холкина, Гусенцова, 2015). Эпоха позднего неолита – начала энеолита представлена 44 фрагментами керамики от десяти условных сосудов с примесью не крупной дресвы. Сосуды имеют прямые вертикальные стенки толщиной 8–9 мм, сохранились фрагменты одного округлого донца. Фрагменты обоих сохранившихся венчиков срезаны внутрь без утолщения и орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа. Стенки сосудов плотно заполнены орнаментом из глубоких круглых, овальных с рельефным дном или ромбических ямок, которые иногда разделяются рядом отпечатков короткого гребенчатого штампа (рис. 5: 1). Один из фрагментов с овальными отпечатками ямок датирован 3759–3369 лет до н. э. (рис. 5: 3) (Гусенцова, Кулькова, 2016). Посуда близка керамике памятников Карелии первой половины – середины IV тыс. до н. э. (Хорошун, 2013. С. 246. Рис. 67). К эпохе среднего неолита относится небольшой фрагмент стенки с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 5: 2).

Комплекс керамики эпохи раннего металла насчитывает более 1900 фрагментов от 94 сосудов. В посуде присутствуют органические (раковина, перо) и минеральные (асбест, шамот) примеси, использовавшиеся по отдельности и в различных сочетаниях (Холкина, 2015. С. 202). Наиболее распространена примесь раковины – 84 сосуда. Две трети сосудов с раковинной примесью также имеют в своем составе птичье перо. Асбест в составе формовочной массы встречается в чистом виде (9 сосудов) и вместе с раковиной и/или пером (7 сосудов). Шамот в качестве отщипителя использован в единичных случаях (4 сосуда) – только в дополнение к органическим добавкам.

Целых форм сосудов не восстановлено, и лишь в двух случаях удалось определить полный диаметр венчика – 58 и 42 см. Все рассмотренные фрагменты принадлежат крупным сосудам с вертикальными прямыми стенками. Сохранилось два фрагмента округлых донцов (рис. 5: 13). Сосуды имеют довольно толстые стенки – около 8–10 мм. Устье сосудов, как правило, закрыто – за счет того, что венчики слегка загибаются внутрь или имеют изнутри утолщение-наплыв (рис. 5: 5–12, 14). Основу этого керамического комплекса (60%) составляет посуда с примесью раковины или раковины

и пера, со слегка прикрытым устьем, орнаментированная рядами отпечатков гребенчатого штампа, часто образующих «елочку» (рис. 5: 4–5). Один из сосудов (рис. 5: 5) датирован 4055–3646 cal BC (SPb-1743:5070±100 BP). Дата, вероятно, удревленнная – резервуарный эффект из-за наличия обильной примеси раковины. Остальная посуда представлена небольшими группами. Выделяется группа из 14 сосудов со сложным узором в виде зигзагов, геометрических фигур и перпендикулярных линий (рис. 5: 6–8, 13). Один из сосудов имеет дату 3139–2832 cal BC (SPb-1080: 4312±100 BP) (рис. 5: 15). Другая группа – из 18 сосудов, орнаментированных почти исключительно ямочными вдавлениями (рис. 5: 9, 14, 12). Один сосуд, украшенный гребенчатым штампом в сочетании с оттисками пологого стебля растения (рис. 5: 16), датирован 2635–1960 cal BC (SPb-1081: 3860±120 BP). Сосуд с овальными ямочными вдавлениями и примесью раковины датирован 3695–3369 cal BC (SPb-1744: 4759±85 BP). Керамика с органическими примесями, орнаментированная рядами отпечатков гребенчатого штампа, близка посуде памятников типа «оровналоков» Карелии и волосовских Верхнего Поволжья второй половины IV – начала III тыс. до н. э. Однако в керамике Подолья 1 отсутствуют мотивы зигзагообразных полос для сосудов типа «оровналоков» и отпечатки рамчатого штампа и прочерченные линии для волосовской культуры. Немногочисленная керамика со специфической геометрической орнаментацией и ямочными вдавлениями не находит себе параллелей в материалах памятников этих территорий. Керамика, орнаментированная ямочными вдавлениями, встречается на памятниках Восточной Прибалтики. В группе керамики с асбестом или с комбинированной примесью органики и асбеста присутствуют сосуды с геометрическим орнаментом, аналогичные карельской посуде типа «войнаволоков» или украшенные рядами гребенчатого штампа типа «оровналоков» (рис. 5: 17). Посуда датирована 3715–3483 cal BC (SPb-1741: 4796±85 BP) (Гусенцова, Кулькова, 2016. С. 393. Рис. 6). Посуда с примесями асбеста и раковины характерна также для стоянки Модлона на востоке Прионежья. Один сосуд покрыт «текстильными отпечатками». Он аналогичен посуде памятникам Лоона, Акали Эстонии (Гусенцова, Холкина, 2015. Рис. 3). Четыре сосуда с примесью шамота существенно выделяются своими более тонкими стенками, скругленными неорнаментированными венчиками и тщательно заглаженной поверхностью (рис. 5: 10–11) (Там же). Эти сосуды следует предположительно определить как часть иной керамической традиции – возможно, импорт.

Обилие смешанных рецептов формовочных масс, как и разнообразие элементов и мотивов орнаментации, указывает на присутствие различных керамических традиций – что, вероятно, определяется расположением памятника на стыке ареалов распространения различных археологических культур.

Каменный инвентарь насчитывает около 1000 экз. На стоянке использовался преимущественно серый с оттенками, коричневый, реже – фиолетовый кремль. Использовалось как импортное качественное сырье, так и местное – из галек. Присутствуют признаки изготовления орудий из кремня – обломки трех нуклеусов высотой 1,7–3 см со следами снятия пластин, площадок и удлиненных сколов с нуклеусов (16 экз.). Найдено шесть пластинок шириной 0,5–1,1 см, на одну из которых нанесена ретушь. Более 700 кремневых находок относится к чешуйкам (до 1 см) и мелким отщепам (1,5–2,0 см).

Рис. 5. Стоянка Подолье 1. Керамический комплекс

Орудий из кремня – около 90 экз. Выразительная группа орудий из кремня – наконечники стрел (35 экз.). Практически все наконечники, за исключением двух обломков, изготовлены из серого импортного кремня. Наконечники стрел листовидной формы с обоюдоострыми концами обработаны сплошной двухсторонней ретушью (рис. 6: 1–4). Длина целых наконечников – от 2–2,5 см и 3–4,2 см, ширина – 1,2–1,3 см. Два массивных наконечника листовидной формы имеют длину 5–5,5 см, ширину до 2 см. К этой же группе можно отнести 2 обломка наконечников. Одно орудие из коричневого кремня имеет выделенный черешок. Два наконечника размером 6,2×2,5 и 7,8×3,5 см имеют ромбическую форму. Выделяется наконечник на пластине, изготовленный из светлого кремня размером 4,2×0,8 см, противоположащей ретушью оформлены перо и выделенный черешок (рис 6: 5). Подобные наконечники характерны для памятников мезолита и раннего неолита. Наконечник аналогичен орудиям ближайших

мезолитических стоянок Лиственка III А и Лиственка-8 на р. Колпи (*Косурикова*, 1996. С. 35–42; 1998. С. 168–178) и стоянке верхневолжской культуры Забелье на р. Лиди в Бокситогорском районе Ленинградской области (бассейн верхней Волги) (*Урбан*, 1996. С. 235–244). Скребки (26 экз.) на отщепах – размером 1,5–2,5 см, с концевой формой лезвия, иногда оно занимает 1/3 окружности заготовок (рис. 6: 6–8). В отдельных случаях они изготовлены на переоформленных обломках других орудий (наконечников) или площадках с нуклеусов. Присутствует отщеп с резцовым сколом и 15 отщепов с участками краевой ретуши. Единичными орудиями представлены скребла, скобели, ножи, сверло. Изделия из кварца представлены отщепами диаметром 2–3 см и удлинёнными сколами (около 160 экз.). На двух желваках из кварца высотой 6,5–7 см имеются следы сколов. На 5 отщепах и продольных сколах прослеживаются следы использования в виде выкрошенностей и заломов.

Коллекция изделий из сланца насчитывает более 80 экз. Среди них 10 наконечников стрел, пять из которых были представлены обломками пришлифованных орудий. Остальные наконечники не имеют следов шлифовки. Среди них – целый наконечник листовидной формы размером 5,7×1 см, толщиной 0,3 см. Два орудия имеют вытянутую треугольную и листовидную форму размером соответственно 9,7×1,2 см и 8,4×1,6 см (рис. 6: 13). Два обломка пера наконечников – также треугольной формы с гранью по центру. Подобные наконечники характерны для памятника Охта 1 в Санкт-Петербурге и стоянок с пористой и асбестовой керамикой Карелии (*Гусенцова, Сорокин*, 2012. С. 444. Рис. 16: 6–10; *Жульников*, 1999. Рис. 49: 8–9; 50: 4–6).

Рубящие орудия (около 10 экз.) из сланца представлены импортными теслами русско-карельского типа. Все они имеют асимметричные лезвия, трапециевидное поперечное сечение и тщательно отшлифованы (рис. 6: 9–11). Особо выделяется крупное тесло (36×5–4,5 см) с намечающимся желобком. Одно массивное орудие имеет размеры 10×3,5 см (рис. 6: 10). Два других – размером 6,5×3 и 6,8×2,8 см. Одно орудие – сломанное до половины, но с хорошо сохранившейся рабочей частью размером 5,5×4 см. Еще 4 обломка имеют разную степень повреждений. Более 60 экз. принадлежат сланцевым отщепам диаметром до 1,5–2 см; десять из них имеют следы шлифования. Ближайшие аналогии орудиям находятся на памятнике Охта 1 и в Карелии (*Тарасов, Гусенцова*, 2012). Из слоистой сланцевой породы – вероятно, местного происхождения – изготовлено рубящее орудие размером 18,3×6,6 см, треугольное в поперечном сечении. На одной его стороне сохранилась желвачная корка. Края и лезвие орудия обработаны мелкими сколами. У другого орудия из сланцевой породы рабочий край оформлен несколькими сколами, сечение подтреугольной формы, размер его – 32×5,5 см. Присутствуют крупные плитки сланца (длиной 11,6–25 см) и несколько отщепов и сколов.

На обломках плиток песчаника толщиной 1,5–3,5 см изготовлено 12 абразивов – преимущественно с одной рабочей поверхностью. На одном крупном абразиве размером 11×7 см рабочими поверхностями служили боковые края. Еще на одном изделии прослеживаются узкие желобки от заточки какого-то орудия. Один из абразивов был обожжен.

Янтарные украшения (46 экземпляров). Украшения изготовлены из красно-коричневого и желтого янтаря (*Гусенцова*, 2023. С. 71–83). Украшения

представлены «пуговками» (бусами), подвесками и одним обломком кольца. «Пуговки» (бусы) округлой формы с V-образными отверстиями – 11 экз. (рис. 6: 16–18). Диаметр – от 1,4 до 1,6–1,8 и 2 см. Сечение линзовидное, толщина – 0,3–0,5 см. Одна «пуговка» имеет прямоугольную форму с закругленными углами размером 2,0×1,5 см, толщиной 0,5 см. В качестве «пуговки», вероятно, использовалась плоская подвеска треугольной формы размером 2,1×1,8 см, толщиной 0,5 см, у которой параллельно к основному просверлено еще одно отверстие (рис. 6: 19).

Подвески овальной и прямоугольной формы с закругленными углами, размером 1,8–2,1×1,3–1,5 см, сечение овальное толщиной 0,5–0,8 см – 12 экз. На одной подвеске имеются дополнительные сквозные отверстия (рис. 6: 20). Семь подвесок – удлинённой формы, размером 2,7–3,4×1,5–1,8 см, толщиной от 0,5 до 0,7–0,9 см (рис. 6: 21–25). Подвески уплощенные. Треугольной формы различной сохранности и размера, толщиной 0,4–0,9 см – 3 экз. И объемные – толщиной 1,1–1,3 см. Обломок кольца состоит из трех частей, сечение – полуовальное, диаметр – 2,7 см, толщина – 0,3 см (рис. 6: 26). Остальные изделия представлены обломками с частично сохранившимися просверленными отверстиями.

В качестве особенностей украшений из янтаря стоянки Подолье 1 следует отметить наличие фрагмента уплощенного кольца из красно-коричневого янтаря. Следы просверливания украшений для вторичного использования, очевидно, свидетельствуют о навыках работы с янтарем вдали от первоначального центра изготовления. Украшения аналогичны изделиям торфяниковой стоянки Сарнате в Латвии (Ванкина, 1970. Табл. 6) и стоянок Лубанской низменности (Loze, 2008, С. 440–450. Рис. 13, 14). Основная часть изделий может быть связана с комплексами керамики с органическими примесями и асбестом, датированными второй половиной IV – начала III тыс. до н. э.

В культурном слое собрано значительное количество комков охры (более 45 экз). Прослеживается некоторая взаимосвязь концентрации охры с местами находок янтарных украшений. Диаметр комков – 2,0–3,5 см, отдельные экземпляры достигали диаметра в 5 см. На одном из комков прослеживается просверленное (?) отверстие.

Изделия из кости представлены наконечником стрелы с удлинённой боковой выемкой и залощенным острием размером 10×1,8 см (рис. 6: 15).

Изделия из дерева (4 экз.). Фрагмент (фигурки?) из планки длиной 13,5 см, максимальная ширина – 3,8 см, толщина – 1,8 см. Вверху предмета с одной стороны вырезана выемка, на противоположной стороне выделены 2 небольшие выемки. Второй предмет представляет собой обломанную тонкую планку из дерева размером 5,5×3,2 см, толщиной 0,5 см с прорезанными узкими желобками. Предмет из обструганной рейки – длиной 11 см, шириной 2,2 см, толщиной 0,8 см. Вверху находится полая выемка, две краевые выемки вырезаны на противоположной стороне (рис. 6: 14). Назначение предметов неясно. Предмет из дерева прямоугольной формы размером 11,5×6,0 см, толщиной 1,2 см: рабочий конец подтесан, по краю сохранились зазубрины. В профиле лезвие ассиметрично и напоминает «тесло» (?).

Костный материал. Общее число исследованных костей позвоночных животных составляет около 1,5–1,6 тысяч. Сохранность костей различна –

от мелких фрагментов, которые происходили в основном из культурного слоя, состоявшего из песчаных отложений, до целых костей из слоя торфа. Диагностированы остатки рыб, птиц и млекопитающих. Значительно преобладали остатки млекопитающих – 85% от всех остатков позвоночных животных. Идентифицировано 12 видов: заяц-беляк (*Lepus timidus*), речной бобр (*Castor fiber*), обыкновенная лисица (*Vulpes vulpes*), европейская норка (*Mustela lutreola*), лесная куница (*Martes martes*), ладожская кольчатая нерпа (*Pusa hispida ladogensis*), кабан (*Sus scrofa*), благородный олень (*Cervus elaphus*), северный олень (*Rangifer tarandus*), европейская косуля (*Capreolus capreolus*), лось (*Alces alces*), тур (*Bos primigenius*).

В охотничьем промысле наибольшее значение имели нерпа (15,1%), куница (14,4%), кабан (11%), бобр (7,7%) и лось (4,7%). Кости нерпы и куницы имели наиболее хорошую сохранность среди костей других видов млекопитающих и представлены почти всеми элементами скелета. Накопление костей животных было приурочено преимущественно к осенне-зимнему периоду.

Видовой состав рыб так же разнообразен. Определено 7 видов: лещ (*Abramis brama*), европейский обыкновенный сом (*Silurus glanis*), обыкновенная щука (*Esox lucius*), рипус (*Coregonus albula ladogensis*), кумжа (*Salmo trutta*), речной окунь (*Perca fluviatilis*), обыкновенный судак (*Sander lucioperca*). В слоях торфа вместе с костями была обнаружена чешуя окуня. В количественном отношении преобладал судак (47,7%), окуневые (12,7%) и щука (9,1%). По хорошо сохранившимся костям (сохранность от 60 до 90%) была реконструирована длина тела рыб и определен возраст. Для щуки она составила 19,4 см, 57,3 см, 58,4 см и 83,6 см (возраст: 8+ лет). Размер сома составил 106 см (возраст: 10+ лет), рипуса – 43 см, кумжи – 37,8 см, судака – 57,3 см.

По сравнению с количеством костей млекопитающих и рыб, кости птиц малочисленны (14 костей). Идентифицированы водоплавающие виды: свиязь (*Anas penelope*), морянка (*Clangula hyemalis*), синьга (*Melanitta nigra*), хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*). Интересна находка костей беркута (*Aquila chrysaetos*) (3 кости), которые принадлежали взрослым самкам. Выявлена 1 кость белолобого гуся (*Anser albifrons*). Также диагностированы остатки от неопределимых до вида представителей рода гусей (*Anser sp.*) и семейства утиных (*Anatidae*).

Видовой состав и отношение количества костей животных показывает, что охота у населения стоянки Подолье 1 базировалась на добыче ладожской нерпы, лесной куницы и крупных копытных. Интересно наличие костей тура и европейского оленя (Галимова и др., 2015).

Подолье 3 (площадь – 1500 кв. м., раскопано более 70 кв. м. (2015, 2017–2019, 2022 гг.)). Стоянка находится у мелиоративной канавы, вырытой в направлении р. Лавы (рис. 7: А). Граница каменистого минерального берега и торфяника на месте бывшего водоема на небольшом участке выявлена на юго-востоке памятника. Находки приурочены в основном к слоям торфа и размытого торфа с песком. В слое размытого торфа с песком присутствует значительное количество скоплений *обработанной древесины эпохи средневековья* (вбитые и поваленные колья, обломки «досок», расколотые жерди и бревна). Они обработаны металлическими орудиями и относятся к временным промысловым постройкам и рыболовным вершам. Находки гончарной посуды из слоя и приведенные

Рис. 6. Стоянка Подолье 1

1–11, 13 – каменный инвентарь; 14 – изделие из дерева; 15 – костяной наконечник;
16–18 – янтарные «пуговицы»; 19–25 – янтарные подвески; 26 – обломок янтарного кольца

выше радиоуглеродные даты по обработанному дереву позволяют датировать материалы XIV–XVII вв.

В торфе также выявлено *обработанное дерево*, представленное небольшим количеством обломков поваленных и вбитых кольев диаметром 2–3,5–4 см и лучинами. Концы кольев подрублены преимущественно по диагонали с характерными негативами от коротких затесов. Один поваленный кол длиной 1,92 м, диаметром 10 см обтесан по кругу на высоту до 8 см, конец его обожжен. Найдено более десятка обломков лучин длиной 25–43 см, шириной 1,5–2 см, толщиной 0,7–0,9 см. Сохранилось скопление лучин от рыболовной конструкции – вероятно, верши (рис. 7: Б). Лучины (17 экз.) образовывали два слоя. Верхние лучины находились под углом друг к другу. Четыре лучины имели длину 67–71 см и ширину 1–1,5 см, толщину 0,7–1 см. Несколько лучин было длиной 70–80 см, шириной 1,8–2,0–2,2 см, толщиной 0,5–0,7 см. Обломки лучин, а также обломок вертикального кола обнаружены рядом со скоплением. Лучины изготовлены из расщепленной сосны (определение А. М. Кулькова, СПбГУ). По обломкам лучин и кольев получены даты SPb-173: 4470±70 BP (3357–3004 cal BC); SPb-2550: 4347±70 BP (3131–2873 cal B); SPb-3076: 4350±45 BP (3091–2893 cal BC).

Глиняная посуда. Основу составляет керамика с минеральными добавками более 600 фрагментов (около 50 условных сосудов). Сосуды – темно-желтого цвета, внутренняя поверхность заглажена. Примесью к глиняному тесту служили дресва средней и мелкой фракции и песок. В двух сосудах с ямочным и гребенчато-ямочным орнаментом с примесью дресвы в глиняном тесте присутствуют включения мелких иголок асбеста (рис. 8: 7). Венчики сосудов – прямые, слегка скошенные или загнуты внутрь (рис. 8: 1–2). Края венчиков украшены оттисками гребенчатого штампа. Толщина стенок сосудов – 6–7 мм или 8–12 мм. Найдены фрагменты придонной части сосудов округлой формы толщиной 13–18 мм. Сосуды орнаментированы преимущественно рядами прямого короткого гребенчатого штампа, в отдельных случаях – горизонтальными рядами штампа, зигзагом чередующимися с рядами круглых, овальных или ромбических ямок (рис. 8: 1–3, 5). На ряде сосудов ямки оставили выпуклины-жемчужины на внутренней стороне (рис. 8: 2). Встречается сочетание ямок различной формы на одном сосуде – в частности, круглой и ромбической. На одной из стенок ямки имеют полулунную форму. Один сосуд украшен оттисками «веревочки» (?) (рис. 8: 4). Посуда по способу орнаментации принадлежит носителям двух культур: поздненеолитической гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики раннего энеолита. Технологические характеристики и комбинация способов нанесения орнамента на сосуды свидетельствуют о значительной близости двух комплексов керамики. Подобная тенденция характерна для памятников этого времени в Карелии (Васильева, 2019). Для датировки комплекса керамики с минеральными добавками важна радиоуглеродная дата, полученная по образцу из разреза в слое торфа SPb-2856: 5065±70 BP (3989–3700 cal BC) и дата фрагмента с овальными ямками найденного на Подолье 1 – 3759–3369 лет до н. э., позволяющая датировать комплекс с минеральными добавками первой половиной IV тыс. до н. э.

Вторую группу керамики с минеральными добавками составляют фрагменты от 3 сосудов, украшенных по всей поверхности плотными оттисками

А)

Б)

Рис. 7. Стоянка Подолье 3

А – вид памятника; Б – остатки рыболовной верши из лучин

вертикального короткого гребенчатого штампа. Толщина стенок – 8–12 мм. Венчики сосудов непрофилированные, скошенные внутрь и орнаментированные штампом (рис. 8: 6). На внутренней поверхности одного из сосудов имеются следы окраски охрой. Сосуды не имеют прямых аналогий, предварительная датировка – IV тыс. до н. э.

Посуда с примесью органики насчитывает более 160 фрагментов от 24 сосудов. Примесью в глиняном тесте служили перо, раковина. Форма сосудов – прямая, срезы венчиков – овальные и прямые. Фрагменты стенок сосудов с органикой имеют толщину 8–12 мм, преобладает толщина 8–9 мм. На внутренней поверхности иногда прослеживаются расчесы и следы нагара. Сосуды орнаментированы в основном гребенчатым штампом, редко – в сочетании с неглубокими ямками с плоским дном. Основными мотивами орнаментации служило чередование горизонтальных и наклонных рядов штампа, в том числе образующих «елочку», в единичных случаях – овальным коротким штампом. Несколько сосудов украшены геометрическим орнаментом – треугольниками или прямоугольниками, обрамленными диагональными рядами штампа и рядами круглых ямок (рис. 8: 8–9).

Около 20 фрагментов (15 сосудов) имеют смешанную примесь – асбест и раковину, шамот. Преобладают сосуды с примесью асбеста (8 сосудов) (*Кулькова и др.*, 2021). Примесь асбеста присутствует как в виде отдельных игл, так и мелких волокон. Сосуды со смешанной рецептурой теста имеют стенки 11–12 мм (рис. 8: 12) с преобладанием асбеста 6–7 мм. Сосуды с прямыми стенками. Венчики прямые или скошены внутрь, у самого крупного из них он утолщен и орнаментирован штампом. Сосуды украшены оттисками поверхностного вертикального гребенчатого штампа, иногда в сочетании с рядами ямок, геометрическим узором, размещенным по диагонали (рис. 8: 10–13). Выделяется сосуд, орнаментированный треугольниками, в центре которых расположена группа ямок (рис. 8: 11). Керамика находит аналогии в материалах стоянки Подолье 1, памятниках Карелии типа «войнаволок» и «оровнаволок» и может быть датирована второй половиной IV – началом III тыс. до н. э. (*Гусенцова*, 2014; *Жульников*, 1999).

Каменный инвентарь насчитывает чуть больше 90 экз. Основу его составляют мелкие отщепы диаметром 1,5–2 см и чешуйки (до 1 см), единичные продольные сколы с нуклеусов из серого с оттенками, сиреневого, коричневого кремня. Орудий около 20 экз. – скребки концевые и с лезвием на 1/3 окружности отщепы, наконечник стрелы целый и обломок листовидной формы с двусторонней обработкой (рис. 8: 15–20). Другие изделия представлены немногочисленными кварцевыми отщепами и расколотыми гальками, а также 2 сланцевыми отщепами со следами шлифовки – очевидно, от рубящих орудий. Целое орудие из сланца только одно – тесло русско-карельского типа размером 9×4,5–4,9 см. Из небольших плиточек песчаника (размером 5–6×6–6,6 см, толщиной 1,1–1,4 см) сделано более десятка односторонних абразивов, иногда с узкими пропилами – следами заточки инструментов.

Орудия из кости. Два изделия размером до 5,5×3 см выполнены на обломках ребер животных. У одного сохранился вогнутый участок со следами заполировки, второй срезан на конце. Найдена проколка из кости птицы длиной 7,8 см (рис. 8: 14).

Рис. 8. Стоянка Подолье 3

1–13 – керамический комплекс; 14 – изделие из кости; 15–19 – каменный инвентарь;
20–21 – янтарные украшения; 22–25 – украшения из зубов животных и резца бобра

Украшения из янтаря. Янтарная пуговица диаметром 1,5 см с двумя отверстиями с внутренней стороны, цвет – красно-коричневый (рис. 8: 20–21). Две подвески, обломанные внизу, размером 2,7×1,5 см, толщиной 0,7 см и 2,3×1,7 см, толщиной 0,5 см. Цвет янтаря – желтый и красно-коричневый. Украшения аналогичны изделиям Подолья 1.

Украшения из кости. Подвеска из резца бобра размером 4,4×1–0,7 см, отверстие просверлено с двух сторон (рис. 8: 25); три резца животных размером 4,1–5,0×0,7–1,1 см с просверленными отверстиями, диаметр отверстий на всех изделиях не превышает 4 мм (рис. 8: 22–24).

Фаунистический состав (определение из раскопок 2017–2018 гг., лаборатория биомониторинга Института проблем экологии и недропользования АН РТ). Ведущим промысловым животным являлся лось (*Alces alces*) – 31,2%, речной бобр (*Castor fiber*) – 12,5%, ладожская нерпа (*Pusa hispida ladogensis*) – 9,4%, лесная куница (*Martes martes*) – 6,2%, кабан (*Sus scrofa*) – 6,2%, заяц-беляк (*Lepus timidus*) – 6,2%. Среди костей рыб преобладает речной окунь (*Perca fluviatilis*) – 38,4%, лещ (*Abramis brama*) – 24,3%, плотва (*Rutilus rutilus*) – 18,5%. Птицы – кряква (*Anas platyrhynchos*), лебедь – кликун (*Cygnus cygnus*).

Результаты комплексных археологических и естественнонаучных исследований позволили выполнить моделирование микрорельефа района памятников, предполагающее кратковременное существование озерной лагуны, и – на определенных этапах – непроточных водоемов, отшнуровавшихся от озера узких озер или речных стариц. Установлены границы древнего водоема, реконструирован окружающий ландшафт и его изменения, связанные с трансгрессией и регрессией Ладожского озера. На стоянке Подолье 1 геохимическими исследованиями определены функциональные зоны, связанные с хозяйственной и промысловой деятельностью. На обеих стоянках в слое торфа сохранились остатки рыболовных конструкций – кольев и лучин от заголов и вершей; фрагменты сети, грузила, оплетенные берестой. По костным остаткам определен видовой состав рыб (судак, щука, окунь, лещ, плотва); животных (кольчатая нерпа, куница, кабан, лось, бобр); немногочисленных видов птиц. Представлены различные группы глиняной посуды позднего неолита с минеральными добавками (дресва), украшенные гребенчато-ямочным, ромбоямочным орнаментом; с органическими добавками (перо, раковина), орнаментированные ямками или гребенчатым штампом, с примесью асбеста – начала эпохи раннего металла. Каменный инвентарь изготовлен преимущественно из привозного сырья. Значительно количество импортных сланцевых рубящих орудий русско-карельского типа и прибалтийских янтарных украшений. Материалы памятников указывают как на сложившиеся местные культурные традиции, так и на контакты с населением соседних регионов Восточной Балтики и Прионежья. Комплексы находок и полученная серия радиоуглеродных дат свидетельствуют о неоднократном заселении памятников в IV – середине III тыс. до н. э.

Список литературы

- Амантов А. В., Амантова М. Г., Рябчук Д. В., Сергеев А. Ю., Гусенцова Т. М., Жамойда В. А., Фьелдскар В. Проблемы голоценового развития Южного Приладожья // Региональная геология и металлогения. 2016. № 65. С. 37–49.
- Ванкина Л. В. Торфяниковая стоянка Сарнаге. Рига: Зинатне, 1970. 268 с.
- Васильева Т. А. Начало «эпохи раннего металла» на территории Карелии: Материалы и исследования // Самарский научный вестник. Т. 8, № 2 (27). 2019. С. 125–128.
- Галимова Д. Н., Аськеев И. В., Аськеев О. В., Гусенцова Т. М. Археозоологический анализ неолитической стоянки Подолье-1 в южном Приладожье // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В. П. Третьякова. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 163–166.
- Гурина Н. Н. Древняя история Северо-запада Европейской части СССР. МИА, N 87. М.-Л., 1961. 588 с.
- Гусенцова Т. М., Аськеев А. О., Аськеев И. В., Шаймуратова Д. Н., Аськеев О. В. Природная среда и население эпох камня и раннего металла в Южном Приладожье // Труды VI(XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х томах. Том III. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2020. С. 222–223.
- Гусенцова Т. М., Кулькова М. А. Радиоуглеродное датирование стоянок Подолье 1, 3 (Южное Приладожье), Сосновая гора 1 (восточное побережье Финского залива) // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита восточной Европы VII–III тыс. до н. э. / сост. Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич. Смоленск: изд-во Свиток, 2016. С. 388–396.
- Гусенцова Т. М., Сапелко Т. В., Лудикова А. В., Кулькова М. А., Рябчук Д. В., Сергеев А. Ю., Холкина М. А. Археология и палеогеография стоянки Подолье 1 в Южном Приладожье // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб., изд-во ООО «Периферия», 2014. С. 130–133.
- Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е. Первый памятник эпох неолита и раннего металла (Охта 1) в Санкт-Петербурге // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 182–199.
- Гусенцова Т. М., Холкина М. А. Анализ технологии керамики эпохи неолита – раннего металла в регионе Санкт-Петербурга и Южном Приладожье // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. СПб.: МАЭ РАН. Вып. 4. 2015. С. 218–226.
- Жульников А. М. Энеолит Карелии: (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: КНЦ ИЯЛИ РАН, 1999. 416 с.
- Сапелко Т. В., Гусенцова Т. М., Кузнецов Д. Д., Лудикова А. В. Палеолимнологические исследования в Подпорожском районе Ленинградской области // Тихвинская водная система: кол. моногр. / Под ред. Е. М. Нестерова, В. А. Широковой. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 176–186.
- Сапелко Т. В., Гусенцова Т. М., Кулькова М. А., Лудикова А. В., Денисенков В. П., Корненкова Н. Ю. Ладожская трансгрессия и ландшафты второй половины голоцена в Южном Приладожье (по данным изучения археологического памятника Подолье-1). Изв. РАН. Серия географическая, 2019. Вып. 5. С. 78–95.
- Кулькова М. А., Гусенцова Т. М., Кульков А. М., Стрельцов М. А. Глиняная посуда неолита-эпохи раннего металла Южного Приладожья: минералого-геохимические характеристики, технология изготовления и функциональные особенности использования // Геоархеология и археологическая минералогия: Материалы

- VIII Всероссийской научной конференции с международным участием им. проф. В. В. Зайкова. Миасс-Челябинск: ЮУрГГПУ, 2021. С. 87–92.
- Кулькова М. А., Гусенцова Т. М., Мадянова Н. П. Применение метода геохимической индикации для реконструкции функциональных зон на памятниках каменного века Приневского региона // Изв. Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб. 2015. № 176. С. 76–89.
- Мурашкин А. И. Инвентарь неолитического слоя Старой Ладogi (Варяжская улица) // Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2018. С. 181–195.
- Тарасов А. Ю., Гусенцова Т. М. Рубящие орудия поселения Охта 1 в Санкт-Петербурге (из раскопок 2008–2009 гг.) // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 207–214.
- Тимофеев В. И. О культурно-хронологической атрибуции находок каменного века из приладожской коллекции Иностранцева // Вопросы геологии и археологии. Тезисы доклада международного симпозиума, посвященного 150-летию со дня рождения профессора Санкт-Петербургского университета, члена корреспондента РАН А. А. Иностранцева. СПб., 1994. С. 57–58.
- Тимофеев В. И., Стеценко Н. К. Староладожская неолитическая стоянка. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. СПб – Псков, 1997. С. 331–334.
- Урбан Ю. Н. 1996. Стоянка Забелье – памятник раннего неолита северного Валдая // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 235–244.
- Холкина М. А. Анализ состава формовочной массы керамики памятника Подолье-1 (Южное Приладожье) // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III международной конференции молодых ученых. М: ИА РАН, 2015. С. 202–204.
- Холкина М. А., Гусенцова Т. М. Керамический комплекс торфяниковой стоянки Подолье-1 в южном Приладоджье // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В. П. Третьякова. СПб: ИИМК РАН, 2015. С. 159–162.
- Хорошун Т. А. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец – начало III тыс. до н. э.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М, 2013. 18 с.
- Gusentsova T., Kulkova M. The subsistence strategy and paleoenvironment on the Stone Age site Podolye 1 in the southern Ladoga Lake region (Eastern Baltic) // Quaternary International. 2020. Vol. 541. P. 41–51.
- Gusenova T., Sorokin P. The wooden construction of the Okhta 1 site in St. Petersburg // Archaeologia Baltica. 2017. No. 24. P. 10–25.
- Kulkova M. A., Gusentsova T. M., Nesterova L., Nesterov E. M. The reconstruction of functional zones at Neolithic to Early Iron Age sites in the Neva river basin (Russia) by means of geochemical markers // Helsinki Harvest: Proceedings of the 11th Nordic Conference on the Application of Scientific Methods in Archaeology. – Helsinki: Suomen arkeologinen seura, 2019. MASF. Vol. 7. P. 72–92.
- Loze I. B. Amber Processing in Ica Late Neolith settlement (Lake Lubans Depression) // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 440–450.
- Seitsonen O., Nordquist K., Gerasimov D. V., Lisitsyn S. N. «The good, the bad, the weird»: Stone Age and Early Metal Period radiocarbon dates and chronology from the Karelian Isthmus, North-West Russia // Geochronometria. 2012. Vol. 39. No. 2. P. 101–121.

Сведения об авторах

Гусенцова Татьяна Матвеевна, АНО НИИ природного и культурного наследия,
Санкт-Петербург,
E-mail: ddut@mail.ru

T. M. Gusentsova

THE ENVIRONMENT AND CULTURAL CHARACTERISTICS OF THE POPULATION OF THE PEAT SITES OF PODOLIE 1 AND 3 IN THE SOUTHERN LADOGA REGION

Abstract. The article examines the results of archaeological and natural science studies of the peat sites of Podolie 1 and 3, located in the Southern Ladoga region. The environment of the sites during the Atlantic and Subatlantic periods has been reconstructed. The population hunted Ladoga ringed seal, marten, elk, wild boar and other mammals; birds, mallards, geese, golden eagles and other species. The remains of wooden fishing structures in the peat layer have been investigated. They caught walleye, perch, roach and pike. The artefact collections contain different groups of pottery, stone artifacts, including a series of imported slate chopping tools from Karelia, wood and bone products, animal tooth pendants, and Baltic amber personal ornaments. There were the sites of the late comb-pit, rhomb-pit, porous and asbestos ware cultures of the final stage of the Stone Age – the beginning of the Early Metal Age. The chronology of the complexes has been confirmed by more than 20 radiocarbon dates (IV – the middle of the III millennium BC).

Keywords: peat, fishing wooden structures, comb-pit, rhomb-pit, porous and asbestos ware cultures, Late Neolithic, Eneolithic and the Bronze Age.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЯ ВЁКСА 3 И РАЗВИТИЕ РАСТИТЕЛЬНОСТИ НА ВЕРХНЕЙ СУХОНЕ В НЕОЛИТЕ

Резюме. Комплекс многослойных поселений Вёкса, расположенных в бассейне Верхней Сухоны, является ключевым пунктом для реконструкции доисторических и культурных исторических событий на северо-востоке лесной зоны Европы. С археологической точки зрения поселения Вёкса 1 и 3 обеспечивают богатые и разнообразные пространственные, стратиграфические и материальные данные по раннему неолиту – средневековью. В работе дана характеристика комплексов поселения Вёкса 3 и развитие растительности в неолите на основании археологических и палинологических исследований.

Ключевые слова: Верхняя Сухона, Вёкса, неолит, палинология, неолитические комплексы, хронология, развитие растительности.

Исследования в Вологодской области выявили, что Скандинавский ледниковый щит расположен именно здесь (*Svendsena et al.*, 2004). Основное расширение его простиралось до долины Сухоны, но не охватывало ее. Для нахождения бывших границ льда были исследованы самые молодые моренные пояса, на основании которых составлена геоморфология территории. Отступление льдов, вероятно, началось в период между 17–15 тыс. л. н. Богатство озер на большей территории Вологодской обл. свидетельствует, что в течение последнего ледникового максимума перед кромкой льда образовывались крупные ледяные резервуары. К ним относятся в том числе Сухонское палеозеро и Молого-Шекснинское озеро, которые были связаны друг с другом. В это время Сухона относилась к бассейну Волги. По мере поднятия щита происходило сокращение площади приледниковых озер, их разделение. Сухона изменила русло, произошел прорыв воды в сторону нижней Сухоны в Двину (*Квасов*, 1975). В районе Вёксы лежит водораздел, который отделяет реки двух основных водных систем Северного Ледовитого океана и Каспийского моря. В значительной степени бассейн Сухоны является частью бассейна Северной Двины, но имеет доступ в другие бассейны, в том числе озера Кубенского и Шексны.

На карте севера Европейской России Верхняя Сухона занимает небольшую территорию (рис. 1). Но ситуация, которая прослеживается здесь в каменном веке, очевидно, на каких-то этапах синхронна сопредельным территориям Восточного Прионежья, Верхней Волги. Для освоения человеком подтопленных территорий было необходимо время, чтобы создались условия для жизни и деятельности человека. Высокий уровень воды и периодическая подтопляемость берегов создавали немалые трудности как строительного, так и хозяйственного характера. Лишь немногие места были пригодны для размещения постоянных поселений. Этим, очевидно, объясняется многослойность памятников.

Пониманию историко-культурной ситуации в бассейне Верхней Сухоны в целом способствовали исследования комплекса многослойных поселений Вёкса 1 и 3, где фиксируется практически вся культурно-хронологическая шкала древностей бассейна Сухоны и Кубенского озера (*Недомолкина*, 2000; 2004; 2007). Располагаясь вблизи крупной водной артерии – р. Сухоны, поселения имели выгодное ситуационное положение.

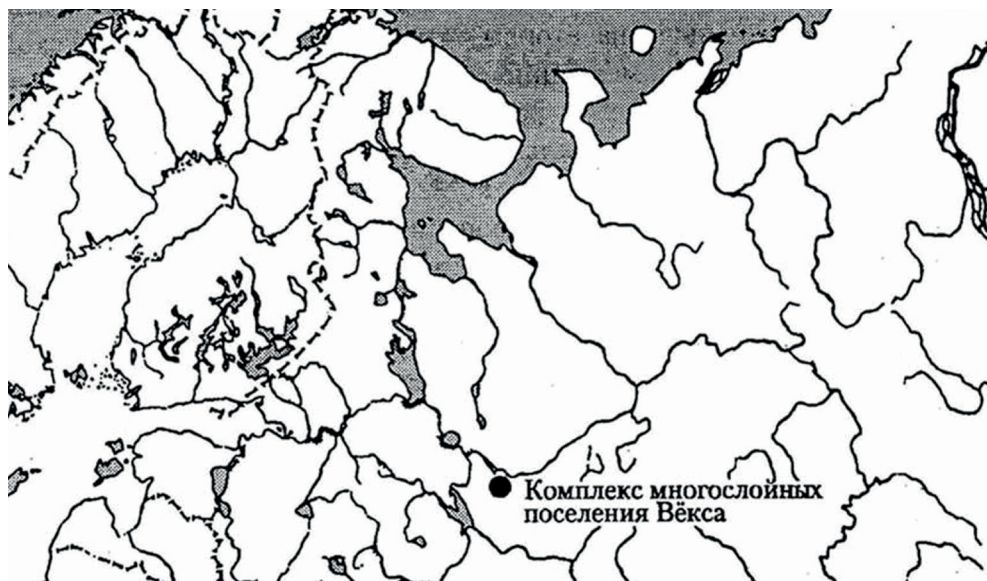

Рис. 1. Местоположение комплекса многослойных поселений Вёкса

Название памятники получили по топониму небольшой лесной речки Вёксы, которая берет начало в Молотовском озере. В настоящее время поселения находятся в 4 километрах от впадения р. Вologды в р. Сухону, располагаются на левом берегу Вologды при впадении ее притока – речки Вёксы: выше – Вёкса 1 и ниже – Вёкса 3 (рис. 2).

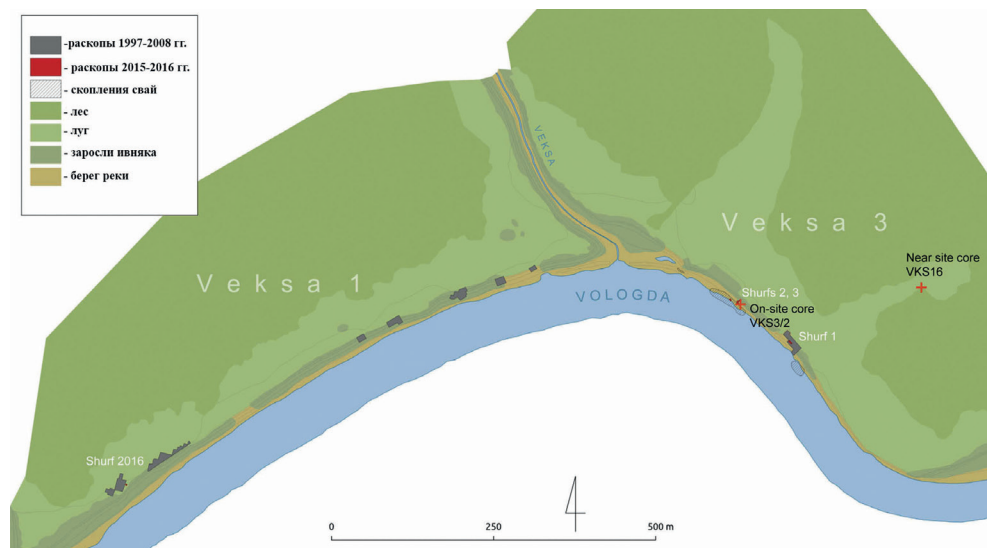

Рис. 2. Поселения Вёкса 1 и Вёкса 3

План поселений Вёкса 1 и Вёкса 3 с указанием мест раскопов, шурфов и пыльцевого керна VKS16. Рис. К. Энгель, Н. Недомолкиной, Х. Пицонка

С археологической точки зрения поселения Вёкса 1 и 3 обеспечивают богатые и разнообразные пространственные, стратиграфические и материальные данные по раннему неолиту, энеолиту, бронзовому веку, раннему металлу и средневековью. Культурные слои поселений разного времени пересекаются на некоторых участках памятников. Такая стратифицированность дает представление о последовательности заселения берегов Вологды и всего региона на протяжении значительного периода голоцена.

Геоморфологический анализ территории показал одну и ту же стратиграфическую структуру, которая может быть описана как стандартный профиль, состоящий из трех седиментологических единиц (*Лоренц и др.*, 2012). Верхняя часть стратиграфической колонки на Вёксе состоит из суглинистых отложений поймы. Эти глинистые и илистые отложения колеблются по толщине и находятся между 1,2–3 м от поверхности с небольшим наклоном от реки. Глинистые и илистые почвы с конкрециями железа до 2 м ниже поверхности являются результатом активного ежегодного изменения уровня грунтовых вод. Видимо, гидрологический режим характеризуется ежегодным наводнением уже в течение очень долгого времени, о чем свидетельствуют кремнистые материалы из наносов реки, ведущие к последовательному образованию поймы. Для накопления перегноя в содержания почвы от растительного покрова, кажется, не было соответствующих условий, или они были компенсированы сильной минерализацией. Все археологические слои связаны с этими отложениями поймы в пределах до 3 м ниже поверхности земли. Они хорошо узнаваемы по серо-черной окраске и большому содержанию древесного угля.

На четвертом участке поселения Вёкса 3 выявлено несколько неолитических культурных слоев.

Стратиграфия 4 участка поселения (рис. 3):

А – отвалы раскопов предыдущих лет.

В – современный растительно-почвенный слой (10–20 см).

1. Коричневая супесь (20–40 см), нижний уровень которой отражает границу культивированного слоя.

2. Темно-серый суглинок (8–18 см) с углистыми включениями от поздних кострищ, верхний культурный слой периода ранней бронзы.

3. Светло-коричневый суглинок (16–30 см) не содержит находок. Он соответствует намывной прослойке.

4. Серая рыхлая глина (12–30 см, в ямах до 60 см) с примесью красноватых включений, небольшим количеством угольков, кальцинированных костей, мелкой глиняной крошки. В слое выявлены остатки столбовых наземных конструкций прямоугольной формы, ориентированных по линии запад-восток. Материал слоя представлен фрагментами сосудов из пористого теста типа Модлона 2, Тихманга периода позднего энеолита – ранней бронзы.

5. Темно-коричневая глина (18–30 см) содержит культурный слой эпохи неолита с каргопольским ямочным комплексом. В слое зафиксированы следы разбитых столбовых конструкций, не имеющие четких границ, круглые хозяйственные ямы диаметром до 60 см. По аналогии материал слоя относится к раннему – среднему этапу Каргопольской культуры.

6. Намывная прослойка светло-коричневой глины (0,2–0,3 м), в которой фиксируются ямы с материалами каргопольского комплекса.

Рис. 3. Поселение Вёкса 3. Стратиграфия раскопа

A – отвал раскопов предыдущих лет; *B* – погребенная почва. 1 – коричневая супесь; 2 – темно-серый суглинок; 3 – светло-коричневый суглинок; 4 – серая рыхлая глина; 5 – темно-коричневая; 6 – светло-коричневая глина; 7 – темная гумусированная глина; 8а – темно-серая глина; 8в – светло-коричневая глина; 9 – черная с линзами прокалов угля глина; 10 – светло-коричневая глина; 11 – светло-коричнево-серого цвета глинистые осадки с тонкими песчаными прослойками

7. Темная гумусированная глина (8–24 см, в заглаблених – до 42 см) содержит комплекс с так называемой керамикой «северных типов». Поселенческие материалы дополняет погребальный комплекс с уникальным захоронением в яме.

8 а, в. Намывная прослойка светло-коричневой глины 0,2–0,6 м. Вверху слоя фиксируются аморфные пятна слегка гумусированной глины. Материал, происходящий из этих пятен, представлен керамикой с отпечатками длинного гребенчатого штампа. Материалы сопоставимы с керамикой со стоянок западной части Вологодской области, не менее близкие орнаментальные мотивы можно найти и в керамике раннего этапа печоро-двинской культуры.

9. Самый древний культурный слой (9) поселения Вёкса 3 залегает на глубине 1,9–2,8 м от дневной поверхности и представлен черной глиной с углем, тленом, кальцинированной костью – 8–24 см. Многочисленные линзы угля в разных частях раскопа и на различной глубине дают возможность предположить, что это была неоднократно посещаемая стоянка охотников-рыболовов, используемая как временное сезонное стойбище или ритуальная площадка. Последнее подтверждают сложные столбовые конструкции с канавками, многократные кострища, охра, состав костей в угольных пятнах, принадлежащих чаще всего несъедобным частям скелета животного – например, лапы и когти.

Ранний этап комплекса представлен керамикой с тычково-накольчатой орнаментацией и орудиями из кости. Для позднего этапа характерна раннегребенчатая керамика, которая находят параллели на различных памятниках раннего неолита лесной зоны Европейского Севера и больше всего – в разных вариантах верхневолжской керамики. Каменный инвентарь находит много общих черт в материалах ранненеолитических памятников Европейского Северо-Востока.

10. Материк представлен отложениями светло-коричневой окраски. Явное изменение в субстрате знаменует переход к органическому силикатному сапропелю. Эти отложения, которые различаются по толщине между 1 и 2,5 м, состоят в основном из ила от темного до оливково-серого цвета. Они характеризуются напластованиями органических слоев с обильными растительными остатками, особенно при переходах между верхним и нижним горизонтами. Обнаружены останки моллюсков в небольшом количестве. Пробы интерпретируются как озерные или речные отложения спокойной заводи (сезонной?) с осадками притока. Что, вероятно, свидетельствуют о продолжении подтопления бассейнов с начала до среднего голоцена.

11. В нижней части стратиграфии образуется силикатный сапропель, который обычно начинается на 4 м ниже современной поверхности. Эти глинистые осадки от светло-коричневого до серого цвета с тонкими песчаными прослойками в илистых слоях образовались, когда существовало большое озеро с высоким притоком осадка, и интерпретируются как озерные напластования обширного Валдайского позднеледникового озера, которое образовалось во время таяния ледников последнего ледникового максимума, что в настоящее время соответствует бассейну Верхней Сухоны.

В 2015–2016 гг. были проведены работы с целью получения новых археологических и палеоэкологических данных на поселениях Вёкса¹. Результаты новых исследований позволяют более детально понять взаимодействие человека и окружающей среды в голоцене в бассейне верхней Сухоны.

¹ Работы проведены в рамках исследовательского проекта Высшей школы Киля «Развитие человека и ландшафта» и Грейсфальдского университета в сотрудничестве с Вологодским государственным музеем-заповедником, который финансировался Исследовательским фондом German Research Foundation (DFG).

Колонка VKS16 была получена из древнего дренажного канала палеозера (Kirleis et al., 2020; Piezonka et al., 2020; Недомолкина и др., 2022). Точное определение возраста древнего дренажного канала затруднено из-за повторяющегося аллювиального воздействия во время весенних паводков. Тем не менее, это место является единственной гидроморфной и поэтому влажной впадиной, которая обеспечивает отложения с подходящей, хотя и плохой сохранностью пыльцы. Хронология ВКС16 основана на трех радиоуглеродных AMS-датах и дополнена биостратиграфической классификацией по данным Хотинского (Хотинский, 1977) и Куосманена и др. (Kuosmanen et al., 2016). Отнесение к археологическим периодам соответствует сведениям о стратиграфии участка с его конкретными культурными горизонтами. Таким образом, хорошо представлен неолит – 14 образцов. На основе значительных изменений в пропорциях древесной пыльцы (ДП) для VKS16 были выделены четыре палинозоны (А–D), далее на основе незначительных изменений разделенных на подзоны (рис. 4).

Из профиля раскопа Вёкса 3, траншея 2 (ВКС3/2) был получен монолит с перекрытием с использованием ящиков для образцов (рис. 5). Кроме дна разреза, который состоял из глинистых отложений палеозера, его осадочные отложения состояли из аллювиальных суглинков.

Чтобы обнаружить изменения в растительности во время фаз отложений, из шурфов на палинологический анализ было отобрано 15 проб осадков из разных стратиграфических слоев.

Пять палинозон (А–Е) были выделены на основе различных осадочных слоев. Монолит стратиграфической колонки охватывает периоды от бореала до современности.

По результатам пыльцевого анализа, в конце бореала – начале атлантикума появляются таксоны теплолюбивых вяза (*Ulmus*), дуба (*Quercus*), а несколько позже и липы (*Tilia*).

При переходе в атлантический период лесные массивы становились более густыми (ВКС16-В) и оказывали отрицательное воздействие на светолюбивый орешник параллельно со злаками, разнотравьем и осоками. Тем не менее, розоцветные типа рябина (*Sorbus/Rubus*) и типа калина (*Viburnum opulus*, *Sambucus nigra type* и *Rosa*) указывают на небольшие открытые участки леса, которые могут быть связаны с деятельностью человека. На открытые участки в пойменном лесу указывает пыльца хмеля обыкновенного. Встречаемость хмеля указывает на открытый полог леса, поскольку дикий хмель растет преимущественно на богатых азотом участках с более высокой влажностью почвы, на опушках леса или в кустарниках.

По археологическим данным, территория Верхней Сухоны начинает осваиваться в раннем неолите – в VI тыс. до н. э. (9 слой). Ранний этап в материалах раскопок представлен керамикой с тычково-накольчатой орнаментацией

Справа: Рис. 4. Поселение Вёкса 3, шурф 2

Упрощенная процентная диаграмма палинологических результатов, показывающая выбранные таксоны пыльцы, споры и беспыльцевые палиноморфы. Проценты основаны на сумме наземной пыльцы (AP+NAP), исключая типы пыльцы водно-болотных угодий и водной пыльцы. Микроскопические частицы древесного угля представлены в виде черных полос, показывающих концентрацию в куб. см осадка. Рис. М. Вецковска-Лют (по Piezonka et al., 2020)

из глиноподобного сырья в виде ила без каких-либо искусственных добавок и орудиями из кости (*Недомолкина*, 2019). Поздний этап представлен раннегребенчатой керамикой, где в качестве искусственной минеральной примеси была использована крупная дресва в различной концентрации (рис. 6). Керамика находит параллели на различных памятниках раннего неолита лесной зоны Европейского Севера, и больше всего – в разных вариантах верхневолжской керамики, в ее третьем этапе (*Энговатова*, 1998. С. 242). Каменный инвентарь находит много общих черт в материалах ранненеолитических памятников Европейского Северо-Востока (*Логинова*, 1978. С. 1–14). С этой керамикой представлены поперечно-лезвийные наконечники стрел – трапеции, асимметричные, высоких пропорций. Неолитизация в данном регионе связана с областью распространения керамики верхневолжской культуры. Даты по углю и почве из 9 слоя занимают промежуток времени между $6950 \pm 150\text{BP}$ ($6201\text{--}5562\text{ cal BC}$) (Ле-5866) – $6340 \pm 30\text{BP}$ ($5460\text{--}5223\text{ cal BC}$) (KIA-33929). Самая ранняя дата по нагару керамики – $6677 \pm 25\text{BP}$ ($5641\text{--}5551\text{ cal BC}$) (MAMS-25493) (*Недомолкина, Пищонка*, 2016).

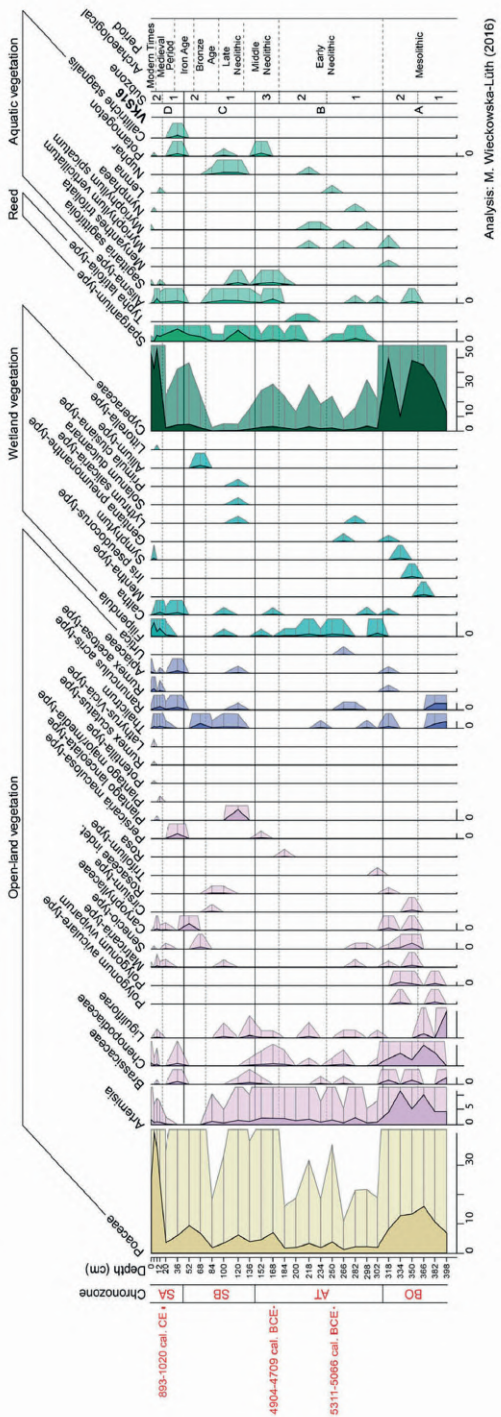
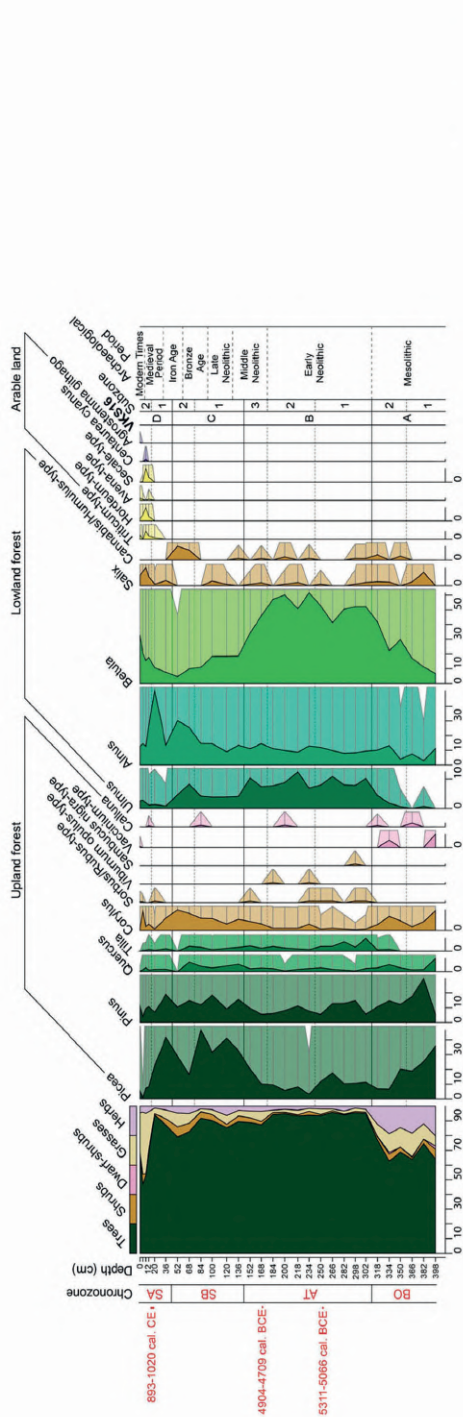
Стратиграфическая колонка (слой 8в) свидетельствует о продолжительном затоплении территории – очевидно, во второй половине V тыс. до н. э.

В конце этого периода появляются условия для заселения, о чем свидетельствует материал из слоя 8 а. Морфологически слой слабо выражен и сильно нарушен вышележащим культурным слоем.

Посещаемость территории зависела от уровня воды, на этом этапе были часты значительные долговременные подтопления. Генезис этого комплекса пока остается неясным. Для слоя характерна гребенчато-ямочная керамика с горизонтальным членением орнаментального поля (рис. 7: 1–8). Сосуды – слабо прикрытой формы, средней величины, судя по придонной части – с округлыми, немного уплощенными донцами. Есть фрагменты мисок. Основные элементы орнамента – гребенка, глубокая ямка с коническим и плоским дном. Наблюдаются различные вариации зубцов в гребенчатых штампах. Есть фрагменты, где гребенчатый штамп неглубокий и нечеткий. Возможно, он наносился по подсушенной глине. Сосуды орнаментированы разнообразными гребенчатыми отпечатками из оттисков плотно поставленного штампа. Орнаментальные мотивы однообразны. Оттиски гребенки располагаются наклонно, вертикально, небольшое количество – горизонтально, ямка играет роль разделителя, или же разделение зон получается в результате смены наклона гребенчатого орнамента. Способ нанесения оттисков с нажимом на один край штампа (чаще – верхний) создает между поясами гребенки выступ, что характерно для керамики сперрингс. Под венчиком встречаются ямки со сквозными проколами. Они предназначались для оплетки сосуда веревкой. Технология расщепления камня направлена на производство пластинчато-отщеповых сколов-заготовок.

Справа: Рис. 5. Поселение Вёкса 3. Керн рядом с раскопами

Упрощенная и процентная диаграмма для керна Вёкса 16 (VKS16), показывающая выбранные таксоны пыльцы. Проценты основаны на сумме наземной пыльцы (AP+NAP), за исключением пыльцы водно-болотных угодий и водной пыльцы. Кривые преувеличены в 10 раз (отмечены заштрихованными). Красные полосы отмечают положение радиоуглеродных дат (снизу вверх, калиброванный возраст; см. табл. 1): 5311–5066 гг. до н. э., 4904–4709 гг. до н. э. и 893–1020 гг. н. э. Штриховыми линиями показаны оценки археологических периодов по русской терминологии. Анализ и иллюстрация: М. Вецковска-Лют (по *Kirleis et al.*, 2020. P. 106)

Отмечено сходство этой керамики с материалами стоянок печеро-двинской культуры (ранний этап) (Косинская, 1997. С. 160) и стоянок западной части Вологодской области типа Тудозеро V (Иванищев, 2000. С. 69), Карелии (Герман, 1998. С. 266). Сравнительная малочисленность комплексов и слабая морфология слоев свидетельствуют о кратковременном бытовании этого населения на Верхней Сухоне, что подтверждается узким интервалом дат, полученных по углю для слоя второго гребенчатого комплекса: от 6220 ± 150 BP (5478–4807 cal BC) (Je-5868) до 6200 ± 170 BP (5482–4729 cal BC) (Je-5856). Даты, которые получены по нагару для фрагментов второго гребенчатого комплекса из подъемного материала, также соответствуют этому интервалу: 6285 ± 30 BP (5317–5216 cal BC) (KIA-49799) и 6185 ± 30 BP (5222–5041 cal BC) (KIA-33927). На другом участке поселения Вёкса 1 на той же глубине выявлен культурный слой, залегающий на контакте коричневой и темно-бурой глины, мощностью до 60 см. На развитом этапе это было достаточно крупное поселение со сложной системой внешних заграждений, с большими столбовыми постройками, крупными очагами, ямами. В слое выявлено большое количество резцов бобров. Население создавало запасы пищи. На береговой части найдено около 10 крупных сосудов, которые использовались для хранения. В двух случаях внутри первого большого сосуда находилось до трех меньшего диаметра. На стенках одного из сосудов сохранились семена моркови, еще в одном – кости животного. Для развитого этапа характерны крупные горшки закрытой яйцевидной формы с округлым дном, открытые миски, мелкие сосудики (рис. 8: 1–8). Горшки

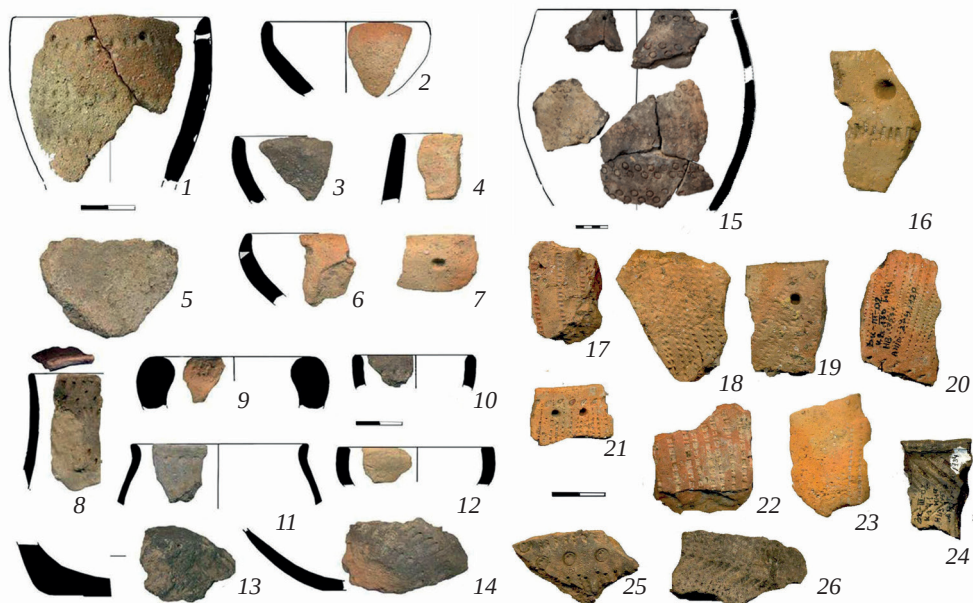

Рис. 6. Поселение Вёкса 3. Ранненеолитическая керамика

Слой 9. 1–16, 25 – керамика раннего этапа; 17–26 – раннегребенчатая керамика, поздний этап (реконструкция сосудов выполнена Н. Недомолкиной и Х. Пицонка)

с диаметром горла около 28–32 см со следами нагара служили для приготовления пищи, для хранения запасов – крупные с диаметром 40–60 см. По нагару на керамике получена дата $5843 \pm 80 \text{ BP}$ ($4903\text{--}4502 \text{ cal BC}$) (SPb-1691). Данный комплекс поселения во многом близок материалам поселения Борань в Костромском Поволжье, Языково 1 и находит аналогии в льяловской культуре (восточный вариант) в ее раннем и среднем развитии (Гурина, Крайнов, 1996. С. 173).

Новый тип леса появился около 5600 г. до н. э. Появление в пробах пыльцы вяза (*Ulmus*) вблизи поселений указывает на распространение вяза на влажных участках, вероятно, примыкавших к дренажному каналу. Напротив, насаждения липы (*Tilia*) были ограничены и занимали более высокие засушливые участки. В окружающем лесном кадастре доминирует береза, предполагая частые стадии сукцессии в низменных лесных массивах. Заметно уменьшается количество пыльцы светлюбивого орешника, что свидетельствует о закрытых лесных массивах. Уменьшается количество пыльцы растений, предпочитаемых человеком – в частности, полыни и маревых, что свидетельствует о значительном снижении антропогенного воздействия на ландшафт. О снижении человеческой активности может свидетельствовать и уменьшение количества светлюбивой ивы. Этому, однако, противоречит тот факт, что содержание микроскопических частиц древесного угля остается относительно высоким.

Рис. 7. Поселение Вёкса 3

Слой 8а: 1–8 – керамика «второго гребенчатого» комплекса (реконструкция сосуда выполнена Х. Пицонка). Слой 7: 9–17 – керамика «северных типов»

Повышенные частоты древесного угля указывают на продолжающийся перенос древесного угля в отложения, возможно, вызванные речной эрозией, и могут быть связаны с естественным горением где-то в водосборе речной системы. Тем не менее, небольшие антропогенные пожары, нарушающие пойменную растительность, также должны быть приняты во внимание.

Убывает торфяная растительность, увеличивается болотно-тростниковая флора: лабазник (*Filipendula*), ежеголовик (*Sparganium* – type) и тиф широколистный (*Typhalatifolia* – type), водные растения типа алисмы (*Alisma* – type), кубышка (*Nuphar*), кувшинки (*Myriophyllum verticulatum*, *Myriophyllum spicatum* и *Nymphaea*), которые указывают на открытую воду в месте отбора керна и, таким образом, на увеличение уровня грунтовых вод в этот период.

В первой половине – середине IV тыс. до н. э. на Вёксе 3 существует крупное поселение. Культурный слой этого периода (слой 7) представлен в раскопах темной гумусированной глиной с большим количеством кальцинированной кости, тлена трубчатых костей крупных животных, а также отщепов, керамики. В слое зафиксированы остатки столбовых конструкций свайно-болотного типа с размытыми очагами, от которых фиксировались небольшие разбросанные камни и единичные вкрапления угля. На всей площади раскопов зафиксировано большое количество ямок от столбов и кольев с наибольшим диаметром до 0,2 м, а также следы тлена горизонтальных конструкций. В раскопе 2001 г. на площади семи квадратов было выбрано четыреста ямок диаметром 0,1–0,15 м. Очевидно, это остатки свай не самих построек, а платформ, на которых они строились. Размеры платформ больше раскопанной площадки.

Материал слоя представлен сосудами полуяйцевидной формы, невысоких пропорций с открытым и прикрытым горлом, с прямым, слегка утолщенным венчиком, округлым или плоским, скошенным внутрь, часто орнаментированным срезом и небольшим карнизиком, с приостренным или округлым дном (рис. 7: 9–17). Есть фрагменты мисок. Орнамент покрывает всю поверхность. Орнаментация имеет горизонтально-зональное членение и представлена разнообразными элементами: отрисками гребенчатого штампа и конических ямок, разнообразных неглубоких ямчатых вдавлений, естественных штампов. В зоне венчика преобладают мотивы, где элементы орнамента состоят из глубоких ямок, наколов, в том числе ямчатых, имитирующих гребенку. Пояса ямок расположены в линию, в шахматном порядке, зигзагом, соединенным отрисками гребенки. Свообразным является отрис сложного штампа, оставляющего вдавленные горизонтальные линии шириной до 0,5 см, получивший название «резинка». Подобный орнамент имитируют ряды широкого короткого (3–4 зубчика) гребенчатого штампа. Вследствие нанесения отриса с нажимом между поясами гребенки, «резинки», образуется валик. Донная часть сосуда орнаментировалась гребенчатым штампом.

Керамику сопровождает большой комплекс каменного инвентаря. Кремьен различного качества с преобладанием местного сухонского серого, нередко с участками желвачной корки. Индустрия комплекса – отщеповая, хотя небольшое число неправильных пластин сохраняется. Для комплекса характерен прием намеренной фрагментации орудий и переоформления обломков. Орудия из кости представлены в обломках.

Ярко выражена в этом комплексе группа орудий для обработки камня. Она представлена крупными ретушерами из кварцита, сланца и обломками шлифовальных плит. Сланцевые орудия найдены в большинстве своем в обломках лезвийной части – в качестве заготовок топоров с овальным сечением, желобчатых тесел, клиньев, гребенчатых орнаментиров. Керамика комплекса аналогична так называемой керамике «северных» типов на стоянках Верхнего Поволжья (*Жилин и др.*, 2002. С. 44), керамике типа сярйсьниemi I восточной и северной Фенноскандии (*Герман*, 1997. С. 63) и ямочно-гребенчатым комплексам на памятниках Европейского Северо-Востока (*Косинская*, 1997. С. 199). Даты комплекса с «северной» керамикой поселения Вёкса 3: 5650 ± 150 BP ($4895-4081$ cal BC) (ГИН-10182), 5700 ± 700 BP ($6099-3011$ cal BC) (JE-5857).

По стратиграфии раскопов отмечается следующее крупное подтопление в рамках середины – второй половины IV тыс. до н. э., о чем свидетельствует намытый слой. После этого в эпоху среднего неолита лес снова меняется. Теперь происходит постепенное уменьшение пропорций березы, тогда как увеличивается орешник (VK316-B3), что указывает на открытый лес на более высоких террасах и меньшее замещение одного биоценоза другим в низинах. Увеличение пыльцы орешника может быть связано с меньшей конкуренцией за свет после сокращения липы – таксона, который легко затенял другие деревья леса. В связи с тем, что липа является самым теплолюбивым деревом, ее упадок может быть связан с возможным понижением температуры в это время. В любом случае, поскольку нет одновременных свидетельств антропогенной деятельности, человека можно скорее исключить как потенциального стимулятора снижения извести.

В течение среднего неолита наблюдается небольшой подъем наземной растительности (BK316-B3). VK33/2 В содержит больше пыльцы болотных растений – таких как бархатцы болотные (*Caltha*), лабазник (*Filipendula*) и осока (*Cyperaceae*), что предполагает – по крайней мере временно – несколько более сухие условия, чем раньше. В то же время незначительно возрастают доли папоротников (*Polypodiaceae*indet) и хвоща (*Equisetum*), что может свидетельствовать о прогрессирующем распространении наземной растительности в сторону водоема. Одновременно чаще отмечается наличие аскоспор наземных грибов, в том числе редуцентов (например, *Sordaria*, HdV-55B, *Dictyosporium*, *Pleospora*), паразиты растений (например, *Diporotheca webbiae*, *Diporotheca rhizophila*, *Urocystis*sp., HDV-200) и другие (например, КИУ-96, КИУ-71, КИУ-128, КИУ-105, КИУ-104). Они, вероятно, распространяются на мертвых и разлагающихся земных растительных материалах в высокопродуктивных мелководных биотопах во время периодической засухи. Одновременно повышены признаки цианобактерий (*Anabaena*, *Gloeotrichia* – type, *Rivularia* – type), которые могут указывать на усиление эвтрофикации воды, что может быть связано с питательными веществами. Эвтрофикация может быть результатом как естественных изменений – понижение уровня грунтовых вод, так и антропогенных воздействий.

BK33/2 С содержит пыльцу светолюбивых древесных таксонов – таких как береза и орешник – в незначительном сокращении наряду с рудеральными травами и папоротником, тогда как значения вяза заметно увеличиваются. Это может указывать на меньшее количество открытых участков в пойменном лесу в это время. Значения частицы микроскопического древесного угля также в некоторой степени падают, что указывает на снижение активности огня.

В это время в бассейне Верхней Сухоны появляются поселения каргопольской неолитической культуры. На 5–3 участках поселения Вёкса 1 выявлен культурный слой светло-серой глины мощностью до 40 см. Материал можно сопоставить с материалами со стоянок западной части Вологодской области – Андозеро 5, Архангельской – Сухое (*Ошибкина*, 1996. С. 226). Для слоя поселения Вёкса 3 характерна круглодонная посуда преимущественно прикрытой формы с разнообразной морфологией венчика (край скошен внутрь или срезан прямо и иногда орнаментирован гребенчатым штампом (рис. 8: 9–18). Сосуды сделаны из грубого теста красного, коричневого цвета с примесью дресвы, песка, в единичных случаях – органики и шамота. Основные элементы орнамента – ямка различного диаметра и гребенчатый штамп. Сплошная орнаментация имеет строгое горизонтально-зональное членение и представлена разнообразными оттисками гребенчатого штампа и конических ямок, насечек, полос пустого поля. Судя по фрагментам донец, поселенческая посуда была полностью орнаментирована. Для хранения пищи сосуды орнаментировались только на верхней трети. Каменный инвентарь представлен отщепами, орудиями из сухонского светло-серого, желтого кремня. Преобладающими орудиями являются уплощенные концевые скребки. Наконечники стрел представлены орудиями листовидной формы. Найден наконечник копья, выполненный в технике тонкого бифаса.

Материал характерен для памятников развитого этапа каргопольской культуры и находит ближайшие аналогии на стоянках западной части Вологодской области, таких как Андозеро II, Против Гостиного берега (*Ошибкина*, 1978. С. 68). Радиоуглеродная дата для слоя каргопольского комплекса поселения Вёкса 3 – 5220 ± 320 BP (4801–3352 cal BC) (ГИН-10180). Слои с каргопольскими комплексами (слой 5) и с пористой керамикой (слой 4) практически не имеют разделяющих прослоек.

В течение следующего этапа происходит снижение пыльцы вяза, что предполагает уменьшение влажных мест вокруг участка исследования. В то же время хвойные деревья (сосна, ель) приобретают все большее значение наряду с дубом, орешником (VKS16-C) и кустарником типа калина (BKC3/2-A-B). Это формирование может быть признаком перехода к суббореальному периоду, для которого характерно резкое похолодание климата и связанная с ним заметная перестройка растительности. В течение этого периода заметно возрастает количество пыльцы ольхи (BKC16-C2), что свидетельствует о зарастании высохшего канала ольхой. Присутствует пыльца хмеля/конопли (*Humulus/Cannabis* – type). Встречаемость этого таксона также подтверждается в горизонтах позднего неолита наряду с кустарником омелы (*Viscum*) (BKC3/2-A-B). Количество пыльцы березы непрерывно снижается. В то же время значения пыльцы орешника несколько увеличиваются вместе с некоторыми показателями растительности открытого грунта, такими как злаки, рудеральные травы – маревыт (*Chenopodiaceae*), полынь (*Artemisia*), астровые (*Liguliflorae*), капустные (*Brassicaceae*) и типа горец почечуйный (*Persicaria maculosa*), а также микроскопическими частицами древесного угля, что указывает на несколько более высокий уровень антропогенной деятельности, чем прежде. Среди равнинной растительности несколько увеличивается доля пыльцы торфяной растительности, такой как

семейства папоротники (*Polypodiaceae indet*), осоковые (*Cyperaceae*) и хвощ (*Equisetum*), а также комплексов тростника типа ежеголовник (*Sparganium*) и пыльцы водных растений, в частности частуха (*Alisma* – type) и стрелолист обыкновенный (*Sagittaria sagittifolia*) – оба растут на мелководных участках водоемов. Это может указывать на чередование фаз между более сухими и более влажными условиями и, следовательно, на колебания уровня грунтовых вод.

Наблюдается изменение таксонов пыльцы трав (VKS16-C1). Вероятно, в позднем неолите в ближней зоне поселений в относительно высоких пропорциях встречается пыльца подорожника ланцетовидного (*Plantago lanceolata* type) – таксон, характерный для открытых пастбищных земель, залежей и вытоптанной растительности (Düll, Kutzelnigg, 2005). В дальнейшем встречается пыльца типа подорожник большой/средний (*Plantago major/media* – type), горец почечуйный (*Persicaria maculosa* – type) и гвоздичные – звездчатка ланцетовидная (*Stellaria holostea*) (ВКС3/2-A-B), они появляются одновременно со свайными конструкциями на памятнике периода энеолита и, таким образом, указывают на деятельность человека в этом районе. На Вёксе представлены различные комплексы пористой керамики в рамках III тыс. до н. э.

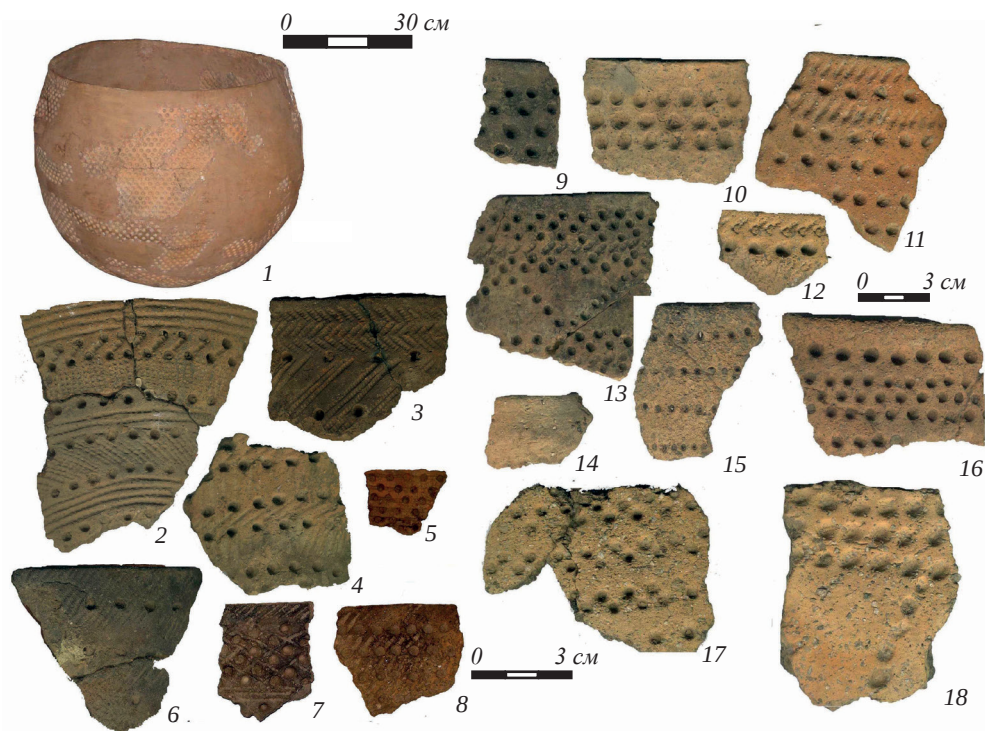

Рис. 8. Поселение Вёкса 1

1–8 – керамика льяловского комплекса;
9–18 – керамика каргопольских комплексов поселений Вёкса 1 и Вёкса 3

Таким образом, Верхняя Сухона была освоена человеком только в начале атлантикума. В это время создаются благоприятные условия для существования населения на ранее подтопленных территориях. По результатам пыльцевого анализа появляются таксоны теплолюбивых вяза, дуба, а несколько позже и липы. Существуют небольшие открытые участки леса, которые могут быть связаны с деятельностью человека. Стоянки этого периода небольшие, временные, носят преимущественно промысловый или обрядовый характер. В настоящее время связь населения раннего неолита и позднего мезолита региона твердо не установлена. К концу мезолита соседние с Верхней Сухонной территории были довольно плотно заселены различными культурными группами, поэтому, рассматривая генезис местного неолитического населения, нельзя не учитывать роли мезолитического субстрата. Закономерно встает вопрос об источниках происхождения ранненеолитического населения на Верхней Сухоне. Механизм формирования предполагает два пути: местное мезолитическое население и привнесение керамической традиции на эту основу или миграция нового населения. В первом случае до формирования слоев с керамикой должны фиксироваться более ранние культурные пласты. Отсутствие мезолитических слоев на памятниках дает основание утверждать, что территория осваивается коллективами с уже сложившимися керамическими традициями. Неолитизация в данном регионе связана с областью распространения керамики верхневолжской культуры. Характерными признаками материальной культуры ранних комплексов являются гребенчато-накольчато-тычковая керамика, неправильно-пластинчатый, отщеповый характер индустрии, доминирование трапеций энтийского типа в орудийном наборе. Почему посуда, сопоставимая с третьим этапом верхневолжской культуры, сопровождается трапециями.

Очевидно, следует говорить о новом типе мезолитических памятников на Европейском Северо-Востоке, близких в культурном отношении памятникам иеневской культуры. Предположительно, это комплексы материалов мезолитических стоянок с геометрическими микролитами, известные в бассейнах Кубены, Нижней Сухоны, Ваги. На сопредельных территориях наиболее перспективными в этом плане могут быть памятники Европейского Северо-Востока в бассейне р. Вычегды типа Ревью, Энхты 1А (*Косинская, 1997. С. 165; Недомолкина, 2004. С. 277*).

Предположительно, формирование комплексов с гребенчатой керамикой второго потока на Вёксе 3 происходило на основе ранненеолитических материалов северо-восточных комплексов под воздействием культурных импульсов со Средней Волги. Сравнительная малочисленность комплексов и слабая морфология слоев свидетельствуют, вероятно, о кратковременном бытовании этого населения на Верхней Сухоне. Параллельно происходит приток нового населения с территории Волго-Окского междуречья. В это же время на Верхней Сухоне появляются поселения льяловской культуры. Уровень воды в водоемах был нестабилен.

Пробы пыльцы указывают на увеличение уровня грунтовых вод в этот период. При этом содержание микроскопических частиц древесного угля остается относительно высоким. Убывает торфяная растительность, увеличивается болотно-тростниковая флора.

В период развитого неолита в бассейне Верхней Сухоны фиксируются поселения с керамикой «северных типов». Данное население полностью освоилось на затапливаемых территориях Верхней Сухоны и продвинулось ближе к Кубенскому озеру, используя для проживания свайные конструкции болотно-озерного типа – возможно, это остатки ловушек для ловли рыбы. Для комплексов характерна керамика гибридного типа, несущая в себе признаки ямочно-гребенчатых и гребенчатых комплексов второго этапа. Очевидно, такие памятники будут фиксироваться на всей территории, куда продвинулось льяловское население.

После крупного подтопления во второй половине IV тыс. до н. э., лес снова меняется. Увеличивается пыльца орешника (VKS16-B3), что указывает на открытый лес на более высоких террасах и меньшее замещение одного биоценоза другим в низинах. В связи с тем, что липа является самым теплолюбивым деревом, ее упадок может быть связан с возможным понижением температуры в это время.

В течение среднего неолита наблюдается небольшой подъем наземной растительности. Образцы содержат больше пыльцы болотных растений, что предполагает – по крайней мере, временно – несколько более сухие условия, чем раньше. Эвтрофикация может быть результатом как естественных изменений (понижение уровня грунтовых вод), так и антропогенных воздействий.

В IV тыс. до н. э. на территории Верхней Сухоны повсеместно распространены стоянки каргопольской культуры. Они маркируют ее восточную границу (Ошибкина, 1978. С. 67). Каргопольские памятники представлены как небольшими стоянками – очевидно, промыслового сезонного характера, – так и крупными стационарными поселениями.

В позднем неолите наряду с каргопольскими памятниками появляются памятники несколько иной культурной традиции, для которых характерна толстостенная тяжелая посуда с так называемым типичным гребенчато-ямочным орнаментом. Такая керамика известна на ряде памятников на Верхней Сухоне. Есть она и на поселении Вёкса 3. Фрагменты сосудов найдены в подъемном материале. Но культурный слой с такой керамикой на памятнике пока не выявлен.

В последующую эпоху бассейн Верхней Сухоны оказывается также в центре влияния различных культурных групп с энеолитической пористой керамикой, в формировании которых приняло участие позднее каргопольское население.

Многообразие культурных комплексов свидетельствует о сложном историческом процессе, происходившем в неолите на территории Верхней Сухоны. Замена растительности на Верхней Сухоне связана с периодами затопления поверхности иногда на продолжительный период. После этого появляется новый вид растительности и происходит смена населения.

В заключении хочется выразить слова благодарности сотрудникам Института предистории и протоистории, Университета Христиана Альбрехта в Киле (Германия) археологу Prof. Dr. Henny Piezonka, благодаря которой состоялись совместные российско-немецкие исследования поселения Вёкса 3. Prof. Dr. Wiebke Kirleis, Dr. rer. nat. Magda Wieckowska-Lüth, Dr. Sebastian Lorenz, принявших участие в археологических полевых работах на Вёксе и получивших такие важные лабораторные результаты естественно-научных исследований.

Список литературы

- Герман К. Э. Неолитическая керамика в Северной Карелии (Сярайниemi-1) // Археология Севера. Вып. 1. Петрозаводск, 1997. С. 63–74.
- Герман К. Э. Ранняя гребенчатая керамика в бассейне Онежского озера // ТАС. Вып. 3. Тверь. 1998. С. 266–272.
- Гурина Н. Н., Крайнов Д. А. Льяловская культура // Археология. Неолит Северной Евразии. М: Наука, 1996. С. 173–182.
- Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М: Наука, 2002. 245 с.
- Иванищев А. М., Иванищева М. В. Хронология памятников раннего неолита Южного Прионежья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб: ИИМК РАН, 2004. 320 с.
- Квасов Д. Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975. 280 с.
- Косинская Л. Л. Неолит // Археология республики Коми. М., 1997. С. 146–212.
- Логинова Э. С. Поселение Энты 1 // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. МАЕСВ. Вып. 7. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР. 1978. С. 3–23.
- Лоренц С, Недомолкина Н. Г., Пицонка Х. Результаты геоархеологических, остеологических изысканий на пос. Векса 3 в 2011 году. Сваи и кости из глинистых речных отложений - геоархеологические исследования генезиса эталонного многослойного поселения Векса 3 в бассейне Сухоны (Север Россия) // Геоморфологические процессы и геоархеология: от ландшафтной археологии к археотуризму. Материалы Международной конференции. Москва-Смоленск, Россия, 20–24 августа. «Универсум». 2012. С. 164–168.
- Недомолкина Н. Г. Многослойное поселение Вёкса // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: ТОГМ. 2000. С. 277–283.
- Недомолкина Н. Г. Неолитические комплексы поселений Вёкса и Вёкса III бассейна Верхней Сухоны и их хронология // Проблемы хронологии и этно-культурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе) / Отв. ред. В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева. СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 265–279.
- Недомолкина Н. Г. Ранненеолитическая керамика поселения Вёкса – 3 в бассейне Верхней Сухоны // Археологические записки. [Сб. ст.] / Донское археологическое общество [Гл. ред. В. Я. Кияшко]. Вып. 10. Ростов-на-Дону: ООО «Альтаир», 2019. С. 148–154.
- Недомолкина Н. Г. Неолит Верхней Сухоны // Автореферат дис.....канд. ист. наук: 07.00.06 СПб: ООО ИПЦ «Легия», 2007. 23 с.
- Недомолкина Н. Г., Пиезонка Х., Кирлейс В., Вецковская-Лют М. Развитие растительного покрова территории Верхней Сухоны (по материалам палинологических исследований поселения Вёкса-3) // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22. № 1. С. 93–103.
- Недомолкина Н., Пицонка Х. Регион Верхней Сухоны в раннем и среднем неолите по результатам радиоуглеродной хронологии (по материалам поселений Вёкса I, Вёкса III) // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.: кол. моногр. / сост. Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 425–443.

- Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978. 227 с.
- Ошибкина С. В. Неолит Беломорья и Крайнего Северо-Востока // Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996. 377 с.
- Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии: Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. М.: Наука, 1977. 199 с.
- Энговатова А. В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 238–246.
- Düll R., Kutzelnigg H. Taschenlexikon der Pflanzen Deutschlands: Ein Botanisch-ökologischer Exkursionsführer. Quelle & Meyer, Wiebelsheim, 2005. 578 S.
- Kirleis W., Wieckowska-Lüth M., Piezonka H., Nedomolkina N., Lorenz S., Elberfeld V., Schneeweß J. The development of plant use and cultivation in the Sukhona Basin, north-west Russia // Archaeobotanical studies of past plant cultivation in northern Europe / S. Vanhanen and P. Lageraas (eds.). Groningen: Barkhuis Publishing. 2020. P. 101–117.
- Kuosmanen N., Sepp H., Reitalu T., Alenius T., Bradshaw R. H. W., Clear J. L., Filimonova L., Kuznetsov O., Zaretskaya N. Long-term forest composition and its drivers in taiga forest in NW Russia // Vegetation History and Archaeobotany. № 25(3). 2016. P. 221–236. <http://dx.doi.org/10.1007/s00334-015-0542-y>
- Piezonka H., Nedomolkina N., Elberfeld W., Karl-Uwe Heußner K.-U., Kirleis W., Lorenz S., Wieskowska-Luth M. Pile dwellers in the Sukhona basin? Wooden structures of the 4th and 3rd millennium cal BC at Veksa, Northern Russia // Settling Waterscapes in Europe: The archaeology of Neolithic and Bronze Age pile-dwellings. Ed. by A. Hafner, E. Dolbunova, A. Mazurkevich, E. Prankenaitė, M. Hinz. Open Series in Prehistoric Archaeology 1. Bern and Heidelberg: Propylaeum, 2020. P. 59–93.
- Svendsen J. I., Alexanderson H., Astakhov V. I., Demidov I., Dowdeswell J. A. et al. Late Quaternary ice sheet history of northern Eurasia // Quaternary Science Reviews 23. 2004. P. 1229–1271.

Сведения об авторе

Недомолкина Надежда Геннадьевна, БУК ВО Вологодский государственный музей-заповедник, Вологда
E-mail: nedomolkiny_ljv@mail.ru

N. G. Nedomolkina

NEOLITHIC COMPLEXES OF THE VEKSA 3 SETTLEMENT AND VEGETATION DEVELOPMENT ON THE UPPER SUKHONA IN THE NEOLITHIC

Abstract. The complex of multi-layered Veksa settlements located in the Upper Sukhona river basin is a key point for the reconstruction of prehistoric and cultural historical events in the north-east of the European forest area. The settlements of Veksa 1 and 3 provide rich and different spatial, stratigraphic and material data on the Early Neolithic – the Middle Ages. The paper describes the Neolithic settlements Veksa 3 and the changes of flora based on archaeological and palynological studies.

Keywords: Upper Sukhona, Veksa, Neolithic, palynology, chronology, flora.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗНЫХ ТИПОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ)

Резюме. К настоящему времени на территории Среднего Зауралья известно около 200 мезолитических памятников. Разнообразие типов памятников позволяет выявить различные детали хозяйственной, производственной и культовой практики местного населения в эпоху мезолита. В работе детально охарактеризованы основные типы памятников: долговременные и сезонные поселения, кратковременные стоянки, стоянки-мастерские, мастерские, ловчие ямы, святилища, погребения, клады. Такой подход дает возможность реконструировать различные аспекты жизнедеятельности мезолитического населения.

Ключевые слова: Среднее Зауралье, мезолит, долговременные поселения, сезонные поселения, стоянки, ловчие ямы, мастерские, погребения, святилища, клады.

К настоящему времени на территории Среднего Зауралья известно около 200 мезолитических памятников. Они обнаружены на всех основных реках Среднего Зауралья – Сосьве, Тавде, Туре, Салде, Чусовой, Тагиле, Нейве, Исети. На некоторых проточных озерах, как существующих, так и заболоченных – Исетском, Юрьинском, Черном, Шигирском, Аятском, Шайтанском, Таватуй, Балтым, Полуденском и Горбуновском – выявлены целые серии мезолитических памятников. Большая часть памятников с большими или значительными комплексами находок уже опубликована (*Жилин и др.*, 2012; 2020; *Сериков*, 2000; 2009а; 2011а; 2011б; 2012; 2014; 2021; 2023).

В работе будут детально охарактеризованы основные типы памятников: долговременные и сезонные поселения, кратковременные стоянки, стоянки-мастерские, мастерские, ловчие ямы, святилища, погребения, клады. Причем каждый тип будет представлен наиболее характерными памятниками. Такой подход дает возможность реконструировать различные аспекты жизнедеятельности мезолитического населения.

В эпоху мезолита вся территория Среднего Зауралья была полностью освоена местным населением. За три тысячи лет (9–7 тыс. л. н.) мезолитическое население досконально изучило свою территорию. Были выявлены и заселены все удобные для ведения хозяйственных работ места. Это позволило выработать особую стратегию жизнеобеспечения. Тот факт, что большая часть мезолитических памятников сосредоточена вокруг проточных озер, свидетельствует о том, что данные озера на протяжении долгого времени являлись устойчивым источником пищи. Именно этим можно объяснить расположение долговременных поселений – все они обнаружены только на проточных озерах. Причем всегда они занимали устьевой мыс в месте впадения в озеро или вытекания из него небольшой реки.

Долговременные поселения. Долговременные поселения с жилищными комплексами выявлены на Горбуновском и Полуденском торфяниках.

Наиболее характерным и полно изученным долговременным поселением является древнейший памятник Горбуновского торфяника – Серый Камень. Памятник находится на восточном берегу Горбуновского торфяника в 1,7 км к западу от пос. Чашино Пригородного района Свердловской области. Поселение расположено на останце террасы высотой до 8 м, сильно выступающем в болото. Этот останец имеет вид острова, но на самом деле суходолом соединяется с основным массивом коренного берега. Между останцом и островом Филин существует мелководный залив, в который в древности впадала небольшая речка (Сериков, 2000. С. 76–78). Площадь поселения – около 900 кв. м. Раскопками вскрыто 112 кв. м. Полученная коллекция состоит из 9567 экз. Средняя насыщенность слоя находками составила 85 экз. на кв. м, но на некоторых участках она доходила до 300 экз. на кв. м.

Раскопки выявили остатки двух полуземляночных жилищ. Оба жилища располагались близко к центральной части площадки останца террасы. Оба углублены в материк на 40–60 см. Наиболее полно изучено жилище № 1. Второе жилище находилось в углу раскопа, поэтому изучено частично. Первое жилище выглядело на материке пятном в виде незамкнутого овала размерами 4,5×2,9 м. Жилищный котлован площадью 13 кв. м был заполнен суглинком культурного слоя с пятнами прокала и углей. Вход находился, скорее всего, с западной стороны жилища, где прослежен небольшой «язык» суглинка, отходящий от котлована и перекрытый крупными камнями. В процессе изучения жилища стало ясно, что крупное скопление камней размерами 3,0×2,6 м к юго-западу от жилища связано с выкапыванием жилищного котлована. Такая же картина прослежена и со вторым жилищем: восточнее жилищного котлована находилось крупное, диаметром до 3,5 м, скопление камней.

Следует отметить, что небольшие мезолитические жилища площадью 9,5–15,5 кв. м известны и на территории Пермского Приуралья (Мельничук и др., 2018. С. 125–138).

Еще одно мезолитическое поселение, Малая Горка II, расположено на западном берегу Полуденского торфяника (12 км от г. Нижний Тагил) (Сериков, 2000. С. 79–80). Оно занимает ровную площадку коренного берега высотой до 3 м. Площадь памятника составляет около 1200 кв. м. В центре поселения находится жилищная впадина диаметром около 7 м и глубиной до 0,4 м. Реконструктивным раскопом площадью 20 кв. м выявлено две ямы, скопление камней и остатки очага. Раскопками получена коллекция находок в количестве 1614 экз. (по отчету В. А. Арефьева). Средняя насыщенность слоя находками составила 80 экз. на 1 кв. м (Сериков, 2000).

Как и Серый Камень, поселение находилось на берегу залива, через который протекала безымянная речка, впадающая в р. Полуденку. Наличие на памятнике жилищной впадины, а также большая насыщенность слоя находками позволяют видеть в нем базовое мезолитическое поселение на берегу Полуденского палеоозера.

Сведения о других мезолитических долговременных поселениях основаны на реконструктивных построениях.

В 21 км к югу от Нижнего Тагила находится Черноисточинский пруд (бывшее оз. Черное). С севера в пруд вдается обширный полуостров Крутяки. В древности полуостров занимал берег озера в том месте, где из него вытекала

р. Каменка (Сериков, 2000. С. 78–79). Поселение находится в юго-восточной части полуострова Крутяки. Оно занимает 300-метровую бухту с низкими и пологими берегами. Постройка плотины в 1726 г. подняла воду в образовавшемся пруду, что и привело к размытию памятника. Остатки культурного слоя удалось обнаружить только на возвышенных мысах, ограничивающих северный и южный концы бухты. На северном мысу вскрыто 44 кв. м, на южном – 30 кв. м. Раскопки зафиксировали на мысах периферию памятника: с северного мыса получено 220 находок, с южного – 378. Но сборы с размытой части памятника позволили получить еще 12102 экз. Такое количество находок не может характеризовать памятник как кратковременную стоянку. Судя по месту расположения и по количеству находок, Крутяки I являлось долговременным мезолитическим поселением оз. Черное.

Таким же способом реконструировано долговременное поселение и на берегу Юрьинского озера. Озеро проточное, с юга в озеро впадает речка Дурная, с севера – вытекает речка Юрья. Поселение занимает правый устьевой мыс при впадении реки в озеро. На восточной окраине Юрьинского поселения располагается культовый Кокшаровский холм. На холме и поселении присутствуют в основном материалы эпохи неолита (не менее 80%). В то же время автором выделен комплекс микролитических изделий в количестве 2189 экз., что составило 12,3% от всей коллекции изученного каменного инвентаря.

Для выделения микролитических изделий производилось сравнение с достоверными мезолитическими комплексами однослойных памятников. Сравнение происходило по типам микролитических изделий, по метрическим показателям и по минеральному сырью.

В результате исследования был выделен комплекс микролитических изделий в количестве 2169 экз. Он содержит 223 нуклеуса и 1762 микропластинки и изделий из них (Сериков, 2023). По всем показателям (высота нуклеусов, ширина пластин, наличие резцов, резчиков, геометрических микролитов) он полностью соответствует материалам мезолитических памятников (Он же. 2000. С. 98–115, 130–133). Особо следует отметить, что поперечно-ретушные резцы и низкие асимметричные трапеции, имеющиеся в комплексе Юрьинского поселения, характерны только для мезолита, входят в число особенных черт мезолитической эпохи Среднего Зауралья. Показательным является и совпадение количества нуклеусов. На Юрьинском поселении и Кокшаровском холме найдено 223 микролитических нуклеуса, на Сером Камне – 182 нуклеуса, а на Крутяках I – 120. Такого количества нуклеусов больше нет ни на одном известном мезолитическом памятнике Среднего Зауралья.

Все представленные факты говорят в пользу существования на месте на южном берегу Юрьинского озера долговременного мезолитического поселения. Топография памятника также соответствует топографии долговременных поселений (Сериков, 2023).

Возможно, что на Полуденском торфянике в разное время существовало два долговременных мезолитических поселения. В месте вытекания из палеоозера р. Полуденки находится стоянка Полуденка II, расположенная на противоположном от стоянки Полуденка I берегу. Ее раскопки проходили в 1947–1948 гг. В коллекции находок преобладают фрагменты керамики. Но среди каменных

изделий присутствуют 117 микронуклеусов. Их количество совпадает с числом нуклеусов, характерным для долговременных поселений.

Хорошо зная окружающий мир, мезолитическое население освоило выгодную для проживания экологическую нишу – проточные озера. На проточных озерах отсутствовал зимний замор рыбы, поэтому рыболовство на них могло вестись круглый год. На небольших реках, вытекающих или впадающих в озеро, удобно было ловить рыбу при помощи заколов и разнообразных ловушек. Весной и осенью водная гладь озер привлекала многочисленных перелетных птиц. Таким образом, рыболовство, охота на водоплавающую птицу и приходящих на водопой животных делали проточные озера постоянным источником пищи на протяжении всего года (Сериков, 1993. С. 21–23).

Сезонные поселения. Сезонные поселения всегда связаны с одним из видов хозяйственной деятельности. Для них характерно наземное жилище, каменный очаг в нем и небольшая насыщенность культурного слоя находками.

Наиболее исследованным сезонным поселением является Выйка II, расположенное на р. Салде при впадении в нее р. Выи. Топография поселения нетипична для всех археологических памятников Среднего Зауралья. На устьевом мысу первой надпойменной террасы находится многослойный памятник Выйка I. Дальше от берега устьевой мыс сначала полого, а затем все круче поднимается вверх. И в 210 м от береговой кромки, на уровне второй надпойменной террасы, на высоте от 14 до 16 м, расположено поселение Выйка II. Площадь поселения оценивается в 700 кв. м. Раскопом вскрыта площадь 540 кв. м. Из-за необычной топографии памятник оказался однослойным. Коллекция находок составила 3792 экз. Средняя насыщенность слоя находками составила 7 экз. на кв. м.

На поселении существовало три жилища наземного типа диаметром 5–7 м. В двух жилищах находились очаги с каменной обкладкой диаметром около метра. В третьем жилище очаг располагался на выходе каменистой гряды. Перед каждым жилищем находился большой наружный очаг диаметром 1,5–2,0 м. Использование метода «связей» (аппликаций) показало, что все жилища функционировали одновременно (Сериков, 1983).

В периферийной части поселения были выявлены четыре ямы диаметром 2,0–2,2 м и глубиной 1,05–1,15 м. Там же был обнаружен валун с ровной и гладкой поверхностью размером 2,0×1,3 м. Учитывая, что непосредственно вокруг камня найдено шесть скребков, можно предположить, что на нем происходила обработка шкур.

Проведенная реконструкция позволяет представить хозяйственную направленность данного поселения. Необычная топография памятника могла быть связана с катастрофическим наводнением, при котором вода поднялась на 12–14 м. Тот факт, что группа мезолитических охотников все же остановилась на своем привычном месте, но из-за подъема воды вынуждена была подняться выше по склону, свидетельствует о важности занятия, для реализации которого она сюда и пришла. Таким занятием мог быть важный цикл в жизни мезолитических охотников, а именно – весенняя поволока (поколка).

Найденные ямы для хранения заготовленного мяса, каменный «стол» для первичной обработки снятых шкур животных подтверждают это предположение. Мезолитическое население хорошо знало миграционные тропы

копытных животных и на удобных для охоты реках устраивало засады. Обычно это происходило весной, когда при удачной охоте можно было запастись большим количеством мяса. Результаты такой охоты помогали продержаться в самое голодное время в году – следующую раннюю весну – до прилета водоплавающих птиц.

Еще один памятник с такой же необычной топографией – Уральские Зори III – обнаружен на р. Туре. Поселение находится на слабовыраженной площадке на склоне горы на высоте 12–13 м над уровнем воды. Над поселением Уральские Зори I, занимающем мыс первой береговой террасы, оно возвышается на 6 м. Удаление от реки через поселение Уральские Зори I составляет около 120 м. Площадь памятника не превышает 400 кв. м. Раскопом площадью 99 кв. м исследована центральная – наиболее насыщенная находками – часть памятника. Коллекция находок составила 2819 экз. (Сериков, 2000. С. 152–162).

Раскопки на памятнике выявили наземное жилище. В центре жилища среди крупных камней зафиксирован очаг диаметром около метра. С подветренной стороны у жилища находился большой наружный очаг размером 1,65×0,9 м. Подобное сочетание – наземное жилище и наружный очаг – характерно и для сезонного поселения Выйка II. Насыщенность находками за пределами жилища составила около 9 экз. на 1 кв. м. Как и поселение Выйка I, поселение Уральские Зори III явилось одноактным. Больше на этом месте никто и никогда не селился.

Здесь следует отметить, что постоянным местом остановок для проведения поколюги являлся мыс первой надпойменной террасы, на котором располагалось поселение Уральские Зори I. Площадь памятника составляет около 1000 кв. м. Раскопками исследована его центральная часть общей площадью 368 кв. м. Коллекция находок состоит из 3676 каменных изделий. Средняя насыщенность находками составила около 10 экз. на 1 кв. м.

На памятнике обнаружено три очага с обкладкой камнями по периметру. Размеры очагов – 1×0,7 м. Данные очаги находились внутри скопления находок, которое протянулось на 14 м с севера на юг и имело ширину 4 м. За пределами этого скопления ниже и выше по склону находок было немного. Подобная ситуация, по-видимому, отражает несколько этапов заселения данного участка берега. Минимум три сезонных наземных жилища с небольшим отклонением наложилось друг на друга. На разных участках берега выявлено два десятка ям разного диаметра и разной глубины (обычно 1,2–1,6 м в диаметре и на 0,3–0,5 м углубленных в материк). В некоторых ямах были сделаны находки каменных изделий. Во многом эти ямы были похожи на выявленные на Выйке II ямы для хранения пищевых запасов.

Присутствие в комплексе поселения 14 поперечнолезвийных наконечников стрел позволяет предположить, что они использовались для охоты на копытных животных (Нужный, 1984. С. 27). Учитывая весенний характер памятника, а также заметное для сезонного поселения количество наконечников стрел, можно допустить, что здесь имела место весенняя поколюга – охота на копытных животных (лосей или северных оленей) при их переправе через реку во время сезонных миграций.

На противоположном берегу реки зафиксировано еще одно сезонное поселение, но уже другого типа. Оно занимает слабовыраженный поворотный мыс

р. Туры высотой всего 2 м. Раскопом площадью 102 кв. м вскрыта центральная часть памятника. На поселении изучено два наземных жилища диаметром 5 и 6 м. Первое жилище по периметру было окружено крупными (до 80 см длиной) и средними (15–20 см длиной) камнями. В центре жилища находился очаг диаметром около 1 м. По периметру второго жилища зафиксировано 10 столбовых ямок, а в центре – очаг в виде пятна прокала и углей. Коллекция находок состоит из 3472 каменных изделий.

Анализ материалов памятника показал, что он являлся сезонным поселением другого типа. Низкое расположение поселения, а также полное отсутствие цветного сырья (яшмы и халцедона) позволяет определить сезон функционирования памятника – осень. В пользу этого предположения свидетельствует еще один интересный факт. В первом жилище в четырех местах зафиксированы скопления мелких (3–6 мм) галечек. Диаметр скоплений – 9–13 см. Подобные скопления галечек на торфяниковой Кокшаровско-Юрьинской стоянке залегали среди костей птиц, что позволяет считать их «гастролитами». Известно, что осенью при переходе на грубую пищу (например, хвоей) многие птицы (глухари, тетерева, рябчики, утки) заглатывают мелкие камешки для облегчения ее перетирания. Во втором жилище скоплений галечек не обнаружено, но промывки показали, что культурный слой данного жилища также был сильно насыщен такой же мелкой галькой. Если учесть наличие в комплексе около 70 миниатюрных наконечников стрел, можно вполне обоснованно предполагать, что хозяйственной деятельностью жителей поселка была специализированная осенняя охота на боровую и водоплавающую птицу (Сериков, 2000. С. 162–169).

Еще один интересный памятник находится на мысу, расположенном в крутой излучине Туры. Этот мыс занимало поселение Уральские Зори V. Раскопом площадью 120 кв. м исследована центральная часть памятника, наиболее насыщенная находками. Коллекция находок составила 10384 каменных изделия.

Находки на памятнике образовывали овальное скопление длиной 9 м и шириной до 5 м. Его можно считать остатками наземного жилища. Однако размеры его слишком велики для типичного наземного мезолитического жилища. К тому же в пределах скопления находок зафиксировано два пятна прокала, которые могли быть жилищными очагами. Детальное изучение всех находок позволило прояснить ситуацию. В пределах реконструированного жилища найдены три скопления мелких галечек – гастролитов, что свидетельствует об осенней охоте на боровую и водоплавающую птицу. Однако наличие в комплексе находок поперечно-лезвийных наконечников стрел в виде трапеций высокой формы с боковыми выемками, т. е. для охоты на копытных животных, указывает на весенний характер памятника. Поэтому можно предположить, что поселение функционировало как минимум дважды – весной и осенью. Возможно, в данном случае два наземных жилища (одно – весеннее, второе – осеннее) наложились друг на друга (Сериков, 2000. С. 169–179).

Еще одно сезонное поселение – Баранча II – находится на одном из мысов правого берега р. Баранчи в 5,5 км от г. Нижний Тагил. Оно занимает выступающий в пойму мыс высотой до 6 м, образованный поворотом реки. Общая площадь поселения – около 500 кв. м. Раскопом вскрыта площадь в 175 кв. м. Раскопки выявили наземное мезолитическое жилище с каменным очагом внутри и остатки энеолитической мастерской по изготовлению ножей

и наконечников стрел из плиток серого кварцита и халцедона. Коллекция находок мезолитического времени составила 897 экз. Средняя насыщенность находками составила 5 экз. на 1 кв. м (Сериков, 2000. С. 85–86).

Таким образом, все сезонные поселения связаны с реализацией одного из хозяйственных циклов мезолитического населения (Сериков, 2003а. С. 72–74). Весной это была охота на копытных животных при их переправах через реки во время сезонных миграциях – поколюга. Осенний цикл заключался в охоте на боровую и водоплавающую птицу. Именно эти циклы являлись постоянными и устойчивыми источниками пищи.

Кратковременные стоянки. Большая часть выявленных мезолитических памятников на территории Среднего Зауралья представлена кратковременными стоянками. Кратковременные стоянки сразу же следует разделить на два типа. Поскольку древнее население в качестве дорог использовало реки, все береговые речные стоянки можно условно отнести к «путевым», т. е. кратковременным остановкам на пути следования. Стоянки на берегах озер всегда связаны с разными видами хозяйственной деятельности. Их количество всегда исчисляется десятками. На Полуденском торфянике известно 12 кратковременных стоянок (Сериков, 2011а), на Горбуновском – 17 (Жилин и др., 2020), на Юрьинском озере – около 50 (Жилин и др., 2012).

Береговые стоянки различаются своей площадью и насыщенностью находками. Данный факт позволяет предполагать более сложную картину хозяйственной жизни населения, чем простое расселение в теплое время года. Возможно, это свидетельства каких-то хозяйственных циклов в жизни обитателей озера.

Большей информативностью отличаются заторфованные прибрежные участки озер. При падении воды в озерах население продолжало свою деятельность на освободившихся от воды отмелях. В результате до нашего времени дошли не только каменные, но и костяные изделия, а также кости животных. Культурные слои прибрежных торфяниковых стоянок позволяют охарактеризовать объекты и орудия промысла, роль различных животных и растений, сезонность охоты и использования исследованных стоянок. На Кокшаровском торфянике обширные материалы получены при исследовании двух стоянок – Кокшаровско-Юрьинской I и II (Жилин и др., 2012). А на Горбуновском торфянике основным объектом исследования стала стоянка Береговая II (Жилин и др., 2020).

В мезолитических слоях найдено много костей животных: лося, северного оленя, бурого медведя, волка, бобра, черного хоря, барсука, куницы, птиц и рыб. Преобладают кости лося и бобра. Среди птиц больше всего костей водоплавающих. Для охоты широко использовались домашние собаки. Крупную рыбу били острогами, а мелкую ловили сетями, корзинами и удочками. Именно по находкам костей животных установлено, что на прибрежных отмелях население занималось сезонными промыслами в течение всего года. Тем не менее, некоторые факты показывают, что на разных стоянках направление хозяйства могло различаться.

Ловчие ямы. Характеристику хозяйства мезолитического населения Среднего Зауралья дополнило изучение необычных для данной территории промысловых объектов – ловчих ям. Обнаружены они на памятнике Запрудное

на берегу Верхне-Туринского пруда высотой всего 1,5–2 м (окрестности г. Кушва). На нем были зафиксированы три впадины диаметром 2,0, 2,5 и 4,5 м. Самая крупная впадина глубиной 0,4 м была изучена раскопом площадью 33 кв. м.

Стенки сооружения оказались сильно скошены внутрь, округлые очертания превратились в овальные. При дальнейшем углублении размеры сооружения продолжали уменьшаться. Дно сооружения на глубине 1,25 м ниже центра впадины приобрело прямоугольную форму со скругленными узлами размером 1,43×0,64 м. Следует добавить, что сооружение было выбито в выветренном камне-рухляке желтовато-коричневого цвета.

В верхних слоях впадины были найдены два двусторонне обработанных наконечника стрел неолитического облика, в нижних – семь микропластинок, поперечный скол с нуклеуса и 15 отщепов.

Определить назначение сооружения оказалось довольно затруднительно. Можно уверенно утверждать, что оно не является жилищем. Однако поиск и изучение аналогий позволили достаточно достоверно установить его функциональное назначение. План и профиль сооружения оказался полностью идентичным планам и профилям ловчих ям, исследованных свердловскими археологами на северо-западе Сибири (*Кокшаров*, 1993. С. 162–169. Рис. 3). Анализ особенностей сооружения на Запрудном позволяет предполагать, что оно использовалось в качестве ловчей ямы. Большой диаметр котлована увеличивал возможность проваливания в него животного. Скошенные края котлована способствовали соскальзыванию животного в его центральную углубленную часть. В глубокой и узкой яме в центре котлована животное заклинивало, так как высокие (1,25 м) стенки центральной ямы не позволяли копытному животному поднять передние ноги. А без точки опоры под передними ногами животное не могло выбраться самостоятельно. Попавшие в яму животные, видимо, добивались выстрелами из лука, о чем могут свидетельствовать найденные в яме наконечники стрел.

Для того чтобы прояснить ситуацию с характером и датировкой сооружения, в 5 м от впадины был заложен еще один раскоп площадью 30 кв. м. В процессе раскопок выявлено скопление находок диаметром около 4 м, по периметру которого находились пятна прокала незначительной мощности. Скопление содержало 4247 каменных изделий. Помимо типичных для мезолитических комплексов нуклеусов, микропластинок, резцов, скребков, коллекция содержала 3968 отщепов, что составило 94,5% от всех находок. Анализ отщепов показал интересную их особенность: длина отщепов по оси скалывания в 2,5–3 раза была меньше их ширины. Подобные отщепы происходят при поперечной оббивке крупных заготовок – обычно рубящих орудий (топоров и тесел). Отсюда можно предположить, что скопление находок является остатками мастерской по изготовлению рубящих орудий.

Суммируя полученные факты, можно предложить следующую реконструкцию. Три впадины, расположенные параллельно кромке берега реки на расстоянии примерно 20 м друг от друга, являются остатками ловчих ям. Появление ловчих ям в этом месте далеко не случайно. Линия ловчих ям с двух сторон ограничена природными препятствиями. С одной стороны находится заболоченный лог, а с другой путь преграждает отвесная скала. Данная топография

сыграла решающую роль при выборе мезолитическими охотниками места для устройства ловчих ям. Промежутки между ямами были перекрыты деревянным частоколом. Тогда присутствие здесь же мастерской по изготовлению рубящих орудий получает логическое объяснение: для устройства деревянного частокола требовалось значительное количество топоров и тесел, которые изготавливались на возвышенной площадке берега немного в стороне от ловчих сооружений. Находка в ловчей яме неолитических наконечников стрел свидетельствует об использовании ловушек и в более поздние эпохи (Сериков, 2004).

Таким образом, раскопки на Запрудном выявили новый для восточного склона Урала тип археологического памятника – комплекс ловчих ям и камнеобрабатывающей мастерской.

Мастерские и стоянки-мастерские. Кроме описанной стоянки-мастерской на р. Туре выявлена еще одна специализированная стоянка-мастерская на р. Нейве (окрестности села Мурзинка). Памятник находится на устьевом мысу р. Амбарки высотой до 8 м при впадении ее в р. Нейву.

Раскопом площадью 56 кв. м выявлены остатки наземного жилища с каменным очагом внутри. Диаметр жилища – около 5 м, по его периметру обнаружены столбовые ямки. В 4 м к северу от жилища находился наружный очаг. Выявленные «связи» подтверждают взаимосвязанность и одновременность наземного жилища и наружного очага.

В результате исследований получена коллекция находок, состоящая из 1444 каменных изделий. Основная часть находок залегала в наземном жилище. Более половины (51%) изделий (в основном отщепы) изготовлено из вулканомиктового песчаника. У заметной части отщепов их длина по оси скалывания в 2–2,5 раза меньше ширины. Подобные пропорции отщепов получаются при боковой оббивке удлиненных орудий, в данном случае – топоров. Количественное соотношение находок (пластинчатого комплекса и изделий из вулканомиктового песчаника) позволяет интерпретировать памятник как стоянку-мастерскую, а выявленное жилище – как домашнюю мастерскую. Мастерская являлась специализированной, в ней изготавливались рубящие орудия (топоры и тесла) из вулканомиктового песчаника. Значительное количество чешуек и мелких отщепов показывает, что в мастерской происходила окончательная отделка рубящих орудий, которые впоследствии могли и шлифоваться (Сериков, 2009б).

Крупная камнеобрабатывающая мастерская находится на склоне горы Голый Камень в черте Нижнего Тагила. Исследовалась она экспедицией Государственного исторического музея под руководством В. М. Раушенбах. Общая площадь памятника оценивается не менее чем в 7 тыс. кв. м. Раскопками вскрыто 56 кв. м. Получена коллекция находок, состоящая более чем из 6 тыс. каменных изделий. Мощность культурного слоя доходила до 0,8 м (Раушенбах, 1961). Все изделия выполнены из вулканомиктовых алевролитов.

Изучение материалов Голокаменской мастерской под бинокулярным микроскопом показало, что из орудий в комплексе присутствуют только отбойники и ретушеры. Изучение техники раскалывания и многочисленные эксперименты с голокаменским сырьем позволили понять, что выделенные В. М. Раушенбах скребла, скребки, блок-скребки и заготовки рубящих орудий на самом деле являются нуклеидными кусками или заготовками нуклеусов, на которых проверялись

свойства обрабатываемого материала. Затем эти заготовки нуклеусов уносились на поселения, где и происходила их дальнейшая обработка. Такие поселения сейчас известны. Изделия из голокаменного сырья в значительных количествах присутствуют на долговременных поселениях Полуденка II, Крутяки I, Серый Камень. На поселении Полуденка II 20% нуклеусов изготовлено из голокаменного сырья, на поселении Крутяки I из голокаменных алевротуфов изготовлено 24,16% нуклеусов и 17,3% пластинок. На базовом поселении Горбуновского торфяника – Сером Камне – наиболее полно изученном раскопками, пятая часть всех изделий (22,4%) изготовлена из голокаменного материала. Сюда входят 44 нуклеуса (24,2% от общего числа нуклеусов), 12 скребков (11,7%), 913 ножевидных пластинок (18,7%), 967 отщепов (27,9%). Петрографический анализ каменных изделий из голокаменного сырья с мастерской и со стоянок Полуденка I и II, Серый Камень, Крутяки I, Ашка II и Таватуй VI показал их полную идентичность: все они изготовлены из вулканомиктовых алевролитов (Сериков, 1988).

Таким образом, памятник на склоне горы Голый Камень определяется как мастерская для первичного раскалывания камня. Голокаменное сырье зафиксировано и на многих кратковременных стоянках Тагильского Зауралья, расположенных в радиусе 25–30 км от мастерской.

Анализ комплекса каменных артефактов с мастерской и других памятников Тагильского Зауралья показал, что изделия из голокаменного сырья в коллекциях неолита – раннего железного века полностью отсутствуют. Ни одно характерное для этих эпох изделие не изготовлено из голокаменного алевролита. Этот факт имеет большое значение для дальнейшего исследования среднеуральского мезолита. Голокаменный материал очень характерен, легко отличается визуально. Поэтому уже сейчас он стал надежным индикатором мезолита на территории своего распространения.

Картографирование мезолитических памятников, на которых присутствует голокаменное сырье, показало, что наибольшее количество изделий и голокаменного алевролита (20–24%) присутствует на долговременных поселениях, расположенных на проточных озерах вокруг Голго Камня на расстоянии от 8 до 21 км. Это Серый Камень, Полуденка II и Крутяки I. Логично предположить, что пользоваться одной и той же мастерской в одно и то же время могли только родственные коллективы. Таким коллективом мог быть род, члены которого проживали на одном из проточных озер. Эти три родственных коллектива, которые пользовались одной и той же мастерской, были объединены в рамках более крупного социального подразделения – племени? Тогда голокаменное сырье, обнаруженное на кратковременных мезолитических стоянках в окрестностях мастерской, будет фиксировать территориальные границы данного «племени». Если за центр территориальных владений принять Голокаменскую мастерскую, то «племенная» территория будет выглядеть овалом, вытянутым вдоль Уральского хребта на 50–55 км и шириной 20–25 км. Расстояние между долговременными поселениями внутри этой территории равно 16–23 км (т. е. дневному переходу) (Сериков, 1988).

За пределами этого овала выявлено четыре мезолитических памятника, на которых также имеется голокаменное сырье. Это: пещерное святилище на Камне Дыроватом на р. Чусовой (65 км к юго-западу от Голго Камня – расстояние дается по прямой линии, при передвижении по рекам, которые в древности

служили дорогами, его нужно по крайней мере удвоить), стоянка Шайтанское озеро I на западном берегу оз. Шайтанского (65 км к югу), стоянка Кокшарово XIII на южном берегу Юрьинского озера (70 км к северо-востоку) и стоянка Таватуй VI на оз. Таватуй (90 км к югу). Следует отметить, что три памятника с голокаменным сырьем связаны с проточными озерами. Причем на озерных памятниках изделия из голокаменного сырья представлены единичными экземплярами, в то время как на Камне Дыроватом из 3 тысяч микропластинок 5,5% изготовлено из голокаменного алевролита. Петрографические анализы подтверждают идентичность голокаменного сырья на всех упомянутых памятниках. По своему качеству голокаменное сырье заметно уступает кремнистым сланцам, халцедону, яшме, поэтому оно вряд ли могло служить объектом обмена. Следовательно, это сырье попадало на указанные озера вместе с его носителями, т. е. с членами голокаменной группы населения.

Таким образом, картографирование голокаменного сырья позволяет поставить вопрос о причинах его распространения на довольно широкой территории Среднего Зауралья. На взгляд автора, оно свидетельствует о наличии в мезолитической среде контактов разнопланового характера: производственного, хозяйственного, культового, культурного (Сериков, 2002).

Клады. Клады являются самым редким типом археологических памятников. Особенно редко встречаются мезолитические клады. На всей территории России зафиксировано восемь кладов эпохи мезолита. Три из них обнаружены на территории Тагильского Зауралья. Первый клад найден на сезонном мезолитическом поселении (окрестности Красноуральска) Выйка II. Он имел вид скопления каменных изделий, выполненных из необычного для памятника минерального сырья. В скоплении диаметром около 15 см находились пластины (17), поперечные сколы с нуклеуса (9) и отщепы (17). Сколоты они были с одного нуклеуса, изготовленного из массивной плитки зеленоватого слабоокремнелого алевролита. Все изделия залегали в вертикальном или почти вертикальном положении и плотно прилегали друг к другу. Найдены они в культурном слое на глубине 8–28 см от современной поверхности на границе с очагом и имели следы термического воздействия. Следы ямки отсутствовали (Сериков, 2022. С. 75–76).

Компактное расположение находок, их плотное и вертикальное залегание, нахождение на границе с очагом позволяет предположить, что данное скопление находок не является кладом в полном смысле слова. По всей видимости, это содержимое мешочка («ранцевый набор»), которое вместе с ним по какой-то причине попало в очаг и впоследствии было в нем захоронено. Обычно в «ранцевый набор» входили изделия, которые древний охотник носил собой – запасные орудия и заготовки, в том числе пластины и отщепы.

Второй клад обнаружен в парковой зоне Нижнего Тагила на склоне горы Трехскалка. От вершины горы клад находился в 320–330 м. Находки располагались сразу под дерном на глубине 8–10 см в слое серо-коричневого супесчаного суглинка. Мощность залегания – не более 6–8 см. Никаких следов ямки не обнаружено. Всего в скоплении найдено 104 каменных изделия: пять нуклеусов, отбойник, два скребка и 96 микропластинок.

Сразу хочется отметить необычное минеральное сырье изделий из клада. Один нуклеус выполнен из качественной полосчатой (красно-зеленой) яшмы.

Также из яшмы, но уже кремовой, изготовлено два нуклеуса. Еще для двух нуклеусов использовались гальки прозрачного горного хрусталя.

Все микропластинки по минеральному сырью происходят минимум от одиннадцати нуклеусов. Из разных видов яшмы (зеленой, серой, серо-зеленой, кремовой) изготовлено 88 пластин (91,7%). Преобладают изделия из кремовой яшмы неместного происхождения – 56,3%. На 86 пластинках по двум краям присутствует ретушь утилизации. Суммарная длина всех пластинок составляет 152,3 см.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в кладе технических отходов обработки нуклеусов и отщепов. Учитывая, что свыше 90% пластинок имеют ретушь утилизации, их все можно отнести к вкладышам составных орудий. Принимая во внимание компактное залегание каменных изделий, можно предположить, что в кладе помимо нуклеусов, скребков и отбойника находилось и несколько вкладышевых изделий. Возможно, именно этим объясняется длина скопления каменных изделий – до 40 см. Их костяные оправы не сохранились, но по оставшимся вкладышам можно попытаться реконструировать их вид и количество. С учетом ширины и толщины пластин, а также минерального сырья в кладе могли находиться два вкладышевых кинжала и шесть вкладышевых наконечников стрел.

Учитывая наличие в кладе нехарактерной для Среднего Зауралья кремовой яшмы, можно предположить, что клад оставлен пришедшей издалека группой населения. Не исключено, что в клад поместили изделия, специально подготовленные для жертвоприношения. Наличие в скоплении хрустальных нуклеусов подчеркивает неординарный (возможно, сакральный) характер данного клада (Сериков, 2022. С. 77–81).

Единственный на Урале клад костяных изделий был найден в торфяниковой части Второй Береговой стоянки Горбуновского торфяника (Свердловская обл.). Клад костяных наконечников обнаружен в культурном слое, имеющем дату 9800±40 л. н. (ГИН-14088). Наконечники (11 экз.) лежали вплотную друг к другу, некоторые плашмя, а некоторые – на ребре. Все изделия остриями были направлены в одну сторону, и только верхний был развернут под небольшим углом к остальным. Скорее всего, наконечники были связаны в средней части. Длина наконечников укладывается в размеры от 19,7 до 24,6 см. Четыре наконечника являются заготовками, их обработка не закончена. Обработка семи наконечников полностью завершена. Четыре из них носят следы кратковременного использования (Жилин, Савченко, 2010. С. 307–311).

Авторы находки клада рассматривают различные возможные объяснения попадания наконечников в воду: запас наконечников охотника, т. е. его «ранцевый набор», который случайно упал в воду, или намеренное помещение наконечников в воду в качестве приношения духам озера (Жилин, Савченко, 2016. С. 11–13).

Обращает на себя внимание небольшое количество находок вкладах – от 6 до 47 изделий. Выбивается из этого ряда клад с Трехскалки – 104 экз. Но если 96 пластинок распределить по числу возможных вкладышевых орудий, то их количество сократится до 16. Все мезолитическиеклады по количеству находок, их составу, компактности и плотности залегания можно отнести к ранцевым наборам древних охотников.

В то же время анализ топографии, условий залегания и состава кладов позволяет предполагать, что захоронение кладов могло иметь и ритуальный характер. В этом случае клады могли использоваться в качестве своеобразных маркеров символической границы между мирами, между освоенным и неосвоенным пространством (Сериков, 2016. С. 26–27).

Святылища. Если просмотреть сводные работы по мезолиту отдельных регионов, легко заметить, что основное внимание уделено описанию первобытной техники и хозяйству мезолитического населения. Культовая практика начинается и кончается описанием погребального обряда. Мезолитические святылища из-за трудности их выделения в сводных работах просто отсутствуют.

Пятидесятилетние работы автора на территории Среднего Зауралья позволили выделить и классифицировать мезолитические культовые памятники. Этому помогли десятилетние исследования пещерного святылища на скале Камня Дыроватого (р. Чусовая).

Первые упоминания об этом святылище были опубликованы еще в 1776 г. в книге И. Г. Георги «Описание всех в российском государстве обитающих народов». Информация об этом памятнике в работах других авторов своим первоисточником имела данный труд И. Г. Георги.

Первые научные раскопки в пещере провел ленинградский археолог Н. А. Прокошев в 1932, 1933 и 1937 гг. В результате этих работ была вскрыта практически вся площадь пещеры. Полученная коллекция находок (хранится в Эрмитаже) содержит около 7 тыс. наконечников стрел из камня, кости, меди, бронзы, железа. Среди находок также сасанидская монета VI в. с пробитым отверстием и много костей мелких животных. К сожалению, эрмитажная коллекция Камня Дыроватого полностью до сих пор не опубликована. Известны информационные заметки Н. А. Прокошева о полевых работах на р. Чусовой (Прокошев, 1935) и статьи И.В. Калининой, посвященные орнаментам на костяных мезолитических наконечниках стрел (Калинина, 2006; 2009).

Исследования автора добавили еще 18,7 тыс. находок, из них наконечников стрел – около 15 тыс. экз. Суммарная коллекция находок составляет 25531 экз. Наконечников стрел из них – 21781 экз. Мезолитический комплекс представлен 5 тыс. костяных наконечников стрел и 3670 микропластинками-вкладышами. Свыше 500 мезолитических наконечников были украшены геометрическим орнаментом, в который была втерта красная охра (Сериков, 2003б). Также в пещере и под ней найдены тысячи костей животных. Преобладают кости северного оленя, лося и бобра.

Камень Дыроватый находится на левом берегу Чусовой в 17 км к западу от с. Усть-Утка (Свердловская обл.). Скала камня высотой от 50 до 80 м протянулась на километр. Пещерное святылище расположено на отвесной скале, имеющей в этом месте высоту 60 м. От подножья скалы пещера находится на высоте 20 м, от уровня воды – на высоте 33 м. Вход пещеры размером 8х5 м экспонирован на юго-восток.

Если смотреть на пещеру с реки или с противоположного берега, то на скале можно увидеть заключенное между двумя расселинами лицо. Хорошо различаются глаза в виде углубленных участков скалы и нос в виде скального выступа (в настоящее время частично разрушенного). Сама пещера представляет

открытый в крике рот, а остатки колонн в пещере – зубы. Особенно хорошо лицо идола просматривается с реки и противоположного берега. Вполне возможно, что данный фактор сыграл важную, если не решающую роль в использовании пещеры в качестве святилища.

При обследовании святилища автором было обнаружено 16 наконечников, воткнувшихся в стены пещеры. Анализ этих наконечников позволил установить направление стрельбы и местоположение стрелков при производстве выстрела. Фиксация углов залегания наконечников стрел под пещерой позволила установить, что стрельба из луков производилась с разных направлений и с разных точек: и сверху по течению реки, и снизу против течения, и с середины реки напротив пещеры, и с противоположного берега, и даже от подножья скалы (Сериков, 1996).

При выяснении семантического наполнения пещеры и находок из нее были учтены как общие, так и особенные характеристики всего комплекса находок. Весь комплекс находок четко делится на три категории: украшения, кости животных и наконечники стрел. Первые две категории находок можно уверенно определить как жертвоприношения. Украшения и кости всегда присутствуют в жертвенных пещерах, под писаницами, на вершинах гор и скал.

Определить семантику стрелы в комплексе Камня Дыроватого – наиболее сложная задача, поскольку сакральное значение стрелы полисеманлично. Стрелой могли угрожать злему духу, стрела оберегала ее владельца от некоей опасности. Стрела служила посредником между миром людей и миром предков. К стреле привязывались умиловительные дары, она сама могла быть таким даром, если была «удачливой». Стрела также являлась знаком мужского начала, т. е. символом плодородия.

При выяснении семиотического статуса наконечников стрел Камня Дыроватого необходимо помнить, что рассматривать их нужно в совокупности со всеми находками. Потому что этот набор находок сформирован древними носителями культуры путем целенаправленного отбора. Следовательно, все характеристики этого набора – прежде всего состав, число и виды составных частей – призваны отражать определенные идеи. Для их реконструкции должны учитываться все особенности находок, составляющих анализируемый комплекс: утилитарное назначение, форма, размеры, материал, другие дополнительные элементы. Обязательным условием выявления «семантического поля» категории вещей является их рассмотрение в археологическом контексте (Антонова, Раевский, 2002. С. 15–16).

«Семантическое поле» всей совокупности находок на Камне Дыроватом в конкретном археологическом контексте реконструируется в следующем виде. Река Чусовая пересекает горные хребты Урала с востока на запад. Посередине пути находится отвесная восьмидесятиметровая каменная скала, на которой проступает лицо грозного «хозяина» Чусовой с открытым ртом. Чтобы умиловить грозного «хозяина» реки, древние аборигены посылали ему жертвенные дары в виде костей животных, украшений и стрел. В этом случае все находки и их археологический контекст увязываются в единый семантический узел.

Но раскрытая семантическая связь всех находок Камня Дыроватого представляет только верхний (лежащий на поверхности) пласт семантического

поля святилища. Поскольку все жертвенные дары и сами наконечники стрел, попали в пещеру в результате выстрела из лука, значит, выстрел из лука и сама стрела играли особую роль в обрядах, проводимых у Камня Дыроватого.

Поскольку все жертвенные дары попали на святилище со стрелой в результате выстрела из лука, именно стрелы играли главную роль в проводимых обрядах. В соответствии с дуалистической традицией стрелы в данном случае могут выступать и в качестве дара, и в качестве угрозы. А весь комплекс находок Камня Дыроватого представляет собой жертвенный дар, который призван защитить от вредоносного воздействия «хозяина», «духа» Чусовой. С помощью этого «защитающего» жертвоприношения выстрел из лука блокировал канал связи между «своим» и «чужим» мирами и устанавливал символическую границу между ними. Этим самым люди регламентировали связь между мирами и приобретали определенную возможность контроля над нею (*Байбурин*, 1989. С. 82–86).

Необычно большое количество находок на святилище Камня Дыроватого автоматически предполагает высокий статус данного памятника. На всем Урале больше нет святилища с таким уникальным расположением и количеством находок. Анализ минерального сырья, из которого изготовлены каменные наконечники стрел, позволяет утверждать, что оно происходит со всего бассейна р. Чусовой (длина Чусовой – около 700 км). Находка подвески из зуба марала и бронзового наконечника памиро-ферганского типа значительно раздвигает эти границы. Данные факты позволяют рассматривать святилище на Камне Дыроватом в качестве своеобразного культового центра, собиравшего во время определенных календарных праздников обширную межплеменную аудиторию (*Сериков*, 2007).

Выясненная семантика пещеры и наконечников стрел помогли выделить мезолитические святилища и на других природных объектах. Обнаружены следы кратковременных ритуалов мезолитического населения еще в шести пещерах р. Чусовой. Причем обращает на себя внимание однообразие культовых комплексов. В гроте на Камне Дождевом найдены поперечный скол с нуклеуса и две микропластинки. В пещере Туристов – семь микропластинок. В гроте на Камне Денежный выявлен только один нуклеус. Из пещеры на Камне Котел поступили нуклеус, поперечный скол с нуклеуса, две микропластинки и насад костяного игловидного наконечника стрелы. В Усть-Койвинской пещере обнаружены поперечный скол с нуклеуса и четыре микропластинки. Самый крупный мезолитический комплекс зафиксирован в Кумышанской пещере. В ней сохранилось два обломка костяного игловидного наконечника, шесть микропластинок, каменный наконечник стрелы на пластине и окрашенная охрой низкая асимметричная трапеция с боковой выемкой, которая также служила наконечником стрелы (*Сериков*, 2009а).

Известны мезолитические святилища и на других реках. Пещера на р. Лобве (Шайтанская) расположена в скале высотой 35 м. В пещере найдено 62 обломка от 47 костяных наконечников стрел и 81 микропластинка. Два орнаментированных вкладышевых наконечника были окрашены охрой (*Чаиркин, Жилин*, 2005. С. 260–263. Рис. 3, 4).

Сложную структуру имеет пещера Гебауэра на р. Пышме, расположенная на высоте 23 м. Из смешанной коллекции каменных и костяных изделий

удалось выделить небольшую серию изделий мезолитического облика: пять фрагментов костяных наконечников стрел, микропластинку и наконечник стрелы на пластине (*Чаиркин, Жилин, 2005. С. 271. Рис. 6: 16–23*).

При изучении культовых памятников на Шайтанском озере (окрестности г. Невьянска) был выявлен новый тип святилищ, расположенных на вершинах скал, каменистых мысов и шиханов – нагромождениях гранитных валунов (*Сериков, 2013. С. 122–160*).

Особенностью всех шиханов является наличие на них в виде примеси незначительных мезолитических комплексов. На Шайтанском шихане найдено четыре нуклеуса и 22 микропластинки, на Среднем – два нуклеуса, десять микропластинок и два наконечника стрелы на пластинах, на Южном – три микропластинки. Еще на одном шихане озера – Островке в болоте – выявлены нуклеус, 17 микропластинок и наконечник стрелы на пластине.

Подобная картина характерна и для скальных святилищ за пределами Шайтанского озера. На святилище Купол, расположенном на берегу Горбуновского торфяника, мезолит представлен нуклеусом и 14 микропластинками. На скалах Три Сестры (окрестности г. Новоуральска) найдены трапеция с двумя боковыми выемками, три микропластинки и обломок костяного игловидного наконечника. Коллекция святилища на высоком (до 10 м) каменистом Лайском мысу (окрестности г. Нижний Тагил) составляет пять нуклеусов и 22 микропластинки. Святилище отличают небольшие размеры, неудобная для проживания каменистая поверхность и господствующее положение над окружающей долиной. Проживать на груде камней просто невозможно, так же как и заниматься какой-либо хозяйственной деятельностью.

Сравнение культовых комплексов пещерных и скальных святилищ поражает удивительным сходством: и в пещерах, и на шиханах присутствуют исключительно наконечники стрел, микропластинки и нуклеусы. Единобразие каменных изделий в пещерных мезолитических комплексах и на скальных святилищах позволяет выдвинуть новое предположение. В пещерах и на шиханах основной частью культовых комплексов, как и на Камне Дыроватом, являются наконечники стрел. Наконечники стрел всегда сопровождают микропластинки, нуклеусы и поперечные сколы с нуклеусов (в пещерах). Это сходство можно объяснить одинаковым сакральным и семантическим назначением данных комплексов – принесением жертвенных даров духам, обитающим в конкретной местности. Микропластинка, будучи вкладышем, также является частью наконечника стрелы. В то же время, будучи сколотой с нуклеуса, она является и его частью. Практическая взаимосвязь очевидна и не вызывает сомнений. Но могла быть и семантическая связь, которая не так очевидна. Нуклеус является обладателем еще не сколотых с него микропластинок. Следовательно, он тоже может восприниматься как будущая часть наконечника стрелы. Таким образом, можно выстроить семантическую связь: наконечник стрелы – микропластинка-вкладыш (часть наконечника) – нуклеус (будущие вкладыши) – поперечный скол с нуклеуса (часть нуклеуса). В небольшом количестве и невыразительности мезолитических изделий в ряде пещер можно усмотреть следы ритуала – часть вместо целого: вкладыш вместо целого наконечника, поперечный скол вместо целого нуклеуса (*Сериков, 2021*).

Также возможно, что небольшое количество мезолитических изделий в пещерах и на шиханах свидетельствует о путевом характере данных комплексов на пути следования к более крупному межплеменному святилищу.

Погребения. Погребений каменного века (палеолит – энеолит) на территории Среднего Зауралья насчитывается менее десятка. Достоверные мезолитические погребения на этой территории неизвестны. Но некоторые погребения предположительно можно отнести к эпохе мезолита.

В 1907 г. на восточном берегу Шигирского озера, на глубине 2 м под слоем торфа было найдено три погребения. Около одного погребенного лежал вкладышевый нож из лопатки северного оленя (*Сальников, 1952. С. 17*).

Еще одно погребение обнаружено у с. Пеган на юго-востоке Курганской обл. Полуразрушенный костяк человека находился в вертикальном, слегка согнутом положении. Ступни ног залегали на глубине около 3 м от поверхности. В ногах костяка найдены каменный шлифованный топор, костяная иглообразная поделка, вкладышевый кинжал и обломок еще одного кинжала. Кинжал имеет длину 26,5 см. Одна его сторона покрыта геометрическим орнаментом, состоящим из группы крупных ромбов. По прямому краю почти во всю длину прорезан паз для крепления кремневых вкладышей. В нем сохранился обломок микропластинки длиной 0,5 см. Длина сохранившейся части сломанного кинжала – 16,5 см. Он также украшен орнаментом и на одном из краев имеет прорезанный паз (*Сальников, 1952. С. 15–16*).

Ближайшими (хотя и не близкими) аналогиями пеганскому погребению являются вертикальные захоронения Оленеостровского могильника. Погребальный инвентарь самого богатого погребения № 100 содержал украшенный орнаментом вкладышевый кинжал типа пеганского (*Гурина, 1956. С. 336, 340. Рис. 50, 50а*).

Произведения искусства. Мезолитическое искусство на территории Среднего Зауралья изучено недостаточно. Возможно, это связано с тем, что объемные изображения чаще выполнялись из органических материалов, которые можно найти только в торфяниках и пещерах.

Самой известной деревянной скульптурой является Большой Шигирский идол, найденный в 1890 г. на Шигирском торфянике (*Толмачев, 1916. С. 94–99*). Общая длина идола составляла 5,3 м, но нижняя часть тулова длиной 1,93 м со временем оказалась утраченной. Голова идола изготовлена в стиле круглой скульптуры, а тулово – из вырубленной доски. Со всех сторон оно украшено резным геометрическим орнаментом. На широких плоскостях идола вырезано несколько антропоморфных личин. Радиоуглеродные даты показывают, что идол мог быть изготовлен 11–11,5 тыс. л. н. (*Савченко и др., 2018*).

Такую же дату имеет скульптурное навершие из рога, выполненное в виде головы зверя. Найдено оно также на Шигирском торфянике.

Две скульптуры обнаружены в слое позднего мезолита торфяниковой части Второй Береговой стоянки Горбуновского торфяника. Необычным изделием является перфорированный диск-навершие в виде своеобразной личины. Размеры диска – 12,5×9,0×3,7 см. На лицевой стороне диска шлифовкой выполнен рельефный нос. Гравировкой показаны брови, усы и борода. На месте рта в центре

диска расположено округлое отверстие диаметром около 3 см. Изготовлен диск из тальк-хлоритовой породы серого цвета (Савченко, Жилин, 2020. С. 86–94. Рис. 5).

Вторая скульптура выполнена из отростка рога лося длиной 5,5 см. Древний мастер долотом и шлифовкой подчеркнул линии головы и шеи. Изображение имеет сходство с головой медведя или барсука (Жилин и др., 2020. С. 44. Рис. 58: 1).

В эпоху мезолита широко распространяется практика украшения гравированным орнаментом костяных изделий. Чаще всего гравировки наносились на костяные наконечники стрел. Значительные их коллекции происходят с Шигирского торфяника и с пещерного святилища на камне Дыроватый (около 500 экз.). Наконечники украшались насечками, нарезками, прямыми, волнистыми и зигзагообразными линиями, а также их сочетаниями. На одном наконечнике (хранится в Эрмитаже) выгравированы две антропоморфные фигуры (Калинина, 2007. Рис. 1: 2).

Таким образом, анализ разных типов археологических памятников позволяет выявить различные детали хозяйственной, производственной и культовой практики местного населения в эпоху мезолита.

В эпоху мезолита местное население освоило новую для себя экологическую нишу. Такой нишей явились проточные озера, использование которых давало постоянный источник пищи. Наличие сезонных поселений позволяет предположить, что в мезолите уже существовал сезонный циклический календарь. Весной охотники добывали лосей или северных оленей, поджидая их на миграционных путях при переправах через реки. Кроме ежегодной «поколюги» на переправах местное население использовало и ловчие ямы. Осенью происходила охота на перелетную и боровую птицу.

Кратковременные стоянки подразделяются на два типа. Поскольку древнее население в качестве дорог использовало реки, все стоянки на берегах рек можно отнести к кратковременным остановкам на пути следования. Стоянки на берегах озер всегда связаны с разными видами хозяйственной деятельности. Большой информативностью отличаются заторфованные прибрежные участки озер, на которых присутствуют не только каменные, но и костяные изделия, а также кости животных. Их культурные слои позволяют охарактеризовать объекты и орудия промысла, а также значение в хозяйстве различных животных и растений.

В Тагильском Зауралье изучено два типа камнеобрабатывающих мастерских. Мастерская по первичному расщеплению камня снабжала долговременные поселения региона подготовленными к утилизации заготовками камня. Специализированные мастерские по изготовлению рубящих орудий показывают большую востребованность топоров и тесел у местного населения.

Все три мезолитических клада по количеству находок, их составу, компактности и плотности залегания можно отнести к ранцевым наборам древних охотников. Но анализ их топографии позволяет предполагать, что клады могли использоваться и в качестве своеобразных маркеров символической границы между освоенным и неосвоенным пространством.

Мезолитические святилища выявлены в пещерах и на вершинах скальных образований – шиханов. Их комплексы отличаются удивительным единообразием. Кроме наконечников стрел, в них представлены нуклеусы, поперечные сколы с нуклеусов и микропластинки. Необычно большое количество находок (23,5 тыс. экз.) в пещере Камня Дыроватого позволяет считать пещеру межплеменным святилищем.

Список литературы

- Антонова Е. В., Раевский Д. С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1. Донецк: ДонНУ, 2002. С. 11–26.
- Байбурун А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 63–87.
- Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // МИА. 1956. № 47. 430 с.
- Жилин М. Г., Савченко С. Н. Торфяниковые памятники мезолита и раннего неолита Зауралья: опыт и перспективы комплексного исследования // Тагильский вестник: Историко-культурное наследие родного края: изучение, сохранение и популяризация: Историко-краеведческий альманах. Вып. 6. Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. С. 28–39.
- Жилин М. Г., Савченко С. Н. Следы ритуальной деятельности в прибрежной части мезолитических стоянок в Среднем Зауралье и Верхнем Поволжье // Археология сакральных мест России: сборник тезисов докладов научной конференции с международным участием. Соловки: Соломбальская типография, 2016. С. 10–14.
- Жилин М. Г., Савченко С. Н., Сериков Ю. Б., Косинская Л. Л., Косинцев П. А. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. М.: Воскресенская типография, 2012. 214 с.
- Жилин М. Г., Савченко С. Н., Косинская Л. Л., Сериков Ю. Б., Александровский А. Л., Лаптева Е. Г., Корона О. М., Косинцев П. А. Мезолитические памятники Горбуновского торфяника. М; СПб: Нестор – История, 2020. 368 с.
- Калинина И. В. Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // Тверской археологический сборник. Тверь: «Триада», 2006. Вып. 6. Том 1. С. 393–402.
- Калинина И. В. Мезолитический субстрат в орнаментальной традиции обских угров // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург – Сургут: «Магеллан», 2007. С. 106–124.
- Калинина И. В. Орнаментальные «знаки-метки» и «граффити» на мезолитических наконечниках стрел из пещеры Камень Дыроватый на р. Чусовой // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь: «Триада», 2009. С. 351–372.
- Кокшаров С. Ф. Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. С. 162–169.
- Мельничук А. Ф., Коренюк С. Н., Чурилов Э. В. Мезолитические сооружения в Пермском Приуралье // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2018. Вып. 11. С. 122–142.
- Нужный Д. Ю. Об использовании острий и геометрических микролитов // Материалы каменного века на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1984. 128 с.
- Прокошев Н. А. Район реки Чусовой // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 109. С. 176–187.
- Раушенбах В. М. Мастерская каменных орудий на Голом Камне под Нижним Тагиллом // СА. 1961. № 2. С. 164–171.
- Савченко С. Н., Жилин М. Г. Каменный диск-навершие из позднемезолитического слоя стоянки Береговая II в Среднем Зауралье // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 86–99.
- Савченко С. Н., Жилин М. Г., Тербергер Т., Хойсснер К.-У. Большой Шигирский идол в контексте раннего мезолита Зауралья // УИВ. 2018. № 1 (58). С. 8–19.
- Сальников К. В. К вопросу о неолите степного Зауралья // КСИИМК. 1952. Вып. XLVII. С. 15–23.
- Сериков Ю. Б. Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье) // СА. 1983. № 1.
- Сериков Ю. Б. Голокаменная мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья // СА. 1988. № 4. С. 203–209.

- Сериков Ю. Б. Первобытная техника, хозяйство и быт мезолитического населения Среднего Зауралья // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. С. 16–25.
- Сериков Ю. Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой (первые результаты исследований) // РА. 1996. № 4. С. 121–140.
- Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: «Полиграфист», 2000. 431 с.
- Сериков Ю. Б. О контактах в мезолитической среде Среднего Зауралья // УИВ. 2002. № 8. С. 109–113.
- Сериков Ю. Б. Хозяйственный циклический календарь и его отражение в археологическом материале // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2003а. С. 72–74.
- Сериков Ю. Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: «Аква-Пресс», 2003б. С. 73–82.
- Сериков Ю. Б. Ловчие ямы каменного века в верховьях р. Туры (Средний Урал) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004. С. 177–183.
- Сериков Ю. Б. К вопросу о семантике наконечников стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом // ЭО. 2007. № 6. С. 142–155.
- Сериков Ю. Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009а. 368 с.
- Сериков Ю. Б. Мезолитическая стоянка-мастерская Амбарка I (Среднее Зауралье) // Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009б. С. 53–60.
- Сериков Ю. Б. Археологические памятники Полуденского торфяника (Среднее Зауралье) // НТГСПА. Ученые записки. Общественные науки. Нижний Тагил: НТГСПА, 2011а. С. 32–49.
- Сериков Ю. Б. Первые мезолитические памятники на реке Сосьва (Среднее Зауралье) // Вестник Пермского университета. Серия История. 2011б. Выпуск 1 (15). С. 12–16.
- Сериков Ю. Б. Мезолитические комплексы Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 383–400.
- Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: НТГСПА, 2013. 408 с.
- Сериков Ю. Б. Мезолитические мастерские по изготовлению рубящих орудий на территории Среднего Зауралья // От Балтики до Урала: Изыскания по археологии каменного века. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. С. 188–201.
- Сериков Ю. Б. Сакральный аспект кладов каменных изделий на территории Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Азбука, 2016. Вып. IX. С. 7–29.
- Сериков Ю. Б. Культовые комплексы и топографические особенности мезолитических святилищ Среднего Урала // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 27. № 2. С. 54–68.
- Сериков Ю. Б. Мезолитические клады каменных и костяных изделий и их особенности // УАВ. 2022. Т. 2. № 1. С. 74–84.
- Сериков Ю. Б. Микролитические изделия эпохи мезолита комплекса памятников «Кокшаровский холм – Юрьинское поселение» // УАВ. 2023. Т. 23. № 1. С. 128–140.
- Толмачев В. Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника // Известия археологической комиссии. Вып. 60. СПб – Пг, 1916. С. 94–99.
- Чаиркин С. Е., Жилин М. Г. Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: Academia, 2005.

Сведения об авторе

Сериков Юрий Борисович, Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле)
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

Yu. B. Serikov

**RECONSTRUCTION OF THE LIFE ACTIVITY OF THE
MESOLITHIC POPULATION OF THE MIDDLE URALS
(BASED ON MATERIALS FROM VARIOUS TYPES OF
ARCHAEOLOGICAL SITES)**

Abstract. By now, about 200 Mesolithic sites are known of the Middle Urals region. The variety of types of sites makes it possible to identify various details of the economic, industrial and religious practices of the local population in the Mesolithic. The paper describes in detail the main types of sites: long-term and seasonal settlements, short-term camps, workshop-camps, workshops, trap pits, sanctuaries, burials, caches. This approach makes it possible to reconstruct various aspects of the life of the Mesolithic population.

Keywords: Middle Trans-Urals, Mesolithic, long-term settlements, seasonal settlements, short-term camps, hunting pits, workshops, burials, sanctuaries, caches.

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ И МОБИЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ

Резюме. За последние 50 лет (1973–2023 гг.) в результате исследований Кольской археологической экспедиции в Мурманской области ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН (с 1991 г.) ее сотрудниками были открыты и изучены петроглифы Чальмн-Варрэ, Канозеро и писаницы на полуострове Рыбачий (Пяйва и Майка). Поскольку другие наскальные ансамбли Российского Европейского Севера (Карельские и на р. Вишере) расположены южнее Полярного круга, то только эти Кольские объекты могут быть обоснованно признаны единственными сохранившимися до наших дней памятниками древнего монументального творчества Российской Европейской Арктики. Реликвии наскального искусства, имеющие и фигуративные, и геометрические образы, как и предметы мобильного художественного содержания, в основном геометрического стиля и редких скульптур, являются сложными и многогранными объектами исследования. Их использование в качестве источника в историко-культурных разработках, истории искусства, эволюции интеллекта и когнитивной психологии, религии и мифологии предполагает тщательный археологический анализ. Для успешной работы над этой темой необходимо в первую очередь тщательное, точное документирование изображений, определение точного возраста, сравнительных характеристик (стиль, техника выбивки/рисования, композиция, ландшафтная среда, микрорельеф) различных мест древнего наскального творчества. В связи с развитием новых технических и естественных методов в последнее время на этих направлениях достигнуты значительные результаты, которые наиболее очевидны и успешны, как показывает практика, при совместной работе специалистов разных стран.

Ключевые слова: Фенноскандия, Кольский полуостров, каменный век, эпоха бронзы, наскальное творчество, петроглифы, писаницы, геометрический стиль.

Введение. Люди современного типа (вид *Homo sapiens*), а вероятно, и *Homo neanderthalensis* верхнего палеолита, несомненно, уже обладали творческими способностями и повсеместно использовали их во всех сторонах своей материальной и духовной жизни на самых разнообразных материалах. К сожалению, время не пощадило огромное количество свидетельств подобной деятельности, а многие еще не открыты археологами, но то, что вся жизнь древних людей была насыщена творческими импульсами, вряд ли может вызывать сомнение.

В последние годы значительно возрос интерес к прошлому – как к местной истории, так и к эволюции человечества в целом, – что свидетельствует о зрелости цивилизации. В этом контексте важное значение имеет исследование генезиса духовной культуры. В конечном счете, не сфера материальных объектов, окружающих человека, как бы важна она ни была, формирует личность, а внутренняя сущность человека, способность интерпретировать мир в рамках своего видения. Многие люди знают об удивительных пещерных «фресках» – рисунках охотников на мамонтов, о возвышенном искусстве Древней Греции, великолепной готической архитектуре, шедеврах эпохи Возрождения и витиеватых творениях в стиле барокко, но они часто имеют очень слабое представление об искусстве позднего каменного века (наскальные изображения и объекты мобильного творчества).

Описание археологического материала. Отголоски сложившихся на прародине мировоззренческих плейстоценовых представлений пионеры заселения Арктического побережья Фенноскандии сохранили и воплотили в виде крупномасштабных петроглифов («прошлифованные» широкими линиями профильные контурные изображения лосей, медведей, китообразных) на скалах западной Норвегии (рис. 1) на рубеже перехода от плейстоцена к голоцену около 10000 л. н. (*Jerde, 2010*). Позднее изображений, выполненных в такой технике, а главное, столь глубоких (до 1 см) и крупных (более 6 метров), уже не встречается – при обилии местонахождений петроглифов в Фенноскандии (а их на сегодня известно более 300 (рис. 2)).

Рис. 1. Образец древнейших изображений (белый медведь) на скалах северной Норвегии (около 10000 л. н.). Рядом стоит норвежский археолог профессор Ян Магне Гьерде (для масштаба). Фото Б. Ольсен, 1999 г.

В Русской Лапландии (Мурманская область) на Кольском полуострове пока нет подобных монументальных объектов такой древности. Конечно, мы не сомневаемся в том, что они существовали и в это время (а также – в виде художественных поделок из кости, дерева, нанесения на тело татуировок), но эти материалы до нас не дошли, не сохранившись в суровых почвенных условиях Арктики. Однако в 1985 г. нам посчастливилось обнаружить на полуострове Рыбачий (Печенгский муниципальный округ Мурманской области), на правом берегу р. Пяйва, в 1,5 км от места впадения ее в Зубовский залив Баренцева моря, одно местонахождение (рис. 3), где уцелели единственные в российском Заполярье мезолитические писаницы, датируемые VIII–VII тыс. до н. э. (*Шумкин, 1987а. С. 44–45*). Рисунки располагаются на 27 вертикальных панелях, прикрыты сверху природным каменным карнизом (рис. 4, снизу), состоят из 22 геометрических символов и двух изображений оленей, (рис. 4, сверху) исполненных, вероятно, просто пальцами двух рук, окунутых в специальный охристый состав. Наблюдение и такое

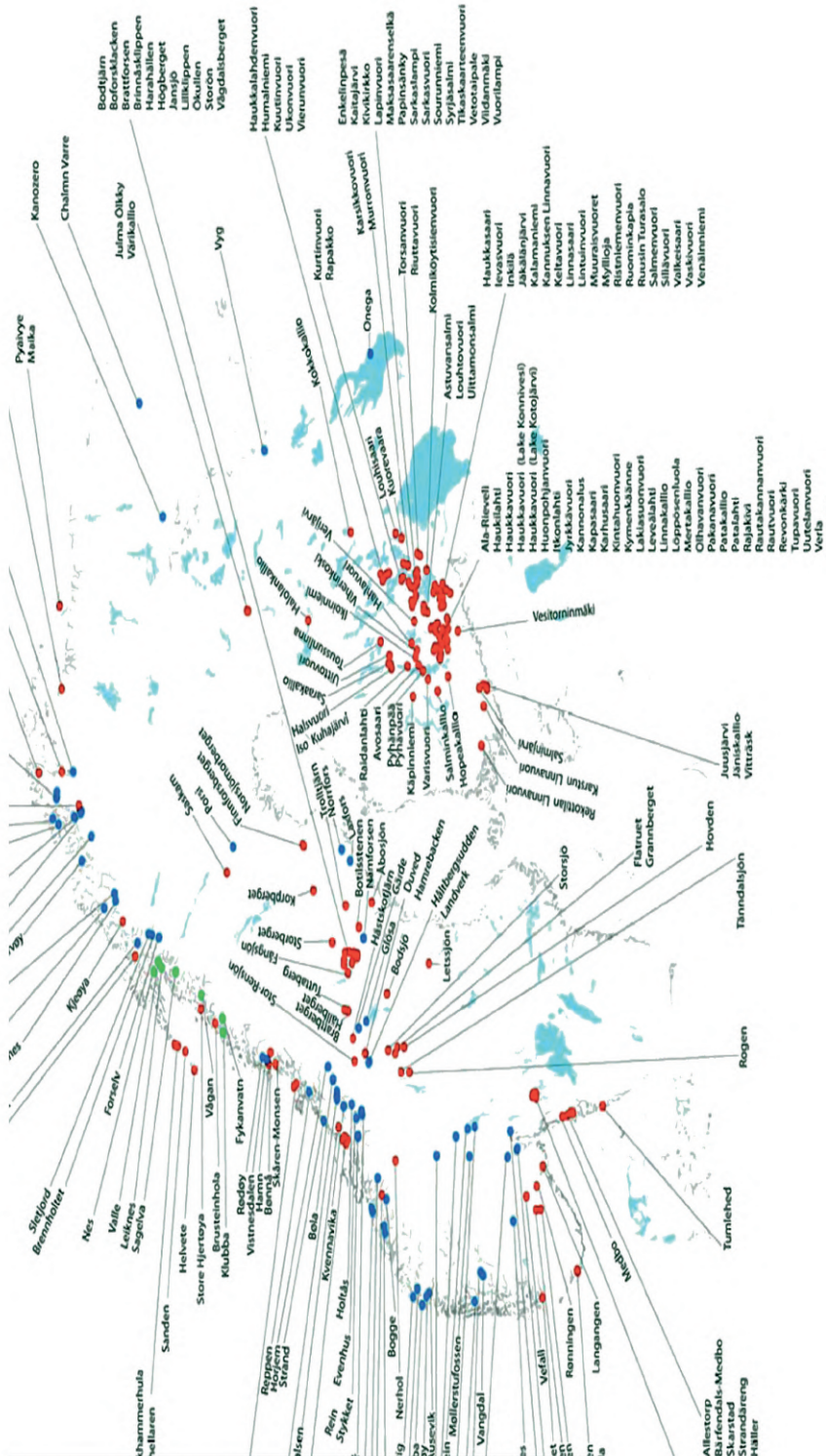

Рис 2. Места нахождения наскальных изображений: красные точки – писаницы, синие – петроглифы (по Я. М. Герде, 2010)

Рис. 3. Общий вид на каменные гряды на полуострове Рыбачий (Мурманская обл.) в месте слияния рек Майки и Пяйвы перед впадением их в Баренцево море

Стрелками показано местонахождение писаниц Майка-пещера (верхняя) и Пяйва-галерея (нижняя)

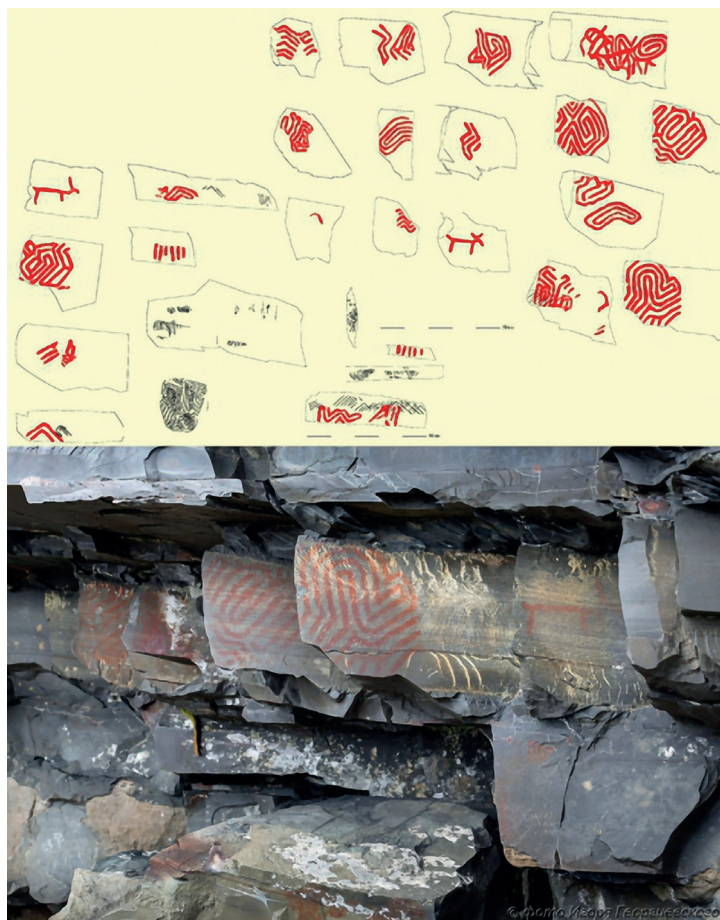

Рис. 4. Рисованные (красная охра) и гравированные изображения Пяйва-галереи

Верх: прорисовка изображений Е. М. Колпакова. Низ: геометрические изображения и фигурка оленя на писаницах Пяйва-галерея (фото И. Георгиевского)

предположение было сделано дважды побывавшим здесь почетным профессором СПбГУ А. Д. Столяром, связавшим воедино ширину линий фигур (около 1 см) и оставленные древним художниками после окончания творческой работы в двух местах немного выше данных символов следы вытирания пальцев, в каждом случае – по 6 мазков, т. е. от трех пальцев без большого и мизинца правой и левой руки (Шумкин, 1990). Следует отметить полное отсутствие на Пяйвенской писанице изображений человека, что характерно и для палеолитического наскального творчества, где антропоморфные образы чрезвычайно редки.

Помимо этого, было задокументировано семь еле заметных геометрических фигур (Колпаков, Киселёва, 2022), выполненных шлифованными линиями шириной около 1 мм (вероятно, округлой галькой) и две четкие, тоже геометрические гравировки острым тонким лезвием (менее 0,1 мм) инструмента (скорее всего, металлического). Последние, вероятно, более позднего происхождения и очень похожи на находящиеся тут же, но, к счастью, не затрагивающие древние изображения следы вандализма в виде надписи, процарапанной, скорее всего, кем-то из солдат местного гарнизона.

Рисованные геометрические фигуры находят отдельные аналогии среди писаниц Финляндии и Швеции, которые датируются поздним мезолитом – ранним неолитом (Lahelma, 2008). Похожие геометрические формы встречаются и в таких крупных петроглифических ансамблях периодов неолита – бронзового века, как Альта (Helskog, 2014), Канозеро (Колпаков, Шумкин, 2012). Но ближайшими территориально, ландшафтно, стилистически и типологически Пяйвинским писаницам все же являются нарисованные сходным составом геометрические изображения Руксесбактн (рис. 5), которые норвежские исследователи относят к эпохе бронзы – раннему железному веку (Schanche, 2004). Принимая близость этих двух писаниц территориально, высотно и стилистически, не могу согласиться с такой поздней их датировкой, и на это есть серьезные основания.

Рис. 5. Писаницы Руксесбактн в северной Норвегии

1. Практически напротив писаниц Пяйва-галереи, на левом противоположном берегу р. Майки, обнаружено несколько стоянок явно мезолитического возраста. Высота расположения стоянок – 25 м БСВ (*Колтаков, Киселёва, 2022. С. 18–65*), писаниц – 24 м БСВ, также не противоречит такому возрасту обоих объектов.

2. На одной из этих стоянок (Пяйва 2) обнаружена небольшая сланцевая плитка с остатками на ней красочного охристого материала, явно принесенная с каменной гряды с писаницами. Причем этот предмет – единственный из такого минерала среди множества артефактов из кварца и доломита, что позволяет предполагать, что, несмотря на полезные свойства и наличие поблизости подобного сырья, его не использовали в хозяйственных целях (например, для производства орудий) – возможно, из-за каких-то табуированных причин.

3. Стоянки расположены недалеко от писаниц, но на достаточном, а главное, охранительном (на другом берегу реки) удалении (что обычно практиковалось в древних сообществах) для ритуального посещения святилища, которое им, по моему мнению, и принадлежало.

4. В ближайшем окружении на несколько десятков километров вокруг мы не нашли каких-либо стоянок не только этого времени (кроме уже упомянутых), но и других эпох.

Все перечисленное дает основание датировать писаницы Пяйве-галереи и прошлифованные геометрические фигуры (техника известна по раннемезолитическим изображениям северной Норвегии) временем не моложе VII тыс. до н. э., а также пересмотреть в эту сторону и возраст рисунков Руксесбактн,

Рис. 6. Неолитические сосуды типа Сярайзниеми 1

которые не имеют подобного набора доказательств. Уточнение датировки может быть скорректировано, когда мы сумеем получить методику и возможность определить возраст применявшегося здесь красящего состава.

Неолитический период (6,5–4,5 тыс. л. н.) тоже крайне беден предметами неутилитарного свойства по той же причине, что и ранее, не считая нескольких сланцевых обломков колец с регулярными насечками по кругу, но в это время появляется новый благодатный материал для творческой деятельности – украшенная богатой геометрической орнаментацией керамика Сярайз-ниими 1 (рис. 6), особый тип, входящий в обширный круг гребенчато-ямочной керамики. Основными декоративными элементами являются сочетания оттисков «гребенки» и различных ямок (рис. 7). Ямки обычно имеют подчиненное значение, расположены в виде горизонтального ряда сразу же под венчиком или являются разделителем между поясками оттисков гребенчатого штампа. Очень редко ямки образуют самостоятельные узоры даже на небольших участках поверхности сосудов. Гребенчатые узоры распространены значительно чаще и наносились в виде горизонтального или вертикального зигзага или нескольких горизонтальных поясков. Часто орнамент выполнялся в отступающей манере. Иногда используются различные штампы сложной формы – встречаются оттиски небольших косточек и техника «оттисков с поворотом». Есть узоры в виде ромбов из оттисков гребенки. Для всей керамики характерно сочетание на одном сосуде двух, редко – трех элементов орнамента. Чаще всего богатство и нарядность декора в основном достигаются не количеством элементов и не сложностью узоров, а различными способами нанесения оттисков, что получалось в результате нажима разных частей орнамента.

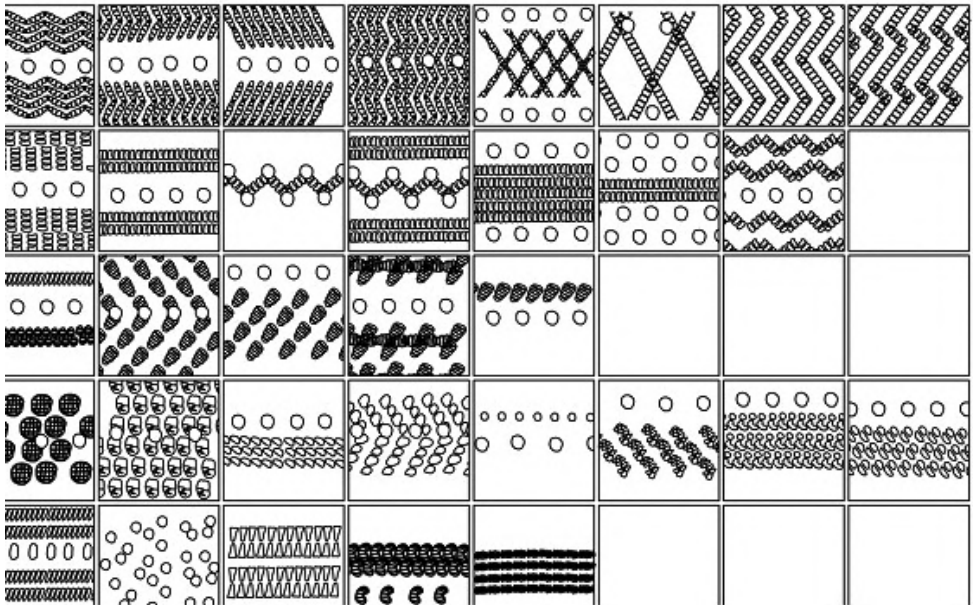

Рис. 7. Основные типы орнаментации на неолитических сосудах типа Сярайз-ниими 1

Для завершающего этапа неолитической эпохи мы фиксируем возрождение наскального творчества: некоторые фигуры (рис. 8; *Колпаков и др.*, 2018. С. 33, cv1n1-cv1n7), петроглифического комплекса (камень № 1) Чальмн-Варрэ на р. Поной, который был обнаружен в 1973 г. (*Шумкин*, 1973; 1990; 2000; *Shumkin*, 1990; 2000) и стал первым археологическим памятником такого типа на Кольском полуострове, а также позволил вписать данную территорию в обширную зону охотничьего наскального искусства Фенноскандии¹.

Рис. 8. Камень № 1 с петроглифами ансамбля Чальмн-Варрэ в естественном природном ландшафте

Среди определимых образов – зооморфы семейства оленьих, представленных в профиль, и пара композиционно связанных с ними соединительными линиями выбитых в анфас явно мужских фигур (*Колпаков и др.*, 2018. С. 34, cv1n12-13). К этому периоду можно отнести и некоторые изображения на острове Каменный Канозёрского петроглифического ансамбля, обнаруженного в 1997 г. (*Лихачёв*, 2011; *Колпаков, Шумкин*. 2012).

В эпоху раннего металла (или в бронзовом веке, 4,5–2,5 тыс. л. н.), несмотря на некоторое ухудшение природно-климатических условий, наступает расцвет наскального искусства – как, впрочем, и материальной культуры, и всех иных сфер жизни древнего населения региона.

К этому периоду относятся большинство фигур Чальмн-Варрэ (из зафиксированных 287, на 10 отдельных камнях) и грандиозного петроглифического ансамбля Канозеро (из более 1500 изображений с 137 композициями, в том числе и многофигурных, в 17 группах), который входит в шестерку крупнейших комплексов наскального искусства всей Фенноскандии (рис. 9).

¹ Помимо этого, план строительства в устье реки Понойской ГЭС, реализация которого предполагала затопить огромные пространства Понойской депрессии, был отменен в том числе и из-за находки здесь петроглифов.

На Канозере представлены звери, китообразные, птицы, люди, лодки, человеческие и звериные следы, различные геометрические фигуры, следы, чашечные углубления (рис. 10). Антропоморфы в подавляющем большинстве изображаются анфас (профильных – не более 10%). За исключением нескольких антропоморфов, у которых что-нибудь изображено внутри тела (Колтаков, Шумкин, 2012. С. 111, e4n3), все другие имеют сплошную выбивку по всей поверхности фигуры (Там же. С. 128, k1n50). Лодки изображены с экипажем, который обычно выглядит как вертикальные выступы над корпусом (Там же. С. 120, k1n1), хотя есть и подробные изображения антропоморфов с руками, пальцами и головами (Там же. С. 123, k1n17). Лодки имели форштевни, высота которых иногда равна длине корпуса и завершалась головой лося. В некоторых из них помещалось до 12 человек. Все копытные, медведи и лисы изображены в профиль. При этом показаны две, три или четыре ноги. Киты и бобры на Канозере изображаются как бы в проекции сверху (Там же. С. 122, k1n9).

Рис. 9. Самые крупные центры наскального творчества, содержащие более 1000 изображений всей Фенноскандии

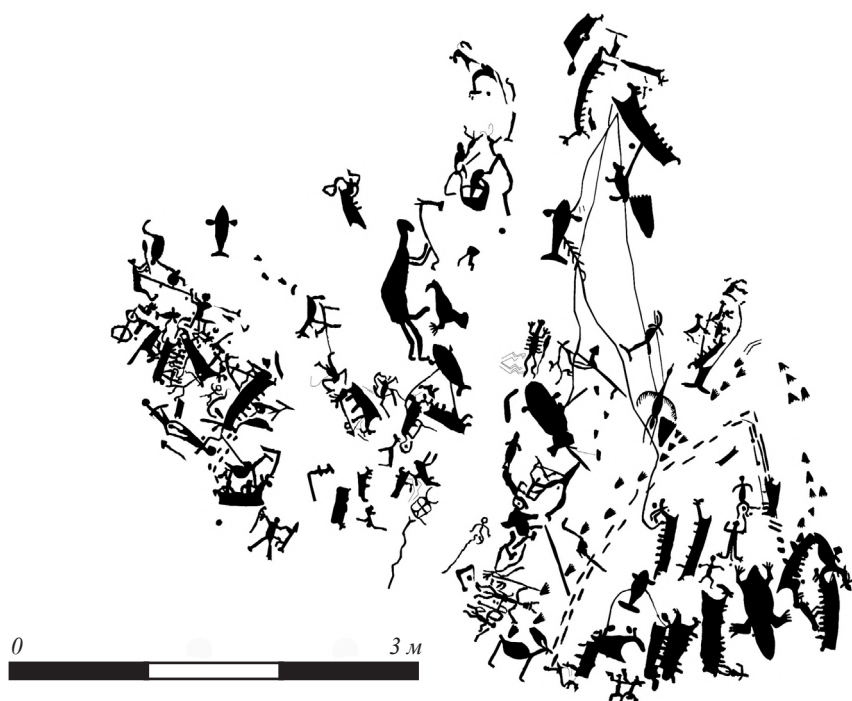

Рис. 10. Прорисовка изображений на группе Каменный 7 Канозера

Наибольшей информативностью для нас обладают не отдельные фигуры, а их композиции, в которых фигуры связаны между собой каким-либо способом. В некоторых показано развертывание действия во времени, что достигается изображением следов человека и животных. Этот прием использован в наиболее сложной многофигурной канозёрской композиции зимней охоты на медведя.

Но более обычны простые композиции, которые можно разделить на две основные группы: одна представляет взаимодействие человека и животных посредством охоты, другая – взаимодействие людей между собой. В последней участвуют и фантастические антропоморфные персонажи. Хозяйственная деятельность ограничена сценами охоты на морских и наземных млекопитающих, менее – охоты на птиц и рыболовства. Представлены также орудия и средства их добычи: копье, гарпун, рыболовные крючки на леске, лодки, лыжи и снего-ступы (Колпаков, Шумкин, 2012. С. 117. № 73–79). В целом этот набор соответствует тем артефактам, которые происходят из раскопок.

Не менее трети всех канозерских композиций изображают морскую охоту с лодок на китообразных – вероятнее всего, на белух и морских свиней. Есть персонаж, держащий льня, на другом конце которого – загарпуненное морское млекопитающее. Иногда весьма подробно изображается и сам гарпун. И даже в сценах охоты на сухопутных животных – семейство оленьих, медведь и бобр, даже птиц (журавль?) – человек часто загарпунивает их с лодки.

А вот композиции, изображающие несомненную сухопутную охоту немногочисленны – это зимняя охота на лыжах с копьем: одна – на медведя и две – на лося, а также охота на оленя с копьем без лыж.

Определенная часть наскальных композиций отражает взаимоотношения антропоморфов – людей и/или мифических существ. Немногочисленные любовные сцены являются общими для всего наскального искусства Фенноскандии. На Канозере и Чальмн-Варрэ они очень схожи. Пара антропоморфов ногами друг к другу (почти по одной линии), один из которых – с фаллосом, а у другого обозначена женская грудь и/или вульва. На Канозере есть и сюжет, в котором крупный мужской персонаж с гипертрофированным фаллосом и отчетливо выраженными тестикулами хватает или подбрасывает женщину (Колтаков, Шумкин, 2012. С. 151. № 3–6). Любопытна уникальная сцена борьбы за беременную женщину между антропоморфами, один из которых имеет фантастические признаки: хвост-фаллос, следы, показывающие его появление из воды (Там же. С. 151. № 3–13). Другой персонаж без фантастических деталей вооружен специфическим топором-жезлом с лосиной головой в качестве навершия. Изображение таких изделий является распространенным мотивом в наскальном искусстве Фенноскандии. Есть для него и реальные прототипы и среди мобильных археологических артефактов.

На петроглифах Чальмн-Варрэ нет сцен охоты развернутого, как на Канозере, повествовательного характера, но присутствует уникальная композиция рождения зооморфа (олененка?) женщиной (Колтаков, Шумкин, Мурашкин, 2018. С. 42, sv5n4-5). Эти образы можно связать с саамской мифологией: легендой о Мяндаше – человеке-олене, который, по одной из версий, рожден женщиной или важенкой в обличье женщины (Чарнолуский, 1965).

Одновременно фиксируется «всплеск» духовной практики в виде исполнения художественных предметов из камня, кости, рога, моржового клыка (Кольский Оленеостровский могильник, Маяк 2, Мыс 7, Усть-Дроздовка, Дроздовка-застава, Песканец). В отличие от фигуративного направления большинства петроглифических образов, все они несут на себе геометрические орнаменты, которые встречаются на изделиях из кости и рога, реже – поделках из сланца и мыльного камня на памятниках мурманского побережья Кольского полуострова (Шумкин, 2015; Колтаков и др., 2019), где сохранилась благодаря особым природным условиям (наличие слоя морских раковин) или антропогенным факторам (присутствие в культурном слое массы жира, образовавшегося в результате длительного проживания охотников на морского зверя) органика (Кольский Оленеостровский могильник, поселения Маяк 2 и Харловка 6). Изделия, сохранившиеся на этих археологических памятниках, часто украшены различными сложными геометрическими, лабиринтообразными, ромбическими орнаментами, которые трудно отделить от абстрактно-геометрических форм. Это же касается и писаниц. Значительно реже на костяных предметах встречаются стилизованные изображения животных, также выполненные в геометрической манере (рис. 4). Только на одном предмете из мыльного камня процарапана уникальная для малых форм фигурная сцена, вероятно, изображающая ловлю рыбы или тюленей сетями (рис. 11: 4–5), да и она выполнена в геометрическом стиле. Несколько более широко представлена скульптура из камня (рис. 12).

А вот орнаментация керамической продукции (Сярйзниеми 2) становится беднее и менее разнообразной. Декор присутствует не на всех сосудах – и то лишь вдоль венчиков в виде неглубоких оттисков мелкозубой гребенки,

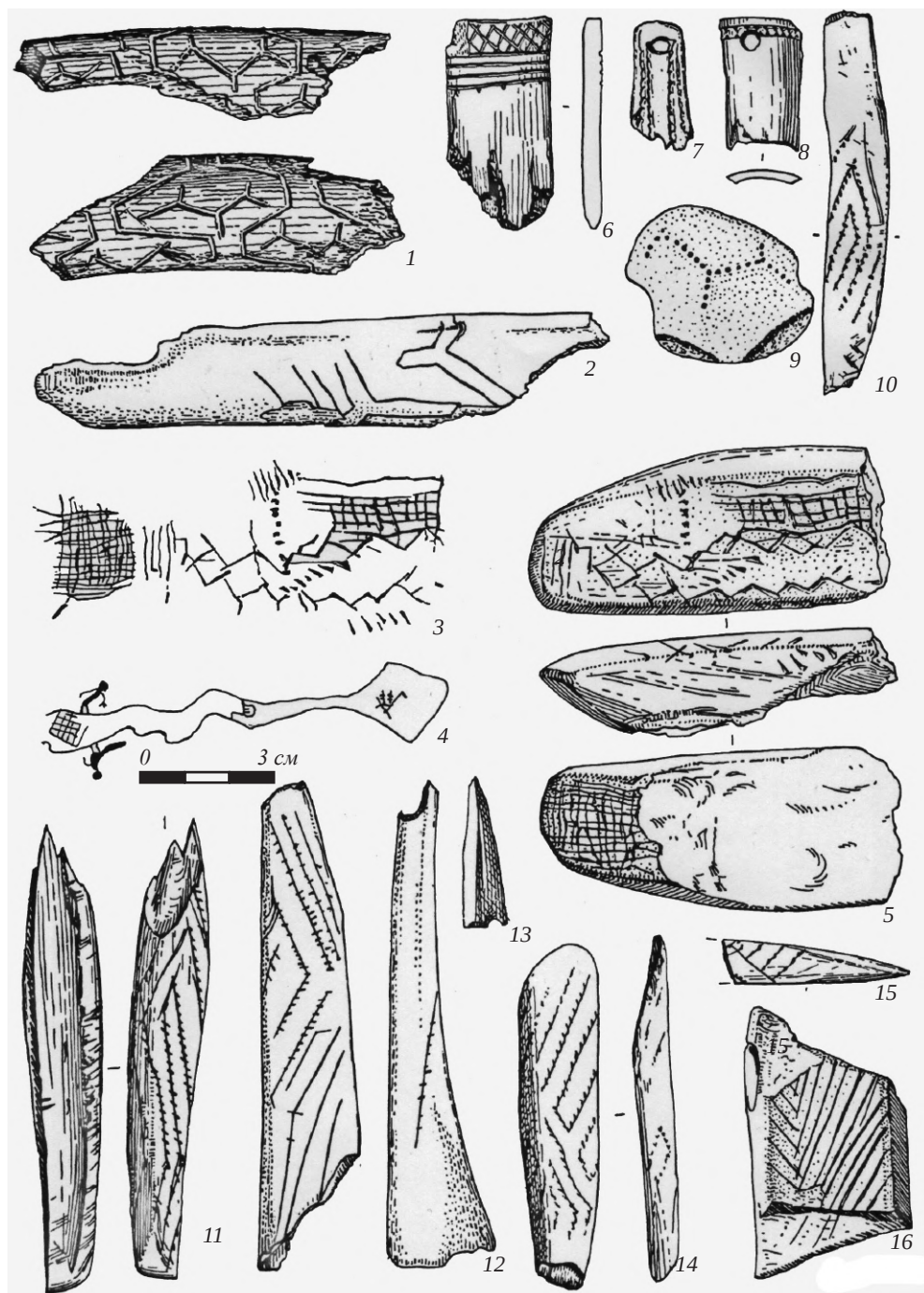

Рис. 11. Изделия с орнаментами из археологических памятников эпохи бронзы

№ 5 – мыльный камень, а № 4 – прорисовка сделанного на нем изображения; остальное – кость

Рис. 12. Скульптурное изображение (собака или медведь). Поселение Маяк 2

Рис. 13. Свечами отмечено месторасположение майкинского «триптиха» в самом дальнем и темном участке пещерного углубления

прочерченных, продавленных параллельных или пересекающихся линий, округлых мелких вдавлений. Чему, видимо, способствовало и добавление в тесто сосудов асбеста, который не способствовал нанесению качественного и сплошного орнамента, не исключая, конечно, и других – например, мировоззренческих – причин.

Во время работы по документированию изображений Пяйве-галереи при осуществлении разведок в 1986 г. на правом берегу р. Майки, соединяющейся в приустьевой части с р. Пяйвой, в 1 км от галереи (рис. 3) на высоте 38 м БС обнаружен грот в скальном останце шириной 15 м, глубиной 6 м и высотой около 2 м. При обследовании его в самой дальней темной части (рис. 13) на плоской вертикальной стене, выше горизонтально лежащей плоской каменной плиты обнаружен «триптих» (рис. 14), состоящий из двух человеческих фигур анфас, между которыми расположен вытянутой формы фантастический персонаж (водный хищник?) с раскрытой пастью (*Шумкин, 1987б. С. 292–293*). Данное местонахождение получило наименование Майка-пещера. Изображения (рис. 15) выполнены составом на основе красной охры, но способом не таким, как на Пяйве, и не линейно, а с заполнением краской тел фигур. Пол антропоморфных изображений не обозначен, но по некоторым очертаниям фигуры, к которой обращена раскрытая пасть хищника, можно предположить, что она женская. Кроме того, при проведении рукой по верхней части тела этого персонажа ощущаются два едва заметных природных бугорка, расположенных на одном уровне и именно там, где и должны быть женские груди. Возможно, глаз древнего художника заметил такое природное образование и именно там изобразил эту фигуру.

Рис. 14. Триптих в Майке-пещере (фото И. Георгиевского)

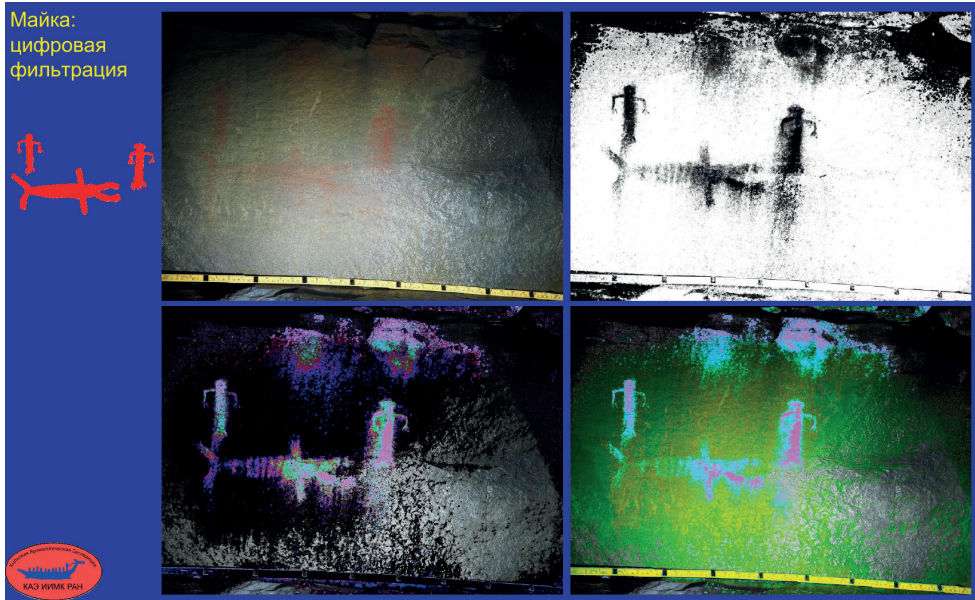

Рис. 15. Триптих в Майке-пещере. Цифровая фильтрация (фото Е. М. Колпакова)

Датирование триптиха еще более проблематично, чем определение возраста писаниц Пяйве-галереи, но одно соображение по этому вопросу все же можно высказать. Изображения хищников с раскрытой пастью нехарактерны для древнего наскального творчества населения Фенноскандии, но обычны у обитателей зауральских (сибирских) территорий. Поскольку, по данным Кольского Оленеостровского могильника (Колпаков и др., 2019), приход из Зауралья нового населения по крайней мере в восточную часть Арктической Фенноскандии зафиксирован не позднее середины II тыс. до н.э., то предварительно можно определить время создания триптиха: не ранее эпохи бронзы – раннего железного века. И в данном случае приходится пока уповать на скорое внедрение новых методик датирования красящего материала на скальных поверхностях.

Закключение. Очевидно, наскальное искусство вовсе не является картинками из жизни и не отражает в буквальном смысле бытие древних коллективов. Скорее на скалах изображены наиболее драматичные и напряженные жизненные ситуации по добычанию пищи.

Это первобытное творчество не было ни натуралистическим, ни реалистическим. Оно «не отражало жизнь в том виде, как это представлялось необходимым нашим искусствоведам лет 50–70 тому назад. Это искусство создавало иной мир – мир художественных образов» (Григорьев, 2016. С. 299).

Знаменитый французский философ Л. Леви-Брюль считал первобытное мышление пралогическим, т. е. предлогическим или неразвитым логическим, но не алогичным (Леви-Брюль, 1994. С. 8). Хотя такое разделение мышления и подверглось критике (Radin, 1927) и даже сам автор отказывался от него, я все же считаю, что эта идея конструктивна, ее можно принять в качестве исходной

для выявления сущности и специфики мифологии при сравнении с другими типами мышления. В какой-то мере можно считать его и мифологическим, не ограничивая, однако, всю творческую деятельность людей первобытных обществ одним лишь мистицизмом. Если изображения фигуративного пласта, оставленные нашими предками, еще как-то находят отклик у специалистов, издателей, читателей, то отношение к знакам, геометрическим фигурам более прохладно, а они в жизни древних людей, несомненно, значили не менее, чем другие, и были частью их символических представлений.

Современные исследователи первобытного искусства уже не сомневаются, что простые знаковые формы изображений появлялись практически одновременно с фигуративными образами. Это хорошо сочетается с утверждением выдающегося американского культуролога и антрополога Л. Уайта (1900–1975): «Все цивилизации и возникали, и сохранялись только благодаря использованию символов. Именно символ преобразует младенца *Homo sapiens* в человеческое существо» (Уайт, 2004. С. 34). То есть, по Уайту, истинное человеческое поведение и его осознанная деятельность в целом начинается именно с использования символов, благодаря которым и произошло окончательное выделение человека из животной среды.

Надо признать, что продолжение этого вида творчества – наскальное искусство послеледникового времени, особенно в арктических регионах планеты – значительно менее известно не только общественности, но и в научном мире. Среди многих причин, объясняющих эту ситуацию – ограничения, присущие этому типу археологических памятников, и трудности его восприятия и понимания. Сказались и старые традиционные представления о ранних этапах древней истории крайнего севера Европы, согласно которым культуры этого региона считались скорее неполноценными, пассивной и периферийной репликой (или слабым продолжением) более «продвинутых» южных (ближневосточных, балканских, центральноевропейских) сообществ, у которых были – и то со значительным запозданием – скопированы некоторые «прогрессивные» черты, включая производящую экономику. Более того, на фоне разрекламированных и по достоинству почитаемых достижений древних цивилизаций, творческие поиски населения «периферийных» регионов могут показаться бледными и недостойными внимания. Но следует признать, что наука и мир искусства еще не в полной мере оценили значение древнего монументального творчества Севера, относящегося к длительному периоду исторического развития и отражающего духовные искания сотен поколений наших предков. Невнимание к изучению наскальных изображений Севера оставляет пробел, разрыв, препятствующий пониманию последующего развития творческих сил человечества.

История духовного развития древнего населения Лапландии демонстрирует определенное сохранение и преемственность традиционных мировоззренческих представлений многих поколений. Более того, можно предположить, что даже при возникновении кризисных ситуаций и появлении определенного регресса в материальной культуре населения духовные практики и традиционная творческая деятельность сохранялись значительно более длительное время, чем чисто технологическая. Вероятно, сбережение и развитие духовной культуры было немаловажным фактором выживания и адаптации населения в экстремальных условиях Арктики.

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-001)

Список литературы

- Григорьев Г. П. Палеолит: начало искусства // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Экстрапринт. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2016. С. 206–309. <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-302-6>.
- Колпаков Е. М., Киселёва А. М. Наскальные изображения полуострова Рыбачий // Кольский сборник 3. К 75-летию Владимира Яковлевича Шумкина. СПб., 2022. С. 18–65.
- Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. Искусство России. СПб., 2012. 422 с.
- Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Хартанович В. И., Шумкин В. Я. Кольский Оленеостровский могильник = Kola Oleneostrovsky cemetery: 1925. 2013. СПб., Вологда. Древности Севера. 2019. 480 с.
- Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Мурашкин А. И. Петроглифы Чальмн-Варрэ = Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya., Murashkin A. I. Čalmn-Varrè petroglyphs. СПб.: ЛЕМА. 160 с. (на русском и английском языках)
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс. 1994. 608 с.
- Уайт Л. Избранное: Наука о культуре / (Серия «Культурология. XX век»). Пер. с англ. О. Р. Газизова, П. В. Резвых. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.
- Чарнолуцкий В. В. Легенда о человеке-олене. М.: Наука, 1965. 139 с.
- Шумкин В. Я. Отчет о работе Понойской группы КАЭ ЛОИА АН СССР в 1973 году. Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 40. 1973. С. 1–14.
- Шумкин В. Я. Исследование Кольского полуострова // АО 1985. М.: Наука. 1987а. С. 44–45.
- Шумкин В. Я. Новые наскальные изображения Северной Европы // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. ТД Всесоюзной археологической конференции, Суздаль. М.: Наука. 1987б. С. 292–293.
- Шумкин В. Я. Петроглифы и писаницы Кольского полуострова // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. Ред. М. А. Дэвлет. М.: Наука. 1990. С. 34–43.
- Helskog K. Communicating with the World of Beings. The World Heritage rock art sites in Alta, Arctic Norway. Oxford & Philadelphia: Oxbow Books: 2014. 240 p.
- Lahelma A. A. touch of red: archeological ant ethnographic approaches to interpreting Finnish rock paintings / Iskos 15. Finn. antiquarian soc. Helsinki: 2008. 279 p.
- Radin P. Primitive Man as Philosopher. N.-Y., 1927. 387 p.
- Schanke K. Kan bergmalierier være samiske? // Samisk forhistorie. Varanger Samiske Museums Skrifter: 2004. P. 102–112.
- Shumkin V. Ya. The rock art of Russian Lappland // Fennoscandia Archaeologica 1990.VII. P. 53–67.
- Shumkin V. Ya. 2000. The rock art of Russian Lappland. Fennoscandia archaeologica, Vol. 7. Helsinki. 2000. P. 53–67.

Сведения об авторе

Шумкин Владимир Яковлевич, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
E-mail: shumkinv@yandex.ru

V. Ya. Shumkin

MONUMENTAL AND MOBILE ART OF THE ANCIENT POPULATION OF RUSSIAN LAPLAND

Abstract. In the past 50 years (1973–2023), as a result of research by the Kola archaeological expedition of the Leningrad department of the Institute of archaeology USSR Academy of Sciences /IHMC RAS (since 1991), the petroglyphs of Chalmn-Varre, Kanozero and on the Rybachy Peninsula (Piyva and Mike) were discovered and studied in the Murmansk region. Only these Kola objects can reasonably be recognized as the only sites of ancient monumental art of the Russian European Arctic which have survived to this day. This rock art, which have both figurative and geometric images, as well as objects of mobile art (mainly of geometric style ornaments and rare sculptures), are complex and multifaceted subjects of study. Their use as a source in historical and cultural reconstructions, art history, the evolution of intelligence and cognitive psychology, religion and mythology requires careful archaeological analysis. To successfully work on these research topics, it is necessary, first of all, to carefully document images, determine the exact age, and comparative characteristics (style, carving/drawing technique, composition, landscape environment, microrelief) of various places of ancient rock art. In connection with the development of new technical and natural methods, significant successes have recently been achieved in these areas, which are most obvious and successful, as practice shows, with the joint work of specialists from different countries.

Keywords: Fennoscandia, Kola Peninsula, Stone Age, Bronze Age, rock art, petroglyphs, pisanitsy, geometric style.

О ПЛОСКОСТНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЕ РУБЕЖА ЭНЕОЛИТА – ЭПОХИ БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Резюме. Статья посвящена выявлению причин хронологических и пространственных изменений в плоскостных изображениях на керамике энеолита – эпохи бронзы лесной полосы Восточной Европы. Проанализировано более 90 графических фигур животных и антропоморфов на керамике, относящейся к неолиту – эпохе бронзы. Установлено, что орнитоморфные и антропоморфные изображения на керамической посуде получают наибольшее распространение на территории региона в конце неолита – начале энеолита. К финалу энеолита традиция изображения птиц на керамической посуде вошла в стадию угасания. Появление образов рыбы и змеи (образов «нижнего мира») на керамической посуде рубежа энеолита – эпохи бронзы на локальной территории Верхнего и Среднего Поволжья свидетельствует о существенных изменениях в мировоззрении древних жителей лесной полосы Восточной Европы, что, видимо, связано с влиянием культур лесостепного населения с производящей экономикой. Пространственный и хронологический анализ «орнитоморфных» фигур в виде зигзага (в виде латинской буквы «Z») на сетчатой керамике Восточной Европы показал, что появление данного узора на керамике в лесной полосе Европы произошло под воздействием населения круга степных и лесостепных культур или общностей Евразии (поздняяковской, срубной, андроновской). Орнаментальный «орнитоморфный» мотив в виде зигзага был характерен только для наиболее ранней сетчатой керамики на части ареала ее распространения, что свидетельствует о быстром затухании данной традиции в восточной части бассейна Балтийского моря и южной части бассейна Белого моря.

Ключевые слова: изображения на керамике, птица, антропоморф, рыба, змея, энеолит, эпоха бронзы, Восточная Европа.

Введение. Сосуды с зооморфными и антропоморфными изображениями являются сравнительно немногочисленной категорией находок на древних поселениях Восточной Европы и Зауралья, однако вряд ли можно сомневаться в их значимости не только для реконструкции мировоззрения первобытных людей, но и в изучении процессов межкультурного взаимодействия.

Плоскостным зооморфным и антропоморфным изображениям на керамической посуде эпохи неолита и бронзы со стоянок Восточной Европы и Зауралья посвящен ряд обобщающих работ, в которых рассмотрены вопросы о датировке, культурной принадлежности и отчасти семантике зооморфного и антропоморфного декора (Edgren, 1967; Гурина, 1972; Мошинская, 1972; 1976; Ошибкина, 1980; Чауркина, 2005; Кашина, 2006; Ковалева, Зырянова, 2007; Жульников, Кашина, 2010; Жульников, 2011; 2022).

В настоящее время на территории Финляндии, Белоруссии, юго-восточной части Прибалтики и северных регионов европейской части России найдены фрагменты от минимум 60 неолитических и энеолитических сосудов с орнитоморфными изображениями и от 14 нео-/энеолитических сосудов с антропоморфными фигурами (рис. 1). Примерно две трети из них происходят с территории Финляндии, Карелии, Карельского перешейка. К финалу энеолита – началу эпохи

бронзы относятся фрагменты от 14 сосудов, на которых имеются изображения рыбы, змеи, змеи-молнии и водоплавающей птицы. В восточной части бассейна Балтийского моря, в Верхневолжье и Посухонье изредка встречаются сетчатые сосуды эпохи бронзы, украшенные горизонтальными рядами в виде зигзага, напоминающего стилизованные изображения водоплавающих птиц.

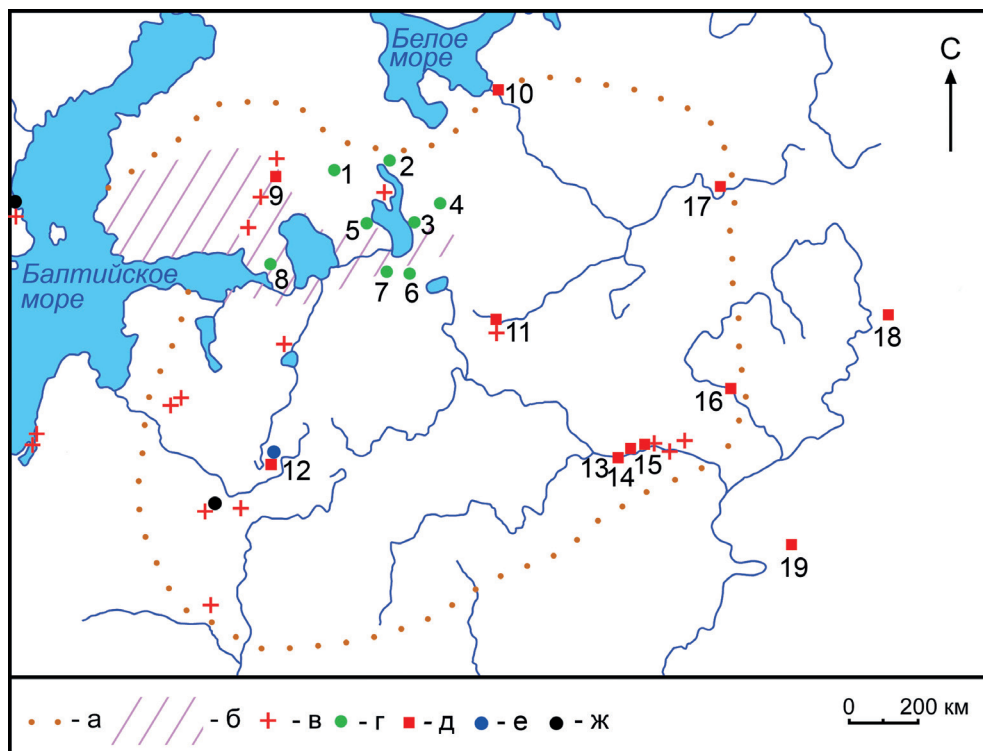

Рис. 1. Распространение плоскостных изображений птиц и антропоморфов на неолитической и энеолитической керамике лесной полосы Восточной Европы

а – граница распространения орнитоморфных фигур на территории Восточной Европы;
б – территория, где найдены изображения водоплавающих птиц с обозначенным крылом (в виде одного-двух наклонных оттисков гребенчатого штампа); *в* – антропоморфные изображения на нео-/энеолитической керамике; *г* – орнитоморфные изображения на ромбоямочной керамике; *д* – изображения птиц на пористой и асбестовой керамике.
1 – Чудозеро VI; 2 – Войнаволок IX; 3 – район мыса Бесов Нос; 4 – Косицина-2;
5 – Вигайнаволок I; 6 – Илекса (на Куштозере); 7 – Падань I; 8 – Муолаа Каппаланйоки;
9 – Таипале Липери; 10 – Кузнечиха; 11 – Вёкса; 12 – Усвяты IV; 13 – Майданская;
14 – Отарское XVIII; 15 – Парат XII; 16 – Усть-Лудяна II; 17 – Ваднюр I; 18 – Бор III;
19 – Чекалино IV

П. Н. Третьяков и Н. Н. Гурина обратили внимание на совпадение территории распространения орнитоморфных изображений на керамике с областью современного расселения финно-угров (Третьяков, 1966. С. 59; Гурина, 1972. С. 45) и поставили вопрос о причинах этого явления. По мнению В. И. Мошинской, в первобытную эпоху имело место воздействие со стороны Зауралья на развитие зооморфного декора более западных культур (Мошинская, 1976. С. 31–32).

В финале энеолита – начале эпохи бронзы Восточной Европы на керамической посуде Верхнего и Среднего Поволжья появляются новые образы – рыбы и змеи. Изображения рыб на керамике рассматриваются исследователями как свидетельство высокой роли рыболовства в это время (*Крайнов, 1991; Гаврилова, 1991*). Однако неясно, почему подобные изображения не представлены на неолитической посуде, а область распространения фигур рыб и змей на керамике охватывает лишь незначительную часть лесной зоны Восточной Европы. Для решения проблемы появления в финале энеолита новых образов на керамической посуде важным представляется изучение динамики развития и культурно-хронологического контекста этого явления.

По мнению ряда исследователей, существует преемственность между изображениями птиц на нео-/энеолитической керамике (многие из которых имеют довольно реалистичный облик) и схематичными фигурами на сетчатой посуде эпохи бронзы в виде латинской буквы «Z», напоминающими стилизованное изображение водоплавающей птицы. Как отмечает С. В. Ошибкина, в керамике эпохи бронзы Восточного Прионежья со схематическими изображениями птиц «можно видеть сочетание новой формы, заимствованной от населения культур боевых топоров и видоизмененной орнаментации, в которой частично сохраняются древние мотивы, в том числе традиционные изображения водоплавающих птиц. По-видимому, есть основания говорить о преемственности в приемах орнаментации посуды ранних стоянок эпохи бронзы с сетчатой керамикой и неолитических с ямочно-гребенчатой» (*Ошибкина, 1980. С. 50*). Л. С. Андрианова и М. В. Иванищева стилизованные зигзагообразные изображения птиц на одном из сетчатых сосудов эпохи бронзы со стоянки Березовая Слободка II–III рассматривают как отражение архаической традиции (*Андрианова, Иванищева, 1998. С. 329*). Область распространения предполагаемых стилизованных изображений птиц на сетчатой посуде значительно меньше зоны распространения на керамике орнитоморфных неолитических изображений в лесной полосе Восточной Европы и охватывает лишь малую часть территории, заселенную еще в недавнем прошлом финноязычным населением. В этой связи возникает вопрос – насколько правомерно отождествлять композиции на керамике эпохи бронзы, состоящие из схематических зигзагообразных фигур, с изображениями птиц на нео-/энеолитической посуде; не имеем ли мы дело в данном случае лишь с оригинальным видом орнамента? Для ответа на этот вопрос в рамках данного исследования было изучено развитие (в пространственно-хронологическом отношении) орнитоморфного образа на нео-энеолитической керамике лесной полосы Восточной Европы. Кроме того, был проведен поиск аналогий орнаментальной композиции в виде горизонтального ряда (рядов) фигур в виде латинской буквы «Z».

Изображения на керамике неолита – начала энеолита. Древнейшее на Севере Европы изображение птицы на глиняном сосуде найдено на территории Финляндии на стоянке Киикарусниemi. Сосуд относится к ранней фазе гребенчатой керамики Финляндии, что подтверждается и имеющейся радиоуглеродной датировкой стоянки – 6150±110 (Hel-1750) (*Nieminen, Ruonavaara, 1984. P. 11*).

На керамических нео-/энеолитических сосудах, обнаруженных в лесной полосе Восточной Европы, зафиксировано не менее 40 композиций с полнофигурными графическими изображениями водоплавающих птиц, выполненными оттисками гребенчатого штампа. На территории, расположенной к западу от Урала, изображения на сосудах большей частью относятся к кругу неолитических культур гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамики. Как правило, изображения птиц располагались однорядным «фризом» (в виде хоровода) по всей окружности сосуда (рис. 2: 4). Длинная шея указывает на то, что изображен гусь или лебедь (большинство сосудов), а отсутствие ног – что птицы показаны плывущими. Все изображения профильные и выполнены по необожженной поверхности сосуда в той же технике, что и абстрактно-геометрический орнамент на сосудах этой эпохи. Фигуры расположены, как правило, близко к венчику, но никогда не примыкают к нему вплотную. Голова, шея и туловище птиц нанесены на сосуды преимущественно гребенчатым штампом. В редких случаях подпрямоугольное туловище заполнено рядами вертикальных отпечатков, зигзагом, зигзагом с ямками (Жульников, Кашина, 2010. С. 27–28). Выделяется локальная территория (рис. 1), где найдено восемь сосудов с фигурами водоплавающих птиц, у которых одним-двумя наклонными оттисками гребенчатого штампа обозначено крыло (Там же. Рис. 3: 2, 3) (рис. 2: 3–10). Эти изображения связаны с керамикой только одного типа – позднеэнеолитической типичной гребенчатой (гребенчато-ямочной) и, видимо, маркируют круг брачных связей определенной группы населения восточной части бассейна Балтийского моря.

Кроме изображений, выполненных оттисками гребенчатого штампа, на позднеэнеолитической – раннеэнеолитической керамике лесной полосы Европы известны полнофигурные и редуцированные фигуры птиц, составленные из ямочных вдавлений. Большая их часть относится к культуре ромбоямочной керамики (типа Пегрема I). На поселениях с ромбоямочной керамикой пегремского типа примерно в равной пропорции представлены сосуды, украшенные, наряду с оттисками гребенки, ромбическими, овальными, округлыми и неправильной формы вдавлениями-ямками. По иным морфологическим признакам такие сосуды, украшенные ямками различной формы, не имеют отличий, поэтому могут рассматриваться как единый хронологический комплекс, то есть название «ромбоямочная керамика» является во многом условным. Керамика этого типа обнаружена на многих стоянках бассейна Онежского озера, в юго-западной части бассейна Белого моря, в бассейне озер Воже и Лаче, бассейне Белого озера, восточной части побережья Ладожского озера. За пределами этой области встречаются лишь единичные или весьма немногочисленные серии ромбоямочной керамики. Наиболее четко очерчивается восточная граница распространения типа, проходящая по водоразделу Северной Двины и Онеги и западнее оз. Кубенского. Южнее, в бассейне Десны и Верхней Оки, известна другая разновидность неолитической керамики, украшенной ромбическими ямками, определяемой как керамика белевского и деснинского типа. Керамика этого типа морфологически по многим признакам отлична от северного варианта керамической посуды, в орнаментации которой также используются ромбические ямки. В южной части территории распространения северного варианта ромбоямочной керамики, в бассейне Онежского озера,

известны памятники с керамической посудой, украшенной гребенчато-ямочным орнаментом, имеющие аналогии в типичной гребенчатой керамике восточной части бассейна Балтийского моря. Памятники с ромбоямочной керамикой пегремского типа относятся к переходному от неолита к энеолиту периоду и к раннему энеолиту, датируются в основном в пределах первой половины IV тыс. до н. э. (Иванищева и др., 2020. С. 32).

В области распространения ромбоямочной керамики на семи поселениях (рис. 1: 1–6, 8) на данный момент найдены фрагменты от 15 сосудов, на которых имеются выполненные ямками изображения. Некоторые из подобных фигур на керамике ранее были интерпретированы исследователями как изображения птиц (Гурина, 1972. Рис. 10; Журавлев, 1991. Рис. 94), остальные были недавно опубликованы автором (Жульников, 2021) или впервые представлены в настоящей статье.

Многие из фигур на сосудах с ромбоямочной и ямочно-гребенчатой орнаментацией являются схематичными или редуцированными изображениями водоплавающих птиц. По степени схематизации изображения птиц из ямок, обнаруженные на территории культуры ромбоямочной керамики, могут быть разделены на три группы.

К первой группе относится однорядный фриз из полнофигурных изображений водоплавающей птицы на сосуде со стоянки Войнаволок IX (рис. 3: 10) (Гурина, 1967. Рис. 12; 1972. Рис. 10: 7, 8), группа из фигур птиц на сосуде со стоянки Вигаинаволок I (рис. 3: 4). Подобные изображения по своей реалистичности напоминают нео-/энеолитические фигуры птиц, выполненные оттисками гребенчатого штампа.

Ко второй группе отнесены сосуды, в орнаменте которых наблюдается модификация традиционного для ромбоямочной и ямочно-гребенчатой посуды мотива из горизонтального ряда треугольников (вершинами вверх), путем дополнения их линией ямок, изображающей верхнюю часть тела птицы (шею и голову). В пяти случаях (Илекса (на Куштозеро), Вигаинаволок I (Журавлев, 1991. Рис. 94: 10), район Бесова Носа (Лобанова, 2005. Рис. 2), Чудозеро VI) голова птицы изображена в виде незамкнутой петли (крючка), отходящей от верхней части треугольника (рис. 3: 2, 3, 6, 11, 14). Имеется один сосуд со стоянки Вигаинаволок I (Журавлев, 1991. Рис. 94: 4), на котором шея и голова птицы обозначены линией, отходящей от нижней части треугольника (рис. 3: 5). Еще одна композиция, отнесенная ко второй группе (один экземпляр со стоянки Илекса (на Куштозеро)), выглядит предельно схематичной, поэтому отнести ее к изображениям птиц можно лишь предположительно – по аналогии с другими фигурами, отнесенными ко второй группе. В данной композиции треугольники из крупных ромбических вдавлений с одного края дополнены двумя мелкими ямками (хвост?) (Жульников, 2021. Рис. 2: 7; 3: 2В).

Третья группа фигур из ямок (пять сосудов со стоянок Муолаа Каппаланйоки (Niire, 2003. Р. 118), Илекса (на Куштозеро), Вигаинаволок I (Журавлев, 1991. Рис. 9: 4, 5, 15), Косицина-2) представляет собой горизонтальный фриз, состоящий из линий, изображающих, видимо, шею и голову птицы. Голова птицы показана в виде крючка или незамкнутой петли (рис. 3: 1, 7, 8, 9, 13). Туловище на относительно полно сохранившихся фрагментах композиции отсутствует. Шеи птиц в тех случаях, когда композиция представлена достаточно полно,

«опираются» на горизонтальный ряд из ямок (уровень поверхности воды?). Определение подобных фигур в качестве редуцированных изображений (плывущих?) водоплавающих птиц отчасти подтверждается наличием сходных композиций, выполненных оттисками гребенчатого штампа на сосудах с поселений с типичной гребенчатой керамикой (Гурина, 1972. Рис. 10: 6; Schultz, 2006. Abb. 1), усятской (Зверь и человек. 2009. С. 388) и волосовской культур (Усанов, 2009. С. 44).

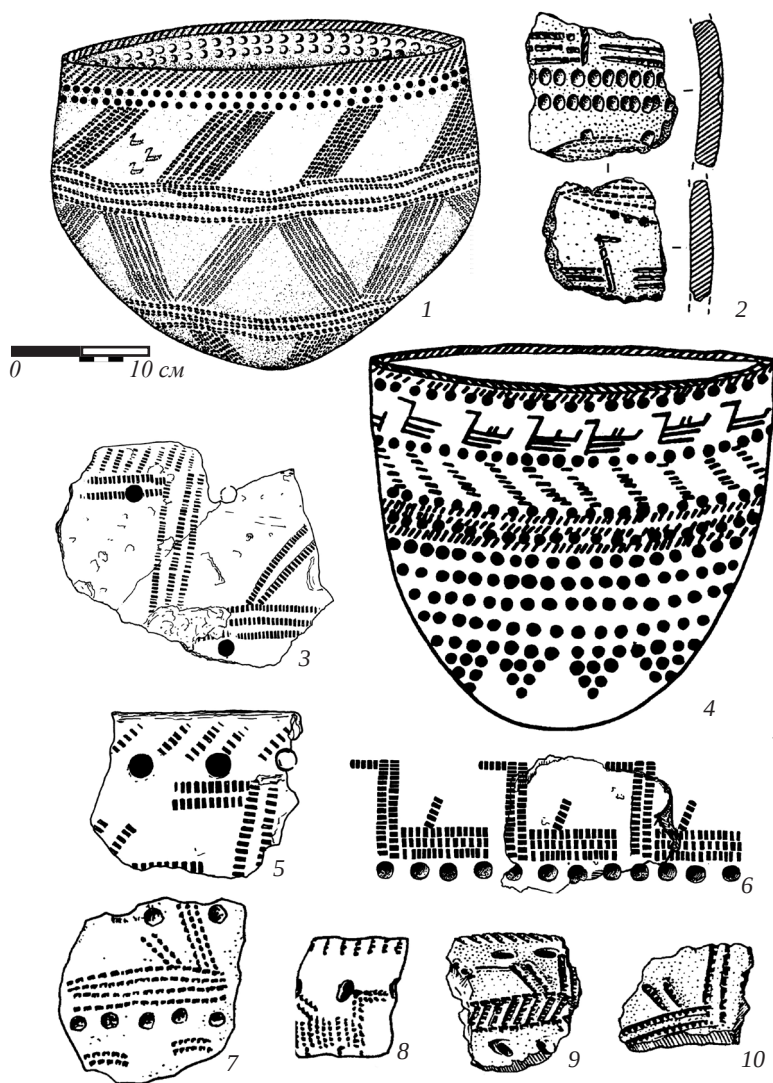

Рис. 2. Орнитоморфные изображения на позднеэнеолитической – раннеэнеолитической керамике Восточной Европы

1 – Усть-Кедва (Семенов, Несанелене, 1997. Рис. 19: 1); 2 – Вис II (Буров, 1967. Табл. IX: 11, 12); 3 – Кольмхаара; 4 – Кубенино (Смирнов, 1941. Рис. 47: а); 5 – Питайянмяки; 6 – Пески IVa; 7 – Негежма (Гурина, 1972. Рис. 10: 3); 8 – Ломми (Там же. Рис. 10: 1); 9 – Сулькава (Там же. Рис. 10: 2); 10 – Пихтипудас Муурреярви (Там же. Рис. 10: 5)

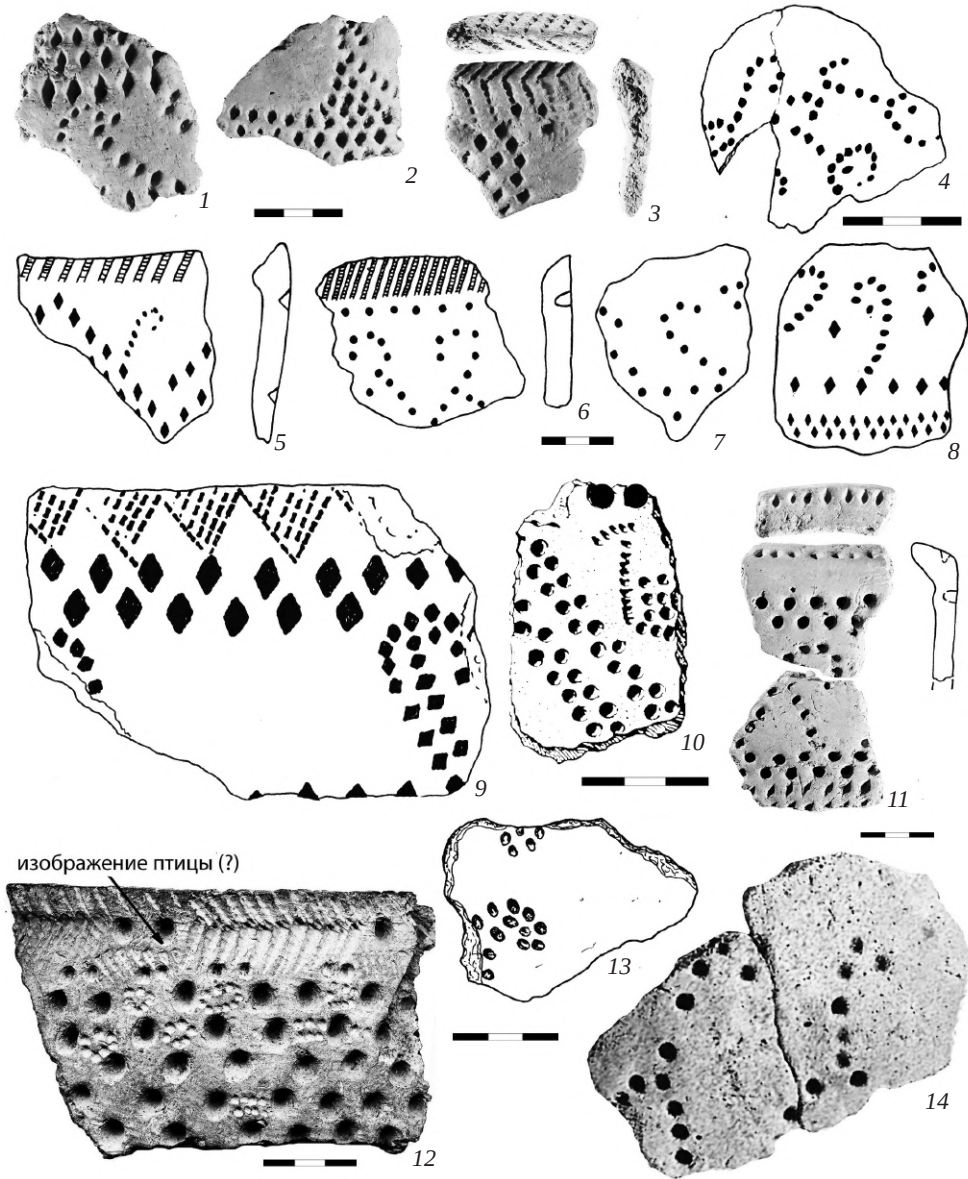

Рис. 3. Полнофигурные и редуцированные изображения из ямок на фрагментах сосудов, обнаруженных в области распространения ромбоямочной керамики

1–3 – Илекса (на Куштозере); 4–8 – Вигайнаволок I; 9 – Муолаа Каппаланйоки; 10 – Войнаволок IX; 11 – Чудозеро VI; 12 – Падань I; 13 – Косицина-2; 14 – район мыса Бесов Нос

Кроме того, на стоянке Падань I, исследованной Т. М. Гусенцовой в Юго-Западном Прионежье (рис. 1: 7), в комплексе, включающем поздненеолитическую керамику с овальными, ромбическими и округлыми ямками, имеется уникальный сосуд, на котором наблюдается сочетание фигур, выполненных

оттисками гребенки и ямками (Гусенцова, 2006. Рис. 1). У венчика сосуда прослеживается одна или две фигуры водоплавающей птицы, составленной из оттисков гребенки (рис. 3: 12). Ниже фигуры птицы, между горизонтальными рядами редко расставленных крупных овальных вдавлений мелкими ямками-лунками нанесены овалы, кружки, прямоугольники, наклонные и изогнутые линии. Овалы и кружки напоминают по форме птичьего яйца. Мифологема происхождения мира из яйца водоплавающей птицы, как известно, широко и устойчиво представлена в фольклоре финно-угорских народов (Жульников, 2006. С. 42) и вполне могла найти отражение в изображениях на керамической посуде древнего населения Северной Европы.

Фигуры птиц из ямок на керамике других нео-/энеолитических культур Восточной Европы встречаются значительно реже по сравнению с фигурами из оттисков гребенчатого штампа. За пределами ромбоямочной культуры (в ее северном варианте – типа Пегрема I) известно три позднеэнеолитических сосуда с полнофигурными изображениями птиц, составленными из ямок. Эти фигуры отличаются не только своим видом, но и характером расположения на поверхности сосуда. Имеются фигуры, размещенные у венчика на сосуде со стоянки Черная Гора (Усанов, 2009. С. 64), на тулове и у венчика со стоянки Луново II (Смирнов, 1996. Рис. 66: 11), у дна сосуда со стоянки Сахтыш Па (Крайнов, 1992. Рис. 99).

В области культуры ромбоямочной керамики пегремского типа на стоянках Черная Губа IX (Витенкова, 2002. Рис. 35), Каукола Лавамяки и Негежма (Гурина, 1972. Рис. 10: 3, 4), Пески IVa (Жульников, 2006. Рис. 36: 1), Кубенино (Смирнов, 1941), Пегрема II (Журавлев, 1991. Рис. 101) обнаружены фрагменты пяти сосудов с изображениями птиц, выполненных оттисками гребенки. На этих сосудах в четырех случаях в орнаментации помимо оттисков гребенчатого штампа наблюдаются округло-цилиндрические ямки (Негежма, Пески IVa, Кубенино, Пегрема II), в одном случае – овальные ямки (Черная Губа IX) и еще на одном фрагменте имеются ромбические вдавления (Каукола Лавамяки). Со стоянки Черная Губа IX, расположенной в северной части побережья Онежского озера, происходит сосуд с фризом, составленным из пар лебедей, нанесенных оттисками гребенки (Витенкова, 2002. Рис. 35). Головы у лебедей низко опущены – показаны в виде крючка, что напоминает ряд вышеупомянутых изображений, выполненных ямками. По обилию в орнаментации сосуда с фигурами лебедей со стоянки Черная Губа IX ямок овальной формы он может быть отнесен к ромбоямочной керамике.

Следует отметить, что частое использование в орнаментации округло-цилиндрических ямок – при доминировании оттисков гребенки – характерно для типичной гребенчатой керамики, широко представленной в восточной части бассейна Балтийского моря. Из области распространения керамики этого типа происходит довольно многочисленная серия сосудов с изображениями птиц, выполненных оттисками гребенки. Напротив, в Юго-Западном Прибалтийском море, где в комплексах ромбоямочной керамики почти не представлены округло-цилиндрические ямки и отсутствует типичная гребенчатая керамика, сосуды с изображениями птиц неизвестны. Эти данные позволяют предположить, что распространение гребенчатых плоскостных изображений птиц на сосудах в южной части региона распространения ромбоямочной посуды,

скорее всего, обусловлено преимущественно западным влиянием – из области распространения типичной гребенчатой керамики. Не исключаются и межкультурные связи с Верхним Поволжьем, где известно несколько сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией и изображениями водоплавающих птиц из оттисков гребенки.

Фигуры на сосудах, выполненные ямками, представляют в большинстве случаев редуцированные или схематические изображения водоплавающих птиц, являющиеся модификациями типичных для ромбоямочной керамики мотивов орнамента. Отсутствие подобных ямочных изображений птиц на территории Финляндии и Эстонии – в области распространения типичной гребенчатой керамики – подтверждает их связь с культурой ромбоямочной керамики. За пределами культуры ромбоямочной керамики изредка встречаются редуцированные изображения водоплавающих птиц, выполненные оттисками гребенки. При всем различии в технике нанесения на глину подобных изображений, скорее всего, как и в случае с плоскостными фигурами водоплавающих птиц на керамике, мы имеем дело с одним из проявлений общей для целого ряда нео-/энеолитических культур лесной полосы Восточной Европы культурной традиции.

Сосуды с антропоморфными фигурами на нео-/энеолитической керамике Восточной Европы встречаются реже, чем с орнитоморфными. По данным автора, насчитывается 16 сосудов с подобными изображениями (Финляндия – 3, Беларусь – 3, Литва – 2, Латвия – 2, Карелия – 1, Новгородская обл. – 1, Вологодская обл. – 1, Среднее Поволжье – 3). Изображение на раннеэнеолитическом сосуде с поселения Звидзе (*Лозе*, 1983) относится к V – началу IV тыс. до н. э. (Она же, 1988). Сосуды с накольчатой орнаментацией и антропоморфными фигурами на плоском доннышке со стоянок Среднего Поволжья (*Никитин*, 1996. С. 101) датируются V тыс. до н. э. Остальная часть сосудов с антропоморфными фигурами относится к IV тыс. до н. э. Антропоморфные изображения на керамических сосудах обычно единичны и не образуют рядов из повторяющихся фигур.

На территории Восточной Европы известно два сосуда с изображениями копытных животных со стоянок Мольбище (Среднее Поволжье) и Бор III (Прикамье) – оба энеолитического времени (*Никитин*, 1996. Рис. 75: 4; *Бадер, Соколова*, 1953. Рис. 16: 8) и два неолитических сосуда, на которых имеются фигуры, похожие на изображения дерева – со стоянок Пегрема II (Заонежье) и у пос. Дубовский (Среднее Поволжье) (*Журавлев*, 1991. Рис. 101; *Никитин*, 1996. Рис. 35: 16).

На сосуде со стоянки Бор III выше фриза из фигур копытных животных у венчика имеется одиночное (?) изображение – возможно, водоплавающей птицы (*Бадер, Соколова*, 1953. Рис. 16: 8). По ряду особенностей орнаментации этот сосуд может быть отнесен к борскому этапу гаринской культуры. С другой стороны, композиция в виде фриза из фигур копытных для восточноевропейской керамики нехарактерна, зато представлена на аятской и иной энеолитической посуде Зауралья (*Мошинская*, 1972. С. 60–61; *Чаиркина*, 2005. С. 247–250). Показательно, что наряду с изображениями копытных животных с обозначенными ногами, на зауральской посуде имеются фигуры лосей или оленей, у которых, как и на сосуде со стоянки Бор III, ноги не изображены. Поскольку фигуры на сосуде со стоянки Бор III находят определенные аналогии в зауральской керамике, стоит обратить внимание на наличие на многих стоянках

гаринской культуры посуды с примесью талька зауральского происхождения (Бадер, 1961. С. 28). Керамика зауральского происхождения на гаринских памятниках относительно малочисленна и не образует самостоятельных комплексов, поэтому ее происхождение в бассейне Камы связано не с миграцией зауральских племен, а с брачными связями населения Прикамья и Зауралья. Одним из последствий этих связей, видимо, и явилось появление на гаринском сосуде фриза из копытных животных, относящегося к зауральской (аятской?) культурной традиции (Жульников, 2011. С. 28).

Изображения на позднеэнеолитической керамике. В конце эпохи энеолита (вторая половина IV–III тыс. до н. э.) в лесной полосе Восточной Европы происходят кардинальные изменения в технологии производства керамической посуды. Основными примесями к глине в это время становятся раковина, птичий пух, а на территории Восточной Финноскандии – асбест, который обычно сочетается в сосудах с птичьим пухом или раковиной. Изображения птиц на керамике этого времени немногочисленны. На данный момент известно всего девять энеолитических стоянок, где обнаружено десять сосудов с изображениями водоплавающих птиц (не считая предполагаемой фигуры птицы на сосуде со стоянки Бор III). Все эти стоянки удалены друг от друга на значительные расстояния (рис. 1: 9–19).

На территории Восточной Финноскандии найдены фрагменты энеолитического сосуда с примесью асбеста (стоянка Таипале Липери) (рис. 1: 9), на котором оттисками гребенчатого штампа выполнено несколько горизонтальных рядов водоплавающих птиц (рис. 4: 2). У некоторых птиц оттисками гребенки обозначены ноги. В отличие от более ранних композиций с фигурами водоплавающих птиц из области культуры типичной гребенчатой керамики восточной части бассейна Балтийского моря, сосуд из Таипале по всей внешней поверхности украшен фигурами птиц, какие-либо разделительные зоны из оттисков штампа, обычные для более ранней типичной гребенчатой позднеэнеолитической керамики, между ними отсутствуют. По форме венчика, характерного для асбестовой керамики типа Киерикки (*Mökkönen, Nordqvist, 2017*), сосуд может быть датирован третьей четвертью IV тыс. до н. э.

Со стоянки Вёкса, расположенной на берегу р. Вологды (бассейн Верхней Сухоны) (рис. 1: 11), происходит сосуд с пористой структурой, украшенный оригинальной композицией (Недомолкина, 2020. Рис. 1). На этом сосуде фигуры птиц выполнены неглубокими ямками. Птицы «плывут» вверх перпендикулярно к краю венчика, а не параллельно ему, как это наблюдается в иных случаях на нео-/энеолитической керамике. Фигуры птиц на сосуде с Вёксы пересекают одинарную горизонтальную линию из ямок, которая, возможно, изображает водную поверхность (рис. 4: 5). Не исключено, что в этой композиции представлены утки (судя по короткой шее), как бы вынырывающие из воды.

Несомненный интерес представляет выполненное из мелких ямок изображение лебедя на внутренней стороне энеолитического сосуда с примесью раковины со стоянки Кузнечиха, расположенной в приустьевой части Северной Двины (рис. 1: 10) (Смирнов, 1940. Рис. 3: 4) (рис. 4: 4), так как аналогии этой фигуре с выгнутой «полосатой» спиной имеются на петроглифах Онежского озера (Равдоникас, 1936. Табл. 13: 37). На стоянке Кузнечиха представлен

чистый комплекс керамики с примесью раковины, имеющей отдаленные аналогии в гребенчато-ямочной пористой керамике типа Залавруга, получившей распространение в Западном Прибеломорье (Жульников, 2007), датированной по нагару на керамике второй половиной IV тыс. до н. э. (Nordqvist, 2018).

На стоянке Усвяты IV, находящейся в Ловатско-Двинском междуречье (рис. 1: 12), найден сосуд с примесью раковины, на котором имеются ряды (?) редуцированных орнитоморфных изображений водоплавающей птицы (голова и шея, выполненные двумя или тремя линиями из оттисков гребенчатого штампа) (рис. 4: 1). Изогнутая плавная линия из оттисков гребенки, возможно, изображает волну на поверхности воды. Сосуд относится к Усвятской археологической культуре конца IV – первой половины III тыс. до н. э. (Зверь и человек. 2009. Рис. 286).

На ранневолосовской стоянке Майданская в Среднем Поволжье (рис. 1: 13) В. В. Никитиным были обнаружены фрагменты толстостенного круглодонного сосуда с пористой структурой. Стенки сосуда украшены, видимо, поясом из фигур водоплавающих птиц, выполненных оттисками гребенчатого штампа. Туловище птиц, в отличие от рассмотренных выше неолитических изображений лесной полосы Восточной Европы, имеет вид ромба (рис. 4: 10). Исследователь отмечает, что на другом сосуде из смежного жилища также имеется рисунок птицы с туловищем в виде ромба, у которого по сторонам отмечены крылья и ноги (рис. 4, 7) (Никитин, 1996. Рис. 75: 10, 11). В иных регионах Восточной Европы изображения птиц с туловищем в виде ромба неизвестны.

На Отарском XVIII волосовском поселении (рис. 1: 14) В. В. Никитиным был найден сосуд с изображением личины и фигуры, которая интерпретируется исследователем как изображение змеи или ужа (Никитин, 1996. С. 162. Рис. 75: 1). Фигура представляет собой горизонтальный ряд (в виде прямой линии, а не зигзагообразной или волнообразной полосы), составленный из коротких оттисков гребенки, который опоясывает сосуд и завершается приподнятой головой в виде крючка (рис. 4: 6). Эта фигура представляет, на мой взгляд, редуцированное изображение «хоровода» водоплавающих птиц в верхней части сосуда, которое подобно большинству других орнитоморфных композиций на нео-энеолитической керамике лесной полосы Восточной Европы.

На стоянке Усть-Лудяна II, расположенной на Средней Вятке (рис. 1: 16), обнаружена пористая керамика, сочетающая волосовские и гаринские черты. В верхней части одного из сосудов с пористой структурой, найденных на стоянке, имеется композиция в виде горизонтального ряда фигур водоплавающей птицы, выполненных из изогнутых оттисков гребенчатого штампа (рис. 4: 8) (Наговицин, 1980. Рис. 12: 6).

Места многочисленных находок позднеэнеолитических сосудов с фигурами птиц расположены на территории разных археологических культур с пористой и асбестовой керамикой, не образуя локальных скоплений. Между позднеэнеолитическими изображениями, найденными на значительном удалении друг от друга, наблюдаются существенные различия как по форме фигур птиц, так и их композиционному размещению на тулове сосуда. Исходя из этих данных, вполне очевидно, что к финалу энеолита традиция изображения птиц на керамике на территории Восточной Европы вошла в стадию угасания.

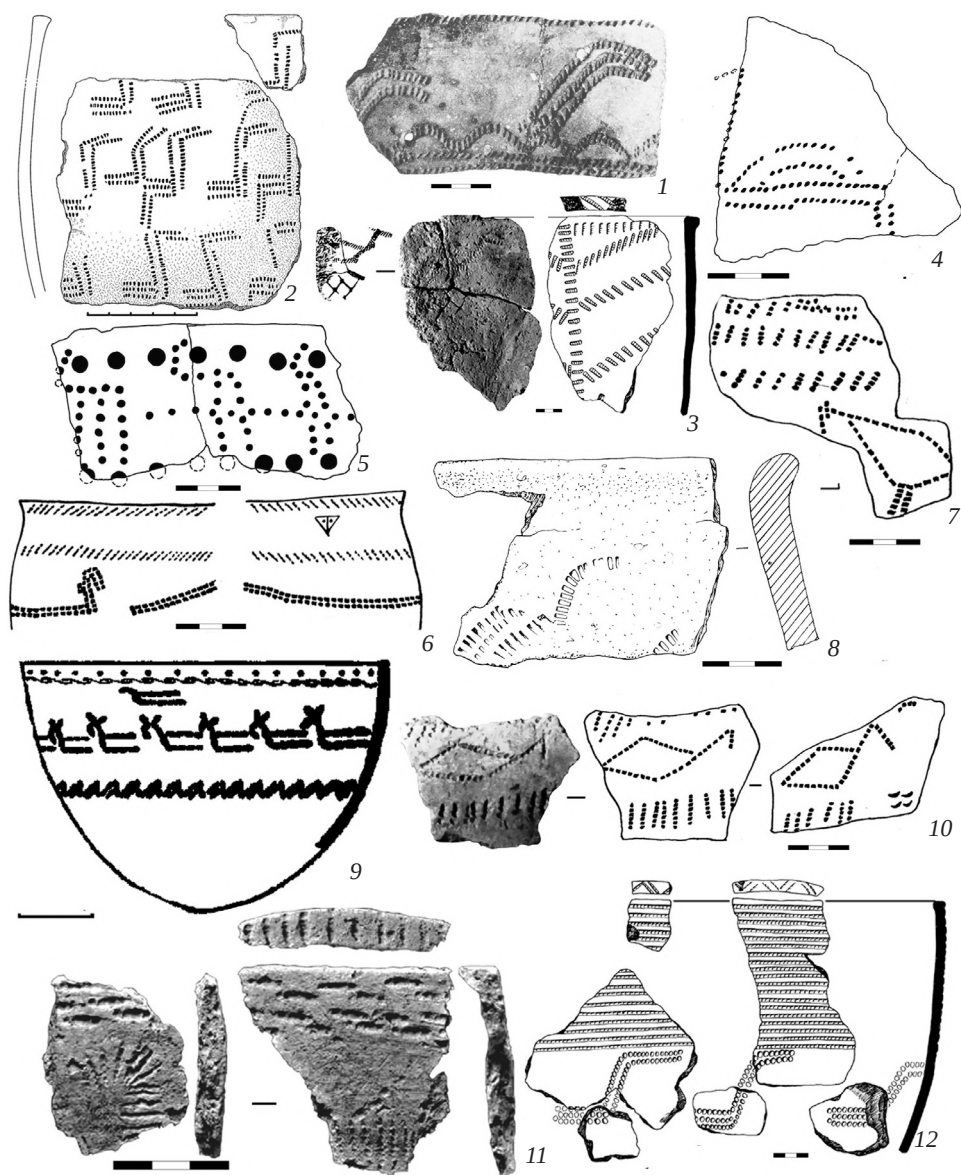

Рис. 4. Изображения птиц на энеолитической пористой и асбестовой керамике

1 – Усвяты IV (усвятская культура) (Зверь и человек. 2009); 2 – Таипале Липери (керамика с примесью асбеста) (Edgren, 1966. Fig. 4); 3 – Парат XII (Королев, 2020. Рис. 1: 3); 4 – Кузнечиха (рисунок автора); 5 – Вёкса (рисунок автора); 6 – Отарское XVIII (Никитин, 1996. Рис. 75: 1); 7, 10 – Майданская (Там же. Рис. 75: 7, 9, 11); 8 – Усть-Лудяна II (Наговицин, 1980. Рис. 12: 6); 9 – Бор III (Бадер, Соколова, 1953. Рис. 16: 8); 11 – Ваднюр I (Карманов, 2018. Рис. 21: 9, 23: 3); 12 – Чекалино IV (Королев, 2020. Рис. 1: 7)

Энеолитическая керамика Северной и Восточной Европы, на которой имеются антропоморфные фигуры (рис. 5), относится к разным типам: ямочная Южной Швеции (стоянка Ситтеста); пористая, напоминающая волосовскую (стоянка Вёкса); шнуровая или сходная с ней (стоянки Нида и Асавец II).

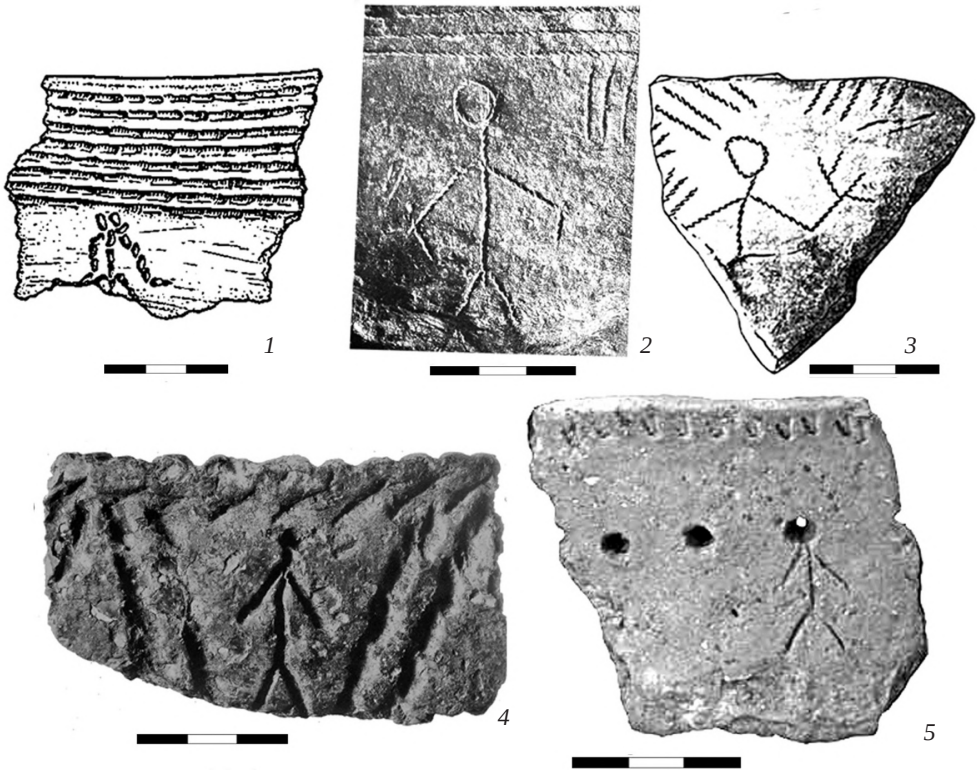

Рис. 5. Антропоморфные изображения на керамике финала неолита – энеолита Северной и Восточной Европы

1 – Асавец II (*Iršėnas*, 2010. Fig. 8: 5); 2 – Нида (*Rimantiene*, 1994. Fig. 52: 1a); 3 – Нида (*Iršėnas*, 2010. Fig. 8: 2); 4 – Вёкса (Зверь и человек. 2009. С. 295); 5 – Ситтеста (*Kihlstedt*, 2011. Fig. 1)

Графические изображения на керамике финала энеолита – начала эпохи бронзы. В финале энеолита – начале эпохи бронзы (вторая половина III – первая четверть II тыс. до н. э.) на керамической посуде лесной полосы Восточной Европы появляются новые образы: рыба, змея и змея-молния.

Единственное на территории Северной Европы плоскостное изображение рыбы (палтус или камбала), относящееся к финалу неолита – энеолиту, обнаружено на западном берегу Ботнического залива Балтийского моря (центральная часть Швеции) (рис. 6: 1). Сосуд относится к культуре ямочной керамики, характерной для южной части Швеции (*Olson*, 2008. Fig. 8). Кроме того, изображение рыбы недавно было обнаружено на фрагменте керамического сосуда на стоянке Бореца 1 в северной части Белоруссии (устное сообщение М. М. Чернявского).

На тулове одного из сосудов фатьяноидного типа с поселения Вёкса (верхняя часть бассейна р. Сухоны), относящегося ко второй половине III – началу II тыс. до н. э., имеется оригинальная композиция. Она состоит из горизонтальных рядов оттисков гребенки, поставленной под углом, между которыми находится ряд из треугольников, расположенных вершинами вверх. В пустом

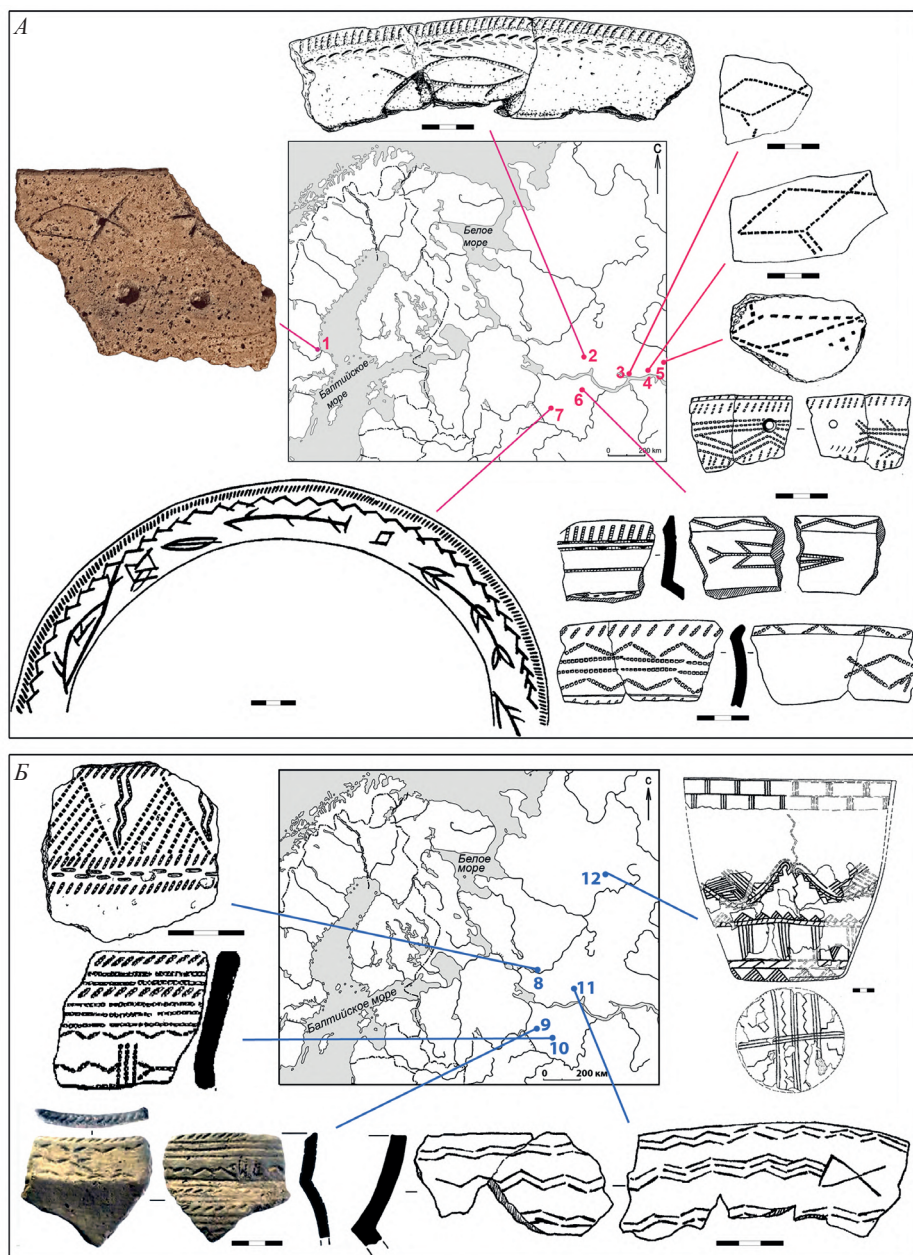

Рис. 6. Плоскостные изображения рыб (А), змей, змей-молний (Б) на керамике
Северной Европы (финал неолита – начало эпохи бронзы)

1 – Фрекенрэннинген; 2 – Галичская; 3 – Ахмыловское II; 4 – Уржумкинская; 5 – Барские Кужеры III; 6 – Сахтыш I, II; 7 – могильник Кухмарь; 8 – Вёкса; 9 – Сулять; 10 – Воймежное I; 11 – Федоровское; 12 – Бож-ты. 1 – ямочная керамика южной части Швеции; 2, 6–11 – чирковская керамика; 3–5 – поздневолосовская керамика; 12 – керамика зауральского (самусьского?) происхождения (по Крайнов, 1962; 1991; Кольцов, 1971; Гаврилова, 1972; 1991; Воронин, 1997; Кренке и др., 2018; Жульников, 2011; Olson, 2008)

пространстве между треугольниками размещена двоянная зигзагообразная линия, утончающаяся в нижней части. Эта линия, соединяющая нижний и верхний горизонтальный ряды, напоминает изображение змеи или скорее молнии (рис. 6: 8). Аналогичным образом интерпретируются исследователями сходные композиции на энеолитической керамике Зауралья (Ковалева, 2002. С. 18; Викторова, 2004. С. 171).

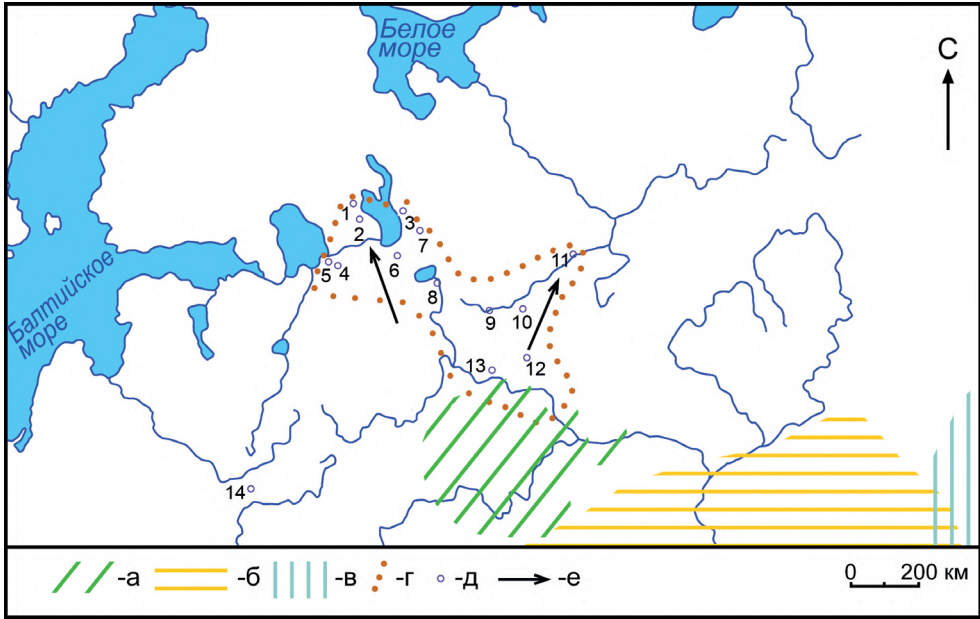

Рис. 7. Распространение изображений на керамике эпохи бронзы на территории Восточной Европы

а – территория поздняяковской культуры; *б* – северная часть территории срубной культуры, *в* – северо-западная часть территории андроновской общности; *г* – граница распространения сетчатой керамики (типа Сарса-Томица) со стилизованными орноморфными мотивами; *д* – памятники с сетчатой керамикой, где найдены сосуды с плоскостными изображениями; *е* – предполагаемые направления распространения изображений в виде зигзага на сетчатой керамике эпохи бронзы. 1 – Суна VI; 2 – Томица; 3 – Черная Речка V; 4 – Усть-Рыбежна II; 5 – Новая Деревня I; 6 – Илекса (на Куштозеро); 7 – Кемское III; 8 – Белозерская; 9 – Вёкса; 10 – Усть-Шингарь II; 11 – Березовая Слободка 2–3; 12 – Федоровская; 13 – Сокольское II; 14 – Сертя II

Изображения рыб предполагаются В. В. Никитиным на трех волосовских сосудах Среднего Поволжья. Два из них – со стоянок Ахмыловское II и Уржумкинское – исследователем отнесены к поздневолосовскому времени (Никитин, 2017). По меньшей мере одно изображение рыбы размещено на внутренней стороне поздневолосовского сосуда с Уржумкинского поселения (Он же. 1996. С. 161).

Зооморфные изображения, известные на чирковской (фатьяноидной) керамике финала энеолита – начала эпохи бронзы немногочисленны и локализуются на территории между верховьями реки Сухона и Волго-Окским междуречьем (рис. 6). Репертуар образов на чирковской (фатьяноидной) керамике весьма специфичен: на пяти сосудах этого типа со стоянок Галичская, Сахтыш I, II

и Кухмарского могильника зафиксированы фигуры рыб (Крайнов, 1962; 1991; Кольцов, 1971; Гаврилова, 1991), на четырех чирковских (фатьяноидных) сосудах с поселений Федоровское, Воймежное I, Сулать имеются стилизованные изображения змеи (Гаврилова, 1972; Воронин, 1997. Рис. 85; Кренке и др., 2018. Рис. 56, 57). Фигуры змей и рыбы на этих сосудах ориентированы параллельно краю венчика.

Изображения змеи и рыб в семи случаях из девяти нанесены на внутренней стороне сосуда, на отогнутой части венчика, тогда как большая часть нео-/энеолитических птиц «плывет» снаружи сосуда – обычно в его верхней части. Образы змеи и рыбы объединяет то, что они в мифологии народов Севера Евразии являются существами, связанными с нижним миром. Размещение изображений змеи рыбы на внутренней стороне сосуда, возможно, связано с представлениями древних людей о связи данных образов с нижним миром. Здесь намечается семантическая параллель этих образов с набором предметов известного Галичского клада, где многочисленны фигуры животных «хтонического мира». Этот клад вполне обоснованно связывается с памятниками сейминско-турбинского типа (Студзицкая, Кузьминых, 2001), что подтверждает предположение о связи изображений змей на чирковской (фатьяноидной) керамике с зауральской (лесостепной?) традицией. Однако стоит отметить, что изображения рыб в начале эпохи бронзы появляются и на металлических изделиях в южной части Скандинавии (Vandkilde, 2010/2011. Fig. 7A), что косвенно указывает на происходящие в это время эпохальные изменения в мировоззрении древних людей на территории всей Северной Евразии.

Композиция в верхней части миниатюрного сосуда со стоянки Сахтыш I обрамлена поясом из фигур водоплавающих птиц, выполненных оттисками гребенчатого штампа (рис. 8: 4) (Китицина, 1976). На фрагменте этого сосуда нет сетчатых оттисков, а узор создан, видимо, исключительно оттисками гребенки с тонкими зубцами, что напоминает орнаментацию чирковской (фатьяноидной) посуды, которая относится к более раннему времени, чем сетчатая керамика на территории Верхневолжья. Изображения птиц на этом сосуде свидетельствуют, видимо, о сохранении населением с чирковской (фатьяноидной) керамикой определенных волосовских традиций.

Изображения на керамике эпохи бронзы. В бассейне р. Вычегды Л. Л. Косинской сделана находка, демонстрирующая наличие зауральского влияния на керамику эпохи бронзы Северо-Востока Европы. На стоянке Бож-ты на р. Выми (бассейн р. Вычегды) был найден плоскодонный сосуд эпохи бронзы (Косинская, 2001), который сходен по форме с атаманнюрской (зауральского происхождения) посудой эпохи бронзы бассейна р. Печоры. Сохранившаяся часть композиции на тулове сосуда со стоянки Бож-ты состоит из двух фигур лебедей, расположенных головами напротив друг друга. Между фигурами лебедей находится вертикальная зигзагообразная линия, которая, по мнению Л. Л. Косинской, напоминает изображение змеи. Композиция из фигур лебедей и змеи обрамлена сверху и снизу поясами из горизонтальных и вертикальных линий, геометрических мотивов. Сложный орнамент, состоящий из геометрических фигур и зигзагов, имеется и на дне сосуда (снаружи и внутри). Сосуд со стоянки Бож-ты по форме напоминает некоторые горшковидные баночные

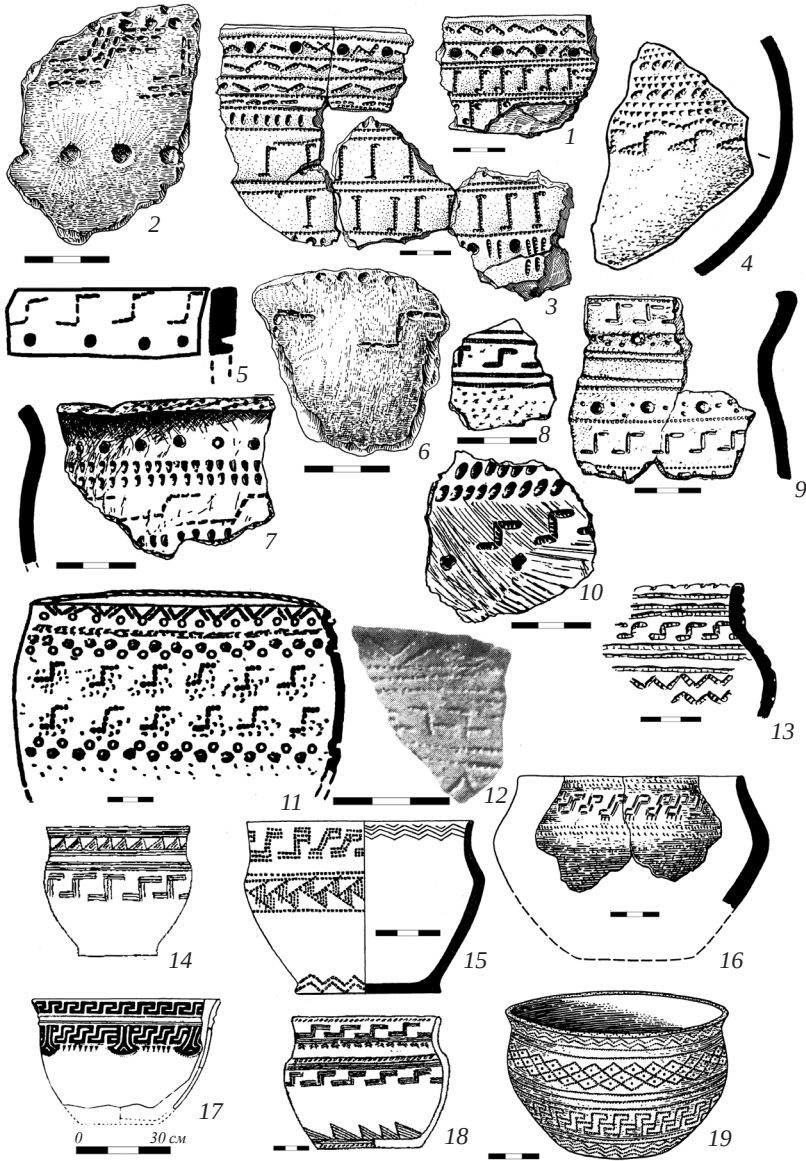

Рис. 8. Композиции, включающие горизонтальные ряды зигзага (отдаленно напоминающие изображения птиц), и изображения птиц на керамике эпохи бронзы Восточной Европы и Западной Сибири

- 1, 3 – Усть-Рыбежна II (Гурина, 1972. Рис. 11: 4, 5); 2, 6 – Белозерская (Ошибкина, 1987. Рис. 80: 2, 3); 4 – Сахтыш I (Китицына, 1976. Рис. 1), 5 – Суна VI (Косменко, 1993. Рис. 7В); 8 – Кемское III (Гаджигалиева, 1999. Рис. 2: 4); 7, 10 – Вёкса (Гаджигалиева, 1999. Рис. 4: 2, 3); 9 – Илекса (на Куштозере) (Ошибкина, 1980. Рис. 1: 1); 11 – Березовая Слободка II-III (Андрианова, Иванищева, 1998. Рис. 1: 1); 12 – Федоровское (Гаврилова, 1972); 13 – Колтово 7 (Сидоров, 2006. Рис. 3: 36); 14 – Алакуль I (Кузьмина, 1994. Рис. 15: 19); 15 – Андреевское озеро (Косарев, 1987. Рис. 104: 10); 16 – Подборновское (Бадер..., 1987. Рис. 70: 14); 17 – Баланбаш (Сальников, 1954. Рис. 8: 4); 18 – Черняки III (Стоколос, 1972); 19 – Фафелов Бор (Бадер..., 1987. Рис. 69: 10)

самусьские сосуды (Есин, 2009. Табл. 1: 7, 8, 42). По своей структуре и «космогоническому» характеру композиция на сосуде с поселения Бож-ты также сходна с изображениями на самусьской посуде (Жульников, 2011). Подобные композиции, состоящие из вертикальных изображений дерева, змея, антропоморфной фигуры, столпа и т. п., с двух сторон от которых располагаются симметричные изображения животных, имеются во многих культурных традициях. Все они, по мнению В. Н. Топорова, представляют собой один из относительно поздних вариантов изображения структуры Вселенной и образа Мирового древа (Топоров, 2010).

Иные реалистичные орнитоморфные изображения на керамике эпохи бронзы лесной зоны Восточной Европы неизвестны. Однако на этой территории имеются сосуды, украшенные зигзагами в виде латинской буквы «Z», обычно рассматриваемых исследователями как стилизованный орнитоморфный образ. На территории бассейна Белого моря и Онежского озера, а также Верхней Волги по своим признакам подобная посуда может быть отнесена к сетчатой керамике эпохи бронзы (рис. 8: 1–3, 5–12). Подобные композиции известны на территории Восточной Европы на четырнадцати стоянках с сетчатой керамикой (рис. 7: 1–14).

На нео-энеолитических поселениях сосуды с фигурами птиц обычно единичны, тогда как только на стоянке Усть-Рыбежна II, расположенной неподалеку от юго-восточного побережья Ладожского озера (рис. 7: 2), имеется минимум пять сосудов, украшенных рядами сходных «орнитоморфных» зигзагов (рис. 8: 1, 3). Особенностью этих зигзагов является то, что сверху и снизу от вертикального поставленного оттиска гребенки (иногда двух параллельных оттисков гребенки) под прямым углом в противоположные стороны отходят очень короткие линии, выполненные гладким краем гребенчатого штампа. Подобная повторяемость мотива в виде оригинального зигзага на нескольких сосудах с одного поселения косвенно свидетельствует о чисто орнаментальном, а не об орнаментально-орнитоморфном характере данной композиции.

На стоянке Илекса (на Куштозере), расположенной к югу от Онежского озера (рис. 7: 4), А. Я. Брюсовым найдено два-три сосуда (Ошибкина, 1980), на которых имеются композиции (рис. 8: 9), по набору специфических деталей весьма сходные с узорами в виде зигзагов на сосудах со стоянки Усть-Рыбежна II (рис. 8: 3). Расстояние по прямой между этими стоянками составляет около 200 км. Опираясь на наблюдаемое сходство в использовании специфического вида орнамента для украшения сосудов на памятниках археологии, удаленных друг от друга на столь значительное расстояние, мы вправе предполагать наличие родственной связи между гончарами, проживавшими на этих поселениях.

Сетчатые сосуды с зигзагами в виде латинской буквы «Z» не только определенным образом локализованы на территории Севера Европы (рис. 7), но и имеют явные параллели в орнаментации поздняяковской керамики (рис. 8: 13, 16, 19). Эти данные, несмотря на высказанные сомнения в орнитоморфном характере рассматриваемых фигур, позволяют использовать их при решении проблемы определения характера взаимодействия населения эпохи бронзы Южного Прибеломорья и Волго-Окского междуречья. Комплексы сетчатой керамики с ямочно-гребенчатым стилем орнаментации, с которыми связаны сосуды со стилизованными изображениями водоплавающей

птицы, являются наиболее ранними среди памятников этого типа. Подобная керамика (с фатьяноидными формами посуды), отсутствует на территории Финляндии, Северной Карелии и на побережье Белого моря, где имеется только поздняя сетчатая керамика. Судя по этим данным, традиция орнаментации сосудов орнитоморфными зигзагами, возникнув на стадии ранней сетчатой керамики, видимо, не получила дальнейшего распространения. Относительная синхронность ранней поздняяковской и сетчатой керамики, территориальная близость памятников этих культур, наличие в орнаментации и формах сосудов ранней сетчатой керамики признаков влияния поздняяковской дают основание предположить, что орнамент в виде орнитоморфных зигзагов на памятниках эпохи бронзы южной части бассейна Белого моря и Онежского озера появился под влиянием населения эпохи бронзы Волго-Окского междуречья. Контакты населения этих двух культур, судя по отсутствию на левобережье Волги поздняяковских могильников, видимо, активно происходили на пограничной территории Волго-Окского междуречья. На север мода на редуцированный «орнитоморфный» орнамент распространилась, вероятно, уже по линии брачных связей внутри групп населения с сетчатой керамикой. Следует отметить, что «орнитоморфные» зигзаги, сходные с поздняяковскими, встречаются в эпоху бронзы на керамике срубной культуры (*Отроценко, Формозов, 1988*), андроновской общности Евразийских степей (*Сальников, 1954; Гурина, 1972; Стоколос, 1972; Молодин, 1985. Рис. 43–46; Косарев, 1987; Кузьмина, 1994*), молчановской культуры Томско-Нарымского Приобья (*Косарев, 1974. Рис. 37–42*). Распространение композиций в виде латинской буквы «Z» (зигзага) следует, видимо, отнести к разряду эпохальных явлений. Появление этой оригинальной композиции на керамике поселений южной части бассейна Белого моря и Верхней Волги свидетельствует об общности некоторых культурных процессов, происходивших в эпоху бронзы у степного, лесостепного и отчасти лесного населения Восточной Европы и Зауралья.

Единственное антропоморфное изображение на керамике эпохи бронзы в восточной части бассейна Белого моря также имеет аналогии в орнаменте на поздняяковской керамике. Население с сетчатой керамикой с некоторыми поздняяковскими чертами в орнаментации примерно в третьей четверти II тыс. до н. э. начинает продвижение в северном и северо-восточном направлении с территорий, находящихся южнее Ладожского и Онежского озер, южной части бассейна Белого моря. Видимо, с этой миграцией и следует связать появление сосуда с антропоморфным изображением на восточной границе ареала распространения сетчатой керамики (*Жульников, 2011. С. 33*).

Выводы. Малочисленность сосудов с изображениями в первобытной культуре свидетельствует о том, что они изготовлялись и использовались древними людьми лишь изредка — скорее всего, во время так называемых окказиональных ритуалов. Так как зооморфные и антропоморфные фигуры на сосуды наносились редко и только по особым случаям, то это зачастую приводило к утасанию традиции, что, в свою очередь, обусловило единичность некоторых типов плоскостных изображений на керамике и композиций из них.

В лесной полосе Восточной Европы орнитоморфные изображения на керамической посуде получают наибольшее распространение в конце неолита — на-

чале энеолита. Для этого времени могут быть выделены локальные традиции в орнитоморфных композициях, связанные с различными типами керамической посуды (например, ромбоямочной, типичной гребенчатой, ямочно-гребенчатой). В это время наряду с довольно реалистическими изображениями водоплавающей птицы, в которых иногда распознается образ лебедя, встречаются схематичные и редуцированные орнитоморфные фигуры.

В финале энеолита фигуры птиц на керамике лесной полосы Восточной Европы встречаются уже очень редко. Между позднеэнеолитическими фигурами птиц и композициями из них наблюдаются существенные отличия, поэтому для этого периода нет оснований говорить о наличии какого-либо устойчивого канона в изображении орнитоморфов.

На рубеже энеолита и бронзы на поздневолосовской и чирковской (фатьяноидной) керамике Верхнего и Среднего Поволжья появляются изображения рыбы и змеи, которые, как правило, размещены на внутренней части сосуда. Распространение новых образов, связанных, судя по данным этнографии, преимущественно с «нижним» миром, свидетельствует о существенных изменениях в мировоззрении древних жителей лесной полосы Восточной Европы в финале энеолита, и, возможно, представлений о предназначении сосудов, украшенных зооморфными изображениями, что, скорее всего, связано с влиянием культур лесостепного (зауральского?) населения с производящей экономикой.

Появление «орнитоморфных» фигур в виде зигзага на сетчатой керамике эпохи бронзы Восточной Европы связано с влиянием поздняяковской культуры, родственной ряду лесостепных культур Евразии, для керамики которых обычен мотив в виде латинской буквы «Z». Редуцированный орнитоморфный мотив традиционен для современного финно-угорского населения Евразии, однако следует признать, что для эпохи бронзы появление данного узора на керамике в лесной полосе Европы произошло под воздействием населения круга степных и лесостепных культур или общностей Евразии (поздняковской, срубной, андроновской и т. д.). Появление этой оригинальной орнаментальной композиции на керамике поселений южной части бассейна Белого моря и Верхней Волги свидетельствует об общности некоторых культурных процессов, происходивших в эпоху бронзы у степного, лесостепного и отчасти лесного населения Восточной Европы и Зауралья. Редуцированный «орнитоморфный» орнаментальный мотив в виде зигзага был характерен только для наиболее ранней сетчатой керамики, что свидетельствует о быстром затухании данной традиции в восточной части бассейна Балтийского моря и южной части бассейна Белого моря.

Список литературы

- Андрианова Л. С., Иванищева М. В. Сетчатая керамика поселения Березовая Слободка II-III на Нижней Сухоне // Тверской археологический сборник. Вып. 3. 1998. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, С. 324–332.
- Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // Материалы и исследования по археологии СССР. № 99. 1961. М.: Академия наук СССР. 196 с.
- Бадер О. Н., Попова Т. Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 131–135.
- Бадер О. Н., Соколова З. П. Новые стоянки Чусовского Прикамья // Ученые записки Пермского государственного университета. Том IX. Вып. 3. Труды Камской архе-

- ологической экспедиции. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета им. А. М. Горького, 1953. 197 с.
- Викторова В. Д. Культовые озерные памятники // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2004. С. 158–173.
- Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. 183 с.
- Воронин К. В. Комплексы эпохи бронзы поселения Воймежное 1 // Древние охотники и рыболовы Подмоскovie по материалам поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное 1. М.: Институт археологии РАН, 1997. С. 66–76.
- Гаврилова И. В. Зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения // КСИА. 1972. № 131. С. 115–118.
- Гаврилова И. В. Орудия рыболовства древних поселений Костромского Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: Наука, 1991. С. 153–163.
- Гаджиалиева Н. Изображение водоплавающих птиц на древней керамике (по археологическим материалам Вологодской области) // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. VI. Вологда: «Легия», 1999. С. 84–87.
- Гурина Н. Н. Мир глазами древнего художника Карелии. Л.: Наука, 1967. 38 с.
- Гурина Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. 1972. № 131. С. 36–45.
- Гусенцова Т. М. Сосуд с плоскостными изображениями птиц со стоянки Падань I (северо-восток Ленинградской области) // Тверской археологический сборник. Выпуск 6. Том 1. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 2006. С. 403–405.
- Буров Г. М. Древний Синдор. М.: Наука, 1967. 220 с.
- Есин Ю. Н. Древнее искусство Сибири: Самусьская культура: Труды музея археологии и этнографии Урала. Т. II. Томск: Томский государственный университет, 2009. 526 с.
- Жульников А. М. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 224 с.
- Жульников А. М. Памятники с керамикой типа Залавруга I в Прибеломорье и некоторые вопросы изучения Беломорских петроглифов // Кольский сборник. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 102–137.
- Жульников А. М. Плоскостные изображения на керамике в контексте взаимодействия древнего населения Восточной Европы и Зауралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 7. Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2011. С. 23–36.
- Жульников А. М. Об особенностях изображений птиц на ромбоямочной керамике восточной части бассейна Балтийского моря // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 182–193.
- Жульников А. М., Кашина Е. А. Образ птицы в искусстве неолита – энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. 2010. № 2. С. 5–17.
- Журавлев А. П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН СССР, 1991. 206 с.
- Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: материалы научной конференции // Труды государственного Эрмитажа. Вып. XLIV. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. 388 с.
- Иванищев М. В., Жульников А. М., Кулькова М. А. Ромбоямочная и гребенчато-ямочная керамика поселения Тудозеро-V: сходства и различия // Археология Севера. Выпуск 8. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2020. С. 30–47.
- Карманов В. Н. Поселение эпохи раннего металла Ваднюр I на Средней Вычегде (по материалам раскопок 2014 года) // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 20. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. С. 55–85.

- Кашина Е. А. Изображения человека на нео-энеолитической керамике лесной зоны Восточной Европы // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки: «Солти», 2006. С. 92–97.
- Китицина Л. С. Находка изображения уток на стоянке Сахтыш I // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 88–89.
- Ковалева В. Т. Архаические модели мироздания зауральского населения (по археологическим источникам) // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 4–24.
- Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. О семантике обряда у Камня Дыроватого и образа водоплавающей птицы на энеолитической посуде в Зауралье // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М.Потемкиной). Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2007. С. 50–55.
- Кольцов Л. В. Изображение рыбы на сосуде из Галичской стоянки // КСИА. 1971. Вып. 127. С. 63–64.
- Королев А. И. Об орнаментации среза венчиков и внутренней поверхности сосудов волосовской культуры (по материалам поселений Парат XII и Имерка VIII) // Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 8. Самара: Слово, 2020. С. 78–86.
- Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 165 с.
- Косарев М. Ф. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 276–288.
- Косинская Л. Л. Сосуд со стоянки Бож-ты // Археология в пути или путь археолога. Часть 2. Археология в пути... СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001. С. 120–129.
- Косменко М. Г. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.: Наука, 1993. 216 с.
- Крайнов Д. А. Рыболовство у неолитических племен Верхнего Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: Наука, 1991. С. 129–152.
- Крайнов Д. А. Русская равнина. Центр // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М.: Наука, 1992. С. 68–111.
- Кренке Н. А., Еришова Е. Г., Войцик А. А., Каспаров А. К., Лавриков М. В., Раева, В. А. Археологическая разведка в нижнем течении р. Сулаты (к вопросу об изменении ландшафтов и истории хозяйственного освоения региона Заболоцкого озера в позднем голоцене) // Стоянка Замостье 2 и развитие природной среды Волго-Окского междуречья в голоцене: Коллективная монография. СПб: ИИМК РАН, 2018. С. 166–184.
- Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен Андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: «Восточная литература», 1994. 461 с.
- Лобанова Н. В. Тайны петроглифов Карелии. Петрозаводск: Острова, 2005. 32 с.
- Лозе И. А. Антропоморфные изображения со стоянки Звидзиенаскросс // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука, 1983. С. 142–145.
- Лозе И. А. Поселения каменного века Лубанской низины: Мезолит, ранний и средний неолит. Рига: Академия наук Латвийской ССР, 1988. 209 с.
- Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 199 с.
- Мошинская В. Н. О зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой (к вопросу о древних контактах в уральской среде) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 56–65.
- Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. 132 с.
- Наговицин Л. А. Поселение Усть-Лудяна II // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск: Научно-Исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1980. С. 97–117.

- Недомолкина Н. Г.* Энеолитические комплексы поселений Вёкса, Вёкса 3 в бассейне Верхней Сухоны // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней: сборник тезисов докладов научной конференции. Архангельск: Лоция, 2020. С. 93–101.
- Никитин В. В.* Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Том IV. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Правительстве Республики Марий Эл, 1996. 180 с.
- Никитин В. В.* На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности (Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10. Йошкар-Ола, Марийский государственный университет, 2017. 765 с.
- Отрощенко В. В., Формозов А. А.* К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла // *Studia Praehistorica*. Sofia. 1988, 9. С. 41–178.
- Ошибкина С. В.* Об изображениях птиц на керамике эпохи бронзы в Восточном Прионежье // КСИА. 1980. № 161. С. 46–51.
- Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 167 с.
- Сальников К. В.* Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. / Материалы и исследования по археологии СССР. № 24. М.: АН СССР, 1954. С. 51–71.
- Семенов В. А., Несанелене В. Н.* Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1997. 169 с.
- Сидоров В. В.* Колтово 7: комплекс эпохи бронзы // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Том.1. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 2006. С. 343–349.
- Смирнов А. С.* Неолит лесного Подесенья // Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 202–205.
- Смирнов В. И.* Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе // СА. Т. VI. 1940. С. 289–292.
- Смирнов В. И.* Орнаментальный фриз на сосуде со стоянки Кузнечиха // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1941. Вып. X. С. 137–138.
- Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М.: Наука, 1972. 169 с.
- Студзицкая С. В., Кузьминых С. В.* Галичский «клад»: к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: ТОО «Старый сад», 2001. С. 123–165.
- Топоров В. Н.* Мировое древо: Универсальные знаковые комплексы. Том. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 488 с.
- Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 308 с.
- Усанов Е. Н.* Диалог культур: 100 веков. Мезо-неолитический орнамент (10–4 тыс. до н. э.) центральной части Волго-Окского междуречья в контексте формирования протописьменности. Владимир: Реко, 2009. 83 с.
- Чауркина Н. М.* Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, 2005. 313 с.
- Edgren T.* Einige neue Funde von kammkeramischen Vogelbildern und Tierskulpturen aus Ton // *Finskt Museum* 73. 1967: 8–24.
- Huure M.* Viipurin läänin kivikausi // *Karjalan synty (Viipurin läänin historia)*. Juväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2003: 151–244.
- Iršėnas M.* Anthropomorphic and Zoomorphic Stone Age Art in Lithuania and its Archaeological Cultural Context // *Archaeologia Baltica*. 2010. Nr. 13. P. 175–190.
- Kihlstedt B.* Sittesta – groppkeramik och manniskor // *Groppkeramikerna* Nr. 6. Stockholm: Stockholms läns museum, 2011. P. 45–57.

- Mökkönen T., Nordqvist K.* Kierikki Ware and the contemporary Neolithic asbestos- and organic-tempered potteries in North-East Europe // *Fennoscandia Archaeologica*. 2017. Vol. XXXIV. P. 83–116.
- Nieminen E.-L., Ruonavaara L.* Stilisierte Vogeldarstellungen auf gefässcherben aus Kiikarusniemi, gemeinde Sotkamo und Böle, gemeinde Porvoo // *Fennoscandia archaeologica* I. 1984. P. 7–11.
- Nordqvist K.* The Stone Age of North-Eastern Europe 5500–1800 cal BC. Bridging the Gap between the East and the West. Oulu: University of Oulu, 2018. 165 p.
- Olson C.* Neolithic Fisheries: Osteoarchaeology of Fish Remains in the Baltic Sea Region. Stockholm: Institutionen för arkeologi och antikens kultur, 2008. 52 p.
- Rimantiene R.* Die Steinzeit in Litaunen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1994. Vol. 75. P. 23–146.
- Schultz E.-L.* Die Vogel von Joroinen Kanava // *Arkeologian lumoa synkkyteen: Artikkeleita Christian Carpelanin juhlapäiväksi*. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2006. P. 112–121.
- Vandkilde H.* Cultural Perspectives on the Beginnings of the Nordic Bronze Age // *Offa*. 2010/2011. Band 67/86. P. 51–78.

Сведения об авторе

*Жульников Александр Михайлович, Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск
E-mail: rockart@yandex.ru*

A. M. Zhulnikov

**ABOUT THE PLANAR IMAGES ON CERAMIC DISHES
OF THE TURN OF THE ENEOLITHIC – THE BRONZE AGE
OF THE FOREST STRIP OF EASTERN EUROPE**

Abstract. The article is devoted to identifying the causes of chronological and spatial changes in planar images on ceramics of the Eneolithic – Bronze Age forest belt of Eastern Europe. More than 90 graphic figures of animals and anthropomorphs on ceramics dating back to the Neolithic – the Bronze Age have been analyzed. It has been established that ornithomorphic and anthropomorphic images on ceramic dishes are most widespread in the region at the end of the Neolithic – the beginning of the Eneolithic. By the end of the Eneolithic, the tradition of depicting birds on ceramic dishes had entered a stage of extinction. The appearance of the image of a fish and a snake (images of the "lower world") on ceramic dishes of the turn of the Eneolithic – the Bronze Age in the local territory of the Upper and Middle Volga region indicates significant changes in the worldview of the ancient inhabitants of the forest strip of Eastern Europe, which is probably due to the influence of the cultures of the forest-steppe population with a producing economy. Spatial and chronological analysis of "ornithomorphic" figures in the form of a zigzag (in the form of the Latin letter "Z") on the mesh ceramics of Eastern Europe showed that the appearance of this pattern on ceramics in the forest belt of Europe occurred under the influence of the population of the circle of steppe and forest-steppe cultures or communities of Eurasia (Pozdnyakovskaya, Srubnaya, Andronovskaya). The ornamental "ornithomorphic" motif in the form of a zigzag was characteristic only for the earliest mesh ceramics in part of its distribution area, which indicates the rapid decay of this tradition in the eastern part of the Baltic Sea basin and the southern part of the White Sea basin.

Keywords: images on ceramics, bird, anthropomorph, fish, snake, Eneolithic, Bronze Age, Eastern Europe.

АРХЕОЛОГИЯ В МИФАХ, КУЛЬТАХ И ОБРЯДАХ НАРОДОВ ЛЕСНОГО ПОВОЛЖЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ЛЕСОСТАЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕКА)

Резюме. Широкое распространение близких по сюжету и тематике фольклорных произведений (легенды, мифы, предания, сказки, былины, песни, поговорки, загадки и прочие произведения устного народного творчества) свидетельствует о видимом происхождении древнейших из них в определенных природно-географических условиях, характерных исключительно для конкретной территории и в конкретное время. Кочуя вместе с носителями, эти творения эпохи обрастают новыми свойствами, присущими другим человеческим сообществам в иных природно-географических условиях. Корректировка времени и места зарождения конкретного сюжета народного творчества во многом решается посредством анализа археологического и фольклорного материала, способствует выявлению общих или близких мировоззренческих позиций на широкой территории лесной и лесостепной зон России.

Ключевые слова: мезолит – неолит, миф, легенда, фольклор, археологический предмет, стоянка, птица, лось, медведь, змея.

Общественное сознание, закреплённое мифологическими запретами и правилами, эффективно регламентировало принципы сосуществования системы человек – природа, действуя посредством устойчивых норм морали и раннерелигиозных представлений, закреплённых в обычаях, традициях и обрядах, передается от поколения к поколению в устной или знаково-изобразительной форме.

Марийский край занимает в основном лесную зону левобережья Волги с притоками (Ветлуга, Рутка, Большая и Малая Кокшага, Илеть) и реками Вятского бассейна (Уржумка, Лаж, Буй, Немда) с многочисленными притоками, создающими разветвленную водную сеть – древнейшую транспортную систему передвижения. Заболоченные низины и множество озер, широколиственные леса и дубравы надлуговых террас, сосновые боры на песчаных дюнах по берегам водоемов создали благоприятные условия для существования здесь богатого набора флоры и фауны, привлекавшего мигрирующих животных, а вслед за ними – охотничьих племен. Так, уже в позднем палеолите (XII–X тыс. до н. э.) на берегу р. Юнги (Горномарийский район) у деревни Юнга-Кущерга обнаружены остатки стоянки первых поселенцев края. К VII тыс. до н. э. территория Волго-Ветлужского междуречья была заселена достаточно плотно (отмечено более сотни памятников этого времени) охотниками и рыболовами. На смену им приходят племена с Волго-Окского междуречья и лесостепных районов Нижней Волги.

Сейчас невозможно установить, кто впервые принес с собой мифы и легенды на схожие сюжеты, существующие до сих пор среди многих народов (в том числе и у мари) в различных вариантах. Красивые мифы, легенды, предания, сказки, родившиеся тысячелетия назад, живут, и каждое древнее сообщество рассказывает их на свой лад, приспособляя к своим природно-географическим, климатическим, временным и социально-экономическим реалиям.

Одним из древнейших мифов является миф о сотворении мира. Среди населения лесной и таяжной зоны России известен миф о сотворении мира водоплавающей (утка, лебедь, гусь, гагара) птицей, ныряющей и поднявшей со дна крупицу земли, из которой возникает суша. Этот вариант сюжета зафиксирован у карел, коми, мордвы и относится к палеоевропейцам – аборигенам лесной зоны Восточной Европы, имеющих глубокие корни в палеолите и мезолите Восточной и Средней Европы (*Напольских*, 1990. С. 7).

Вместе с тем у марийцев зафиксирован вариант мифа о сотворении мира, в котором повествуется о том, что на лоно мирового океана прилетела из своего гнездовья утка. Она снесла два яйца и высидела под своими крыльями двух селезней: Юмо и Йын, которые, поочередно ныряя под воду, в клюве достали землю (*Петрухин*, 1993. С. 260–261), хотя В. В. Напольских отмечает, что миф о сотворении из яйца у марийцев не зафиксирован (*Напольских*, 1990. С. 6). Этот вариант известен у балтов, восточных славян и народов раннеземледельческих культур Балкано-Дунайского региона VI–III тыс. до н. э., генетически он восходит к идеологии создателей верхнепалеолитических культур Средней и Восточной Европы, «потомками» которых можно считать (предположительно) носителей культур ямочно-гребенчатой керамики (Там же. С. 7; *Никитин*, 1996а. С. 161).

Водоплавающая птица в искусстве древнего населения встречается достаточно часто. Ее изображают изделия в камне неолитической поры на Полянской стоянке (*Халиков*, 1960. Табл. L. 2. Рис. 1: 6; *Никитин*, 1996а. С. 138. Рис. 64: 15). На сосудах из двух построек Майданской стоянки (III тыс. до н. э.) птицы изображены плывущими под водой или взлетающими над водой (Там же. С. 159. Рис. 75), что в какой-то мере отражает сюжет мифа о ныряющей птице. В сюжете использованы символы (кроме самой птицы), неба и воды в виде оттисков зубчатого штампа и скобковидных насечек. Положение птицы между этими символами указывает на ее положение на воде, под водой и между небом и водой, что дает возможность предположить стремление гончара отразить в рисунке определенный смысл (рис. 3: 3). Ярко и полно этот сюжет передан на сосуде из стоянки Коломпы (около Новгорода), на котором по шейке сосуда нанесен ряд плывущих птиц и фигурка человека, отдельные символы – квадратики (земля) (*Формозов*, 1966. С. 53. Рис. 17) (рис. 3: 2).

В этих двух вариантах общим является наличие водоплавающей птицы. Сюжет сотворения мира водоплавающей птицей в Европейской России распространен до Урала и отражен на сосуде стоянки Палатки I в Зауралье (*Ковалёва*, 2004. Рис. 1: 4). Здесь, как и на предыдущем сосуде, птицы плывут по воде в сторону созданных ими людей. В дальнейшем сюжет «трех фигур» встречается на бронзовых пластинах позднелужицких городищ (IV–VII вв. н. э.), интерпретация которого с широкими аналогиями дана в специальной статье, в которой автор склонна видеть распространенный у многих народов ритуальный танец (*Крис*, 1995. С. 56–67). Трехфигурный сюжет в народном творчестве широко распространен в сказках, былинах, пословицах и т. п.: три богатыря, три сына, три девицы – все это, возможно, исходит из одного источника, погулявшего по свету, обогнув земной шарик несколько раз, и родившего новые варианты неолитической и более поздней троицы.

Изображения водоплавающих птиц на керамических сосудах неолитической поры не единичны и обычны в культурах, близких носителям посуды гребенчато-ямочного круга. Техника и семантика у них очень близка и перекликается с петроглифами Карелии и Беломорья (Жульников, 2006. С. 36–40. Рис. 31–37).

Особое внимание вызывает образ водоплавающей птицы на керамической посуде, поскольку сосуд часто воспринимался как модель мироздания и в первобытную эпоху мог выполнять медиативную функцию, как в дальнейшем шаманский бубен (Косарев, 2003. С. 237). Образ водоплавающей птицы используется в фольклоре народов северного полушария Земли: птица наделяется природными качествами, позволяющими ей перемещаться в другие миры во время ежегодных перелетов (на зимовку, в места гнездовий), служить посредником между миром людей и миром духов, миром живых и миром предков. Млечный путь, ориентированный в направлении их перелета, у многих народов Северной Европы именуется «дорогой птиц» (Петрухин, 2003. С. 67). У марийцев Млечный путь – *кайыккомбо корно* – «дорога гусиных стай», на которой оставлен пух: по этим перьям оставшиеся гуси могли найти своих товарищей (Тойдыбекова, 2007. С. 118). Кроме финно-угорских народов, аналогично путем перелета диких гусей и уток называли Млечный путь и тюрки (казахи, киргизы, туркмены, татары). Образ гуся, утки, лебедя как птицы добродетельной и священной присущ не только финно-угорскому, но и тюркскому (Лотфуллин, Ислюев, 1998. С. 16) и славянскому (Забылин, 1880. С. 604) фольклору.

В неолитическую эпоху в среде племен Волго-Окского междуречья распространяется мелкая кремневая скульптура, среди которой имеются схематические и реально узнаваемые виды птиц. На территории Марийской низины такие подделки найдены на неолитической Полянкой стоянке у пос. Юрино в приустьевой части р. Ветлуги. Здесь – фрагмент сланцевой фигурки (головка) утки, фрагмент «птицы-лунницы» и грубо оформленного силуэта на стоянке у д. Юльялы в устье р. Сундырь, схематичный облик сидящей птицы известен на Майданской стоянке (рис. 1: 23). Скульптуры птичек известны в пределах Камского устья на Тенишевском могильнике (Габяшев, Беговатов, 1984. С. 80. Рис. 7: 1), на стоянке Гундоровка в Самарском Заволжье (Васильев, Овчинникова, 2000. С. 270. Рис. 30: 3), на Верхней Волге и Карелии, Вологодчине и др. (Ошибкина и др., 1992. С. 49. Рис. 58: 1–4; С. 123. Рис. 167: 1, 2, 5, 6, 8; Замятнин, 1948).

Птица в неолитическом искусстве часто выполнена в мелкой пластике из глины схематически, а иногда в реалистичном (узнаваемом) виде. Больше всего птичьих фигурок найдено в поздненеолитическое и энеолитическое время (Юринская стоянка и поселение, Сутырская V стоянка) (рис. 2: 3) (Никитин, 2017. С. 715. Рис. 435: 11; С. 736. Рис. 456: 4; С. 743. Рис. 463: 8). Достаточно часто на посуде изображены птичьи следки, выполненные поодиночке или в цепочку, и рыбы (рис. 4: 5–7, 9–14). Эти сюжеты орнамента встречаются на посуде (Барские Кужеры III, Ахмылово II и др.) (Там же. С. 474. Рис. 192: 6; С. 477. Рис. 195: 30, 31; С. 478. Рис. 196: 4, 6; С. 479. Рис. 197: 9; С. 639. Рис. 358: 2; С. 669. Рис. 388: 1б). Графический рисунок птиц нанесен на сланцевую плитку (фрагмент) Сутырского II поселения (середина IV тыс. до н. э.) (рис. 4: 4).

В период неолита – энеолита (VI–III тыс. до н. э.) в лесной полосе Европейской России выявлено большое количество скульптуры из камня, рога и глины.

Обзор этого вида искусства очень обширен и хорошо представлен в монографии (Ошибкина и др., 1992). Наиболее часто встречаемые скульптурки представлены, помимо птичек, антропоморфными, зооморфными (медведь, зубр, бизон, волк, кабан, песец, бобр), земноводными, рептилиями и рыбами (змеи, черепаха, тюлень, карась), изделиями символического и культового характера. В наших поселенческих комплексах имеются скульптурки медведя, кабана, зубра, бобра; антропоморфные, рыбы и черепаха и отдельные изделия

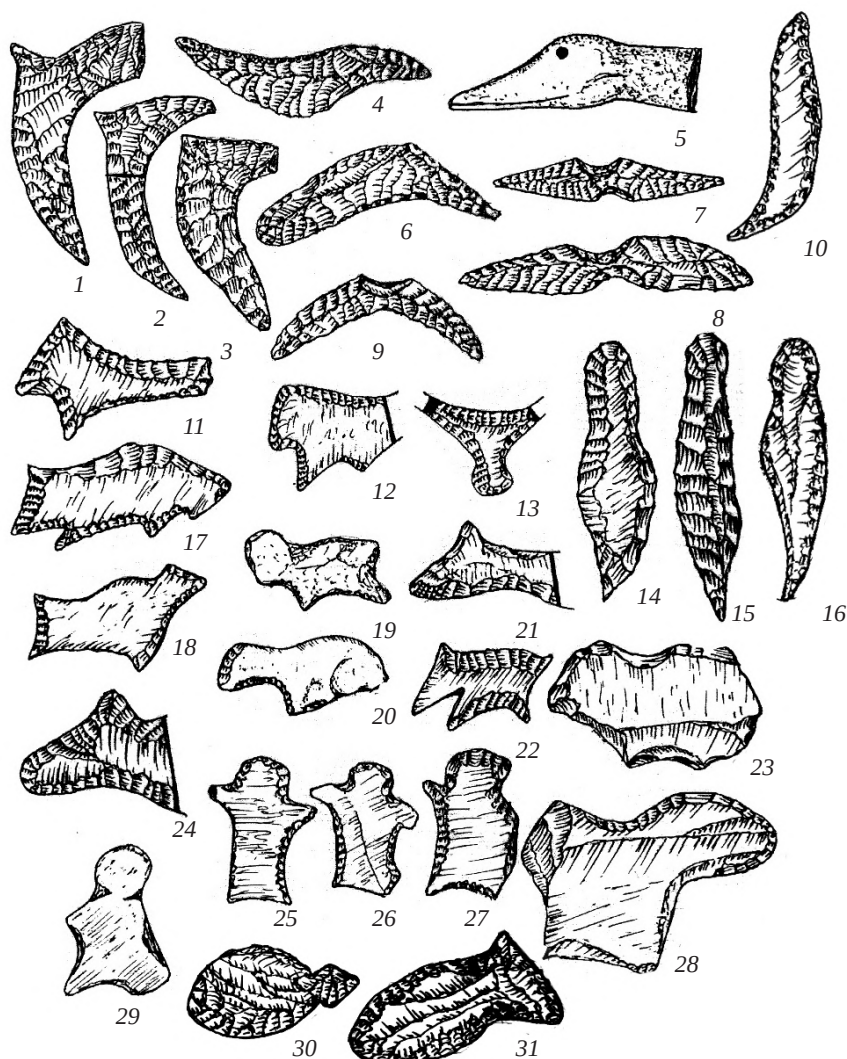

Рис. 1. Фигурный кремль с поселений Марийского Поволжья

1 – Старомазиковская III; 2, 7, 29 – Удельномецкая V; 3, 10, 14, 15, 22, 31 – Ахмыловская II; 4 – Кубашевское; 5 – Полянское; 6 – Большая Гора; 7 – Мариерское; 8 – Баркужерское III; 9, 18, 20, 23, 25, 30 – Майданская стоянка; 11, 26 – Майданское II; 12 – Волоконное; 13, 28 – Юльяльская; 16 – Нижняя Стрелка; 19 – Шунангерская; 21 – Галанкина Гора; 27 – Майданское III; 29 – Удельношумецкое VI. Масштабы разные.

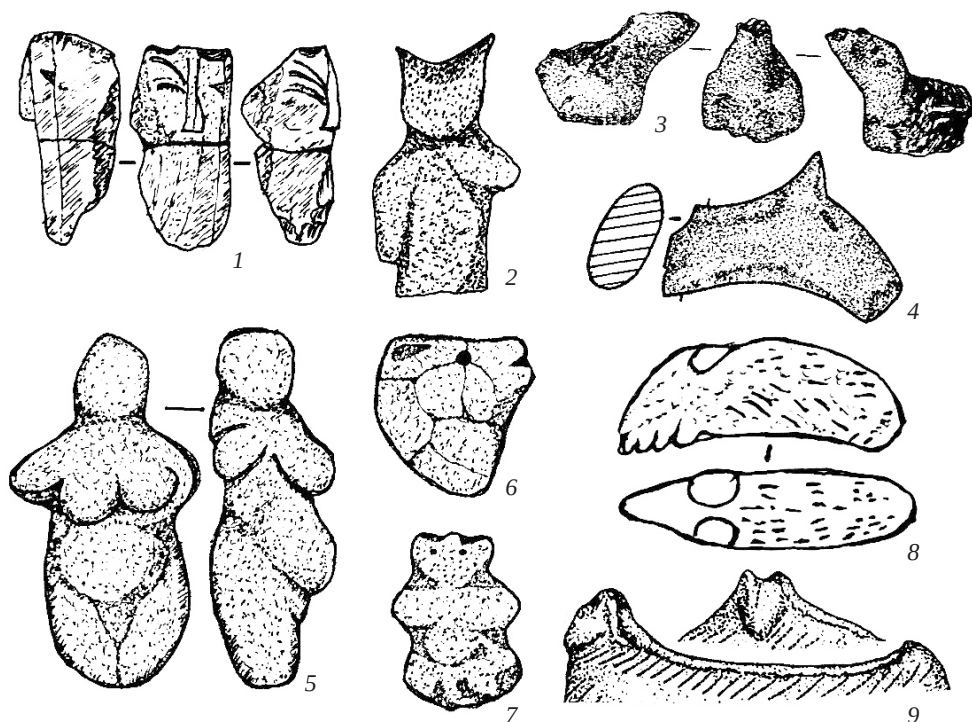

Рис. 2. Глиняные изделия

1 – Отарское VI; 2 – Починковское VII; 3 – Сутырское V; 4 – Баркужерское III;
5–7 – Мольбищенское III; 8 – Юринское; 9 – Галанкина Гора. Масштабы разные.

неопределенного характера (Никитин, 1994. С. 41–50) (рис. 1: 11, 12, 14–31). Все эти изображения фиксируют и тиражируют общепринятые в обществе понятия, которые должны были усваиваться соплеменниками и как по эстафете поколений передаваться потомкам, что в дальнейшем способствовало возникновению оригинального пиктографического письма. Многоэквивалентность знаков – символов, заменявших собою основное изображение – создает некоторые трудности в прочтении таких «посланий», но часть из них расшифровывается благодаря известным сюжетам мифологии и народного фольклора. Интересную реконструкцию мифа о «мировом древе» графемы с сосуда эпохи неолита сделал А. П. Журавлёв. По его реконструкции, на сосуде изображены два дерева, стоящих на вершине треугольника, далее – дерево, разделенное на три части, и изображение женской фигуры, двадцать пять изображений ветвей и пять других частей дерева (рис. 3: 1). По мнению автора раскопок, этот миф повествует о дереве, установленном на вершине космической горы, представляющем собой ось мироздания, пронизывающую Вселенную. Три части дерева символизируют верхний, средний и нижний миры. Отдельные части деревьев, женщина с поднятыми вверх руками, изогнутыми в виде ромба ногами, олицетворяют единство человека и природы, выражают идею плодородия. В последующее время этот образ «треугольника или ромба с ответвлениями» будет часто встречаться в металле, на глиняной посуде и вышивке народов Восточной

Европы. Далее повествуется о верхнем и нижнем мирах. Верхний мир – место верховных божеств и мир духов – шаманов (Журавлёв, 1991. С. 153–161).

Древнейшее представление о Вселенной и ее опоре – оси мироздания – вдохновляли (и вдохновляют) сказочников и поэтов на создание мировоззренческих сочинений:

*Не шелохнутся звонкие деревья,
Боясь сломать продрогшие тела,
И на дымы десятков труб деревни,
Как бы на свои неба синь легла.*

В. Колумб

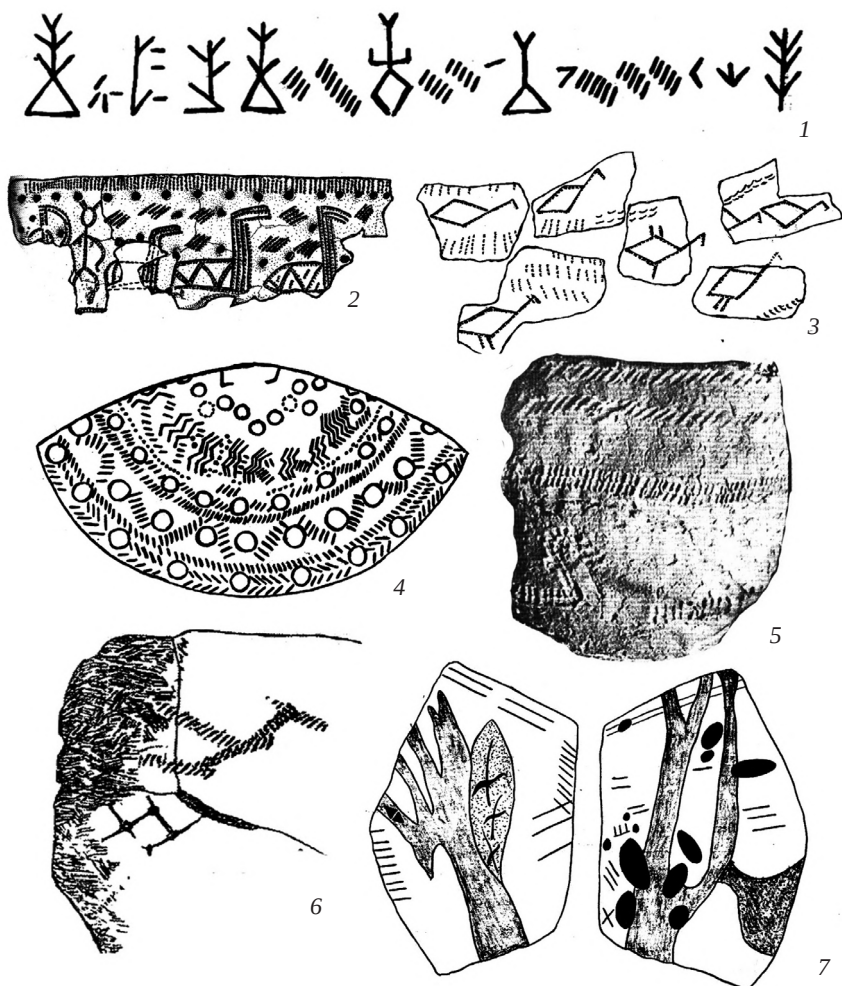

Рис. 3. Сюжетные композиции в предметах археологии лесной полосы Европейской России

- 1 – Пегрема (по Журавлев, 1991); 2 – Коломцы (по Формозов, 1966); 3 – Майданская стоянка;
4 – Сахтыш II (по Ошибкина и др., 1992); 5 – Отары XVIII;
6 – Парат XII (по Выборнов и др., 2000); 7 – Пепкинский курган. Масштабы разные.

У автора столбы дыма – это «сваи неба, опора мироздания» (Васинкин, 2005. С. 21).

Интересный сюжет на сосуде со стоянки Сахтыш II (Ивановская область) рассмотрен Д. А. Крайновым и отнесен автором к области космогонических представлений древних людей. Он выделяет три зоны в композиции сюжета: верхняя – «небо», по которому совершается годовой и суточный круговорот солнца; средняя – «земная», очерченная плотной стеной линзовидных символов, где показан суточный круговорот солнца и «люди», идущие по жизненному пути; нижняя – подземная, но также освещенная «светилом», внутри ее – ворота в «неизвестность или вечность». Исследователь замечает, что возможна и другая трактовка сюжета (Ошибкина и др., 1992. С. 88).

Воспользуемся этой возможностью и сделаем попытку рассмотреть данный сюжет, поставив сосуд устьем вниз, что более соответствует древнейшему представлению о многоярусном сферическом строении Вселенной. При этом также выделяется нижний мир с девятью светилами, под которыми обозначены различные существа, населяющие этот мир. По представлениям древних насельников лесной и таежной зоны, небо, как и подземный мир, состоит из девяти слоев, имеющих свое светило, а солнце и луна изображаются в виде девяти концентрических кругов. Нижний мир – мир умерших предков – живет своей особенной жизнью по своим определенным законам. Отголоски представлений о девяти светилах сохранились у марийцев, которые на молениях в честь окружающего мира, управляемого по космическим законам времени и пространства – *«тўня кумалтыш»*, в молельной роще зажигают девять костров, символизирующих девять планет солнечной системы (Акцорин, 1994. С. 10). На границе нижнего и среднего пояса находится страж подземного мира, огромный змий – символ стихии тьмы и зла, чудовище, которое постоянно охотится за светлым божеством – солнцем и звездами. Сцена извечной погони злого начала, существа, стремящегося поглотить движущееся солнце, вечное преследование и вечное ускользание, вечное возрождение дня после ночи, лета после зимы, навсегда запечатлелось в сюжете извивающегося змия, то укрывающего, то выпускающего древнее светило. Это мир – напоминание живым сородичам о том, что мир мертвых отделен от нас безвозвратно стерегущем змием, рекой или дорогой смерти, отголоски которого можно наблюдать в погребальной обрядности многих народов вплоть до настоящего времени (этот сюжет очень ярко выражен в символике кресал древних марийцев IX–XII вв. (Никитин, 2015. С. 324–326).

Выше расположен средний мир – мир всего живущего на земле со своими девятью светилами, дающими жизненную силу человеку, животному и растительному миру. Видимо, не случайно населяющие этот мир движутся по жизненному пути к востоку, что подчеркнуто наклоном символов. В нижнем мире движение представлялось противоположным, отражающим понятие многих народов о противоположности явлений в другой жизни, наступающей после смерти на земле. Над средним расположен верхний мир – небо, обозначенный множеством мелких светил – звезд. Здесь обитают души умерших. Они обозначены в виде птичек, сгруппированных по три и движущихся к главному светилу. Выше неба есть мир, где обитают одни светила, здесь же «небесный прорыв», «сакральное «отверстие», «ворота», через которое осуществляется общение между космическими зонами мироздания. «Ворота» указывают путь

душам умерших в верхний мир, где находятся божества и души умерших сородичей, открывают эту сферу для прохождения новых душ, летящих в верхнюю зону мироздания (рис. 3: 4).

Культовое значение сосуда в погребальном обряде древнего населения пока не совсем понятно. Его наличие в сопровождающем инвентаре погребенного можно встретить практически во всех культурах многовековой истории, но анализа, хоть как-то объяснившего бы символику этого явления, пока нет. Можно отметить фиксацию сосуда в погребении в различных частях могилы. Это могут быть глиняные горшки, деревянные и металлические чаши, железные и из цветных металлов котлы, редко – деревянные бочонки. Не лишены этого обряда и народы Среднего Поволжья, в том числе средневековые марийцы. По моим подсчетам, в некрополях IX–XI вв. на 197 объектах (погребения и жертвенные комплексы) учтено 60 сосудов. На кладбищах IX–XI вв. сосуд в погребении встречается довольно часто (Веселовский – 34 объекта, 24 сосуда; Нижняя Стрелка – 53/40; Черемисское – 16/12), более поздний могильник Дубовский, где изучено 83 объекта, имеет всего 7 объектов с наличием сосуда.

Традиция ставить сосуд в могилу сохраняется и в поздних (языческих) могильниках XVI–XVIII вв., но объяснения этому явлению нет (Никитина, 1992. С. 76, 79. Табл. 24; 2012; 2018).

На мой взгляд в этом культовом сюжете можно определить семантическую роль сосуда, поставленного устьем вниз, в значении сакрального купола, содержащего частицу покинутого мира, хотя это только предположение автора, не подтвержденное фольклором.

По представлению древнего населения лесостепной зоны, душа умершего, после того как она покинет тело, летит в образе птицы «по пути мертвых или птиц» в северном направлении в страну мертвых. Существует вера в продолжение жизни после смерти в виде астральной энергии и в способность души перемещаться с земли к другим планетам по космическому пространству. Человек живет несколько жизней и может вернуться в любом облике. Это представление о вечности души выражено в понятии «умереть» (вернее «околеть», от слова кол – рыба), т. е. превратиться в рыбу (щуку), седьмую стадию жизненного цикла – «кавараиш». В марийском языке оно употребляется в значении «подохнуть-сдохнуть» и т. п. по отношению к животным (Русско-марийский словарь. 1966. С. 520; Марийско-русский словарь. 1991. С. 98). Это словосочетание состоит из двух слов: сказуемое – *кава* (небо) и глагол – *араиш* (брать в долг). По законам словообразования в марийском языке в итоге *каваараиш* при совпадении двух гласных (здесь *aa*?) один удаляется, и таким образом создается новое понятие – *кавараиш* – «небо взяло в долг». Раз взяло в долг, то долг должен возвратиться. Это (устаревшее и вышедшее из употребления в погребальной обрядности людей) слово в полной мере отражает семантику истинного отношения к смерти, веру в бессмертие души.

Древнее свидетельство переселения души в верхний мир при содействии птицы зафиксировано на сюжете роговой плитки из Пепкинского кургана эпохи бронзы (недалеко от г. Козьмодемьянска) (Халиков и др., 1966. С. 12–13; Никитин, 2003. С. 24–35). Среди инвентаря, сопровождавшего погребенного кузнеца, лежал фрагмент пластины из рога лося с выгравированной на ней композицией, расшифрованной К. И. Корепановым как послание живых богам

через своих мертвых сородичей с просьбой о благополучии своему роду (*Корепанов*, 1992. С. 196–200). На пластине выгравировано «мировое древо» с тремя крупными ответвлениями. На левом ответвлении нанесены два разнонаправленных треугольника – символа женского начала, связанного с культом Великой богини, матери, являясь образом ее рождающего чрева, материнской утробы, которое дает начало всей жизни. С правой стороны основного ствола – силуэты летящих вверх птиц. Птицы летят в прорыв (ворота) небесного уровня, в верхний мир. Ворота обозначены параллельными линиями, между которыми оставлено свободное пространство. На оборотной стороне пластины – тоже «мировое древо» с ветвями, на которые с неба падают крупные плоды, разрастающиеся потом на дереве. Смысловая нагрузка заключается в соединении «мировым деревом» трех космических зон вертикальной структуры космоса. Души погибших, птицы, летят в сторону Солнца – источника света и жизни. Для связи среднего и верхнего миров и существует «прорыв» или «ворота» в небесной сфере, куда стремятся души умерших (рис. 3: 7). Сюжет на данном фрагменте рога представляет лишь часть композиции, отсеченной от «плитки» – мифологического изложения древнейшего миропонимания (*Никитин*, 1991. С. 95–104; 1995. С. 41–50; 1998. С. 98–103; *Никитин, Никитина*, 2004. С. 40–42).

Понимание жизни на земле и отношение к ее окончанию на этом отрезке времени отразилось в марийской пословице «*тагынаш возын кала шок лий*» – «нельзя умереть, лежа в лотке». Здесь, видимо, отразилось представление о погребении в колоде, которая ассоциировалась с дуплом или ульем, где проводили зимнее время животные и насекомые, впадающие в спячку. Данное явление вызывало представление о чудесном воскрешении и «перевоспещении» пчел, летучих мышей и других животных, владеющих этим свойством. Вера в загробную, следующую после жизни на земле, стадию жизненного пути, вера в покровительство умерших родичей формировали особое отношение семейно-родовых связей, не прекращающихся на протяжении нескольких поколений.

Повествующие сюжеты на посуде указывают на применение рисунка и в передаче знаний бытового (охотничьего) плана. Так, на сосуде эпохи неолита со стоянки Парат XII в акватории Чебоксарского водохранилища (устье р. Парат) собраны фрагменты от двух сосудов с изображением охоты с применением сети (рис. 3: 6). Здесь на внутренней стороне сосуда изображена сеть, в которой находится животное с головой лоса на короткой шее с массивным туловищем (*Выборнов и др.*, 2000. С. 311). Исходя из традиционных способов охоты на животных в древности, отраженный на сосуде сюжет более всего соответствует промыслу отлова перелетных птиц в период линьки, описанного В. А. Обручевым в книге «Земля Санникова»: когда в начале июля, во время линьки уток и гусей, потерявших способность летать и укрывающихся в тростниковых зарослях старичных озер, начинается на них охота. На берегах водоемов заранее устанавливали загоны из тонких жердей (чтобы птица не могла пролезть между ними), устраивая конструкцию ловушки с широким загонем, постепенно сужающимся к узкому коридору, ведущему к площадке, отгороженной более плотно со всех сторон кольями (или сетями). В определенное время коллектив охотников с криком и шумом в берестяных лодках гнали птицу к ловушке, где ее убивали (*Карасьников, Москвин*, 2004. С. 32–37).

Кроме того, у многих народов мира существовал способ добычи птицы при помощи специальной ловушки – «боло», основу которой составляла сеть с привязанными грузиками с одной стороны. Орудие во время охоты забрасывалось в сторону скопления птиц, сеть расправлялась, а взлетающая птица, путаясь в ловушке, становилась добычей охотника.

Сетки такого типа зачастую использовались рыбаками на мелководье старичных озер, заливов, затонов, протоков и т. п. Отпечатки мелкоячеистых (18×18 мм и 30×30 мм) сетей, хранящихся в сосудах, найдены на поздненеолитических и раннеэнеолитических памятниках Удельношумецкое III, Майданское III, Ахмыловское II и других поселениях (Халиков, 1969. С. 339; Архипов, Никитин, 1987. С. 34).

Возможно, к этому оригинальному ловчему устройству относятся и часто встречаемые в постройках так называемые «грузики или шлифовальники» из обломков посуды круглой формы с отверстием или без него. Кроме круглых форм, есть четырех-, пяти- и более угольные, но все их объединяет подшлифовка краев, что важно в случае применения в качестве груза в сетевой ловушке. Такие грузики встречены в слоях развитого неолита и особенно – в конце неолита с признаками металлообработки: на Ахмылово II и Сутыри V было найдено 52 и 33 соответственно (Никитин, 1977. С. 57; 2017. Рис. 436, 438, 440; Королев, 2013. С. 295–312).

В фольклоре любого народа существует множество примет, созданных на основе многочисленных наблюдений за поведением животных, птиц и земноводных. С гусями повадками связан ряд примет у марийцев: гуси летят низко – к теплой зиме; гуси-лебеди летят высоко – к большому половодью; гуси летом подолгу стоят на одной ноге – зима будет с трескучими морозами; если лебеди улетают ранней осенью, быстро начнутся холода; во время перелета гусей-лебедей длинное крыло стаи на лесной стороне – там и будет хороший урожай; если на горной стороне – уродаются хлеба. Урожай зерновых и овощных культур определялся в зависимости от состояния половодья, что отразилось в приметах и поговорках лесных народов (Китиков, 1989).

На неолитической посуде Отарского поселения в Килемарском районе Марийского Поволжья известен сюжет со змеей, опоясавшей тулово сосуда: на тыльной стороне изображен треугольник, разделенный пополам, где в каждом сегменте нанесена точка. Семантика треугольника читается как оплодотворенное женское начало (материнство). В мифологии марийцев роль змеи как хранительницы женского начала и рода человеческого хорошо представлена. Видимо, сосуд предназначался для содержания специальных снадобий, необходимых при беременности или родах. В сочетании змеи, женского начала и сосуда усматривается прообраз современной медицинской символики (рис. 3: 5). Змеиные и драконовские сюжеты получают развитие в эпоху бронзы, что наблюдается достаточно четко в материалах абашевской культуры, где образ змеи или дракона представлен линией строенного зигзага или цепочки заштрихованных ромбов (Большов, 2003. Рис. 7: 1, 8; 28: 2; 35: 1; 36: 2; 43: 8; 56: 3; 61: 1). Сюжеты со змеей-драконом характерны для эпохи бронзы населения лесостепных и степных культур (абашевская, срубная, поздняяковская), присутствовавших на территории лесостепного и широколиственного поясов Волго-Камья. Их бояться и им же поклоняются, относятся со страхом и уважением,

считая советчиками и помощниками в быту, посредниками между предками и потомками, стражами границы между миром живых и миром мертвых. Змея – мудрая и в тоже время опасная «подкольная». Особое значение образ змеи (дракона) приобретает в средневековых (в том числе, марийских) некрополях. Произведения древнего искусства в Марийском крае выражены и в мелкой глиняной пластике: антропоморфные на Отарском VI и Починковском VII (рис. 2: 1, 2), животные на Юринском и Баркужерском III (рис. 2: 4, 8, 9). Особо следует выделить группу скульптурок из очага жилища постройки на Мольбищенском III поселении, в слое которого найдены фигура женщины, медвежья голова и небольшая скульптура человека-зверя (рис. 2: 5–7). Такое сочетание отражает сюжет марийской сказки о марийке, родившей медведя (медвежий сын) (Сабитов, 1980).

Важную роль в миропонимании финно-угорских народов играл образ лося (оленя), основного животного в пищевой цепочке лесной и таежной зоны России, особенно после исчезновения в конце палеолита мамонтовой фауны. Именно с мезолита лось (олень) стал основным объектом охоты древнейших коллективов. Особо наглядно роль лося в хозяйстве мезолитических племен видна по материалам полно изученных поселений рубежа неолита – энеолита VI–III тыс. до н. э. Анализ остеологических коллекций этого периода показывает, что большинство костей принадлежит лосю, частично – северному оленю и медведю (Никитин, 1979. С. 20–42; Петренко, 1977. С. 96–101). В древнем искусстве образы лося и оленя не различаются, и зачастую сюжеты с этими животными объединяются и выражаются через культ лося (подразумеваемая и олень). В марийском языке олень – *пучо* (пуго), лось – *шордо*, а в фольклоре некоторых районов Республики Марий Эл лося называют *шорды* (пуго или *шарды пучы* – лосиный олень) (Акцорин, 1994). Известны два Шордоер (лосиное) и Пучиер (Олень) озера, расположенные рядом в бассейне р. Большой Кокшаги. В археологических материалах Марийского края есть лосевидные кремневые фигурки, подобные «жезлу шамана» из Оленеостровского могильника.

Более четко и реалистично лось изображается на посуде и в графике. Наиболее ранние рисунки лося есть на фрагменте сосуда из Майданской стоянки (IV тыс. до н. э.). Судя по позе зверя, устремленного вперед с вытянутой шеей, можно предположить сезон гона, когда у него еще не отвалились рога (рис. 4: 1). Еще одно изображение на фрагменте сосуда с поселения Мольбище III (конец III тыс. до н. э. – время освоения плавки металлов) – контур животного в прочерченной технике, зверь, узнаваемый по конфигурации морды и наличию рогов (рис. 4: 2). На фрагменте сланцевой плитки со стоянки Волоконное сохранилось граффито (голова лося, лосихи) в слоях с неолитической посудой (рис. 4: 3). Лось в мифологической картинке мира народов Северной Евразии предстает в качестве одного из основных символов мироздания (Окладников, 1950). В марийском фольклоре лось занимает особое положение. В обрядовых песнях он наделяется динамической характеристикой путем возвышенного слога глагольной конструкции типа «*йорта*» или «*йорталеш*» (шествует). В одной песне обнаруживается взаимоположение созвездий Лося и Лебедя. *Кўшныжат йўксочонешталеш, ўлныжшо шордо йорталеш* – наверху лебедь летит, под ним шествует лось (Калиев, 2003. С. 66).

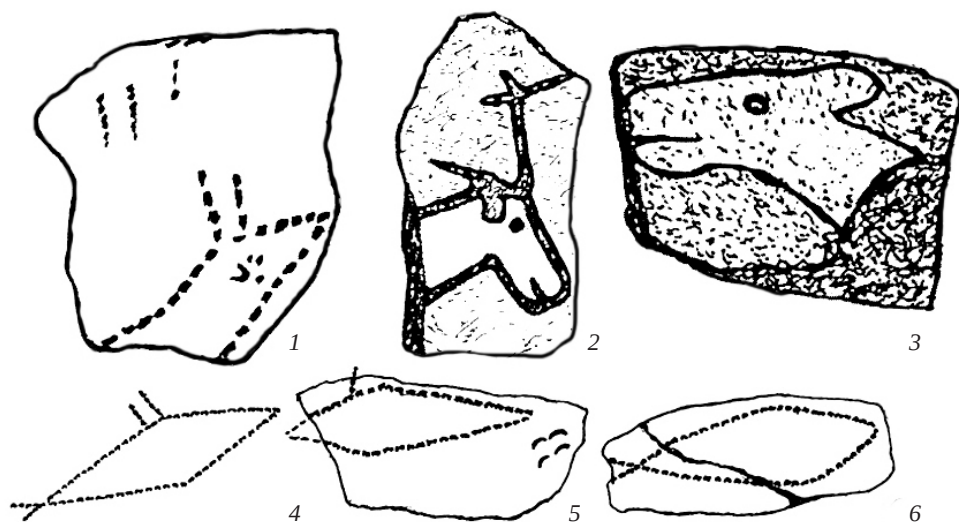

Рис. 4. Звери, птица, рыбы, змея и птичьи следы

1 – Майданская стоянка; 2 – Мольбище III; 3 – Волоконное; 4 – Сутырское Па;
5 – Ахмыловское II; 6 – Баркужское III; 6 – Остров Мотыля; 1, 2, 4–6 – керамика
3 – сланец, остальное керамика. Масштабы разные.

Особенно ярко образ лося с лебедем представлен в наскальном искусстве Онежского озера и Белого моря (Жульников, 2006. Рис. 38, 54). Данный сюжет просматривается и в культуре раннедьяковских городищ (IV–III вв. до н. э.). На роговой пластине в технике глубокой гравировки нанесен рисунок лося-олени, бегущего или готовящегося к прыжку. Динамизм выражен и вытянутой шеей, и приподнятым крупом. Птица изображена в той же манере, что и лось: вытянутая шея, приподнятое крыло, расправленный хвост производят впечатление птицы в полете, а вытянутые лапы и наклоненная вперед голова – летящей птицы в момент приземления. Два симметрично расположенных отверстия вдоль верхнего края пластины предполагают деталь шаманского нагрудного украшения (Крис, 1995. С. 57. Рис. 1: 1). Данная графика очень ярко демонстрирует смещение Северного Полюса от созвездия Лося к созвездию Лебедя, которое локализуется вблизи от Полярной звезды – небесного столба.

В марийской мифологии небесный столб (кол, опора – *Кава менге Түкө*) в определенное время, покосившись на край, становится вверх ногами (вниз головой). В мифологии мари гнездовые творца (утки, *лудо пыжаши*) находится в созвездии Плеяд, а по идее оно должно быть не на окраине организующего творящего начала, а в центре Галактики (в области созвездия Стрельца). На карте Звездного неба Лебедь (Гусь) своей шеей и головой направлен (смотрит) в сторону созвездия Стрельца и летит по Млечному пути. Самая яркая звезда Лебедя очень близко находилась к Северному полюсу мира (информатор – А. Елкиев, НРФ МарНИИ, д. № 1257).

Рассмотренные в очерке мифологические сюжеты отражают лишь небольшую часть имеющейся в артефактах культово-обрядовой, мировоззренческой и другой хозяйственно-бытовой и социально-общественной информации,

скрытой под системой символов. В данном очерке не затрагиваются проблемы культурно-обрядовых археокалендарных систем, хотя по ним есть разработки (см. *Никитин*, 1990; 1992; 1996б; 2002; *Пасынков*, 2002).

Список литературы

- Акцорин В. А.* Мировоззренческие представления финно-угорских народов по данным фольклора // Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 5–19.
- Архипов Г. А., Никитин В. В.* Майданские II и III поселения волосовской культуры // Древности Волго-Вятского междуречья. Йошкар-Ола: МарНИИ. 1987. С. 24–49.
- Большов С. В.* Средневолжская абашевская культура (по материалам могильников). Йошкар-Ола. МарНИИ. 2003. Тр. МарАЭ. Т. VIII. 184 с.
- Васильев И. Б., Овчинникова Н. В.* Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: Сам. научный центр, 2000. С. 217–278.
- Васинкин А. А.* Поэтический мир Колумба. МарНИИ. Йошкар-Ола. 2005. 224 с.
- Выборнов А. А., Глуценко С. А., Королев А. И.* Поселение волосовской культуры Парат XII в Марийском Поволжье // Исторические исследования: сб. научн. трудов. Самара. СГПУ. 2000. С. 299–312.
- Габяшев Р. С., Беговатов Е. А.* Тенишевский («Сорокин бугор») энеолитический могильник (предварительная публикация) // Новые памятники археологии Волго-Камья. В. 8. МарНИИ. Йошкар-Ола. 1984. АЭМК. С. 64–83.
- Забылин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М. Издание книгопродавца М. Березина. 1880. 622 с.
- Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. Вып. X. 1948. С. 85–123.
- Жульников А. А.* Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск. Скандинавия. 2006. 224 с.
- Журавлев А. П.* Пегрема. Петрозаводск. 1991. 205 с.
- Калиев Ю. А.* Мифологическое сознание мари. Фоменология традиционного понимания. Йошкар-Ола. МарГУ. 2003. 215 с.
- Карабельников Д. В., Москвин А. Ю.* К вопросу о культе водоплавающей птицы на Евразийском северо-западе (к двум новым находкам волосовской мелкой пластики из Нижегородской области). Н. Новгород. 2004. 40 с.
- Китиков А. Е.* Марийские народные приметы. Йошкар-Ола. МарНИИ, 1989. 287 с.
- Косарев М. Ф.* Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
- Корепанов К. И.* Космологическая идеограмма с символами воспроизводства социума на костяной «плитке» из Пепкинского кургана // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола. МарНИИ. 1992. АЭМК. В. 21. С. 196–200.
- Королев А. М.* Поселение эпохи раннего металла Сутырское V в Марийском Поволжье (по результатам раскопок 2000 года) // ТАС. Вып. 9. Тверь: ТГОМ, 2013. С. 295–312.
- Крис Х. И.* Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ. РА. 1995. С. 56–67.
- Лотфуллин И. М., Ислиев Д. Г.* Джихад татарского наряда. Героическая борьба татар-мусульман с православной инквизицией на примере истории новокрещенской конторы. Казань. 1998. 155 с.
- Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола. Маркнигоиздат. 1991. 510 с.

- Напольских В. В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение фоно-угорских народов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 5–21.
- Никитин В. В. Ахмыловское II поселение // из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 2. Йошкар-Ола: МарНИИ. 1977. С. 41–87.
- Никитин В. В. О хозяйстве населения Марийского края в начале эпохи раннего металла // Из истории хозяйства населения Марийского края. Йошкар-Ола. МарНИИ. 1979. АЭМК. В.4. С. 20–42.
- Никитин В. В. Древнейший календарь земли марийской // "Ончыко" № 4. Йошкар-Ола. 1990. С. 81–84. (на марийском языке).
- Никитин В. В. Пепкинский курган. Тайны Пепкинского кургана // Усем. Йошкар-Ола. 1991. № 3. С. 95–104 (на горномарийском языке).
- Никитин В. В. Астрономические представления эпохи бронзы в свете археологических фактов (по материалам абашевской культуры Среднего Поволжья) // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар. 1992. С. 35–41.
- Никитин В. В. Кремневая скульптура и лепная глиняная пластика неолитических племен лесной зоны Среднего Поволжья // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново. 1994. В. 1. С. 41–50.
- Никитин В. В. Мифы, застывшие в археологических древностях (к вопросу о космогонических представлениях охотников лесной полосы Евразии) // ФУ. Йошкар-Ола. МарНИИ. 1995. № 2. С. 41–50.
- Никитин В. В. Каменный век Марийского края / Тр. МарАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИ. 1996а. 177 с.
- Никитин В. В. Календарь в орнаменте посуды и украшениях финно-угров Поволжья и Урала // Археoaстрономия: проблемы становления. Тез. докл. международной конференции. М.: ИА РАН. 1996б. С. 101–105.
- Никитин В. В. Космические странники Пепкинского кургана // У сем. Йошкар-Ола. 1998. № 3. С. 98–103 (на горномарийском языке).
- Никитин В. В. Отражение календарных схем в предметах быта и украшениях древности // Структурно- семиотические исследования в археологии. Т. I. Донецк: ИА АН Украины. 2002. С. 275–282.
- Никитин В. В. Абашевские курганные могильники как источник изучения мировоззрения (по материалам марийской археологической экспедиции) // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары. ЧГИГН. 2003. С. 24–35.
- Никитин В. В. Женское божество в предметах быта и искусства финно-угров Поволжья (по материалам средневековых могильников) // Интеграция археологических и этнографических исследования. Барнаул, Омск: Наука. 2015. С. 230–234.
- Никитин В. В. На грани камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола. МарГУ. МарНИИ. 2017. 765 с.
- Никитин В. В., Никитина Т. Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИ. 2004. 152 с.
- Никитина Т. Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв. (по материалам могильников)). Йошкар-Ола: МарНИИ. 1992. 160 с.
- Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского муждуречья / Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Институт истории АНРТ. 2012. 408 с.
- Никитина Т. Б. Русенихинский могильник / Археология Евразийских степей. № 3. Казань. 2018. 240 с.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I–II // МИА № 18. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 412 с.

- Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зимина М. П.* Искусство каменного века (лесная полоса Восточной Европы). М.: Наука. 1992. 136 с.
- Пасынков С. В.* Астрономическая интерпретация орнаментов на сосудах поздняяковской культуры // Структурно-семиотические исследования в археологии. ИА АН Украины. Донецк. 2002. Т. I. С. 283-290.
- Петренко А. Г.* Из истории фауны памятников волосовской культуры с территории Марийской АССР // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. / Археология и этнография Марийского края. Вып. 2. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. С. 96–101.
- Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М., 1993. 463 с.
- Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М. 2003. 244 с.
- Русско-марийский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 848 с.
- Сабитов С. С.* Образ медведя в марийских и удмуртских сказках // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. 2. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1980. С. 44–51.
- Тойдыбекова Л. С.* Марийская мифология. Этнографический справочник. Йошкар-Ола: Мар. бум. Компания. 2007. 312 с.
- Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука. 1966. 128 с.
- Халиков А. Х.* Материалы к изучению истории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Труды МарНИИ. Т. I. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960. 188 с.
- Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.
- Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М.* Пепкинский курган (Абашевский человек). Тр. МарАЭ. Т. III. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1966. 72 с.

Сведения об авторе

Никитин Валерий Валентинович, Марийский НИИЯЛИ им. В. М. Васильева, Йошкар-Ола, РФ

V. V. Nikitin

ARCHAEOLOGY IN THE MYTHS, CULTS AND RITUALS OF THE PEOPLES OF THE VOLGA FOREST REGION AND ADJACENT FOREST-TAIGA TERRITORIES (STONE AND BRONZE AGES)

Abstract. The widespread distribution of folklore works similar in plot and theme (legends, myths, traditions, fairy tales, epics, songs, proverbs, riddles and other works of oral folklore) testifies to the origin of the most ancient of them in certain natural and geographical conditions, characteristic exclusively of a specific territory and at a specific time. Wandering along with their native speakers, these creations of the epoch acquire new properties inherent in other human communities in other natural and geographical conditions. The adjustment of the time and place of origin of a particular plot of folk art is largely solved through the analysis of archaeological and folklore material, helps to identify common or similar ideological positions in a wide area of forest and forest-steppe zones of Russia.

Keywords: Mesolithic – Neolithic, myth, legend, folklore, archaeological object, site, bird, moose, bear, snake.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «БЕЛОЙ ГЛИНЫ» И ИЗДЕЛИЙ ИЗ НЕЕ В ОБРЯДЕ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА УСТЬ-ВАГИЛЬСКОГО ХОЛМА В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ

*Светлане Викторовне Ошибкиной
с признательностью за далекие аналогии
уральскому материалу*

Резюме. В результате охранных раскопок экспедицией Свердловского областного краеведческого музея имени О. Е. Клера в 2005–2015 гг. уникального памятника в Среднем Зауралье «Усть-Вагильский культовый холм», содержащего материалы от раннего неолита до X–XIII вв., исследовано несколько культовых площадок на холме и у его подошвы. Самая ранняя из них раскопана в основании холма на глубине 4,67 м. Это жертвенное место с двумя скоплениями костей животных и фрагментами семи человеческих черепов. В процессе раскопок зафиксировано использование принесенной на памятник белой глины (изделия из необожженной глины в виде жгутов и сфероидов длиной 15–20 см, диаметром 3–5 см), которыми заполняли расколотые трубчатые кости животных, фрагменты черепов. Стратиграфически с жертвенным местом связана керамика сатыгинского типа, впервые описанная Л. П. Хлобыстиным в 1993 г. Серией радиоуглеродных дат по костям животных, фрагментам человеческих черепов, нагару на сосудах жертвенное место датировано ранним неолитом.

Ключевые слова: культовое место, ранний неолит, скопления костей, белая глина, сатыгинский тип керамики, AMS-датирование.

В 2004 г. автором статьи был обследован ряд уже известных археологических памятников в Гаринском районе Свердловской области на предмет их сохранности. Наибольшее количество нарушений культурного слоя в виде глубокой траншеи, ям черных копателей и барсучьих нор было зафиксировано на Усть-Вагильском холме, расположенном на левом берегу р. Тавды, на стрелке, образованной в месте впадения в нее р. Вагиль. На Ученом совете СОКМ было решено провести охранные раскопки на памятнике. С 2005 по 2015 гг. экспедицией под руководством автора статьи рекультивировалась поверхность (засыпаны грабительские ямы) и было исследовано 112 кв. м в восточной части холма. В процессе полевых исследований нам пришлось столкнуться с отдельными артефактами и следами обрядов, не имеющими аналогов на памятниках лесной зоны Зауралья. К ним относится и факт использования «белой глины»¹, а также изделия из нее в культовом комплексе самых нижних слоев Усть-Вагильского холма.

Статья посвящена описанию следов обряда, датировке и культурной принадлежности жертвенного комплекса с изделиями из «белой глины».

Усть-Вагильский холм принадлежит к своеобразному типу памятников Зауралья и Западной Сибири, которые появляются в раннем голоцене. Это так

¹ Образцы изделия из «белой глины» и образец глины из месторождения у д. Кошуки переданы на анализ специалистам-геологам из Ильменского заповедника для уточнения исходного материала и примесей в изделиях.

называемые «жертвенные бугры» или «холмы» (Старков, 1969. С. 72). Они возникают в каменном веке (периоды неолита и энеолита) и функционируют на протяжении тысячелетий до средневековья.

В настоящий момент подробно изучены четыре памятника: Махтыльский холм, Кокшаровский холм, Усть-Вагильский холм, Чертова гора (рис. 1). Махтыльский холм исследован в 1965 г. Н. А. Алексашенко. Коллекция находок хранится в Серовском краеведческом музее. Полевые исследования на Кокшаровском холме проводились до революции М. В. Малаховым (Малахов, 1887. С. 98–103) и И. М. Гендриховым (Зорина, 1996. С. 124); в 1955, 1957 и 1960 гг. холм исследовала А. И. Россадович (Россадович, 1955; 1957; 1960). Материалы хранятся в Нижне-Тагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал». Начиная с 1995

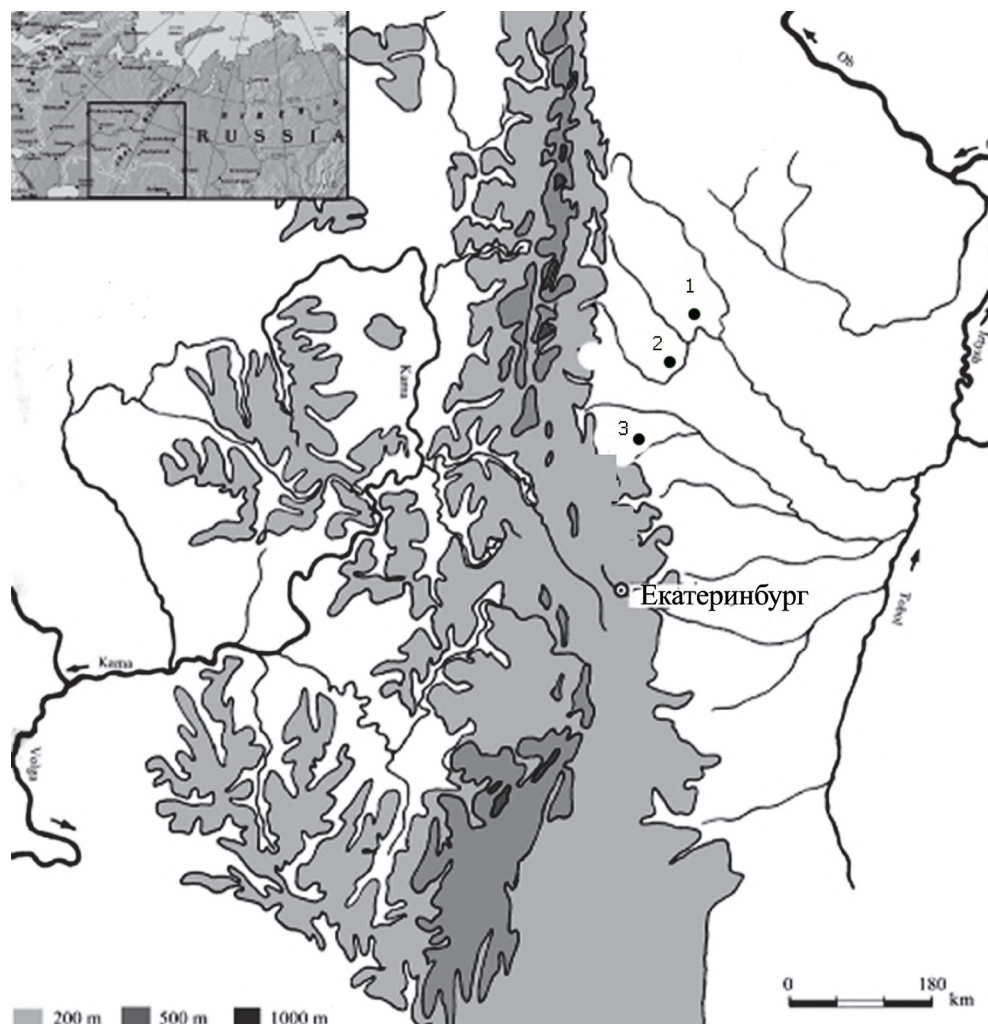

Рис. 1. Карта расположения «жертвенных холмов» в лесном Зауралье

1 – Усть-Вагильский; 2 – Махтыльский; 3 – Кокшаровский

по 2001 г. и с 2005 по 2013 г., а также в 2015 г. на Кокшаровском холме работал А. Ф. Шорин (*Шорин*, 2004. С. 87–89). Материалы хранятся в ИИА УрО РАН.

В Западной Сибири Л. Н. Сладковой в 1988, 2003–2004 гг. раскопан подобный холм – Чертова гора (*Сладкова*, 2008. С. 147–158). Коллекция хранится в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике.

Усть-Вагильский холм открыт в 1887 г. тюменским археологом-краеведом И. Я. Слопцовым. В 1965 г. исследован разведкой под руководством В. Ф. Старкова (*Старков*, 1965. Р1, № 3270). В 1970 г. раскопки на холме проводила А. И. Россадович (Нижне-Тагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал»). С 2005 по 2015 гг. полевые исследования проводились автором. Коллекции Усть-Вагильского холма хранятся частично в Нижне-Тагильском музее-заповеднике, основная часть находок – в СОКМ.

К общим чертам исследованных холмов относятся сложная стратиграфия, включающая мощные прокалы и множественные напластования культурных слоев, насыщенных находками; использование охры в ритуалах и обрядах, совершаемых на холмах; остатки деревянных построек и человеческих костей (*Панина*, 2008. С. 137–147). О культовых действиях на холмах свидетельствуют фрагменты глиняной посуды, окрашенные охрой, керамика с зооморфными скульптурными элементами, зооморфные каменные и глиняные фигурки, сосуды из бересты разных форм и размеров. Находки на холмах также включают большое количество костей животных, встречены бусы из семян воробейника, подвески из камня.

Вероятно, ритуалы, связанные с жертвоприношениями, совершались здесь в определенное время года. Огонь играл важную роль в этих обрядах. После завершения обряда место его совершения засыпалось слоем земли. Так постепенно, слой за слоем, складывалась холмообразная структура искусственного сооружения.

Усть-Вагильский холм, в целом совпадая с общими характеристиками всех холмов, имеет свои отличия. Одно из них – использование «белой глины» в обрядах раннего периода существования памятника.

Усть-Вагильский холм. Общая характеристика. Географически холм расположен в верхнем течении р. Тавды, на левом берегу, в месте впадения в Тавду р. Вагиль в Гаринском районе, на северо-востоке Свердловской области (рис. 2). Он находится в зоне тайги, на Пелымско-Тавдинской низменности с преобладанием среднетаежных пихтово-еловых и елово-пихтовых с кедром лесов.

Усть-Вагильский холм – насыпное сооружение в форме неправильного овала, вытянутого с запада на восток, диаметрами 53 м (восток – запад) и 48 м (север – юг). Высота холма в западной его части – 6 м, в восточной – 5,5, вершина плоская.

Мощность культурного слоя памятника в центре восточной (раскопанной) части холма – 4,67 м, у подошвы – 3,08 м. Стратиграфия культурного слоя сложная, в северном профиле зафиксировано 23 слоя и прослойки (рис. 3), они различаются по цвету, структуре почвы и наличию включений, связанных с деятельностью человека (уголь, охра, «белая глина», истлевшее дерево). Подробная характеристика слоев Усть-Вагильского холма опубликована (*Панина*, 2011а. С. 92–93).

Данные разведки В. Ф. Старкова (Старков, 1965. Р-1 № 3270) и наши раскопки позволяют предположить, что первоначально в пойме реки находилось неолитическое поселение, на территории которого в результате обрядов, связанных с огнем и жертвоприношениями, возник холм, который неоднократно подсыпался в последующее время начиная с эпохи неолита – энеолита (основной этап существования памятника) до средневековья (эпизодическое посещение). Землю для подсыпки брали из поймы реки вблизи холма с территории раннего поселения. Стратиграфически соотнести находки разных эпох с тем или иным слоем очень сложно. Практически в каждом слое присутствуют находки всех эпох. Но материалы неолита и энеолита можно отличить от поздних находок наличием известкового налета. По-видимому, в ранние эпохи нижние слои памятника подтапливались во время весенних паводков. Происходила минерализация. Попадая вместе с подсыпкой в верхние слои холма, предметы оставались покрытыми известковым налетом, что позволило выделить ранние материалы (не только керамику, но и каменный инвентарь).

На сегодняшний день в восточной части холма вскрыты и исследованы следующие объекты:

1. Жертвенное место с двумя скоплениями костей животных и семью фрагментами человеческих черепов – нижние слои памятника (-430/-467 см). Предварительная датировка – эпоха неолита.

С неолитом на холме связаны 3 типа керамики: сумпаньинская, кокшаровско-юрьинская и сатыгинская. Преобладает сумпаньинский тип. Есть единичные находки боборыкинской и кошкинской керамики (Панина, 2008. С. 142).

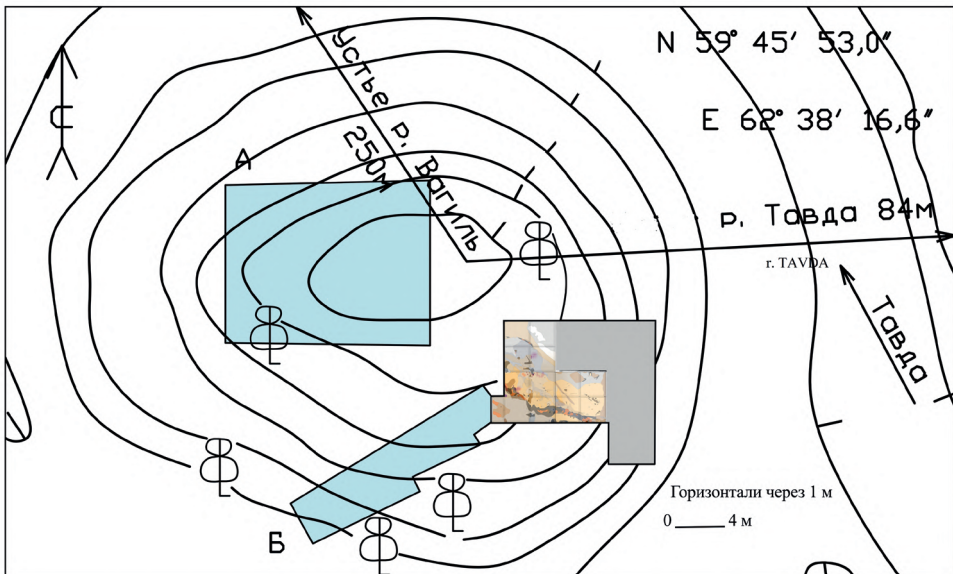

Рис. 2. Топографический план Усть-Вагильского холма. Вид с юга

Условные обозначения: Раскопы А. И. Россадович отмечены голубым цветом; раскоп С. Н. Паниной – серым цветом

Усть-Вагильский холм, экспедиция СОКМ
Северный профиль траншеи

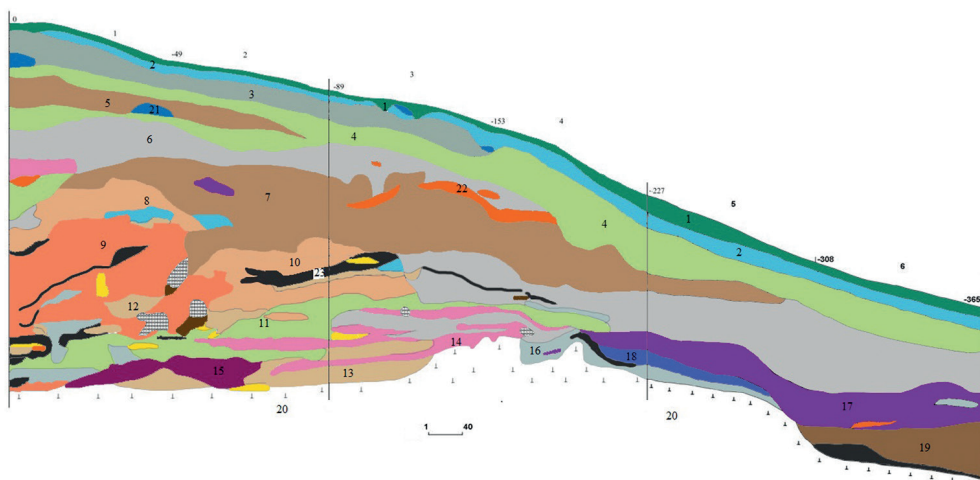

Рис. 3. Стратиграфия северной стенки раскопа восточной части Усть-Вагильского холма

Условные обозначения: 1 – гумус; 2 – серая супесь; 3 – темно-серая супесь; 4 – черно-коричневая супесь с мелкими угольками; 5 – коричневая супесь; 6 – черно-коричневый пестроцвет; 7 – коричневая супесь более плотная и однородная по составу; 8 – светло-коричневая супесь; 9 – темно-коричневый пестроцвет; 10 – светло-коричневый пестроцвет; 11 – черно-коричневая супесь с углями; 12 – серо-желтый пестроцвет; 13 – серо-желтый песок; 14 – серо-коричневая супесь; 15 – черно-коричневая супесь с включением белой глины; 16 – темно-серый пестроцвет; 17 – серо-голубая супесь; 18 – темно-серо-голубая супесь; 19 – коричневый суглинок; 20 – материк – желтый суглинок или серо-желтый песок; 21 – зольник; 22 – прокал; 23 – углистые прослойки

2. Погребение у подошвы холма в футляре из охры (-505/-514 см) и сгоревшее деревянное сооружение или настил рядом с захоронением. Комплекс предварительно датирован эпохой энеолита (Панина, 2014. С. 330–333).

В эпоху энеолита на холме проводило обряды население с гребенчатой аятоподобной керамикой, орнаментированной геометрическими узорами. Основное ее отличие от аятской посуды – отсутствие «пустых зон» (Панина, 2011а. С. 94. Рис. 2; С. 95. Рис. 3). Часть этой посуды окрашена охрой снаружи.

3. Отдельные жертвенные комплексы, например, находки черепов северного оленя и лося в бинарной оппозиции, находки двух бронзовых антропоморфных идолов, фрагмента медного литого котла, бронзовой поясной пряжки с медным язычком (VI–IX вв. н. э.), гроздевидной подвески (VII в. н. э.) из оловянистой бронзы, имеют аналогии в Веслянском I могильнике (Савельева, 1979. С. 92. Рис. 17: 4).

Все эти факты свидетельствуют об использовании холма в сакральных целях как в ранние эпохи, так и в железном веке вплоть до X–XIII вв. н. э.

В верхних слоях Усть-Вагильского холма встречается керамика вагильского типа финальной бронзы – это наиболее мощный пласт массива керамических находок, но пока, к сожалению, не связанный с какими-либо объектами. Единично встречаются фрагменты керамики туманской (середина I тыс. н. э.) и кашинской (VI–III вв. до н. э. – III–VI вв. н. э.) культур железного века. В VI–VIII вв. холм эпизодически посещался населением с зеленогорским

Фрагменты человеческих черепов были вынуты с грунтом, упакованы и доставлены в реставрационную мастерскую СОКМа, где проводилась их расчистка и реставрация.

В некоторых случаях пришлось использовать гипсовый чехол для костных остатков в полевых условиях по методу С. Г. Буршневой, реставратора высшей категории Эрмитажа (*Буршнев, Питулько*, 2014. С. 130–133). Эта методика позволила сохранить весь остеологический материал жертвенного места и тщательно расчистить его в лабораторных условиях.

По определению палеозоолога к.б.н. П. А. Косинцева, это были кости, зубы и рога лося, северного оленя, собаки, соболя, волка, нижняя челюсть щуки и 7 теменных и затылочных фрагментов черепов человека. Анатомического порядка при расчистке скоплений костей не прослежено (рис. 4). Скопление костей № 1, более компактное и малочисленное, расчищено на глубине -433/-443 см (рис. 5). Второе скопление, более обширное по количеству и занимаемой площади, находилось на горизонте -440/-455 см. Над вторым скоплением стратиграфически прослеживается небольшая земляная насыпь конической формы, которая сверху была обложена деревом и подождена (лента прокала расположена по дуге над земляным холмиком), затем после остывания золы холмик был перекрыт берестой (прослойки белой бересты в слое также расположены наклонно). Скопления находились во внутреннем пространстве, огороженном дугообразной канавкой, заполненной мощным прокалом и углями (рис. 6: 1). Канавка, маркирующая границы между сакральным и профанным

Рис. 5. Начало расчистки скопления костей № 1, кв. Б 1, гл. - 437

Выделяются изделия из белой глины в виде сфероидов и жгутов

пространствами, внешней дугой отделяет жертвенное место от центральной части холма. Вдоль канавки с внешней стороны прослеживается ряд обугленных столбов, часть из которых была врыта наклонно (рис. 6: 3). Канавка фиксировалась начиная с глубины -385 до -462, имела неровные края и дно (часть нижнего слоя была разрушена барсучьими норами).

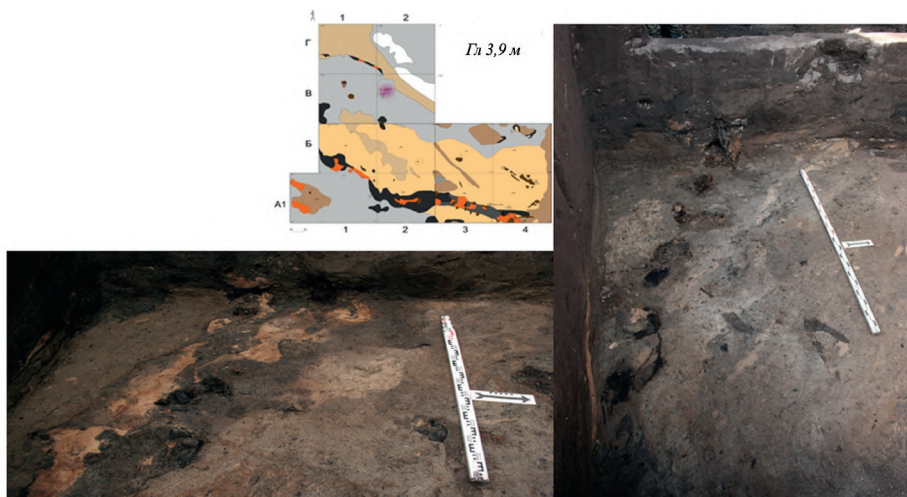

Рис. 6. Структуры ранненеолитического культурного слоя Усть-Вагильский холм

1 – кв. А 3, гл. -400. Фрагмент канавки, отделяющей культовое место от центральной части холма; 2 – кв. А 3, гл. -430. Ряд столбовых ямок, маркирующих канавку с внешней стороны

Полевые исследования последних лет позволили уточнить некоторые особенности обрядов, совершавшихся на холме в эпоху неолита. Скопления остеологических остатков – как зоо-, так и антропоморфных – лежали в слое черно-коричневой супеси с вкраплениями белой глины в виде сфероидов диаметром 3–5 см или продолговатых жгутов круглого сечения (длиной 15–30 см, диаметром до 5 см). В некоторых случаях удалось проследить, что эти жгуты заполняют расколотые трубчатые кости животных или составляют композицию, имитирующую трубчатые кости (рис. 7: 1, 2). Фрагмент человеческого черепа № 7 внутри также был заполнен слоем белой глины (рис. 7: 3). На самом холме залежей этой глины не обнаружено, ближайшее месторождение у д. Кошуки находится в 80 км от памятника.

В более поздние эпохи подобные «изделия» из необожженной белой глины в жертвенных комплексах не выявлены, но в культурном слое на горизонтах этих комплексов присутствуют частицы белой глины (пестроцветные пятна).

Аналогии использования белой глины или порошка мергеля в погребальных обрядах известны в мезолитических могильниках Попово и Песчаница в Восточном Прионежье близ оз. Лача. В Песчанице белым порошком выстилалась погребальная камера и густо покрывался череп человека. В могильнике Попово мелкие фракции мергеля высыпаны на грудную клетку в двух погребениях – мужском и детском (Ошибкина, 2006. С. 98). В Северной Германии в земле Бранденбург в мезолитическом могильнике

Таблица 1. Распределение фрагментов керамики эпохи неолита по глубинам в кв. АБ 1, 2. Жертвенный комплекс связан с глубинами –390/–480

Уровень	Сумпаньский тип	Кокшаровско-юрьинский тип	Сатыгинский тип	Гребенчатый тип эпохи энеолита
-300	4	1	1	1
-310	28	36	40	3
-320	10	16	34	2
-330	8	15	40	1
-340	11	10	35	
-350	6	3	24	
-360	13	7	23	2
-370	8	3	30	
-380	5	5	26	
-390	4	3	25	
-400	6		17	
-410	1	4	21	
-420	3	4	16	
-430	6	5	31	
-440	3	5	55	
-450	1	3	3	
-460			3	
-470			2	
-480			1	

Грос Фреденвальд, раскопанном в 1962 г., исследователем Б. Грамшем выделены два комплекса. Первый – захоронение двух взрослых и четырех детей (7660±80 (ОхА-3697)), второй – захоронение взрослого и ребенка (7390±80 (ОхА-36978)). В комплексах присутствовала белая глина в виде известкового налета на скелетах и инвентаре, а во втором комплексе оказалось еще и 5 мелких предметов из глины с примесью белого красителя (Gramsch, 2000. Bd. 34).

Культурная принадлежность жертвенного места. В нижних слоях памятника и в переложенных верхних слоях встречена керамика сатыгинского, сумпаньинского и кокшаровско-юрьинского типов эпохи неолита (Панина, 2008. С. 138–140. Рис. 1, 2, 3). В таблице 1 приведены данные о распределении этих типов керамики в квадратах АБВ 1–4, в которых исследовано жертвенное место, по горизонтам. В слое «черно-коричневой супеси с включением белой

Рис. 7. Следы обрядов, зафиксированные в нижних слоях Усть-Вагильского холма

1 – расчистка расколотой трубчатой кости животного, заполненной жгутом из белой глины; 2 – культовый комплекс: каменное тесло в обрамлении жгутов из белой глины; 3 – процесс расчистки и консервации фрагмента черепа № 7. Внутренняя полость черепа заполнена белой глиной

Таблица 2. Радиоуглеродные датировки жертвенного места нижних горизонтов Усть-Вагильского холма

Результаты откалиброваны с помощью программ OxCal v4.3.2 (*Bronk Ramsey, 2017*) и OxIntCal13 (*Reimer et al., 2013*)

Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата л.н.	Калиброванное значение ВС (1 σ – 68,3%)	Калиброванное значение ВС (2 σ – 95,4%)	Материал	Местонахождение на памятнике
Ле-8746	7920 $\pm$ 200	7080–6570	7500–6400	Рог лося (обрубок)	Б 2, -440
СОАН-6940	6335 $\pm$ 95	5470–5210	5480–5050	Столбик № 3 (древесный уголь)	А 3, -400.
СОАН-6941	6295 $\pm$ 125	5470–5070	5500–4900	Столбик № 4 (древесный уголь)	А 3, -400.
СОАН-6942	6460 $\pm$ 100	5510–5320	5620–5220	Бревно (древесный уголь)	А 4, -430
AAR-14838	7660 $\pm$ 37	6560–6460	6590–6445	Фрагмент керамики сатыгинского типа (нагар)	Б 1, -445
AAR-14839	7583 $\pm$ 38	6460–6420	6492–6392	Фрагмент керамики сатыгинского типа (нагар)	Б 2, -445
AAR-14840	7735 $\pm$ 40	6600–6510	6640–6480	Фрагмент керамики сатыгинского типа (нагар)	Б 2, -445
AAR-24224	7480 $\pm$ 38	6420–6260	6429–6251	Череп человека № 4	Б 2, -445
AAR-24225	743 $\pm$ 35	6370–6250	6391–6235	Нижняя челюсть лося	Б 2, -445
AAR-24226	7504 $\pm$ 34	6440–6270	6442–6257	Череп человека № 5	Б 1, -445
Poz-94314	6750 $\pm$ 50	5678–5628	5732–5565	Череп человека № 7	Б 1, -339
Poz-94392	7860 $\pm$ 110	6837–6595	7047–6499	Нижняя челюсть щуки	Б 1, -339

глины» фиксируется керамика сатыгинского типа (рис. 8), в том числе и непосредственно в скоплении костей № 2.

Необходимо отметить, что наибольшая концентрация фрагментов керамики сатыгинского типа связана с квадратами АБВ 1–4, т. е. жертвенным местом. В последующие годы полевые исследования – как на вершине, так и у подошвы холма – дали единичные находки керамики этого типа. Сумпаньинский и кокшаровско-юрьинский типы керамики залегают в смешанном слое выше сатыгинской посуды; их связь с культовыми объектами на холме в раскопанной части не прослеживается. Керамика сатыгинского типа впервые была выделена на памятниках Сумпанья III, IV, VI (*Хлобыстин, 1993. С. 29–31. Рис. 1–3*). Л. П. Хлобыстин отмечал, что характерными признаками этого типа посуды является закрытая форма, плоское дно, наличие вытяжных или реже – налпных валиков. Сатыгинский тип керамики Усть-Вагильского холма – это посуда

закрытой баночной или горшечной формы с плоским дном. Сосуды изготовлялись ленточным способом из хорошо отмученного теста с примесью шамота; внешняя и внутренняя стороны черепка хорошо заглажены, толщина стенок сосуда – 0,4–0,5 см. Цвет – светло-коричневый, темно-коричневый, темно-серый. Орнаментирована керамика по венчику двойным или одинарным рядом глубоких вдавлений, пояском глубоких ямочек. По тулову – прямыми или косыми, двойными и тройными рядами или зигзагами резных линий, неглубоких ямочных вдавлений. На сосудах горшковидного типа фиксируется вытяжной валик, орнаментированный рядом насечек, прямой или волнистый (рис. 8).

На памятнике Сумпанья VI была получена радиоуглеродная дата углистого слоя межжилищного пространства, в котором залегала сатыгинская керамика (Le-2536 3670±40 л. н.). Время существования сатыгинского типа керамики, по Л. П. Хлобыстину, – первая половина II тыс. до н. э. (Хлобыстин, 1993. С. 34–35). Эта датировка вошла в противоречие со стратиграфией Усть-Вагильского холма, на котором сатыгинский тип залегает в основании холма, а сумпаньинский и кокшаровско-юрьинский типы керамики эпохи неолита – в более верхних слоях памятника. Сатыгинский тип керамики стратиграфически связан с жертвенным местом в основании холма. Нами была предпринята попытка датировать жертвенный комплекс по всем имеющимся источникам: уголь, кости челюсти, рога животных, фрагменты человеческих черепов, нагар на сосудах, чтобы решить проблему датировки жертвенного места с сатыгинской керамикой.

Датировки и их интерпретации. В настоящее время для материалов Усть-Вагильского холма получено 17 радиоуглеродных дат. В данной статье рассматриваются только двенадцать из них, связанных с жертвенным местом в нижних горизонтах культурного слоя (табл. 2)². Для датирования взяты образцы из скопления костей № 1 (фрагмент человеческого черепа 7 и нижняя челюсть шуки), скопления костей № 2 (фрагменты человеческих черепов 4 и 5, нижняя челюсть лося, обрубков рога лося), три образца нагара на фрагментах керамики сатыгинского типа из нижних горизонтов памятника (один из них – непосредственно из скопления костей № 2), два образца из деревянных кольев, маркирующих с внешней стороны канавку, которая ограждает сакральное пространство комплекса от центральной части холма (древесный уголь), и один образец от деревянного бревна, зафиксированного на сакральной площадке в стороне от скоплений костей (древесный уголь).

Три из них датированы в Лаборатории геологии и климатологии кайнозоя ИГМ СО РАН в Новосибирске стандартным радиометрическим методом в 2008 г. Датирование производилось на QUANTULUS-1220 (жидкостные сцинтилляционные счетчики), возраст отсчитан от 1950 г. Это два образца древесного угля от деревянных кольев № 3 и 4 внешнего периметра канавки, ограждающей жертвенное место от центральной части холма, и деревянное бревно, залегавшее внутри сакрального пространства (СОАН-6940–6942). Четвертая радиоуглеродная дата (Le-8746) взята из образца рога лося со следами

² В статье не рассматриваются три даты по керамике сатыгинского типа (1 фрагмент) и боборыкинско-го типа (2 фрагмента от одного сосуда) (Ki-15545; Ki-15546; Ki-15592). Они стратиграфически не связаны с жертвенным местом в нижних слоях памятника. Даты опубликованы (Панина, 2011. С.246–247).

обработки (обрубки). Он был датирован в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН в Санкт-Петербурге в 2010 г.

Три образца нагара на фрагментах сосудов сатыгинского типа из жертвенного комплекса (AAR-14838–14840) и фрагменты человеческих черепов № 4, 5 (AAR-24224, 24226), а также челюсть лося (AAR-24225) датированы методом акселераторной масс-спектрометрии (AMS) на кафедре физики и астрономии Орхусского университета в Дании в 2011 и 2014 гг.

Два образца – фрагмент человеческого черепа № 7 (Poz-94314) и челюсть щуки (Poz-94392) – были представлены для AMS-датирования

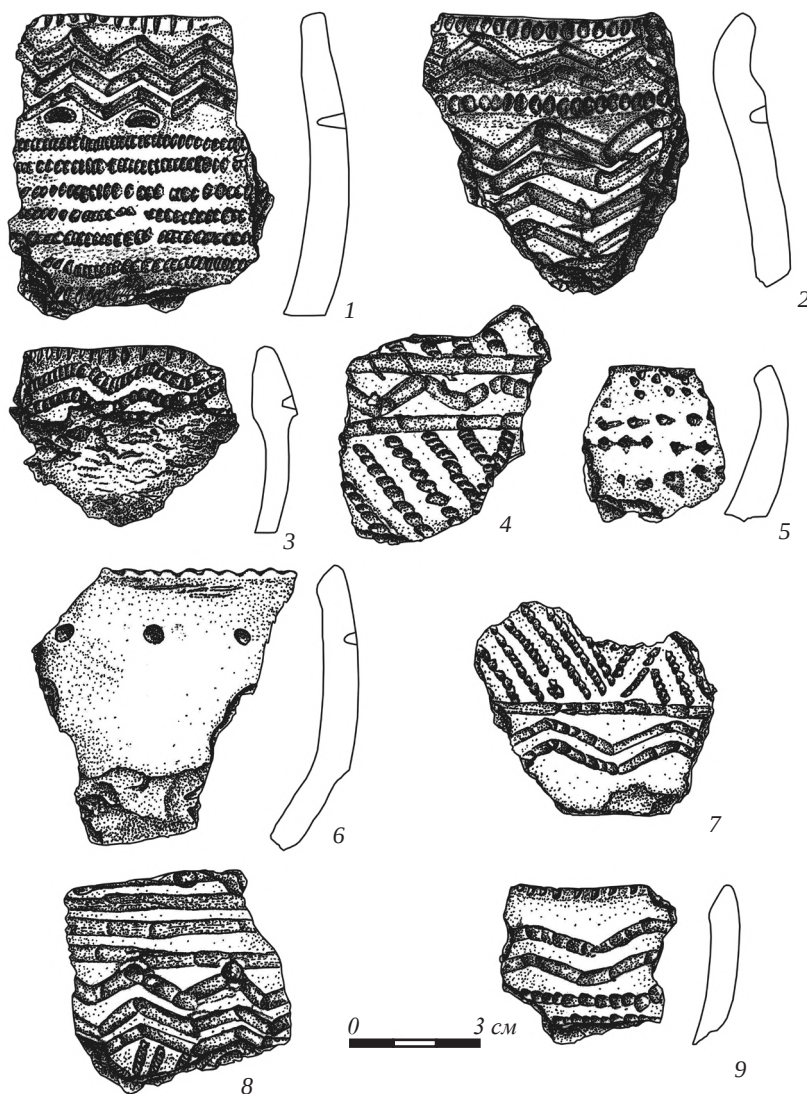

Рис. 8. Керамика сатыгинского типа раннего неолита

в радиоуглеродную лабораторию в Познани в 2014 г. Последние 8 дат удалось получить благодаря коллегам-археологам из Германии – Х. Пиецонке, Т. Тербергеру и З. Хартцу (русско-германская программа по датированию). (Панина и др., 2019. С. 118–121). Более подробно методы радиоуглеродного датирования и анализ стабильных изотопов AMS изложены в статье «The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia...» (Piezonka et al., 2020. С. 1–19).

Радиоуглеродные датировки, полученные из нижних слоев Усть-Вагильского холма, дают разнообразную и непростую для интерпретации картину (табл. 2). Согласно полученным датам, при сортировке различных контекстных единиц, из которых взяты образцы, наиболее древним комплексом является скопление костей № 2 (табл. 2). Он включает в себя рог лося со следами обработки (Le-8746), образец нагара взятой из фрагмента керамики сатыгинского типа (AAR-14840), образцы, взятые из черепов человека № 4 и 5 (AAR-24224; AAR-24226) и образец из нижней челюсти лося, которая стратиграфически была зафиксирована на плане внутри черепа № 5 (AAR-24225). Самая древняя дата получилась у образца рога лося (Le-8746), его калиброванный возрастной диапазон очень велик из-за большой ошибки в ± 200 радиоуглеродных лет, охватывающей диапазон от середины VIII до середины VII тысячелетия до н. э. Большая часть этого диапазона старше временного интервала других дат из этого контекста, хотя есть перекрытие с другими датами в диапазоне 2σ от 6640 до 6400 cal BC, что делает возможным их сосуществование. Причина более древнего возраста этого образца, возможно, заключается в том, что рог мог являться артефактом вторичного использования. Или возраст рога лося мог быть компенсирован из-за эффекта резервуара. Лось, как правило, придерживается наземной диеты, но также известно, что это животное может потреблять большое количество водных растений летом, когда формируются рога.

Следовательно, существует вероятность влияния пресноводных водоемов на результаты радиоуглеродного датирования лосей (Филлипсен, 2015. С. 292).

Дата AMS нагара на фрагменте керамики сатыгинского типа (AAR-14840) находится примерно в середине VII тысячелетия до н. э. и немного старше образцов нагара двух других фрагментов сатыгинского типа керамики, найденных за пределами жертвенного комплекса.

Два образца нагара были взяты из двух фрагментов керамики сатыгинского типа нижних слоев памятника у жертвенной площадки (AAR-14838; AAR-14839), охватывающих диапазон между 6590 и 6390 cal BC. Как и датировка нагара фрагмента сатыгинского типа из скопления № 2, они старше, чем большинство других датировок с этого места – за исключением описанных образцов щучьей кости и рогов лося. Возможно, это связано с эффектом пресноводного резервуара, если в сосудах готовилась рыба. Это может привести к тому, что даты AMS окажутся старше истинного возраста горшков. В то же время три даты по нагару очень близки по возрасту.

Образцы древесного угля были взяты с периферии жертвенного места от обожженных колец № 3 (СОАН-6940) и 4 (СОАН-6941), врытых с внешней стороны дугообразной канавки, отделяющей жертвенное место от центра холма. Еще одна дата была получена из образца бревна, расположенного на внутренней площадке на некотором расстоянии от двух скоплений костей

и черепов (СОАН-6942). Ряд условных дат для этих выборок имеет довольно большую погрешность ± 100 радиоуглеродных лет. Вместе они охватывают диапазон от 5620 до 4900 до н. э. – таким образом, более чем на 1000 лет моложе других датировок из жертвенного комплекса раннего неолита. Поскольку все три очень согласованы друг с другом, их можно считать надежными в их сравнительно позднем хронологическом положении (эффект старого дерева, если он присутствует, будет означать только то, что фактический возраст еще моложе). Это может означать, что канавка, отделяющая священное пространство от профанного, из которого происходят датированные деревянные предметы, может представлять более позднюю фазу в развитии культового комплекса.

Обобщая доказательства радиоуглеродного датирования раннего комплекса на Усть-Вагильском холме, можно заключить, что двенадцать дат охватывают большой промежуток времени между 7400 и 5000 до н. э.

Наиболее надежными в этой серии должны быть даты по древесному углю (хотя здесь нельзя исключить эффект старого дерева) и образцы костей лося, хотя есть небольшая вероятность того, что последние могут быть затронуты эффектом пресноводного резервуара. Это приводит к следующим умозаключениям.

Сложность проблем датирования, присущих этой серии, может быть проиллюстрирована парой: челюсть щуки (Poz-94392) найдена в белой глине, заполняющей человеческий череп № 7 (Poz-94314). В датах этого тандема существует возрастное смещение более чем на 2000 радиоуглеродных лет между двумя образцами. На основании имеющихся данных невозможно судить, какие механизмы здесь задействованы: эффект пресноводного резервуара (рыба) или случайное совпадение (щучья челюсть могла попасть в белую глину до проведения обряда).

Эти открытые вопросы также касаются других результатов датирования: приближается ли довольно однородный, сравнительно поздний временной интервал, образованный тремя датами по древесине (СОАН-6940–6942), к фактическому возрасту следов активности на этом горизонте – или же они представляют только одну из нескольких присутствующих фаз? Связана ли сравнительная однородность дат по трем образцам нагара с керамики сатыгинского типа (AAR-14838–14840) с содержимым сосудов с аналогичным резервуарным эффектом, или же даты отражают действительный – в данном случае древний – возраст?

В целом вполне вероятно, что ранний жертвенный комплекс на Усть-Вагильском холме имеет определенную временную глубину, которая не может быть четко отражена в стратиграфии. Не исключено, что воздействие потенциально крупных пресноводных резервуаров привело к значительному смещению возраста рыбьей кости, человеческой кости и, возможно, образцов нагара на керамике. К сожалению, на основе имеющихся данных количественная оценка этих возрастных сдвигов невозможна, и необходимы дальнейшие исследования, чтобы лучше понять сложную хронологическую картину, обозначенную существующими рядами дат.

Выводы. Проведенные на Усть-Вагильском культовом холме, содержащим материалы с эпохи неолита до X–XIII вв., междисциплинарные научные

исследования, в том числе – получение серии радиоуглеродных дат, позволили установить ранненеолитический возраст (6400–6300 гг. до н. э.) жертвенного комплекса в нижних слоях этого археологического памятника.

В то же время возникли новые вопросы. Редкие тандемы – человеческий череп и нижняя челюсть лося, человеческий череп и нижняя челюсть щуки – требуют дальнейшего изучения в контексте эффекта пресноводного резервуара.

Культурная принадлежность жертвенного комплекса определена на основе статистического анализа керамических находок в нижних слоях памятника. С жертвенным местом связан сатыгинский тип керамики, который по результатам анализов ^{14}C датируется ранним неолитом.

В нижних слоях Усть-Вагильского холма зафиксированы следы обряда с использованием изделий из необожженной белой глины, искусственно привнесенных в культурный слой. В ряде случаев эта глина заполняет внутреннюю поверхность черепной крышки (рис. 7: 3) или восполняет утраченную часть трубчатой кости (рис. 7: 1).

Возможно, перед нами материальное воплощение одного из продуцирующих обрядов древности, направленных на сохранение и воспроизводство природного мира и самого человеческого общества. «Жизнь, созидание, творчество парадоксально совмещены в первобытном сознании со смертью и разрушением. Чтобы создать, надо разрушить» (Кабо, 2007. С. 46).

Но есть и другой пример. Во внутреннем пространстве жертвенного места была расчищена конструкция, составленная из жгутов необожженной белой глины, внутри которой находилось шлифованное каменное тесло (рис. 7: 2). Возможно, продуцирующие обряды могли распространяться и на орудийную деятельность человека.

Ближайшие аналогии использования белой глины – но в погребальных обрядах эпохи мезолита – обнаружены в Восточном Прионежье и Северной Германии.

Список литературы

- Буршинева С. Г., Питулько В. В. Полевая консервация археологических предметов из бивня мамонта (по опыту работ с материалами раскопок Янской стоянки) // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции (Новосибирск, 12–14 ноября, 2014 г.). Новосибирск: Издательство ИАЭ СО РАН, 2014. С. 130–133.
- Зорина Л. И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала // Уч. зап. СОКМ. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. Т. 1. 205 с.
- Кабо В. Р. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. Канберра: Алчеринга, 2007. 328 с.
- Карачаров К. Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири / Отв. ред. Г. П. Визгалов. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. С. 26–52.
- Малахов М. В. О доисторических эпохах на Урале: Реферат последнего сообщения на Общем собрании 8 сентября 1884 г. // ЗУОЛЕ, 1887. Т. 11. Вып. 1–2.
- Ошибкина С. В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье / Отв. ред. А. Н. Сококин. М.: Гриф и К, 2006. С. 98–99.

- Панина С. Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // Вопросы археологии Урала № 25 / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург–Сургут: Магеллан, 2008. С. 137–147.
- Панина С. Н. Новые данные в исследовании Усть-Вагильского холма – культового места эпохи неолита – железного века в лесном Зауралье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб. – М. – Великий Новгород: 2011. С. 183–185.
- Панина С. Н. Гребенчатый комплекс керамики эпохи энеолита Усть-Вагильского холма // Шестые Берсовские чтения / Отв. ред. В. Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2011а. С. 91–98.
- Панина С. Н. Радиоуглеродные даты Усть-Вагильского холма // Вопросы археологии Урала № 26 / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2011б. С. 246–247.
- Панина С. Н. Фрагмент сакрального пространства эпохи энеолита у подошвы Усть-Вагильского холма в лесном Зауралье // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 330–333.
- Панина С. Н., Пиецонка Х., Хартц З., Тербергер Т. Жертвенное место с керамикой сатыгинского типа эпохи неолита на Усть-Вагильском холме (Средний Урал, Россия) // V Северный археологический конгресс. Екатеринбург–Ханты-Мансийск: ООО Универсальная типография «Альфа-Принт», 2019. С. 118–121.
- Россадович А. И. Отчет о разведке в 1955 г на территории левого берега нижнего течения р. Тагил и берега Юрьинского озера // Архив ИА РАН. 1955. Р. 1. № 1195.
- Россадович А. И. Отчет об археологических раскопках Кокшаровского поселения, 1957 г. // Архив ИА РАН. 1957. Р. 1. № 1689.
- Россадович А. И. Отчет о раскопках Юрьинского селища, Кокшаровского холма и разведке на берегах Юрьинского, Морщининского и Басьяновского озер, 1960 г. // Архив ИА РАН. 1960. Р. 1. № 4223.
- Савельева Э. А. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА. М.: 1979. Вып. 158. С. 91–96.
- Сладкова Л. Н. Чёртова Гора – неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала. Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург–Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 147–159.
- Старков В. Ф. Отчет по археологическим исследованиям Североуральской экспедиции Нижне-Тагильского музея, Нижне-Тагильского горно-металлургического техникума и Серовского музея в 1965 г. // Архив ИА РАН. 1965. Р. 1. № 3270.
- Старков В. Ф. О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. Исторические науки. М.: 1969. № 5. С. 72–77.
- Филиппсен Б. Радиоуглеродное датирование лося (*Alces alces*), экономического и символического ресурса в доисторические времена. // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология и культурные традиции. Материалы Международной конференции, посвященной 75-летию Виктора Петровича Третьякова, 12–16 мая 2015 г. / Отв. ред. Лозовский В. М., Лозовская О. В., Выборнов А. А. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 290–295.
- Хлобыстин Л. П. Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // Ad polus / Отв. ред. Г. Н. Грачева. СПб.: Фарн, 1993. С. 29–37.
- Шорин А. Ф. Кокшаровский холм // Культовые памятники горно-лесного Урала / Отв. ред. В. Д. Викторова, Н. В. Федорова, В. Н. Широков. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 2004. С. 87–94.
- Gramsch B. Gross Fredenwalde, Lkr.Ucker-mark – ein mittelssteinzeitliche Mehrfachbestattung in Norddeutschland // Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchaeologie, 2000. Bd. 34.

Piezonka H., Kosinskaya L., Kovaleva V., Dubovtseva E., Zykov A., Chemyakin Y., Enshin D., Skochina S., Zakh V., Hartz S., Panina S., Savchenko S., Terberger T., Zhilin M. The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence // *Journal of Archaeological Science*. 2020. T. 116. P. 1–19.

Сведения об авторе

*Панина Светлана Николаевна, ГАУК СО «Свердловский областной краеведческий музей им. О. Е. Клера», Екатеринбург
E-mail: snpanina@yandex.ru*

S. N. Panina

USE OF “WHITE CLAY” AND ITS PRODUCTS IN THE RITUAL OF THE EARLY NEOLITHIC COMPLEX OF THE UST’-VAGILSKY HILL IN THE MIDDLE TRANS-URAL

Abstract. As a result of rescue excavations by the Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore named after O. E. Kler in 2005–2015 years the unique site in the Middle Trans-Urals ‘Ust’-Vagilsky sacred hill’, containing materials from the Early Neolithic to the X–XIII centuries, several sacred sites on the hill and at its foot were investigated. The earliest of them was excavated at the foot of the hill at the depth of 4,67 m. It is a sacrificial site with two concentrations of animal bones and fragments of seven human skulls. During of the excavations the use of white clay brought to the site was recorded (unburnt clay products in the form of bands and spheroids, 15–20 cm long and 3–5 cm in diameter), which were used to fill the split tubular bones of animals and fragments of skulls. Stratigraphically, the sacrificial site is associated with pottery of the Satygin type, first described by L. P. Khlobystin in 1993. A series of radiocarbon dates based on animal bones, fragments of human skulls, and charring on vessels dated the sacrificial site to the Early Neolithic.

Key words: sacred place, Early Neolithic, bone concentrations, white clay, Satygin type pottery, AMS dating.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ АНДОЗЕРО 2 В ВОСТОЧНОМ ПРИОНЕЖЬЕ В КОЛЛЕКЦИЯХ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Резюме. Многослойное поселение Андозеро 2 в Восточном Прионежье было открыто и исследовалось раскопками С. В. Ошибкиной в начале 1970-х гг. В керамическом комплексе неолитического слоя отмечено значительное разнообразие орнаментации и форм посуды, отнесенной к каргопольской культуре ямочно-гребенчатой керамики развитого неолита. В статье дается описание нескольких групп керамики поселения Андозеро 2 из фондов Череповецкого музейного объединения, которые могут быть отнесены к раннему неолиту на основе аналогий датированным ранненеолитическим комплексам, исследованным в последние три десятилетия в границах Вологодской области.

Ключевые слова: Восточное Прионежье, Вологодская область, поселение Андозеро 2, керамика, ранний неолит.

К Восточному Прионежью принято относить территорию южнее и восточнее Онежского озера, расположенную на обширной низине с рядом крупных озер ледникового происхождения – Воже, Лача, Белое, Кубенское, административно охватывающим юго-запад Архангельской области и западную часть территории Вологодской области.

Западная часть Вологодской области с обилием озер, где из Белого озера берет исток р. Шексна, в большей степени связана с миром Верхневолжья, в то время как основная река в восточной части области – Сухона – крупными правыми притоками в среднем и нижнем течении близко подходит к левобережным притокам Средней Волги. Особенности гидрографии определяли разнообразие историко-культурных процессов во все археологические эпохи. Своеобразие неолитических памятников долины Сухоны и их существенное отличие от каргопольских неолитических стоянок Восточного Прионежья отмечала С. В. Ошибкина (*Ошибкина*, 1972. С. 10).

Открытие и исследование памятников неолита в Восточном Прионежье на территории Вологодской области связано с именами краеведов-любителей и профессиональных археологов. В числе первых назовем А. А. Алексею – директора Череповецкого Дома пионеров, и Виталия Всеволодовича Гарновского – известного журналиста, писателя, в бытность на Вологодчине – редактора районной газеты Вашкинского, позднее Шольского района Вологодской области, развернувших свои обследования в 1930–50-е гг.

В числе профессиональных археологов, работавших на Вологодчине в 1930–1950-е гг., следует выделить А. Я. Брюсова: его раскопки свайного поселения на р. Модлоне и Караваевской стоянки и могильника на р. Еломе в бассейне оз. Воже (*Брюсов*, 1961); а также исследования И. К. Цветковой на Лозско-Азатских озерах в центральном Белозерье (*Цветкова*, 1961).

В 1960–1970-е гг. памятники эпохи неолита в Восточном Прионежье изучает С. В. Ошибкина, обобщив результаты исследований в известной монографии (*Ошибкина*, 1978).

Многослойное поселение Андозеро 2 в Восточном Прионежье открыто и исследовано С. В. Ошибкиной. Оно расположено на мысу северного берега озера Андозеро у д. Калинино в Белозерском районе Вологодской области (рис. 1), к которому и приурочена серия разновременных стоянок эпохи мезолита – раннего металла (*Ошибкина*, 1998. С. 6–7). При раскопках поселения, проведенных на площади 160 м² в 1974–75 гг., в отложениях мощностью 0,8 м были выявлены три культурных слоя: с позднекаргопольской керамикой эпохи бронзы; неолитический слой с ямочно-гребенчатой керамикой (далее – ЯГК) каргопольской культуры и слой эпохи мезолита, отделенный прослойкой глины от вышележащих культурных напластований. В неолитическом слое зафиксированы остатки наземного прямоугольного (или овального) жилища, очаги, погребение, многочисленный каменный инвентарь и керамика. В керамическом комплексе неолитического слоя отмечается значительное разнообразие ornamentации и форм посуды, включавшим и миниатюрные чашки с приплюснутым дном (Она же. 1978. С. 42–47).

Несмотря на то, что вся керамика неолитического слоя была отнесена к каргопольской археологической культуре, при паковке и передаче коллекции в фонды Череповецкого краеведческого музея керамика, выделявшаяся из общей массы ямочно-гребенчатой посуды, была бережно упакована исследовательницей в отдельные емкости¹.

Отметим, что раннеолитическая верхневолжская культура (далее – ВВК), ставшая опорной для диагностирования раннеолитических древностей лесной полосы, была открыта и получила обоснование в 1973–77 гг. (*Цветкова*, 2014. С. 100). А культурные слои раннего неолита на стратифицированных памятниках на территории Вологодской области были открыты только в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. (рис. 1). В Южном Прионежье на северо-западной окраине области А. М. Иванищевым были выделены памятники типа Тудозеро V с гребенчатой керамикой, предшествовавшей распространению керамики сперрингс (*Иванищева, Иванищев*, 2004; *Ошибкина*, 2003. С. 245). На верхней Сухоне в центральной части области Н. Г. Недомолкиной исследованы слои поселений Вёкса и Вёкса III с раннеолитической гребенчато-тычково-накольчатой керамикой, сходной с ВВК и энгийской Европейского Северо-Востока (*Недомолкина*, 2004. С. 269–271; *Карманов, Недомолкина*, 2015. С. 88; *Недомолкина, Пицонка*, 2016. С. 426). На северо-восточной границе административной территории на нижней Сухоне М. В. Иванищевой исследованы памятники Березовослободского археологического комплекса с материалами раннего неолита, сходного с материалами средневолжского левобережья, шире – Волго-Камья (*Иванищева, Иванищев*, 2006; *Иванищева*, 2018. С. 215–220). В Восточном Прионежье на северной границе области в бассейне оз. Воже Н. В. Косоруковой исследуется стоянка Караваиха-4, раннеолитическая керамика которой находит аналогии как в древностях ВВК, так и в материалах памятников типа Тудозеро V и Вёкса 3 (*Косорукова, Кулькова*, 2016. С. 101). Многочисленность материала, полученного на этих памятниках, датировка его естественнонаучными методами позволяет уточнить хронологическую позицию керамических комплексов других памятни-

¹ Фонды Музея археологии Череповецкого музейного объединения. Коллекция керамики и каменного инвентаря. Стоянка Андозеро 2. Раскопки С. В. Ошибкиной 1971, 1974, 1975 гг. Без номера.

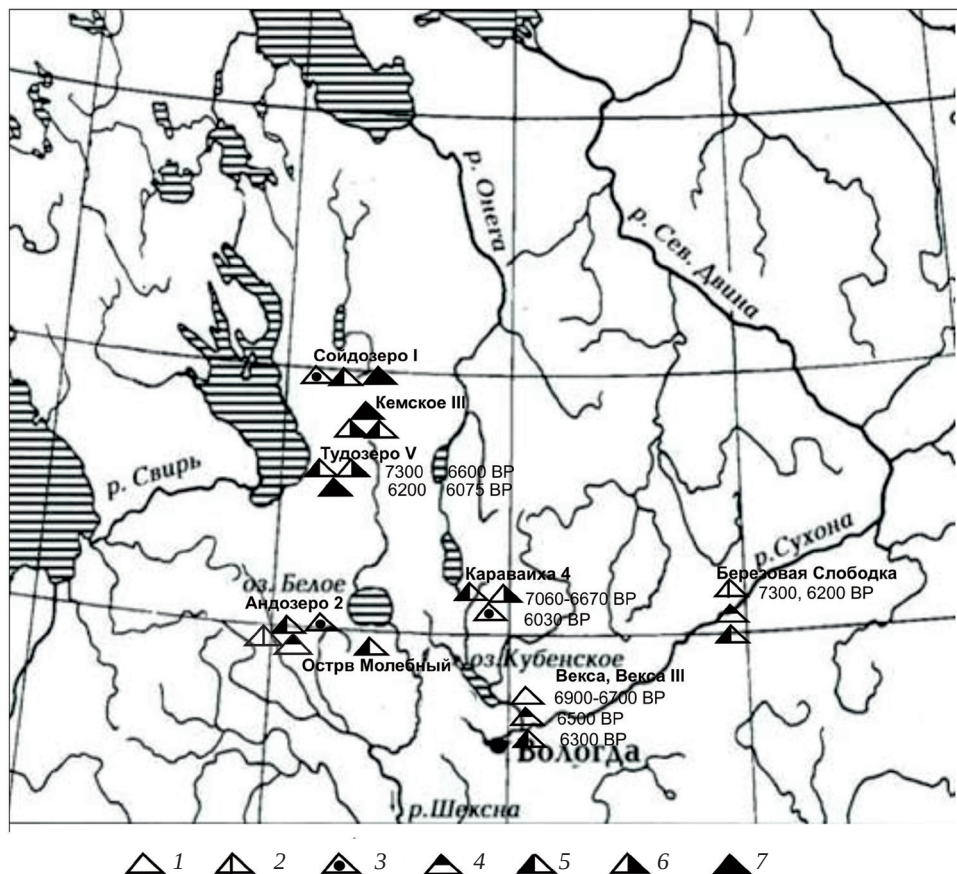

Рис. 1. Ранненеолитические памятники и их хронология на территории Вологодской области

Типы керамики: 1 – слабоорнаментированная с примесью органики и раковины; 2 – неорнаментированная и накольчатая с шамотом; 3 – «каргопольского типа»; 4 – гребенчато-накольчатая верхневолжская; 5 – гребенчатая коротко- и длиннозубчатая; 6 – в том числе с оттисками естественных орнаментов; 7 – сперринг

ков, ранее не выделявшихся из общего массива неолитической керамики, и заполнить фактическим материалом археологические лакуны на карте ранненеолитических древностей.

В настоящей статье мы рассмотрим группы неолитической керамики поселения Андозеро 2, которые на основе изученных в Вологодской области и на сопредельных территориях материалов могут быть отнесены к ранненеолитическому времени.

Керамика первой группы поселения Андозеро 2 представлена фрагментами двух сосудов с толщиной стенок 0,8–1,0 см, изготовленных из комковатого теста с примесью шамота и, вероятно, органики. Поверхность одной стенки заглажена, другой – залощена (рис. 2: 1, 2).

Известно, что неорнаментированная или украшенная в накольчатой манере овальными и треугольными наколами посуда, изготовленная из озерной глины, включающей органику и раковину, а также посуда с искусственной примесью шамота и/или песка характерна для 1 этапа ВВК, где датируется рубежом VII–VI тыс. до н. э. (Долбунова и др., 2016, С. 159–161).

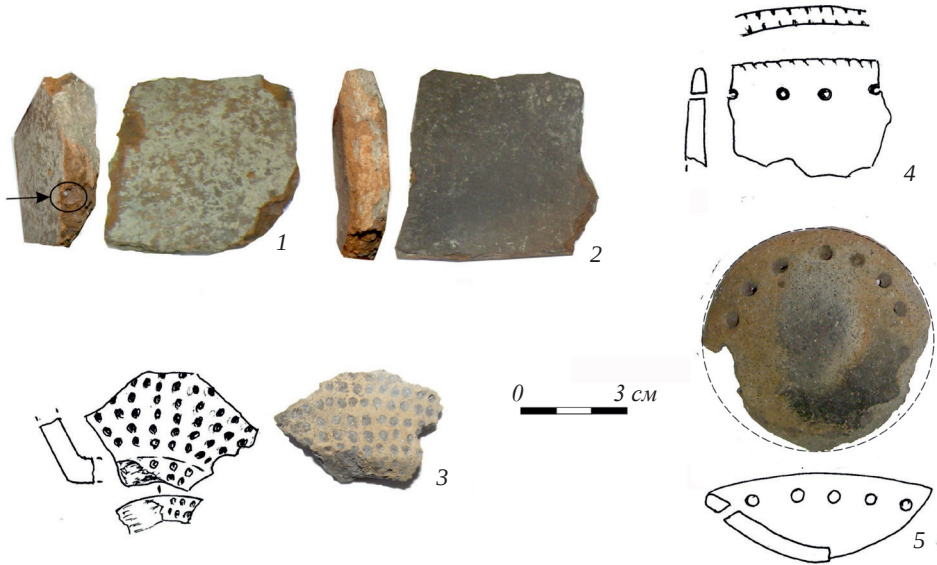

Рис. 2. Поселение Андозеро 2

Керамика: 1, 2 – неорнаментированная; 3 – накольчатая; 4, 5 – каргопольского типа

На территории Вологодской области устойчивая «шамотная» традиция для неорнаментированной и накольчатой керамики раннего неолита прослежена на двух памятниках Березовослободского археологического комплекса на нижней Сухоне.

На многослойном поселении Березовая Слободка II–III выявлены два культурных слоя с материалами раннего неолита (рис. 3: 1). Нижний слой приурочен к суглинистым отложениям и участками отделен от вышележащего супесчаного слоя. В раннем слое выявлены очаг и кострище, у которого располагался плоскодонный сосуд с радиальным накольчатым орнаментом на плоско-вогнутом дне (рис. 1: 2). Две даты по углю для этих объектов – около 7340 BP (6599–5811 cal BC и 6399–6034 cal BC) – также ложатся в рубеж VI–VII тыс. до н. э. (Иванищева и др., 2016, С. 398. Табл. 1: 1, 2). В вышележащем слое выявлено жилище с двумя кострищами и прилегавшей к нему ямой – хранилищем сырья. Керамика жилища – плоскодонная и с приостренным дном, неорнаментированная (рис. 3: 3), средних размеров, изготовлена, скорее всего, в технике лоскутного налета из природного ила без искусственной примеси и илистой глины с примесью шамота, в котором в ряде случаев так же присутствует шамот. Даты по нагару на керамике – около 6210–5850 BP (5339–4948 cal BC и 4931–4519 cal BC) – помещают этот комплекс в последнюю четверть VI – рубеж V тыс. до н. э. (Там же. С. 399–400. Табл. 1: 3, 4). Отметим, что последняя дата получена по керамике соседнего поселения

эпохи неолита Березовая Слободка VI, где керамика также происходит из жилища, рядом с которым обнаружено погребение (*Иванищева, Иванищев, 2006*). Здесь для всей керамики характерен единый сформированный рецепт формовочной массы с примесью к илистой глине и глине средней пластичности шамота, в котором обнаруживаются зерна шамота (*Иванищева, 2018. С. 217. Таблица 1*). Происхождение данных комплексов мы связываем с культурами Среднего Поволжья, а именно – левобережным Марийским Поволжьем. На поселении Дубовское III представлены близкие березовослободским технологические традиции отбора исходного сырья и составления формовочных масс (*Никитин, 2011. С. 147*). По мнению исследователей, шамотная традиция здесь унаследована от елшанского гончарства лесостепного Волго-Уралья (*Васильева, Выборнов, 2015. С. 78–81*), где она является наиболее ранней и датируется в диапазоне 7780–7680 BP (*Выборнов, 2008. С. 241, Табл. 1: № 46, 47*). Для неорнаментированной керамики поселения Дубовское III в левобережье средней Волги получены дата около 7000 BP и AMS-дата около 6800 BP, помещающие начало этой традиции в первую четверть VI тыс. до н. э., но есть и более поздняя дата – около 6100 BP (*Выборнов, Никитин, 2016. С. 123*).

Обращает внимание разброс дат для керамики Березовослободского археологического комплекса. Это, с нашей точки зрения, может быть объяснено волнообразным характером неолитизации и вполне может соответствовать сценарию длительного и неоднократного освоения территории области носителями неорнаментированной и накольчатой керамики, маркируя наиболее раннее их проникновение около 7000 BP (*Иванищева, 2018. С. 218–219*).

Керамика второй группы в коллекции с поселения Андозеро 2 представлена фрагментом придонной части плоскодонного сосуда, орнаментированного частыми каплевидными/овальными наколами (рис. 2: 3). Визуально в составе примеси к глиняному тесту определяется мелкотолченая дресва и органика. Прямые аналогии данной керамике известны в накольчатой керамике ВВК, в частности, на стоянке Замостье 2. С точки зрения исследователей, накольчатая керамика в Верхневолжье синхронна неорнаментированной посуде или даже древнее ее (*Мазуркевич и др., 2013. С. 174. Рис. 8: 7*). Напомним, что на поселении Березовая Слободка II–III с накольчатой керамикой связаны самые ранние даты.

Что касается наличия дресвы в тесте сосуда с Андозеро 2, то исследователями керамики Замостья такой рецепт формовочной массы рассматривается как продолжение ранней традиции, т. е. данная посуда может быть не самой ранней в рамках традиции изготовления накольчатой керамики. Так, на поселении Вёкса III на верхней Сухоне для сосуда верхневолжского облика с накольчатым орнаментом получена AMS-дата 6677±25 BP (5641–5551 cal BC), в то время как слой, содержащий керамику, в том числе и гребенчато-накольчатую, датирован по почве с углем в диапазоне 6950–6340 BP (5201–5562 – 5460–5223 cal BC) (*Недомолкина, Пицонка, 2016. С. 426. Рис. 2: 1. Табл. 1: 1–6, 8*).

Третья группа ранненеолитической посуды на Андозеро 2 представлена керамикой так называемого «каргопольского типа» (далее – ККТ), к которой принято относить посуду, обладающую своеобразным набором признаков.

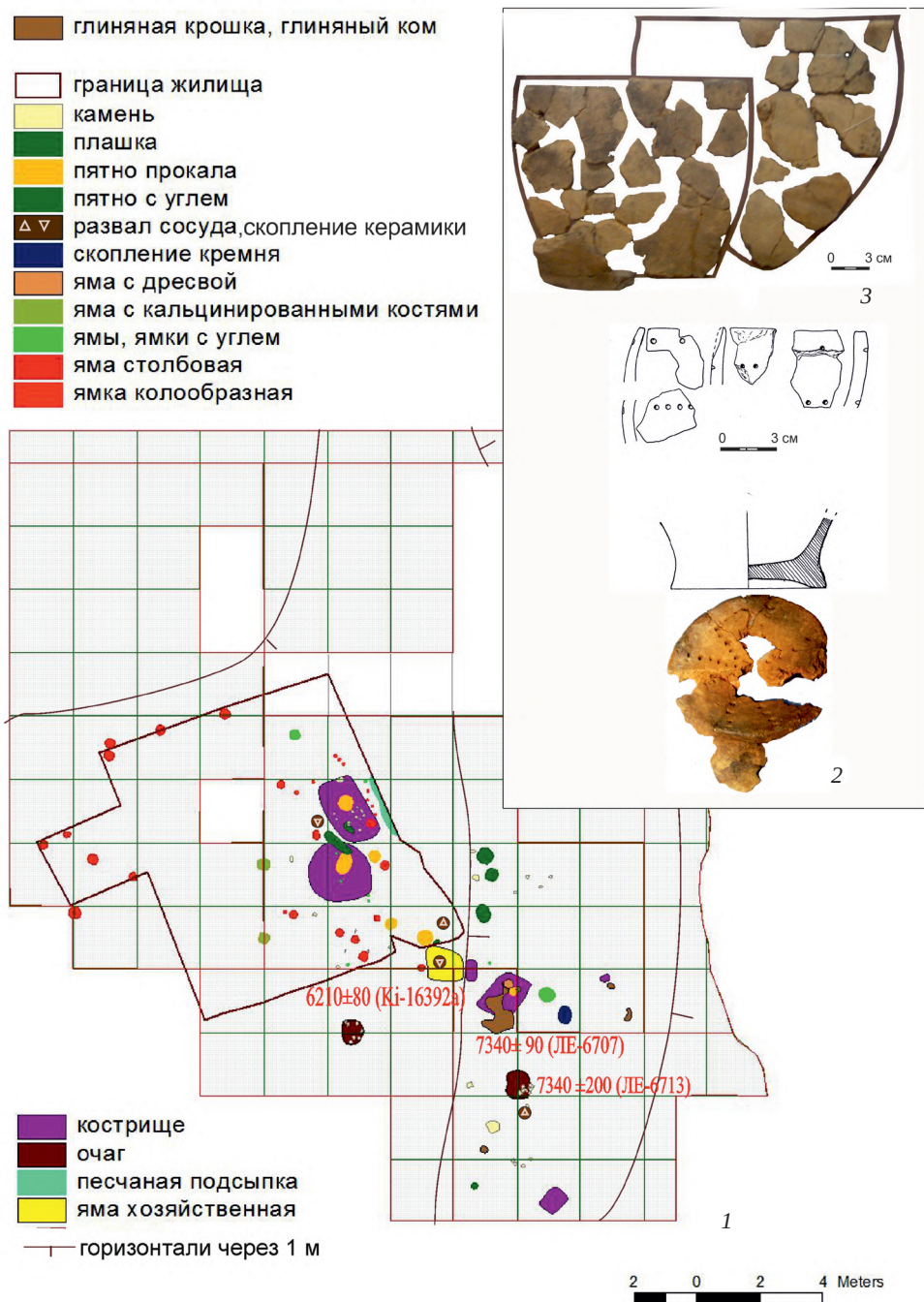

Рис. 3. Поселение Березовая Слободка II–III

Объекты (1) и керамика (2, 3) ранненеолитических слоев

Ее отличает тонкостенность, небольшие размеры, тщательное заглаживание или лощение поверхности, хороший обжиг, малая степень орнаментации. Последняя состоит из ряда сквозных проколов или глубоких ямок под венчиком. Торцы венчиков украшены насечками или гребенчатым штампом по одному или обоим краям.

В составе коллекции поселения Андозеро 2 имеется один фрагмент от прямостенного сосуда с примесью мелкой дресвы/песка (?) в глиняном тесте, с толщиной стенок 0,4 см и диаметром венчика около 20 см, имеющий поясок сквозных проколов под венчиком и насечки по его торцу (рис. 2: 4). Небольшое чашевидное изделие с диаметром венчика 7 см и толщиной стенок 0,4 см с аналогичным рецептом формовочной массы, украшенное в бордюрной зоне сквозными проколами, также может быть соотнесено с керамикой этого типа (рис. 2: 5).

Вопрос о хронологии и отнесении данного типа керамики к раннему неолиту является дискуссионным на протяжении как минимум последних трех десятилетий. Отметим, что первое описание данного типа керамики дал А. Я. Брюсов, выделив его как ранний тип в рамках неолита на стоянке Караваевской (Брюсов, 1961. С. 102). Карту распространения и места концентрации керамики каргопольского типа представила Н. В. Лобанова, связав ее зарождение с носителями ямочно-гребенчатой керамики, поскольку на основной территории распространения этот тип не встречается отдельно от ЯГК (Лобанова, 1997. Рис. 1. С. 94).

На памятниках Европейского Северо-Востока каргопольскую керамику исследователи выделяют как самостоятельный тип ранненеолитической посуды (Волокитин, Карманов, 2004. С. 11). Ее отличает значительная степень орнаментации гребенчатыми штампами, наличие в формовочной массе некоторых сосудов шамота и органики, что, по мнению Л. Л. Косинской, позволяет синхронизировать ее с гребенчатой керамикой второго и третьего этапов верхневолжской археологической культуры (Косинская, 1997. С. 198).

На памятниках Вологодской области для датировки данного типа керамики имеются только косвенные данные.

На поселении Сойдозеро 1 в Южном Прионежье керамика каргопольского типа (рис. 4: 1–12) обнаружена совместно с другими типами неолитической керамики – с ранней гребенчатой, сперрингс и ямочно-гребенчатой (Иванищева, Иванищев, 2010). Залегание этой керамики без привязки к четырем очагам, вокруг которых концентрировалась наиболее многочисленная на памятнике ЯГК, а также наличие гибридных сосудов со сквозными проколами под венчиком и гребенчато-накольчатой орнаментацией в бордюрной зоне (рис. 4: 13, 16) сопрягает время существования керамики каргопольского типа и ранней гребенчатой. Гребенчатую керамику Сойдозеро 1, по-видимому, можно синхронизировать со средним этапом ВВК с короткогребенчатой орнаментацией посуды, частично сохраняющей плоскостность (рис. 4: 22), что значительно древнее появления ямочно-гребенчатой керамики. На определенные различия ККТ и ЯГК на Сойдозере указывает анализ состава формовочных масс, выполненный Ю. Б. Цетлиным, заключившим, что для изготовления этих групп керамики использовались различные залежи глин. В составе формовочной массы сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией зафиксирована примесь песка

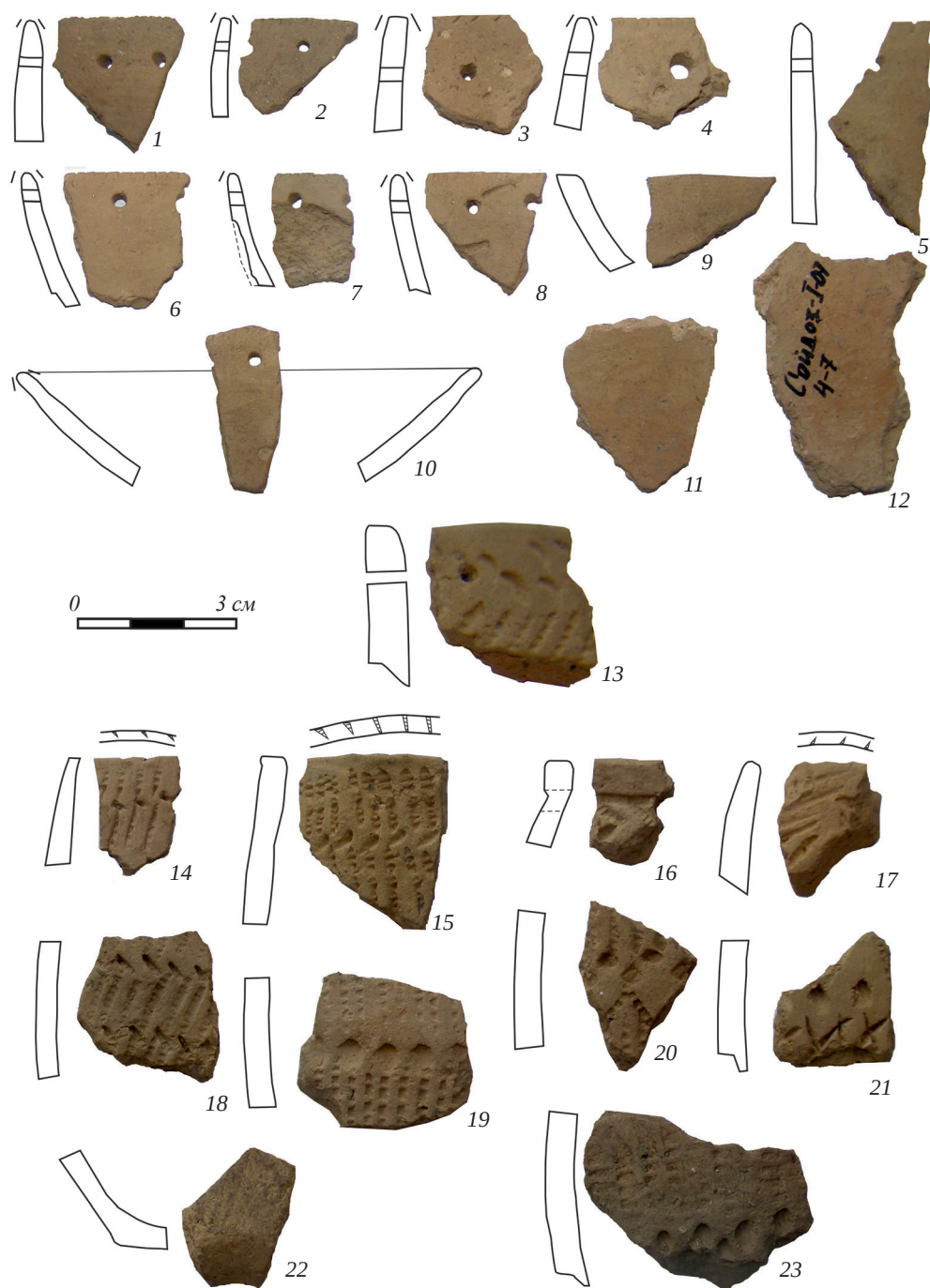

Рис. 4. Поселение Сойдозеро 1

1–12 – керамика каргопольского типа; 13–23 – гребенчатая

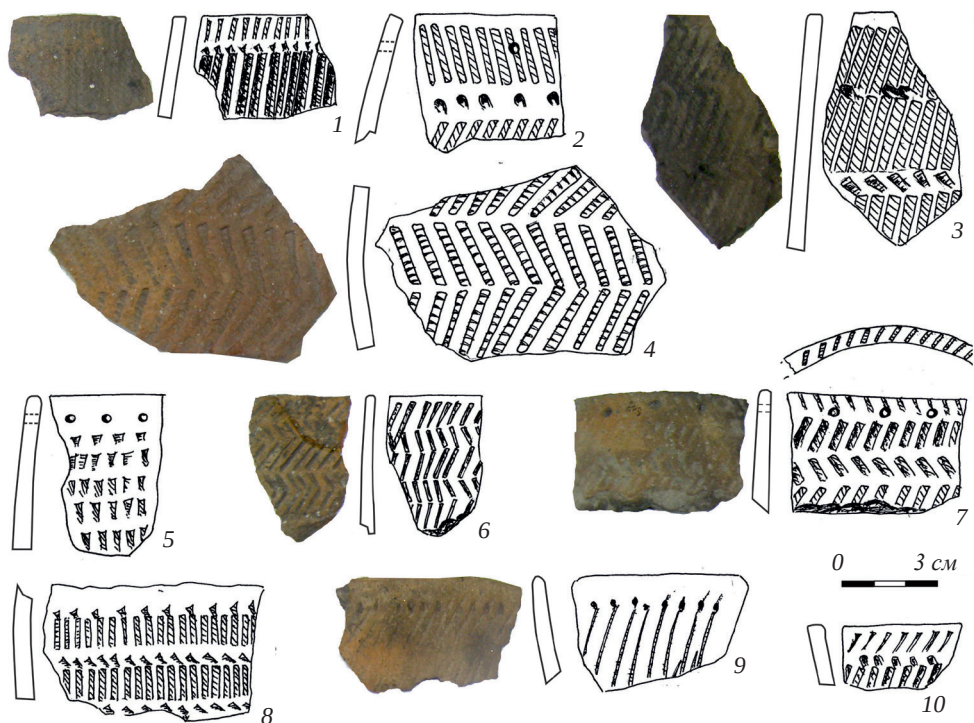

Рис. 5. Поселения Андозеро 2. Керамика с гребенчатым орнаментом

и органики, для керамики каргопольского типа характерна примесь средней и крупной дровы в незначительной концентрации (Иванищева, 2014. С. 25).

В Восточном Прионежье на стоянке Каравайха 4 (раскопки Н. В. Косоруковой) обнаружен сосуд-мисочка с пояском ямчатых вдавлений под венчиком и нерегулярными насечками по его краям, изготовленный из теста с примесью дровы и органики (Косорукова, Кулькова, 2016. С. 100. Рис. 1: 21). По деревянным изделиям из слоя, в котором обнаружен сосуд, получены даты в диапазоне 6010–5990 ВР (5037–4784 cal BC и 5210–4624 cal BC), что позволяет отнести его к рубежу раннего и среднего неолита (Косорукова и др., 2016. С. 414).

По-видимому, время бытования/формирования ККТ следует отнести ко второй половине – концу ранненеолитической эпохи, предполагая длительное время бытования керамики, относимой к этому типу.

В этом случае интересно отметить, что технико-технологический анализ керамики каргопольского типа с поселений Восточного Прионежья, хранящейся в ГИМ, в том числе и со стоянки Караваевской (раскопки А. Я. Брюсова), выявил особенности, сопоставимые с ранненеолитической технологией изготовления посуды: из глин выше средней пластичности с включением водной органики, введение в качестве искусственной примеси исключительно песка, конструирование сосудов в технике лоскутного налёпа (Кашина, Петрова, 2021. С. 336–338). Если следовать логике авторов и видеть в ККТ самый ранний тип «местной» керамики, сформировавшейся в среде северного населения под воздействием

южных импульсов (Там же. С. 343), то широкий хронологический диапазон существования посуды облика ККТ выглядит вполне обоснованным. По формальным признакам она близка накольчатой керамике раннего неолита лесной зоны, в составе которой исследователи выделяют слабо орнаментированную керамику, имеющую лишь ряд ямок под венчиком, в том числе сквозных. Ее происхождение связывают с лесостепными и степными культурами Среднего и Нижнего Поволжья. Ряд исследователей отмечает смешанный состав формовочных масс некоторых сосудов керамики каргопольского типа, в том числе примесь органики и шамота (*Косинская*, 1997. С. 168; *Лобанова*, 1997. С. 93), что может отражать гибридность посуды на этапе формирования этого типа.

Керамика четвертой группы более многочисленна и представлена фрагментами от 9/10 тонкостенных сосудов с гребенчатой орнаментацией (рис. 5). Сосуды изготовлены из плотного, хорошо отмученного теста с примесью мелкотолченой дресвы или песка и, вероятно, органики. В одном фрагменте визуально определяется примесь шамота (рис. 5: 10). Толщина стенок – 0,4–0,5 см. Сосуды: закрытой формы с прикрытой верхней и расширенной медиальной частью (рис. 5: 1, 2, 4, 5, 8); прямостенные (рис. 5: 3, 6, 7) или открытой формы – с расширенной верхней частью (рис. 5: 9, 10). Торцы венчиков – прямо-срезанные или округлые, диаметр венчиков – 12–16 см. О форме днщ судить не представляется возможным. Орнаментальные композиции состоят из плотных наклонных/разнонаклонных или прямых рядов гребенчатых оттисков, разделенных рядами коротких, выполненных углом того же орнамента в накольчатой манере, реже – тычковыми вдавлениями. Штампованные оттиски орнаментов – шириной 0,4 см, длиной 1,0–2,5 см. На одном сосуде узкие длинные отпечатки выполнены, вероятно, в технике шагания (рис. 5: 9). У трех сосудов под венчиком нанесен ряд мелких сквозных наколов.

Отметим, что на стратифицированных памятниках Вологодской области керамика с гребенчатым орнаментом залегает ниже слоев с ямочно-гребенчатой керамикой, что указывает на ее более ранний характер. В Южном Прионежье гребенчатая керамика залегает ниже слоев с керамикой сперрингс как на Тудозеро V, так и на поселении Кемское-III (*Иванищев, Иванищева*, 2000. С. 292. Рис. 9; 2000a).

С определенной долей вероятности гребенчатая керамика поселения Андозеро 2 может быть синхронизирована со вторым этапом ВВК с короткогребенчатой орнаментацией, аналогии которой в Южном Прионежье представлены комплексом гребенчатой керамики поселения Сойдозеро I (рис. 4: 14–23) и Кемское III (рис. 6). На поселении Кемское-III гребенчатая керамика залегала в заглубленных в материк котловане жилища и связанной с ним хозяйственной яме вместе с керамикой, украшенной естественными орнаментами. Отметим, что оба памятника расположены на водоемах, связанных с бассейном Верхней Волги (рис. 1). На поселении Тудозеро V для сосуда со сплошной орнаментацией плотными рядами коротких оттисков гребенчатого штампа получена AMS-дата 6660 ± 32 BP ($5636\text{--}5530$ cal BC), с которой соотносится дата по углю из очага 6600 ± 20 BP ($5614\text{--}5488$ cal BC) (*Иванищева и др.*, 2016. С. 400–401. Табл. 1: 6, 12). Очень близкую AMS-дату (6672 ± 31 BP ($5642\text{--}5536$ cal BC)) имеет и сосуд с длинногребенчатым орнаментом со стоянки Караваиха 4 в бассейне оз. Воже (*Косорукова и др.*, 2016. С. 415. Рис. 4: 1–3). Полученные

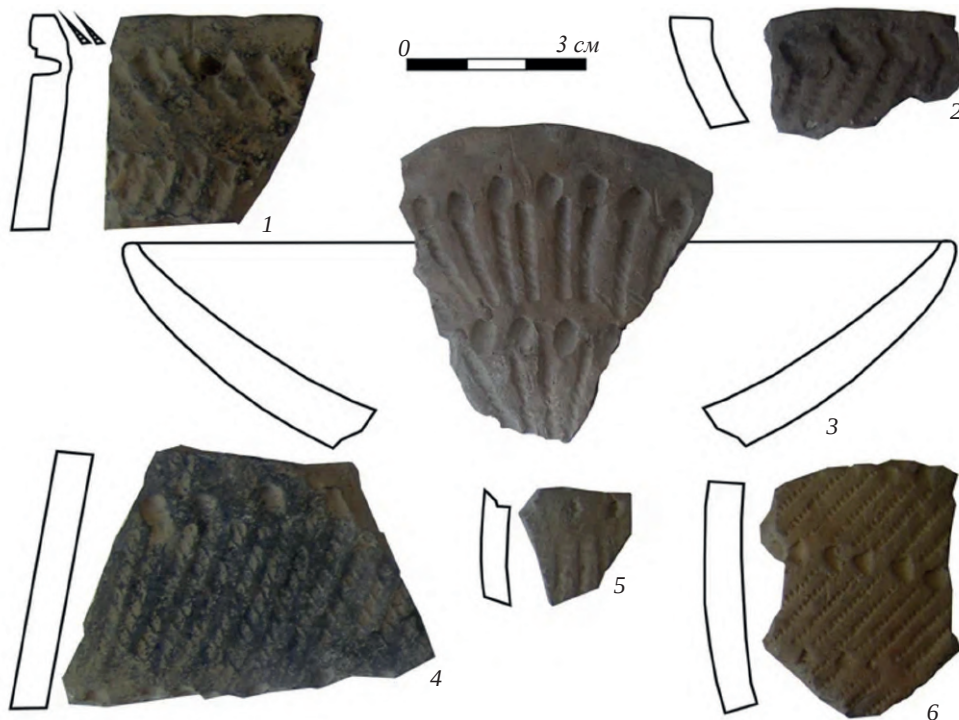

Рис. 6. Поселение Кемское III. Гребенчатая керамика из заполнения жилища и хозяйственной ямы

даты отражают синхронное время бытования керамики гребенчатого стиля в Южном и Восточном Прионежье во второй четверти VI тыс. до н. э., но предполагается и более раннее существование этих комплексов около 7000 BP (*Иванищева и др.*, 2016. Табл. 1: 10; *Косорукова и др.*, 2016. Табл. 1: 1–14).

На поселении Вёкса III в бассейне Верхней Сухоны для гребенчатой керамики, сопоставимой со 2 и 3 этапами ВВК, получены AMS-даты 6386 и 6314 BP (5466–5316 cal BC и 5340–5221 cal BC) для «первого гребенчатого комплекса» и для «второго гребенчатого комплекса» – 6285 и 6185 BP (5317–5216 cal BC и 5222–5041 cal BC), относящиеся к третьей четверти – концу VI тыс. до н. э. (*Недомолкина, Пицонка*, 2016. С. 426. Рис. 2: 2–5).

Таким образом, рассмотренная керамика поселения Андозеро 2 закрывает «белое пятно» на ранненеолитической карте Вологодской области в бассейне Белого озера. Разнообразная керамика Андозеро 2 включает этот регион в освоенный ранненеолитическим населением и делает его перспективным как для поиска новых памятников этой эпохи, так и для изучения полученных ранее коллекций. Отметим, что на сегодня в бассейне Белого озера известен еще один памятник с ранне-неолитической гребенчатой керамикой, изученный А. В. Кудряшовым (*Васильева и др.*, 2006. С. 301. Рис. 2), вычленяется подобная керамика и в коллекции со стоянки Караваевской на оз. Воже из раскопок А. Я. Брюсова² (рис. 7).

² Фонды Музея археологии Череповецкого музейного объединения. Коллекция керамики и каменного инвентаря. Стоянка Караваевская. 1952 г. Р-2457; Караваевский могильник. Р-1431. Раскопки А. Я. Брюсова.

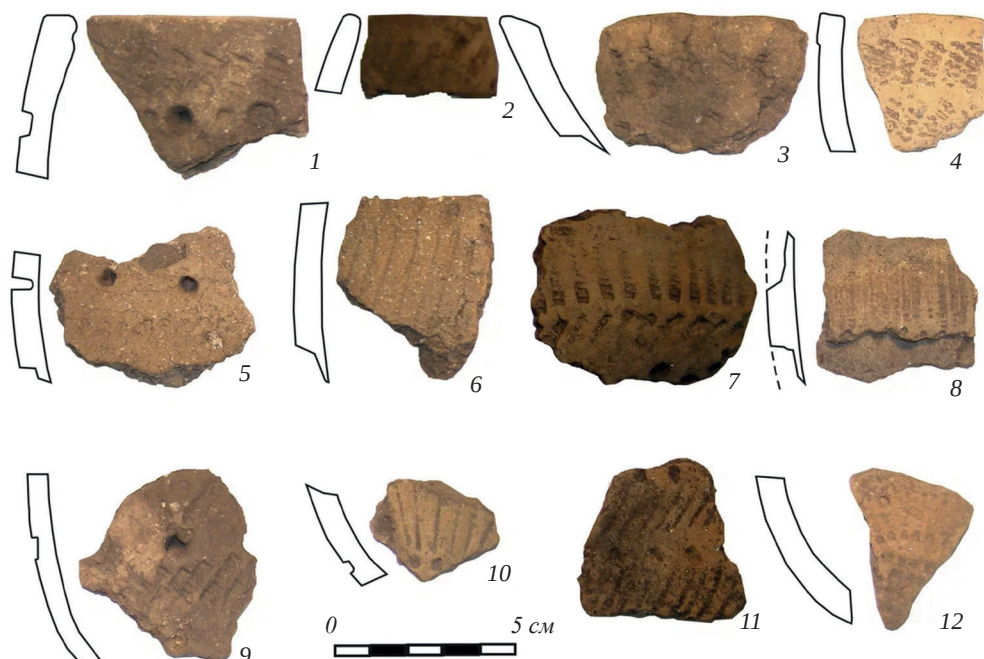

Рис. 7. Стоянка Караваяевская

Керамика: 1, 2, 5–12 – с гребенчатым орнаментом; 3, 4 – с оттисками естественных орнаментов

Приведенные данные по хронологии указывают на то, что в раннем неолите на территории южной части севера лесной полосы (территория Вологодской области) в близких хронологических рамках существовала традиция изготовления как накольчатой, так и гребенчатой керамики. Различия между этими типами керамики носят не стадиальный характер, а связаны с различными векторами заимствования гончарной технологии на начальном этапе неолитизации, хронологические рамки которого могут быть определены в районе около 7000 ВР. Полицентричный характер неолитизации предполагается и для Волго-Окского междуречья (Мазуркевич и др., 2013. С. 178).

Различие в датах для гребенчатых комплексов и комплексов с накольчатой и неорнаментированной керамикой различных памятников, скорее всего, отражает волнообразный процесс освоения территории региона различными ранне-неолитическими группами населения.

Список литературы

- Брюсов А. Я. Караваяевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда: Кн. изд-во, 1961. С. 72–162.
- Васильева И. Н., Выборнов А. А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье: сб. статей. Серия археология и этнография Марийского Поволжья. Вып. 31. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. С. 68–98.

- Васильева Н. Б., Гончаренко Д. В., Косорукова Н. В. Неолитический комплекс памятника Остров Молебный в бассейне Лозско-Азатского озера // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Том 1. Тверь: Триада, 2006. С. 300–306.
- Волокитин А. В., Карманов В. Н. Ранний неолит Европейского Северо-Востока // Российская археология. 2004. № 2. С. 5–14.
- Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2008. 490 с.
- Выборнов А. А., Никитин В. В. Радиоуглеродные данные по неолиту Марийско-го Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII – III тыс. до н. э.: колл. моногр. / сост. Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 123–128.
- Долбунова Е. В., Кулькова М. А., Костылева Е. Л., Мазуркевич А. Н. Новые данные по хронологии раннеолитических материалов памятника Сахтыш Па // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII – III тыс. до н. э.: колл. моногр. / сост. Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 159–170.
- Иванищев А. М., Иванищева М. В. Тудозеро-V- поселение позднего мезолита-раннего неолита в южном Прионежье // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Том 1. Тверь, 2000. С. 284–296.
- Иванищев А. М., Иванищева М. В. Поселение раннего неолита на Кемском озере // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Том 1. Тверь, 2000а. С. 297–305.
- Иванищева М. В. Новые данные о керамике каргопольского типа в Южном Прионежье // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: общественные и гуманитарные науки. № 1 (138). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 24–28.
- Иванищева М. В. К вопросу о времени и истоках гончарных традиций в раннем неолите Европейского Севера России // Самарский научный вестник. Т. 7. 2018. № 3 (24). С. 214–225.
- Иванищева М. В., Иванищев А. М. Хронология памятников раннего неолита южного Прионежья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб: ИИМК РАН, 2004. С. 60–69.
- Иванищева М. В., Иванищев А. М. Поселение раннего неолита на нижней Сухоне // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. 1. Тверь: Триада, 2006. С. 287–299.
- Иванищева М. В., Иванищев А. М. Неолитическая керамика поселения Сойдозеро-I в Южном Прионежье // Археология Севера: Материалы III археологических чтений памяти С. Т. Еремеева. Вып. 3. Череповец, 2010. С. 58–73.
- Иванищева М. В., Кулькова М. А., Иванищева Е. А. Радиоуглеродная хронология Нижней Сухоны и юго-восточного Прионежья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII – III тыс. до н. э.: колл. моногр. / сост. Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 394–402.
- Карманов В. Н., Недомолкина Н. Г. Неолит Северо-Востока Русской равнины: современные концепции // IV Северный археологический конгресс: доклады, 19–23 октября, 2015 года, Ханты-Мансийск. Екатеринбург, Ханты-Мансийск: «Альфа Принт», 2015. С. 84–104.
- Кашина Е. А., Петрова Н. Ю. Керамика каргопольского типа на Севере Европейской части России в контексте современных представлений о раннем неолите лесной

- зоны Русской равнины // Тверской археологический сборник. Вып. 12. Тверь: Триада, 2021. С. 334–344.
- Косинская Л. Л. Керамика каргопольского (пинежско-вычегодского) типа // Археология республики КОМИ. М.: «ДиК», 1997. С. 168–169.
- Косорукова Н. В., Кулькова М. А. Керамика ранненеолитической стоянки Караваиха 4 в бассейне озера Воже: типология и петрография // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. СПб: ИИМК РАН, 2016. С. 100–103.
- Косорукова Н. В., Кулькова М. А., Пицонка Х., Нестерова Л. А., Семенцов А. А., Лебедева Л. М., Тербергер Т., Харц С. Радиоуглеродное датирование неолитических памятников в местности Караваиха в бассейне озера Воже // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII – III тыс. до н. э.: колл. моногр. / сост. Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 410–424.
- Лобанова Н. В. Каргопольская керамика на поселениях Карелии // Археология Севера. Вып. 1. Петрозаводск: Изд-во «Riso-Press», 1997. С. 85–95.
- Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В., Кулькова М. А. Ранненеолитические керамические комплексы памятника Замостье 2: технология, типология, хронология // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги. СПб.: ИИМК, 2013. С. 158–181.
- Недомолкина Н. Г. Неолитические комплексы поселений Вёкса и Вёкса III бассейна верхней Сухоны и их хронология // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 265–279.
- Недомолкина Н. Г., Пицонка Х. Регион Средней Сухоны в раннем и среднем неолите по результатам радиоуглеродной хронологии (по материалам поселений Вёкса I, Вёкса III) // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э.: колл. моногр. / сост. Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 425–433.
- Никитин В. В. Ранний неолит Марийского Поволжья // Труды Марийской археологической экспедиции. Том 9. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.
- Ошибкина С. В. Памятники Вологодской области // Археологические открытия 1971. М.: Наука, 1972. С. 9–10.
- Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978. 227 с.
- Ошибкина С. В. Памятники каменного века в Белозерье // Краеведческий альманах «Белозерье». Вып. 2. Вологда: Легия, 1998. С. 5–11.
- Ошибкина С. В. К вопросу о раннем неолите на Севере Восточной Европы // Неолит–энеолит юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб: ИИМК РАН, 2003. С. 241–254.
- Цветкова И. К. Неолитические поселения в районе Белого озера // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда: Кн. изд-во, 1961. С. 47–71.
- Цветкова Н. А. Периодизация и культурная история Волго-Окского неолита // Российский археологический ежегодник. № 4. 2014. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2014. С. 89–110.

Сведения об авторе

Иванищева Марина Викторовна, Восточно-Прионежская АЭ, Вологда
E-mail: marin-ivanishhev@yandex.ru

M. V. Ivanishcheva

EARLY NEOLITHIC CERAMICS OF THE SETTLEMENT ANDZERO 2 IN THE EASTERN ONEGA COASTAL REGION IN THE COLLECTIONS OF THE CHEREPOVETS MUSEUM ASSOCIATION

Abstract. The multi-layered settlement of Andozero 2 in the Eastern Prionezhye (Eastern coastal region of Onega lake) was discovered and studied by S. V. Oshibkina in the early 1970s. The ceramic complex of the Neolithic layer is characterized by a significant diversity of ornamentation and forms of pottery, attributed to the Kargopol culture of pit-comb ceramics of the Middle Neolithic. The article describes several groups of ceramics from the settlement of Andozero 2 from the collection of the Cherepovets Museum Association, which can be attributed to the Early Neolithic based on analogies with dated Early Neolithic complexes studied in the last three decades within the boundaries of the Vologda region.

Keywords: Eastern Onega lake, Vologda region, Andozero 2 settlement, ceramics, Early Neolithic.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ НЕОЛИТА НА ВЕРХНЕМ ДОНУ – ДОБРОЕ 31, ПОСЕЛЕНИЕ

Резюме. Целью статьи является публикация коллекции эпохи неолита, полученной с многослойного памятника «Доброе 31, поселение». Он находится на р. Воронеж на территории природного ландшафтного заказника «Добровский». Керамический материал с него можно отнести к неолитическим среднедонской и льяловской культурам, а также катакомбной и срубной культурам эпохи бронзы. В 2021 г. были проведены раскопки на площади 20 кв. м. Исходя из анализа материала, наиболее яркая керамическая коллекция поселения датируется первой четвертью VI тыс. до н. э. и относится к наиболее ранним памятникам среднедонской культуры только с неорнаментированной керамикой или посудой, украшенной наколами треугольной формы.

Ключевые слова: неолит, Верхний Дон, кремль, среднедонская культура, льяловская культура, рубящее орудие, река Воронеж, пойма.

В 2020 г. разведочным отрядом ЛРНОО «Археологические исследования» у села Доброе в Добровском районе Липецкой области осуществлялись разведочные работы. Был произведен осмотр заболоченной поймы р. Воронеж (Донской бассейн) на территории природного ландшафтного заказника «Добровский» и открыт многослойный памятник «Доброе 31, поселение» (рис. 1: 1). Для определения его границ было заложено 10 разведочных шурфов размером 1×1 м, площадь поселения составляет 14218,32 кв. м (рис. 1: 2) (Кокоткина, 2020).

В шести из десяти шурфов выявлен археологический материал: неолитической среднедонской (VI тыс. до н. э.) и льяловской культур (вторая половина V тыс. до н. э.), катакомбной (середина III тыс. до н. э.) и срубной (середина II тыс. до н. э.) культур эпохи бронзы (Кокоткина, 2021).

В 2021 г. были проведены раскопки на площади 20 кв. м. Всего было выявлено 93 артефакта. Раскоп был заложен в восточной части поселения вокруг разведочного шурфа № 6, где ранее были выявлены только артефакты раннего неолита. Материалы среднедонской и льяловской неолитических культур залегали в слоях светло-серой супеси (III литологический слой) и черной погребенной почвы (IV литологический слой).

Льяловская культура. Было обнаружено 11 керамических фрагментов (рис. 2: 11–16). Ни одного венчика выявить не удалось, о форме и количестве сосудов говорить сложно. Вся поверхность керамики преимущественно орнаментирована рядами ямочных вдавлений. Выявлено также несколько фрагментов с ямочно-накольчатой (рис. 2: 11) и ямочно-гребенчатой орнаментацией (рис. 2: 12). Поверхность посуды кирпичного цвета. Керамика аналогична материалам позднего этапа льяловской культуры второй половины V тыс. до н. э. соседних поселений Доброе 4, 9, и Долговской стоянки. Ранее отмечалось, что основным способом конструирования сосудов для данной культуры являлся лоскутный налеп, строительным элементом служили лепешкообразные лоскутки различных размеров от 2×2 до 3×3 см, которые накладывались по траектории,

близкой спиралевидной. Выявлено два способа обработки поверхностей: 1) внешняя поверхность заглажена грубо выделанной кожей, а внутренняя – расчесана пучком травы; 2) внешняя поверхность заглажена грубо выделанной кожей, а внутренняя – расчесана жестким гребенчатым штампом. Механическая прочность сосудов средняя. Слои неравномерные по толщине, границы между ними размытые, что свидетельствует о том, что сосуды долгое время после обжига оставались остывать в обжиговом устройстве (Смолянинов и др., 2020. С. 42).

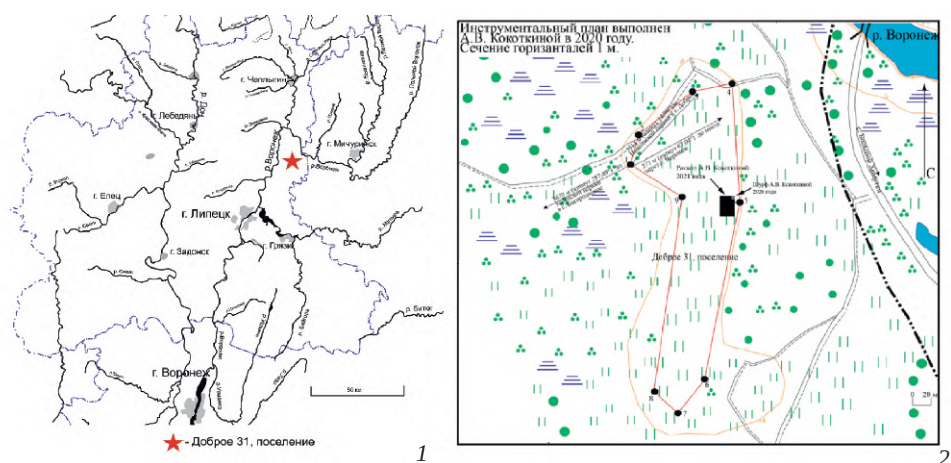

Рис. 1. Доброе 31, поселение

1 – месторасположение памятника на карте Центрального Черноземья; 2 – топографический план памятника; 3 – фото стратиграфического борта памятника

Рис. 2. Доброе 31, поселение

1–10 – керамика раннего неолита среднедонской культуры;
11–16 – керамика льяловской культуры

Керамику позднего этапа льяловской культуры на Верхнем Дону по аналогии с подобной посудой Волго-Окского междуречья с учетом калибровки можно датировать первой половиной V тыс. до н. э. Для слоя позднего этапа поселения Воймежное 1 получена дата 5100 ± 70 ($4000-3710$ cal BC) (ГИН-6867), а для аналогичных материалов с Ивановского 3 – 5100 ± 70 ($4000-3710$ cal BC) (ЛЕ-1976) (Энговатова, 1998. С. 245). На Верхнем Дону подобная посуда датируется этим же временем. Получена серия радиоуглеродных дат по материалам стоянок Университетская 3 – 5080 ± 125 ($4250-3600$ cal BC) (Ле-1013); Ямное – 4850 ± 90 ($3950-3350$ cal BC) (Ki-16634), 4790 ± 80 BP ($3710-3360$ cal BC) (Ki-16636); Подзорово – 4770 ± 60 BP ($3660-3370$ cal BC) (Ле-725); Курино 1 – 5225 ± 90 BP ($4319-3802$ cal BC) (Ki-13313) (Smolyaninov et al., 2017).

Рис. 3. Доброе 31, поселение

1–7 – керамика среднедонской культуры; 8 – отщеп; 9 – скребок-проколка; 10 – отбойник (каменные артефакты из кремня)

Среднедонская культура. Керамики среднедонской культуры выявлено 45 фрагментов от четырех сосудов (рис. 2: 1–10; 3: 1–7). Среди них – один венчик с ямочными вдавлениями, нанесенными в один ряд, срез венчика острый.

Два фрагмента венчиков имеют ямочно-накольчатую орнаментацию и один – без орнамента с округлым срезом. Сохранившиеся сосуды имеют разную степень профилировки. Подобный тип сосудов также был распространен на соседней стоянке Доброе 9, но на втором этапе развития культуры, поэтому профилировка горшков стоянки Доброе 31, видимо, также стала результатом влияния ранненеолитических культур среднего Поволжья (Юркина, 2022. С. 190). Большинство керамических стенок не имело орнамента. В качестве исходного пластичного сырья для изготовления подобной посуды применялась сильно запесоченная илистая глина. Сырье при изготовлении всей керамики использовалось в естественном увлажненном состоянии, признаков дробления не зафиксировано. Выявлены признаки конструирования сосудов по емкостно-донной программе: направление линий спаев строительных элементов – от внешней стенки сосуда ко внутренней, кольцевым налепом из небольших лоскутков размером от 1×1 до 1,5×1,5 см. Механическая прочность керамики средняя. Для подобного типа сосудов А. А. Куличковым зафиксирован костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления – 650–700°C, с резким повышением и последующим понижением температур, что отразилось в неравномерной толщине слоев (Смолянинов и др., 2021. С. 109). Полученная каменная коллекция представлена 53 предметами (рис. 3–5). Большинство отщепов – небольшого размера, все из местного мелового кремня различных оттенков. В коллекции два нуклеуса (рис. 4: 1; 5: 2) и один нуклеидный обломок. Нуклеусы многоплощадочные аморфные, для снятия отщепов.

Найден фрагмент наконечника стрелы из кварцита, обработанный отжимной ретушью (рис. 4: 2).

Скребок всего 2, все из кремня: концевой-боковой с выпуклым лезвием, оформленным крупнофасеточной ретушью по спинке (рис. 4: 5), и обломок скребка на отщепе (рис. 4: 11).

Перфоратор из кремневого отщепа двойной – с двумя противолежащими жальцами (рис. 3: 9).

В заполнении слоя было найдено рубящее орудие из кварцита размерами 0,08×0,04×0,02 м (рис. 5: 1) и обломок рубящего орудия из кремня со следами забитости (рис. 4: 6). Также найдены резцы из кремня в количестве пяти экземпляров (рис. 4: 4, 7, 8, 10). Обнаружен массивный каменный отбойник со следами забитости по одной из кромок (рис. 3: 10).

Таким образом, каменный инвентарь стоянки Доброе 31 не показал наличие специфических черт, присущих определенным археологическим культурам. Отметим аномальное количество изделий с резцовыми функциями для памятника среднедонской культуры, тем более на такой маленькой исследованной площади памятника в 20 кв. м. Ранее мы отмечали, что резцы единичны в каменном комплексе среднедонской культуры (Смолянинов, Юркина, 2018. С. 198). Подтверждает наши выводы об отщеповой технологии изготовления орудий раннего этапа среднедонской культуры (Там же) полное отсутствие пластин на этом памятнике. При этом набор орудий не образует устойчивых серий ввиду малочисленности коллекции. Все это заставляет подходить с особой осторожностью к возможности отнесения данных категорий орудий к определенной культуре до расширения источниковой базы, но, видимо, большинство

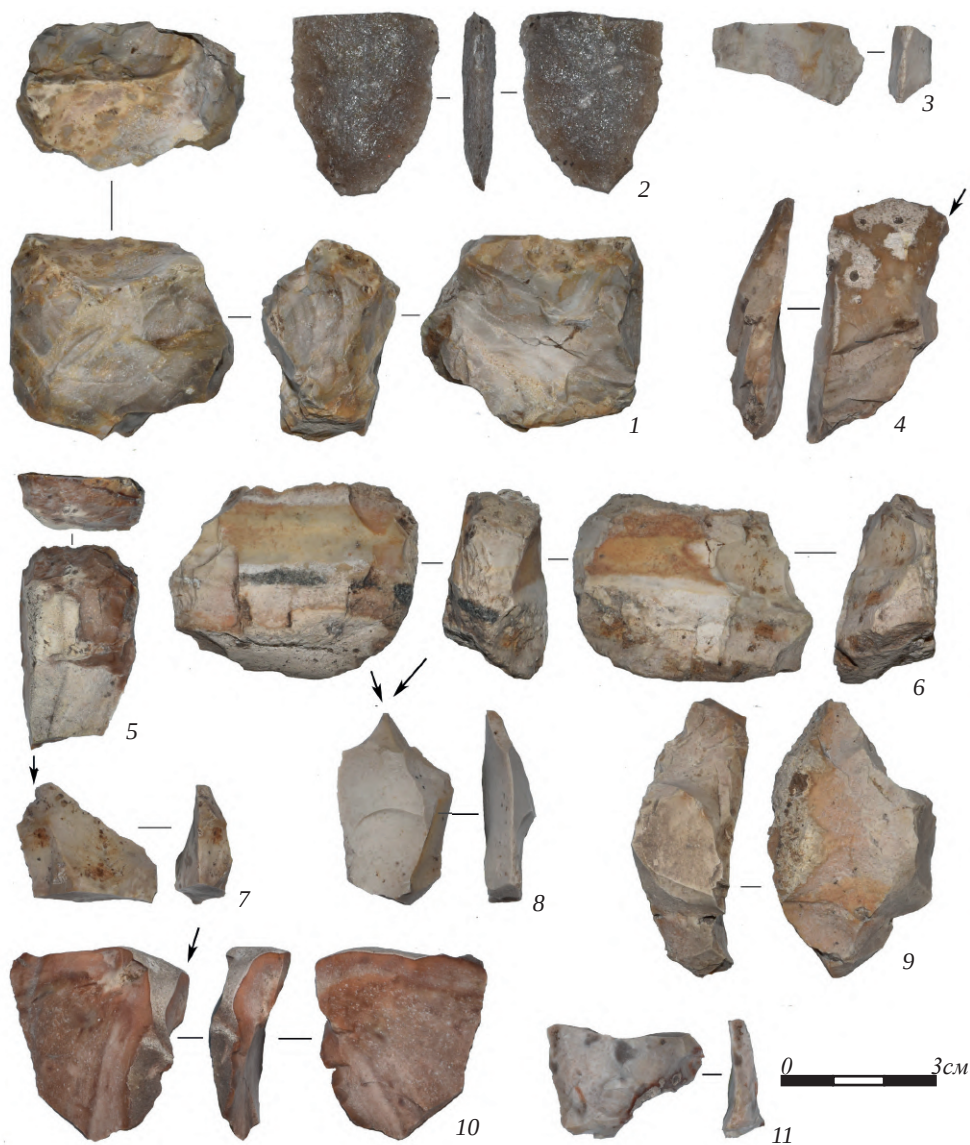

Рис. 4. Доброе 31, поселение

1 – нуклеус; 2 – наконечник; 3 – обломок орудия; 4, 7, 8, 10 – резец; 5 – скребок; 6 – обломок рубящего орудия; 9 – нуклеидный обломок; 11 – обломок скребка
(2 – кварцит, остальное кремнь)

каменных орудий представленной коллекции все же следует отнести к среднедонской культуре эпохи раннего неолита ввиду залегания каменных материалов преимущественно в слое черной погребенной почвы, в котором содержались наиболее представительные керамические находки именно этой культуры.

Обращает на себя внимание отсутствие гребенчатого штампа на керамике среднедонской культуры на данном памятнике, что также позволяет говорить

Рис. 5. Доброе 31, поселение

1 – рубящее орудие из кварцита; 2 – кремневый нуклеус

здесь о раннем этапе материалов среднедонской культуры. Следует отметить, что для материалов первого этапа среднедонской культуры, датируемых по керамике VI тыс. до н. э., на Верхнем и Среднем Дону характерны чистые слои с накольчатой керамикой (без накольчато-гребенчатой) (Смолянинов, 2020). На Верхнем Дону подобные керамические комплексы встречены только в нижних слоях поселения Ярлуковская Протока (пункт 222) и смешанных стоянок Доброе 4 (пункт 385), Университетской 3, Карамышево 9. Для этого этапа, который датируется началом – третьей четвертью VI тыс. до н. э., есть несколько ранних радиоуглеродных датировок, полученных по керамике и нагару на ней: с соседней стоянки Доброе 4 (пункт 385) BP 6912±120 (6019-5621 BC) (SPb-1287), а также поселений Ярлуковская Протока (пункт 222) BP 6774±120 (5903-5484 BC) (SPb-1637), Липецкое Озеро BP 6515±120 (5664-5289 BC) (SPb-2084) (Там же. С. 172). Вероятно, коллекцию среднедонской культуры ОАН «Доброе 31, поселение» также можно датировать первой четвертью VI тыс. до н. э.

Работа выполнена при поддержке Фонда Президентских грантов.

Список литературы

- Кокоткина А. В. Отчет к открытому листу №2875-2020 о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Доброе 31, поселение» в Добровском районе Липецкой области в 2021 г. // Архив ИА РАН.
- Кокоткина А. В., Юркина Е. С., Кокоткин Д. Н., Горяинова Н. А. Материалы эпохи неолита с памятников у с. Доброе (по результатам разведочных исследований 2020 года) // Липецкая археологическая конференция молодых ученых: материалы Всероссийской археологической научной конференции с международным участием. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. С. 42–47.
- Кокоткина А. В., Юркина Е. С., Смолянинов Р. В. Разведочные исследования у с. Доброе в Липецкой области // Археологические открытия. 2020 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2022. 472 с., ил.
- Смолянинов Р. В. Ранний неолит Верхнего Дона: монография. Липецк, Саратов: Десятая Муза, 2020. 400 с.
- Смолянинов Р. В., Куличков А. А., Юркина Е. С., Желудков А. С. Керамические материалы льяловской культуры с поселения Доброе 9 на Верхнем Дону // Археология Подмосковья. 2020. № 16. С. 39–48.
- Смолянинов Р. В., Юркина Е. С. Каменная индустрия раннего неолита Верхнего Дона. Самарский научный вестник. Том 7. № 3 (24). Самара: ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», 2018. С. 189–199.
- Смолянинов Р. В., Юркина Е. С., Куличков А. А., Кулькова М. А., Желудков А. С., Яниш Е. Ю., Шатрова Д. О. Стоянка Доброе 9 на Верхнем Дону. Материалы среднедонской неолитической культуры // Поволжская Археология. 2021. № 3 (37). С. 99–116
- Энговатова А. В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 238–246.
- Юркина Е. С. Формы сосудов среднедонской неолитической культуры с поселения Доброе 9 на Верхнем Дону / Е. С. Юркина // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 4. С. 183–191.
- Smolyaninov R., Skorobogatov A., Surkov A. Chronology of Neolithic sites in the forest steppe area of the Don River // Documenta Praehistorica XLIV (2017). Ljubljana, Slovenia, 2017. P. 192–202.

Сведения об авторах

*Юркина Елизавета Сергеевна, Липецкая региональная научная общественная организация «Археологические исследования» (г. Липецк), Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара)
E-mail: eli9725@mail.ru*

*Кокоткина Анастасия Васильевна, Липецкая региональная научная общественная организация «Археологические исследования» (г. Липецк)
E-mail: annaakulova@yandex.ru*

E. S. Yurkina, A. V. Kokotkina

A NEW NEOLITHIC SITE ON THE UPPER DON – DOBROYE 31, SETTLEMENT

Abstract. The purpose of the article is to publish a Neolithic collection obtained from the multi-layered site "Dobroe 31, settlement". It is located on the Voronezh River on the territory of the Dobrovsky Natural Landscape Reserve. Ceramic can be attributed as Srednedonskaya and Lyalovskaya Neolithic cultures, and the Catacomb and Srubnaya cultures of the Bronze Age. In 2021, excavations were carried out on an area of 20 sq. m. Based on the analysis of the material, the most expressive ceramic complex of the settlement is dates back to the first quarter of the 6th millennium BC. and is one of the earliest monuments of the Middle Don culture with only unornamented ceramics and dishes decorated with triangular dimples.

Keywords. Neolithic, Upper Don, flint, Srednedonskaya culture, Lyalovo culture, chopping tool, Voronezh River, floodplain.

КУЛЬТУРА НОСИТЕЛЕЙ ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ В МАРИЙСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ. СТОЯНКА УДЕЛЬНЫЙ ШУМЕЦ V: МАТЕРИАЛЫ К АНАЛИЗУ ВЕЩЕВОГО КОМПЛЕКСА

Резюме. В 1959 г. одним из разведочных отрядов Марийской археологической экспедиции на территории Волго-Ветлужского междуречья была открыта дюнная стоянка Удельный Шумец V, отнесенная А. Х. Халиковым к кругу балахнинских древностей эпохи неолита Среднего Поволжья (первой половины III тыс. до н. э.) – к развитому этапу балахнинской культуры. Осенью 2011 г. автором настоящей статьи было проведено разведочное обследование стоянки Удельный Шумец V и собрана небольшая коллекция неолитической керамики и кремня, аналогичная материалам, полученным в 1961 г. Последние работы на памятнике были проведены летом 2016 г. Собранный в шурфах материал пополнил археологическую коллекцию, полученную в ходе многолетнего исследования стоянки.

Ключевые слова: балахнинская культура, каменный инвентарь, заготовка орудия, ямочно-гребенчатая керамика, стоянка.

Археологическая разведка неолитического отряда Марийской экспедиции на территории Юринского района Марийской АССР в 1959 г. привела к открытию весьма информативного поселенческого памятника эпохи камня, расположенного в 500 м к югу от западной окраины д. Удельный Шумец на краю боровой террасы левого берега р. Волги (Никитин, 2009. С. 240–241; Халиков, 1960. С. 34).

В самом начале исследования стоянки Удельный Шумец V удалось зафиксировать площадь распространения подъемного материала (2000 кв. м) и наличие двух жилищных впадин (Халиков, 1969. С. 101).

В 1961 г. одна из впадин на стоянке была изучена стационарными раскопками (Никитин, 2017. С. 176–177). Вскрытые А. Х. Халиковым остатки большого жилища прямоугольной формы размерами 14,4×8,8 м позволили выяснить стратиграфию древней полуземлянки: 1) дерн – 10–12 см; 2) подзол – до 15 см; 3) подзолистый песок – 20–25 см; 4) желтовато-серый песок – культурный слой мощностью до 80–100 см; 5) материковый песок (Халиков, 1969. С. 101–102. Рис. 26; Никитин, 2009. С. 241).

Вещевой комплекс памятника представлен внушительной коллекцией фрагментов керамики¹, насчитывающей 1481 ед. от 35 сосудов (Халиков, 1969. С. 98, 107. Рис. 29).

Округлодонные лепные сосуды стоянки Удельный Шумец V украшены орнаментальными композициями, характерными «для льяловских древностей: зигзаг, елочка, сетка, пояса диагональных и вертикальных линий» (Никитин, 2009. С. 241). В исследованном Марийской археологической экспедицией жилище расчищены четыре развала сосудов, один из которых обнаружен возле очага (Халиков, 1969. С. 102. Рис. 26).

¹ Впервые автор настоящей статьи получил возможность изучить керамический материал из раскопок А. Х. Халикова в декабре 2008 г. благодаря любезной помощи старшего научного сотрудника отдела истории, к.и.н. С. В. Большова, тогдашнего хранителя фондовой коллекции предметов археологии Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева.

Автор раскопок стоянки Удельный Шумец V писал, что ее население «употребляло в основном коричневый кремнь, залегающий в долинах правых притоков Волги – рек Юнги, Сумки»² (Халиков, 1969. С. 105). Из этого сырья изготовлены, например, наконечники копий, дротиков и стрел, концевые скребки с прямым лезвием и обработанными краями, скребковидные ножи (Никитин, 2009. С. 241; Халиков, 1969. С. 108. Рис. 30).

Появление в неолите Марийского Заволжья топориков клиновидной формы, аналогии которым легче всего отыскать в балановских погребальных комплексах палеометаллической эпохи (Соловьев, Кожин, Михайлов, 2023. С. 245. Рис. 60), А. Х. Халиков объяснял совершенствованием технологии изготовления рубящих орудий (Халиков, 1969. С. 106).

Осенью 2011 г. автором настоящей статьи были осмотрены археологические памятники, расположенные на левом берегу Чебоксарского водохранилища – в 500 м к югу от д. Удельная Юринского муниципального района Республики Марий Эл. Основным объектом обследования стала дюнная стоянка Удельный Шумец V эпохи неолита, интенсивно разрушающаяся под воздействием абразивных процессов, происходящих в зоне затопления Чебоксарского водохранилища (Шалахов, 2023. С. 68) (рис. 1).

Рис. 1. Левый берег Чебоксарского водохранилища в районе неолитической стоянки Удельный Шумец V. Фото автора. 2018 г.

В размытой части стоянки – на площади 12×1,5 м – выявлены обломки лепной неолитической посуды, отходы от производства каменных орудий труда

² Устье р. Сумки, протекающей по территории Горномарийского муниципального района Республики Марий Эл (Марийское Предволжье), находится как раз напротив стоянки Удельный Шумец V – на расстоянии 4 км от археологического памятника.

(отщепы и сколы кремня, окремнелого известняка, кварцита), заготовки орудий и завершенные кремневые изделия.

Керамика из сборов представлена фрагментом верхней части сосуда с плоскосрезанным краем венчика и двумя фрагментами стенок (рис. 2). Толщина их колеблется от 0,6 до 0,8 см. Все орнаментированы отпечатками гребенки разной длины и рядами конусообразных ямочных вдавлений, сделанных при помощи белемнита, найденного вместе с керамикой.

Рис. 2. Ямочно-гребенчатая керамика стоянки Удельный Шумец V (подъемный материал 2011 г.). Фото Н. П. Лебедева. 2012 г.

Посуда, собранная на памятнике Удельный Шумец V в 2011 г., находит почти полные аналогии в керамических комплексах синхронных неолитических поселений Марийского Поволжья (Никитин, Соловьев, 1990. С. 52–53. Рис. 16, 2, 6; Никитин, 1996. С. 55–63).

Каменный инвентарь стоянки Удельный Шумец V (рис. 3) состоит из нуклеуса, ножевидных пластин с ретушью, ножа на пластинчатом отщепе кремня с торцевым лезвием, нескольких концевых скребков на кремневых отщепах и обломка обувковой части шлифованного тесла (Шалахов, 2023. С. 68–69. Рис. 1).

С размытого берега водохранилища происходит крупный пластинчатый отщеп кремневого сырья, очевидно, заготовленный древним мастером для последующей выделки наконечника стрелы или дротика листовидной формы с намеченным боковым шипом. Аналогичный наконечник с двухсторонней сплошной обработкой широких граней найден в жилище Удельный Шумец V

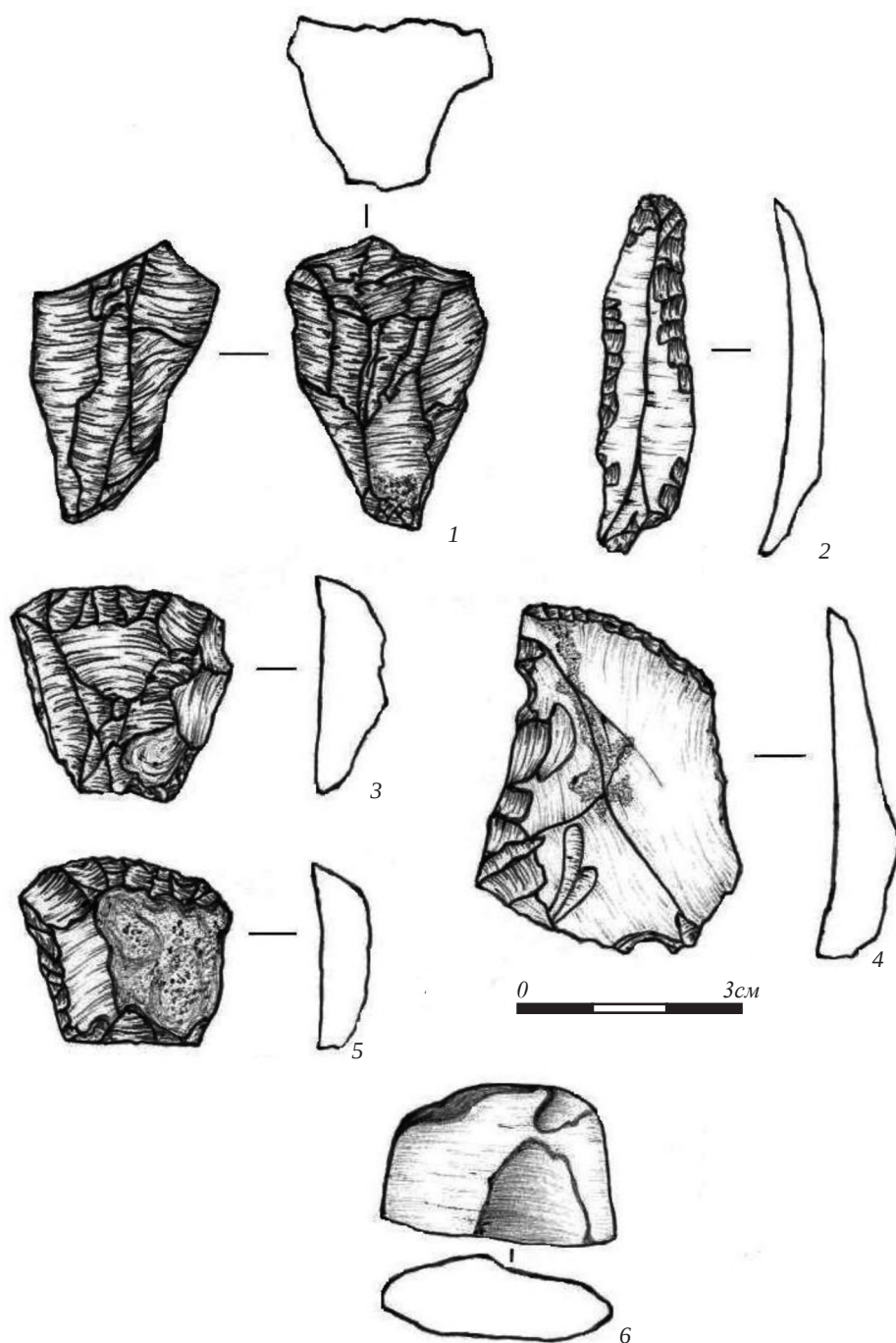

Рис. 3. Каменный инвентарь стоянки Удельный Шумец V (подъемный материал 2011 г.)

1 – нуклеус; 2 – пластина с ретушью; 3, 5 – скребки; 4 – нож; 6 – обушковая часть рубящего орудия. 1–5 – кремль; 6 – доломит

стоянки в 1961 г. (Халиков, 1969. С. 108. Рис. 30: 2). Еще один подобный накопчик известен автору по материалам сборов 2002 г. на Сутырской I стоянке, в процессе исследования которой археологической экспедицией Национального музея Республики Марий Эл собраны фрагменты посуды с ямочно-гребенчатой орнаментацией (Большов, 2000. С. 32, 36. Рис. 3: 5–15).

Коллекция каменных предметов, собранная на стоянке Удельный Шумец V в 2011 г., по типологическому составу и уровню кремнеобработки близка орудийным наборам с неолитических поселений Средней Волги, оставленных носителями традиции изготовления керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией (Халиков, 1969. С. 108. Рис. 30; Никитин, 1996. С. 52–54; 2004. С. 243; 2017. С. 178).

Подводя предварительные итоги изучения объекта культурного наследия, особо отмечу, что стоянка Удельный Шумец V является одним из базовых поселенческих памятников эпохи неолита в западной части Марийского Заволжья. Посуда и каменный инвентарь указанного памятника, отнесенного исследователями к развитому этапу культуры носителей ямочно-гребенчатой керамики (Халиков, 1969. С. 101; Никитин, 2004. С. 242), иллюстрируют процесс активного хозяйственного и ресурсного освоения древним коллективом прилегающей территории. Специфической особенностью памятника (по результатам работ 2011 г.) является почти полное отсутствие в коллекции каменного инвентаря крупных рубящих орудий и наконечников стрел. Впрочем, этот факт может быть напрямую связан с интенсивным разрушением культурного слоя стоянки со стороны Чебоксарского водохранилища.

Последние результативные работы на стоянке Удельный Шумец V проведены разведочным отрядом Марийской экспедиции в августе 2016 г. при непосредственном участии автора настоящей статьи. С целью уточнения границ археологического памятника, который много лет подряд посещается неорганизованными туристами, рыбаками и охотниками, были заложены четыре шурфа. Почти во всех шурфах, кроме северного, зафиксирован культурный слой с фрагментами неолитической керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией (21 экз.) и кремневыми изделиями. Коллекция посуды представлена в основном стенками сосудов. Встречены единичные орудия труда, выполненные из светло-серого и коричневого кремневого сырья и розоватого кварцита. Немногочисленный вещевой материал, собранный в ходе шурфовки, оперативно введен в научный оборот (Никитин, 2019. С. 17).

Список литературы

- Большов С. В. Сутырская I стоянка // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье: сборник статей / Ред. С. В. Большов. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 2000. С. 28–37.
- Никитин В. В. Каменный век Марийского края / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1996. 180 с.
- Никитин В. В. Культура носителей ямочно-гребенчатой посуды Средней Волги в системе Волго-Окского неолита // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе) / Отв. ред. В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева. СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 241–246.

- Никитин В. В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «Марийский полиграфическо-издательский комбинат», 2009. 416 с.
- Никитин В. В. Итоги изучения каменного века в Марийском Поволжье // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 168–189.
- Никитин В. В. Работы у д. Удельная Юринского района Республики Марий Эл // Марийская археологическая экспедиция (2016–2018 гг.). Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2019. С. 16–17.
- Никитин В. В., Соловьев Б. С. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Вып. 1. Эпоха камня и раннего металла. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1990. 244 с.
- Соловьев Б. С., Кожин П. М., Михайлов Е. П. Балановский могильник в системе археологических культур эпохи бронзы юга лесной полосы Среднего Поволжья. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2023. 292 с.
- Халиков А. Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. I. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1960. 188 с.
- Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.
- Шалахов Е. Г. Культура носителей ямочно-ребенчатой керамики в Марийском Заволжье. Стоянка Удельный Шумец V: материалы к анализу вещевого комплекса // Лесная зона Восточной Европы в мезолите и неолите: факты, проблемы и перспективы исследований. Тезисы докладов междисциплинарной конференции, посвященной юбилею С. В. Ошибкиной. Москва, 21–23 ноября 2023 г. / Отв. ред. Е. В. Леонова. М.: ИА РАН, 2023. С. 68–70.

Сведения об авторе

Шалахов Евгений Геннадиевич, Замок Шереметева, Юрино
E-mail: shalahof@yandex.ru

E. G. Shalakhov

THE PIT-COMB CERAMIC CULTURE IN THE MARI VOLGA REGION. UDELNY SHUMETS V SITE: MATERIALS FOR THE ANALYSIS OF THE ARTIFACT COMPLEX

Abstract. Udelny Shumets V site was discovered in the Volga-Vetluga interfluvium in 1959 by the Mari archaeological expedition. It was attributed to the Balakhninskaya Neolithic culture of the Middle Volga region by A. H. Khalikov. A. H. Khalikov dated the Neolithic settlements Maidanskoye, Russko-Lugovskaya I, Gavrilovka II, Sokolskaya which are similar to Udelny Shumets V to the first half of the 3rd mil. BC. A. H. Khalikov considered large rectangular dwellings, pit-comb pottery with sand and gravel admixture to the body and large polished lithic axes typical for the late stage of Balakhninskaya culture. In 2011 the author of the paper collected the pottery and lithic material during the survey work at the Udelny Shumets V site. The material included two unfinished lithic points on blade blanks, some notched tool and a fragment of a belemnite that could serve to impress ceramics.

Keywords: Balakhninskaya Neolithic culture, stone tools, tool preform, pit-comb ceramics.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Алтайский государственный университет
АК – археологическая культура
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БСВ – Балтийская система высот
ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГАО – геоархеологический объект
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИГ РАН – Институт географии РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИНОЗ РАН – Институт озераведения РАН
ИПЭР АН РТ – Институт проблем экологии и недропользования АНРТ
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
Л. – Ленинград
М. – Москва
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НРФ – Научно-рукописный фонд
НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
ОАН – объект археологического наследия
Пг. – Петроград
РА – Российская археология
РАЕ – Российский археологический ежегодник
РАН – Российская академия наук
РГПУ – Российский государственный педагогический университет
СА – Советская археология
СППУ – Самарский государственный педагогический университет
СПб. – Санкт-Петербург
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТАС – Тверской археологический сборник
ТИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник.
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
УАВ – Уфимский археологический вестник
УИВ – Уральский исторический вестник
УИФ – Уральская издательская фирма

УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания

УрГУ – Уральский государственный университет

УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук

ФУ – Финно-угроведение

ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ЭО – Этнографическое обозрение

ЮУрГГПУ – Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Bo – Boreal (Бореал)

IHMC RAS – Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences

LGT – Late Glacial transition

Pb – Preboreal (Пребореал)

USSR – Union of Soviet Socialist Republics

Научное издание

**Лесная зона Европы в мезолите и неолите: факты,
проблемы, перспективы исследований**

Дизайн и верстка: Д. И. Чечушкова
Корректор А. И. Ершова

Подписано в печать 12.12.2024. Формат 70 x 100 1/16
Уч.-изд. л. 24,5. Тираж 300 экз. Зак. №

Институт археологии РАН
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ...

ISBN 978-5-94375-469-2

9 785943 754692